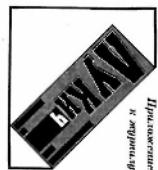

Тюмень: Библиотека краеведа

Серафим Керапович
ПАТКАНОВ

СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

*Под редакцией С.Г. Пархимовича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

**Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999**

К 65,54
П22

Серафим Керопович
ПАТКАНОВ

том 2

Очерк колонизации Сибири

О происхождении слова «Сибирь»

Тип остяцкого богатыря по останкам
былинам и геронческим сказаниям

Сказания о поездках
остяцких князей к русским царям

По Демьянке (Бытовой
и экономический очерк)

О рассказах г-жи Симоновой из быта
вогулов, остяков и самоедов
(Критическая заметка)

Краткий очерк колонизации Сибири

Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском
и Тюменском округах

ББК 63.5 (2)
П 20

П 20 ПАТКАНОВ Сергефим Королович
Сочинения в двух томах: Т. 2. История
колонизации Сибири /Под ред. С.Г. Пархомо-
вича. Сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Из-
дательство Ю.Мандрика, 1999. — 320 с. —
[Приложение к журналу «Луканчы»].

Во второй том вошли практически все статьи, опуб-
ликованные в русской периодике при жизни автора.
Книга адресована тем, кто интересуется историей
край. Сибири.

© Издательство Ю. Мандрика (издание), 1999.

ISBN 5-89020-005 x
ISBN 5-89020-007-6 (том 2)

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**О происхождении
слова «Сибирь»**

«Сибирь», название нашей обширной колонии, занимавшей третью часть Азии, уже с давних пор возбуждает интерес учёных. Множество разных, более или менее остроумных, типов было предложено для объяснения происхождения этого имени, но несмотря на это, данный вопрос до сих пор остаётся не вполне разрешённым. Две последние попытки в этом роде принадлежат нашим учёным В.М. Флоринскому¹ и Г.Н. Потанину².

В настоящей небольшой заметке мы имеем в виду сообщение читателям нескольких новых фактов и мыслей в этом направлении, но сначала передадим в немногих словах, какими путём учёные думали приблизиться к названию ими дела.

Сначала предполагали, что этого удобнее всего можно достичь, прибегнув к лингвистике. Так как с именем «Сибирь» русские впервые познакомились при существовании Сибирского царства, то многие пытались объяснить это слово при помощи татарского языка, причём одни производили его от слова «бир» — «один», т.е. «первой, главнейший», другие — от глагола «сийбринк» — «чищить», от сочетания татарских слов: «сабо — «земля»³ и «ир» — «земля»⁴ и т.д. Эти искусственные объяснения, однако, могли удовлетворять лишь их изобретателей. Решительный удар гипотезе о татарском происхождении интересующего нас слова нанёс академик В.В. Радлов⁵, эноток тюркских наречий. В своей книге «Aus Sibirien» он категорически заявляет: «Сибирь» не татарское слово, и происхождение его мне совершенно непо-

¹ Соскин, имеющие цифровую привязку, принадлежат автору статьи: «Сибирь и поименование в конце книги». С. 291. — Прим. издателя.

² Список имен, мест Тобольск. глуб. С. LXVII. К словам, обозначенным звёздочкой (*), имеются авторские примечания, которые помещены выше страницы. — Прим. издателя.

иятно». Впрочем, некоторые учёные ещё в прошлом столетии прибегали к русскому языку и видели в слове «Сибирь» искажение русского слова «север», занесённого в Северо-Западную Азию при сношении русских с обитавшими там племенами. Но и эта гипотеза не подкреплена никакими более или менее вескими основаниями, была вскоре оставлена. Настолько же неудачно учёные прибегали к монгольскому языку и к восточно-финским наречиям, которые в последнее время были довольно обстоятельно изучены финляндскими и венгерскими учёными, и попытки приблизиться к намеченной цели при помощи одной лингвистики были оставлены.

Тогда учёные обратились к истории и стали искать, когда и где в первый раз встречается это имя и сколько ему и к чему они первоначально были присуждены. Оказалось, что впервые о Сибири упоминает персидский историк Рашид-Эддин (1247–1318), который в своём сочинении о турецких и монгольских племенах, обитавших в степях и горах, в стране Демет Кинчак, упоминает об области Ибир и Сибир, находившихся недалеко от Иртыша*. Ввиду того, что он рядом говорит о киргизских степях и башкирах, не подлежит сомнению, что эти области занимали среднюю часть настоящей Тобольской губернии, что подкрепляется и по-зднейшими известиями о Сибири. Русские впервые узнали о татарском Сибирском царстве в конце XV ст., а о «Сибирских землях» упоминается в старых грамотах с середины XVI ст. При помощи этих грамот и актов, а также старых карт XVI ст. (Министера, Авирия) можно было приблизительно обозначить границы прежней Сибирской области: северной её границей служила р. Тавда, южной — Тура, западной восточный склон Урала, между верховьями Туры и Тавды, и восточной — Иртыш. Земли, расположенные вне этих пределов, носили уже другие названия; так, к северу от «Сибирской земли» находилась «Югорская»**.

Со времени покорения Сибирского царства, в состав которого вошли и земли, не носящие времде названия

* Тоб. губ. вед. 1862. №№ 21, 22. — [Из «Изв. Вост. отд. Арх. общ.». Т. XIV.]

** Изв. Томск. унив. II Отд. 1889. С. 7–8. — См. также: Сински на-
сея, мест Тоб. губ. С. LXII.

«Сибирь», это последнее слово меняет своё значение и приурочивается, с одной стороны, к древнему городку, называемому иначе Искером и Кашлыком и расположенному на нагорном берегу Иртыша около самого с. Преображенского (Абала, вол. Тоб. окр.), служившему со времени хана Махмета столицей Сибирского царства, и с другой стороны — обширной, постоянно расширяющейся путём завоеваний стране Северной Азии. Кроме того, имя «Сибирь» сохранилось ещё в названиях нескольких мелких речек Тобольской губернии («Сибирка»).

Находа сходство между именем гуннского племени *сабир*, *себер*, в отдалённые времена выселившегося из Азии в Европу, и именем «Сибирь». Шафарик высказал свою мнение, что Сибирь получила своё имя от этого племени, проживавшего раньше за Уралом. С другой стороны, звуконое сходство, существующее между этим именем и названием славянского племени *север*, т.е. *северян*, навело его на мысль об идентичности гуннского племени сабир, *себер* с славянским племенем *северян*. Эту же теорию поддерживает и другой поборник славянского происхождения гуннов пр. Флоринский (см. его ст.: Изв. Томск. унн., 1889, С. 1 и след.).

Во время почти трёхлетнего пребывания в Тобольской губернии по делам службы нам удалось собрать некоторые этнографические данные, касающиеся проживающих в этой губернии народов. В числе этих данных имеются предания татар о народе *сабир* и *себир*, занимавшем места по среднему Иртышу раньше их. Предания эти настолько распространены среди тобольских татар, что невольно удивляешься, каким образом они могли ускользнуть от внимания учёных, изучавших давний край. Этому народу татары приписывают большую часть всех находящихся в их областях археологических памятников, каковы городища, курганы и т. д. Первые из них весьма часто именуются словом «*сынъир-кала*», вторые — «*сынъир-туба*»*. Таким образом, оказывается, что название Кучумова городаца «Сибирь» нельзя считать именем собственным, ему одному

* Напр., городище, находящееся в 5 верс. выше от Надеждинских юрт и против дер. Н. Филипповой (Брон. вол. Тоб. окр.). У остатков этого городаца называлось «*Осади-чики*».

присущим, а скорее нарицательным. Выражение «сывыркала» в том смысле, в котором оно применяется в настоящем времени, вполне соответствует весьма употребительному на севере России и Западной Сибири русскому выражению: «чудеское городище», потому что как татары называют автохтонов Тобольской губернии «сывырками», так русские именуют их «чудью». Вполне понятно, однако, что из этого сопоставления нельзя выводить заключения о финском происхождении упомянутого народа. Действительно, русские привнесли в данный край сравнительно недавно и, не имея понятия о прежних его обитателях, перенесли сюда из России выражение «чудь», под которым подразумевались вообще финские племена, на самом деле бывшие аборигенами Северной России. Менее знакомо слово «Сибирь» южным остаткам, вероятно, вследствие того, что они сильно обрусили, но местами и они приссыпают разные памятники древности в их стране (напр., кладбище в 2 верстах от З. Пущинских ворот М.-Конд. вол. Тобольск. окр.) *сибирям* или *сибирям*. Большая же часть этих остатков адаптировала для обозначения аборигенов края русское слово «чуль».

Местность, в которой инородцы называют прежних жителей «сибирями» или «сывырами», почти совпадает с областью Сибири, описанной Рашид-Эддином и старыми грамотами и обозначенной на упомянутых картах. Сюда, по моим наблюдениям, принадлежит большая часть южной половины Тобольского округа, именно местности, расположенные по нижнему течению Тобола и Вагая и по среднему течению Иртыша, приблизительно на протяжении 250 вёрст, считая по 150 вёрст к северу и до 100 вёрст к югу от гор. Тобольска. Сюда же следует включить и обширную болотистую местность, орошаемую реками Алымкой, Ноской и др. и составляющую владение татар Эскальбинской волости, а также, по-видимому, и часть бассейна Конды. Заметим здесь, что о принадлежности только что упомянутой местности и земель, расположенных к северу от Тобольска, к области Сибирь в истории не упоминается, хотя и несомненно, что эти земли принадлежали к Сибирскому царству. Может быть, позднейшие исследования дадут возможность несколько расширить пределы описываемой нами Сибири-

кой области, известно только, что северные её границы не простирались далее низовьев Иртыша, потому что здесь, как и во всей долине нижней Оби, протекающей через округа Тобольский и Берёзовский, остатки называют аборигенов страны народом *ар* («ар-хъ»)³.

Что за народ были ссыльные или ссыпры, татары нам не могли поведать: по их преданиям, они жили в очень отдалённое от нас время, по некоторым — даже при Нухе (Ное), и потом куда-то исчезли, вымерли или удалились куда-нибудь, они не знают. Лишь часть их, по рассказам татар, идентичным с имеющимися у русских относительно чуда, обрекла себя при их появлении на добровольную смерть. Приняв такое решение, ссыльные вырыли в земле ямы и спрятались туда со всем своим имуществом. Когда татары овладели страной, они обрубили столбы, служившие опорами для крыши, на которой покосился толстый слой земли, и погибли, засыпанные землёй. Всё это вероятно, что основанием этого предания служит существование в данном крае остатков прежних землянок и небольших курганов со впадинами посередине, заключающих нередко человеческие кости и металлические полёлки.

После ссыльных, по словам татар, в данном крае временно проживали *китаны* или *катаны*⁴. Впрочем, они, по-видимому, заняли только южную часть Сибирской области, именно правый берег долины среднего Иртыша, приблизительно от г. Тобольска до границы Тарского округа (или несколько далее), куда они легко могли проникнуть из южных степей Тобольской губернии. При своём движении на север они, по-видимому, не перешагнули через крупные реки, орошавшие данную местность, Иртыш и Тобол, может быть, потому, что лежащие за ними леса и болота казались им заманчивыми; по крайней мере, к северу от Тобольска имя китанов мало известно. В южной части Тобольского округа, напротив, им принадлежат многие городища, расположенные даже в болотистых местностях, как, напр., городище *Назай-тюра* около устья речки Назай во владениях иердинских татар (Гор. вол.). Здесь, по рассказам татар, китаны перед своим выселением закопали в землю 40 возов казны, событие, о

котором будто бы написано золотыми буквами на воротах дворца китайского царя.

О дальнейшей судьбе китанов татарские предания нам передают, что они еще до подчинения в края татар (около XV ст.) пересекались на Восток, в Китай. Поводом к их выселению было якобы то обстоятельство, что эта беслесная прежде (?) страна стала покрываться деревьями. Кочевники, мало знакомые с лесом, испугались и стали говорить друг другу: «Плохо нам будет, у земли стали расти рога, лучше нам уйти отсюда». И действительно, вскоре они тронулись в путь, направившись сначала прямо на юг, по направлению к степям. В Карагайской долости и посейчас показывают прямую лесную дорогу, ведущую от Иртыша на юг и проложенную будто бы еще китанами во время их бегства из Тобольского округа^{*}.

Хотя историки и ничего не упоминают о движении киданей на северо-запад Азии^{**}, однако, если сопоставить указанные предания с некоторыми другими фактами, нам кажется, нес чего невероятного допустить, что этот народ действительно когда-то обитал на берегах Иртыша. Это предположение нам кажется возможным подкрепить следующими соображениями: во-первых, тем, что все факты, сообщаемые преданиями, именно, что китаны заняли лишь южную, сопредельную с Ишимскими степями, часть долины Иртыша, где еще встречаются беслесные пространства, что они не могли долго удержаться в этой лесистой стране и что при своем бегстве отсюда они направились не прямо на восток, куда лежал их путь, а сначала на юг, чтобы скорее достигнуть степных пространств, показывают, что китаны татар были строго кочевым племенем, что вполне согласно с историческими данными; во-вторых, ходство слова «хадан, хаттан», которым южные остатки ныне называют татар, с именем «катан» наводит на мысль, что к югу от остатков прежде действительно жили китаны или катаны. По ходу их на восток остатки перенесли это имя на сменивших их татар,

* Заметим к слову, что эта дорога вскоре упиралась в обширные болота Узатской и смежных волостей, проходимые почти только зимой.

** Историк Финнер заместила свои сведения о киданах от тех же татар (Ист. Сиб. С. 9, 12).

приняв их за китан. Замечу, что это интересное сопоставление мне сообщил один татарский мулла. В-третьих, наконец, многочисленные, к сожалению, разграбленные кладоискателями курганы, встречающиеся на всех более или менее просторных безлесных пространствах волостей Карагайской и Дубровной (кожж. ч. Тоб. окр.), именно в той местности, где предания о китанах наиболее живы, говорят в пользу того, что здесь прежде в самом деле проживало кочевое племя. Дальнейшее разъяснение интересующего нас вопроса мы должны ожидать от будущих археологических и лингвистических изысканий в данной местности.

Если верить вышеприведённым преданиям, придётся принять, что при своём вторжении на Северо, в пределах средней части Тобольской губернии татары не застали там не только ссыпьев, но и китанов, или лишь весьма слабые остатки их, которые с ними быстро слились. Мало того, у нас нет достаточных доказательств в пользу того, что остатки, которые согласно историческим данным, геронческому эпосу местных инородцев и некоторым археологическим памятникам, были господствующим населением Тобольского округа до появления татар, к этому времени ещё удержались в местности, лежащей на довольно значительном расстоянии к югу от г. Тобольска, если не принять во внимание мнение академика В. В. Радлова, который, основываясь на сходстве названия самой южной татарской волости данного округа Исташкой со словом «иштек», под которым тобольские татары подразумевают остатки, находят возможным видеть в исташках татарах оттарившихся остатков^{*}.

Предположение, что при занятии данного края татарами он не был более или менее густо заселён, имеет за себя следующие, хотя и не очень убедительные, доказательства: во-первых, тип татар в Тобольской губернии почти всегда один и тот же и не носит следов чужой крови^{**}, как это, напр., весьма резко заметно в Эскабинской волости, где татары сильно смешались с остиками и ногудами, и, во-вторых, прежние племена, по-видимому, не оставили заметных сле-

* Aus Sibirien. S. 247.

** Местами от смешения с сартами и бухарцами у татар замечаются более правильные черты лица.

дов ни на обычаях этих татар, ни на географических названиях данного края.

Что сделалось с ссыпрами, мы не знаем, но присутствие в Европейской России в разные времена кочевых племен, называвшихся «сабир», «сабер», «сувар» и т.д., заставляет нас примкнуть к вышеназванным двум учёным, видящим в этих племенах прежних обитателей Сибирской области, покинувших свою страну под влиянием каких-нибудь причин, вероятно, вторжений с востока кочевников тюркского и монгольского племени. Все ли перечисленные народности («сабир», «сувар» и т.д.) составляли один и тот же народ, нам неизвестно, как и то, сколько раз толпы сабиров или саберов переселялись в Европу. Одно только можно сказать, что этот народ, если он составляет одно целое, был многочислен. Действительно, о его пребывании в степях южной России историки упоминают уже с IV в. по Р.Х.⁷, в продолжение VI–VII веков и в то же время еще в XIII веке страна, из которой он вышел, вероятно, не вполне была лишена своих прежних обитателей, если еще удержала свое первоначальное название. Впрочем, этнографические имена весьма часто с течением времени ображаются в географические, которые и переживают первые; так, народ «хазар» дал название стране, в которой жил, Хазарии, по народу «тюхар» получила свое наименование земля Тюхарстан (Бактриана) и т.д.⁸. Возможно, что и здесь имеется подобный случай.

Получить какие-либо более подробные сведения об этом народе на основании раскопок и исследования принесенных ему памятников, нам кажется, приед ли можно, потому что нельзя поручиться, чтобы они действительно были делом его рук, а не позднейших обитателей края, аналогично тому, как названия многих городиц «чудские» не могут служить доказательством их финского происхождения.

К какому же племени следует отнести сабиров или суваров? В этом отношении мнения учёных расходятся, потому что вопрос о происхождении туннов, вторгнувших-

* Это сведение мне любезно сообщено пр. Н.И. Веселовским.

ся в Европу во время и после великого переселения народов, не решен: одни видят в них финнов, другие тюрков, третья монголов, четвертые считают славян за ядро гуннских орд; пятые, наконец, думают, что гунны представляли из себя смесь разных племён, что, по-видимому, имеет больше всего оснований, так как известно, что кочевники при своих передвижениях из одних стран в другие имели обыкновение увлекаться с собой и те племена, через земли которых они проходили. Определить поэтому, к какому племени принадлежали сабиры, себеры, сувары, нелегко, тем более что у нас не сохранилось следов их языка и что само название этого племени не удалось, как мы видели выше, объяснить при помощи языка племён, присутствии которых здесь можно было предполагать: финнов, тюрков, славян. Мы даже не знаем, какое правописание этого названия вернее, потому что чётко ли не всякое писатель передаёт его иначе. Если имена сабир, себир, севир, сувар и т.д. действительно составляют название одного и того же народа*, как то полагают некоторые учёные, то транскрипция их с буквой в (*савир, сувар, север*) едва ли не более правильна, чем транскрипция с буквой б, на том основании, что последняя преобладает, по-видимому, лишь у греческих писателей, которые за неимением в своём языке буквы я могли заменить её буквой б. Того же правописания, конечно, придерживались и те учёные, которые пользовались греческими источниками. Возможно, однако, и то, что обе формы существовали одновременно, по крайней мере это имеет место в настоящее время: одни иороды Тобольской губернии называют аборигенное страны ссыбрами, другие — ссыырами.

Хотя последнее название действительно похоже на имя славянского племени «созэр», нам, однако, кажется, что принять тех и других за один народ, основываясь только на тех доводах, которые приводятся сторонниками славянского происхождения имени Сибирь, будет рискованно. Мы со своей стороны более склонны отнести сабиров, сеberов и т.д., если, повторяем, допустить, что они со-

* Хотя имеются указания на противное (см. выше).

ставляют один и тот же народ, к финно-угорскому племени. Это, нам кажется, подтверждается следующими сообщениями: во-первых, племена *сарагуры*, *учугуры* и др., жившие прежде за Уралом, по-видимому, к могу от нынешних остыков и вогулов, и потом переселившиеся в Европу, некоторые историки считают родственными *сабарам* и даже идентичными с ними; а Прокопий прямо упоминает о народе *сабир-угорах*². Слово «*угор*», встречающееся в приведенных названиях, и некоторые другие соображения заставили многих историков причислить эти народности к угорскому племени³; во-вторых, по свидетельству Константина Багрянородного, мадьяры во время своего пребывания в Лебедии носили название *Забортоносфоло*, в котором некоторые учёные видят испорченное выражение: *Забор*, то есть *аффалой* или *Зобор* (то есть *аффалой* — «сабары, т.е. (или) безосыны (храбрые)»)⁴. Иначе говоря, эти учёные полагают, что мадьяры назывались тогда *сабарами*, имя, которое некоторые сближают с сабарами, а между тем мадьяры, без сомнения, финно-угорского происхождения; в-третьих, на конец, *Сиар*, один из двух городов Болгарского царства (Х в.), жители которого, по предположению историков, состояли главным образом из финских и тюркских племён, вряд ли мог быть основан славянским племенем, по крайней мере это ничем не подтверждается.

Впрочем, следует заметить, что все подобные рассуждения о том, были ли сабары, сабиры, сувары и т.д. славинами или представителями урало-алтайского племени, потешают добрую долю своей убедительности, раз мы откажемся от ничем не доказанного положения, что все эти названия есть синонимы одного и того же народа, и допустим возможность, что в числе их имеются представители по крайней мере двух народов, как это, например, следует из письма Хакана Иосифа к еврею Хаздано⁵***. В этом письме Хакан перечисляет подвластные ему народы; спачала он

* Из. Том. унз. I. С. — (Страница не указана. — Прим. издателя).

² *Cæsare. Histor. Verbes. S. 74.*

³ *K. Гром. Мадьры и Моравия. С. 217.*

⁴ *Гаркави. Хазарские письма // Еврейская библиотека. Т. VII. С. 160.*

упоминает о племенах тюркских и финских, каковы *буртасы*, *булгары*, *арису* (эрз), *сункар*, *цармис* (чевемисы), а потом о славянских: *лентит*, *север* и *славин*. Под именем *венгит*, по мнению г. Гаркаги, следует подразумевать языческий, под *север* — северян, которые и до войны Святослава были подданными хазарам, и, наконец, *славин* есть арабское множ. число от слова «*слави*» — славяне. Итак, из этого источника явствует, что под именем сувары и северы подразумевались разные племена, причём относительно славянского происхождения северов не имеется сомнений. Что же касается до суваров, то, принимая во внимание, что о них упоминается при перечислении народов тюркского и финского племени, их вернее тоже рассматривать как представителей этих последних. К урало-алтайской же семье, именно к угро-финам, т.е. к ближайшим родственникам вогулов, остатков и мадьяр, мы относим и обритенов не-большой области Северо-Западной Азии — сывиро- или сибиро-, относительно которых учёные, старавшиеся объяснить слово «Сибирь», не знали об их существовании, естественно, не могли ещё высказать своего мнения. Об отношении их к суварам, сабарах и другим вышеупомянутым племенам мы не решаемся что-либо сказать.

Резюмируя всё вышеприведённое, скажем, что, по нашему мнению, название нашей обширной и прекрасной колонии Сибирь представляет из себя имя обитавшего в южной части Тобольского и смежных волостях Тюменского округа народа сывиро- или сибиро-, которых по их происхождению вернее всего отнести к финно-угорскому племени.

Гипотеза Г. Н. Потанина*, что слово «Сибирь» занесено из Монголии и Южной Сибири, где в народной поэзии местных жителей (качинских татар, кызыльцев и др.) передко фигурирует гора *Süibir*, и что под этим именем, как и под называнием сказочной горы Сымыр или Сумбэр, в монгольских и бурятских сказках следует подразумевать вообще северные страны, так как между этими именами и Полярной звездой, по поверьям восточных народов, имеется известное соотношение, нам кажется, ввиду существования вы-

* Сибирский сборник. 1890.

шеприведённых, более согласных с историей гипотез, слишком смелой. Впрочем, нет, по-видимому, ничего невероятного предположить, что слово «Sibir», сохранившееся в Южной Сибири и в Монголии, есть след пребывания в этих краях ссыльных до их выселения на берега Иртыша, если только принять, что этот народ принадлежал к урало-алтайскому племени.

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**Тип остяцкого богатыря
по остяцким былинам
и героическим сказаниям**

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**Тип остяцкого богатыря
по остяцким былинам
и героическим сказаниям**

ми сказаниями, которые имеют тем больший интерес, что в них довольно ясно отражается жизнь прежних остиков.

Эти виды остицкой народной поэзии остались до сих пор совершенно незастронутыми. Кастрен⁹ и некоторые другие намекают на существование у этих народов герояической поэзии, но почти не приводят никаких образцов. Венгерец Регули¹⁰ записал их множество на вогульском языке и на северо-остицком наречии, но преждевременная смерть его и отсутствие ключа к его записям сделали его обширный материал на продолжительное время мертвым.

Известный филолог, теперь покойный профессор Гельсингфорского университета Альквист¹¹ совершил три путешествия в Северо-Западную Сибирь, составил небольшую, первую, хрестоматию для остицкого языка; в ней он поместил перевод Евангелия Св. Матфея и заповедей, несколько белых пис с содержанием сказок и песен новейшего времени, но ничего не говорит об остицких богатырских песнях, а они во всех отношениях стоят неизмеримо выше остальных видов остицкой народной поэзии. То же самое можно заметить и про другую книгу его, где он говорит о поэзии остиков и вогулов. По всему вероятно, этот тип усторской поэзии был ему мал знаком¹².

В 1888—89 годах Энгельскую Сибирь посетили двое мадьярских ученых: М. Папай¹³ и Б. Мункачи¹⁴, которые занимались: первый — этнографией энгельсибирских инород-

* Это явствует уже из следующей фразы его: «An Armut u. Unvollkommenheit des Gesanges stehen die Urengre jedoch nicht hinter den anderen osturischen Völkern, die die gleichen künstlerischen Bedürfnisse haben unter dem Namen Volkslied aufgetreten hat, sind ebenso gesellshaftliche u. stümperhafte Versuche, wie die osturischen Recitative. Erst an der Dwina u. am Ledge schuf der funnek: ugriische Volksgesang im karelischen Kunengesange einen dem Inhalt u. der Form nach sehr Völkedichtung, die es mit dem Gesang der Russen und Polen an den Tag legt, der in sprachlicher Form vollendeter mit jeder anderen Volkssprache müssen darf», («Unter Wogulen u. Osjaken». S. 178). — «Бедность и несовершенство песен угрей не опускают их ниже уровня других восточно-финских народов, т. к. некоторые изображают общий тип, который можно видеть в том, что все это выражено в форме польским, как и остицким речитативом. Только на Двине и Ладоже финно-угорский народный дух создал в карельских руках прекрасную по форме и содержанию поэзию, которая может быть сравнима с другими образцами народной поэзии по сокровенности чувства, богатству фантазии и законченности языковых форм» («Среди вогулов и остиков». С. 178). — Пер. с нем. Е. Малоземой.

цев, второй — вогульским языком. Мункачи собрал богатый материал образцов народной словесности вогулов, между прочим, и большое количество былий.

Об остатках же былин из сих пор нигде ничего не было напечатано. Ввиду этого я позволю себе представить небольшое исследование о стародавней осяцкой жизни и ее богатырях, составленное на основании собранных и переведенных мною остатков былий и сказаний*. На осяцком языке у меня имеются 3 былины и 2 сказания и, кроме того, около 15 кратких рассказов, записанных по-русски.

Земля остатков, или северная часть Тобольской губернии, представляет из себя низменную равнину, прорезанную двумя мощными реками: Обью и Иртышом и их многочисленными притоками. Правые берега этих рек в большинстве случаев представляют из себя террасы более или менее возвышенных плоскогорий, которые тянутся далеко в глубь страны и, за исключением самой северной части края, покрыты почти сплошными, но сильно пострадавшими от огня лесами. Левый берег, почти всюду низменный, состоит из испещрённых ключами, речками и озёрами северных заливных лугов, называемых здесь «сарами», а также из гривок, покрытых лиственными деревьями, и плоских песчаных холмов, покинутых на себе сосновые боры. Но наибольшую часть всей этой страны, как в её более возвышенных частях, так и в более низменных, занимают обширные болота: моховые, торфяные, осоковые, покрытые на значительной части своего протяжения корявыми берёзками и сосенками. Таков летний вид этой глухой страны Севера. Зимой двухаршинный снег устилает сплошной пеленой все неровности почвы, густым слоем покрывает деревья и кусты и делает еще более однообразной грустную картину природы Северо-Западной Сибири.

Иной вид принимает опять этот край весной, когда разлившиеся реки затопляют низменные плодородные земли левого и отчасти правого берега на десятки и сотни вёрст во все стороны. При небольшом даже ветре эта громада вод уже бушует, как море, и горе путнику, которого непогода застигла в пути. Единственное его спасение, если он найдёт убе-

* Будут изданы особо. — (См.: Die Irtysch-ouïezken und ihre Volksposseie. Т. П. Сб., 1900. — Прим. издателя.)

жнице где-нибудь на холме, выступающем из воды Янголовые острова, или прямо причалият к вершине торчащего над поверхностью воды изогнутого дерева и уединяется за него. И в подобном положении приходится иногда променять день, два и более, пока бури не затихнет.

Такова страна остатков, нод для них этот белый и угровый край Севера кажется страной обетованной, и ни один из них не покидает своей родины добровольно. Да, впрочем, им в этом не представляется надобности. Население их в 20000 душ обоего пола, или около того, живёт на огромных пространствах, которые при всей бедности северной природы могут прокормить значительно более густое население.

Остаки, как и югулы, являются единственными представителями в Сибири обширного финского племени. Вместе с мадьярами они составляют угорскую его ветвь¹¹.

Источниками пропитания служат остаткам главным образом рыболовство и звероловство. Самые южные остатки, живущие по Иртышу, занимаются, кроме того, в весьма небольших размерах земледелием, а жители Крайнего Севера — оленеводством.

С 1715 года остатки исповедуют православную веру¹², но, мало знакомые с начальниками христианского учения, используют лишь некоторые образы ее. Напротив, почти искуду они еще сильно придерживаются своих прежних языческих верований, а на севере Берёзовского округа известная часть бродачих остатков и поклоняется язычеством.

Остаковая культура, если так можно выразиться, с каждым годом всё больше падает. В более южной части этой области они уже давно ведут образ жизни мало отличный от образа жизни соседних русских, но за последние годы стали пропадать и последние немногие остатки их прежней культуры. Типичный женский костюм, заменился русским платьем и платком, лебеди и домбры вытесняются бандуркой и балалайкой, остатки песни и пляски — русскими. Вместе с этим и родной язык всё более и более забывается и вытесняется русским. Благодаря этому всеобщему обрусению падает и остаткам народная поэзия и принимает иной характер: песни, которые теперь поются на Оби, составлены я

духе русских рыбаков и воспевают подвиги рыбопромышленников или любовные похождения остяков и остячек. Язык их весьма неизящен и испещрён russkими словами и выражениями, а некоторые из них по своему содержанию скорее напоминают набор слов, чем песню. Сказки тоже потерпели сильное влияние от russких, и хотя и выиграли при этом, но зато утратили часть своей самобытности. Одни только былинны и геройские сказания остались без перемен, но вследствие этого они и пропадают.

Из 72 остицких юрт Тобольского округа они сохранились лишь в трёх—четырёх, но и здесь постепенно забываются вследствие того, что русеющее молодое поколение мало старается передавать их у своих отцов.

Лучшие знатоки их проживают в настоящее время в Шумиловских Красноярских юртах Меньши-Кондинской волости, в последнем селении, однако, сохранились только геройические сказания; далее — по Демьянке в Лумкоевских и Цингинских юртах. Говорят, что по реке Салыму, в пределах Сургутского округа, и в бассейне Васюгана в Томской губернии есть знатоки былин, что весьма возможно по заходству края.

Геройские сказания более новых времён сохранились в весьма многих местах, но своим мыслам, по своему стилю и по чистоте языка они значительно уступают былинам и старым геройским сказаниям.

При каких же обстоятельствах поются быlinы? Если обыкновенные песни с эпизодами и картинами ежедневной жизни покоятся при всяком удобном случае, то быlinы по своему серьёзному и более воззвищенному содержанию, а также и вследствие своих значительных размеров требуют особого вдохновения и напряжения со стороны певца. И действительно, поются они весьма редко, всего несколько раз в год. Такими днями бывают большие остицкие праздники: Николин день, Крещене и Петров день, когда они уплачивают ясак и деньги за гоньбу и по этому случаю проводят целые дни в кутеже. В эти праздники у них обычай ездить друг к другу в гости, и не поодиночке, а целым селением, и принимать столь же многочисленных гостей. Вodka, хотя её привоз официально и запрещён, льётся при этом рекой, особенно в хорошие годы. Среди общего веселья остики всегда

любит вспоминать старину, и звонкий лебедь звенит день и ночь. Всякий умеющий петь или играть показывает теперь свое искусство, причем наибольшее внимание сосредоточивают на себе песни былин. Вылив изрядное количество водки и вдохновившись, как следует, они начинают жалобным голосом воспевать подвиги своих отцов.

Любят эти песни также и иные богатые русские рыбопромышленники, хорошие знакомые с остицким языком. Они тоже иногда приезжают в корты «погулять», и случалось, что в припадке великодушия за пролетные остиаком 2–3 былины они прощали ему его долг.

Изредка, при отсутствии водки, певец для большего вдохновления съедает перед началом пения несколько мужиков — 7–14–21*, т.е. число, кратное семи: от них он просто приходит в исступление и походит на бесноватого¹⁵. Тогда всю ночь напролет диким голосом распевает он былины, даже и давно, казалось, забытые, а утром в изнеможении падает на лавку. Мало тронутые его беспомощным состоянием слушатели бывают довольны, что услыхали песни своих отцов, пронетые с таким чувством.

Происхождения былин довольно древнего и относятся, по всей вероятности, к тому периоду времени, когда северная часть Тобольской губернии еще не испытала на себе напастей татар, которые, как известно, здесь появились ранние русских; одним словом, по нашему мнению, описанные в них события относятся к периоду времени между XIV и XVI столетиями, а частью, может быть, и к XIII.

В самом деле в былинах никогда не упоминается о татарах или русских, хотя десятки и сотни стихов повествуют о войнах остиаков с самодами и остиаков между собой. Все эти походы остиаков друг на друга, на самодов и обратно имели исключительно характер хищнических набегов, а не завоеваний, потому и трудно предположить, чтобы остиаки первцы ничего не упомянули о врагах более сильных, которые не только разорили страну, но и покорили ей.

У меня есть одно сказание про поход на север двух остицких князей из города Т'апар-ош, следы которого и поныне сохранились на красивом холме около Цингалинских

* По словам коандинских остиаков, более 21 мужчомора не может съесть самый прынчный остиак.

юрт (Нарымск. вол.). Этот городок был потом занят татарами. Им, вероятно, он и обляпин своей значительной недоступностью. Около этого городка и теперь видна небольшая ямка, почитаемая татарами за святыню. Они полагают, что здесь покоятся прах святой девицы Хатице били, дочери ахуна Аллогула, принесшего слова вместе с другими святыми ладыми из Бухары для распространения веры Пророка. Место это называется у татар, как и другие подобные священные места, именем «астана»^{*}. Несмотря на такие явственные следы пребывания здесь татар и на значительные размеры остатков сказаний, и на их подробности относительно жизни остатков и самоделов, мы не находим никаких упоминаний о новом и чужом, пришлом с юга народе, покорившем остатков и самоделов.

Если мы обратимся к истории, то узнаем, что первым татарским завоевателем остицкой страны был ногайский (?) князь Он или Онком, основавший Сибирское княжество на развалинах Кипчакского царства, распавшегося в половине XIV столетия**. Он, по преданию, господствовал не только над татарами, но и над остатками и ногулами. Дело его продолжал сын (?) его Тайбуга, который во времена правления князя Чингиза в качестве его военачальника покорил обских остатков. Таким образом, завоевание татарами долины Иртыша, о которой идёт речь, могло совериться в конце XIV или в начале XV века.

По Карамзину, занятие южной части Тобольского округа татарами совершилось позже, именно в XVI столетии. Это он доказывает тем фактом, что московские войска, воюя в 1483 году на берегах Иртыша, еще не застали татар в этих местах. Крепость Сибирь существовала уже тогда, и в ней властвовал князек Лятик¹⁶, без сомнения, остицкий. Возможно, однако, что вторжение татаров в страну остатков произошло ещё в конце XV столетия. Что же касается до распространения на Севере магометанства, то оно относится к более позднему периоду — к концу XVI и даже к началу XVII столетия, когда страна была уже покорена русскими.

* Вероятно, от персидск. слова *āśān*, *āśān-e-āsqī*, *mausolée d'un saint* (dict. pergam franc. A. Berge).

** A. Costrel Ethn. Vorles. S. 105. По Миллеру, Онком был современником Чингисхана († 1224). «Ист. Сиб.». С. 33.

Нам известно, что власть татар на Севере держалась недолго и по прибытии русских влияние татар едва ли простиралось дальше к северу за реку Демьянку, но всё же, вероятно, первое время после завоевания страны татарами остики, хотя бы более южные — иртышские, платили им дань. Между тем, об этом нет и намёков в былинках, да и вышеописанное предприятие двух остицких князей из города Т'ялар-вон на север пред ли могло бы иметь место, если бы иртышские остики находились тогда под властью татар. В другой былинне князья из Карапоспата-урда-вон^{*} предпринимают далёкий поход в полууденные страны (Морда-мыг) и возвращаются назад с добьчей. Из этого тоже можно заключить, что остики в то время были ещё независимы и что в ближайшем их соседстве к югу ещё не жили племена сильные, вроде татар. Таким образом, можно принять, что былинны и сказания сложились ранее нашествия татар. Если Карамзин верно определил время этого события, то былинны остицкие имеют не меньшую, чем 300-летнюю, давность.

Возможно, что западносибирские быlinы складывались в течение столетий. Иные из них воспевают подвиги трех и более поколений князей. Описываемые в них события иногда охватывают период времени более чем в 100 лет, как, например, в былине о Сонгухаше.

К тем же выводам относительно древности былин остиков можно прийти на основании истории завоевания Сибири русскими.

Непосредственные сошения русских с Юграй возникли уже в XI веке, когда новгородцы утвердились на берегах Белого моря. С этих пор начались и их походы в страну Югры¹. Из походов московских войск на Северо-Западную Сибирь до Ермака нам известны былине в 1483 и 1499 годах. Что касается до зависимости Югры от Новгорода и Москвы, то она продолжалась лишь короткое время, после каждого похода, а затем была только nominalная.

Ввиду того, что эти походы длились лишь короткое время и затем остики в продолжение долгого времени ничего не слыхали о русских, они могли и не отреагировать в их героическом эпосе, тем более, что в долину Иртыша, откуда

* См. ст.: Оксенов. Политические отношения Моск. гос. к Югорской земле (1455-1499). //Ж. кнр. пр. 1891. (февр.). С. 245-272. (Ред.).

происходят почти все мои былины, русские, насколько известно, проникли лишь однажды (в 1483 году).

Начало прочного русского владычества над остяками можно отнести к 1581 году, главным образом к походу Бордана Бризги, который покорил всю долину Иртыша и часть Оби до Белогорских юрт, а в 1586 году окончательно Иртыш был вздвинут Мансуровым первый русский остrog в остицкой земле. Семь лет спустя (в 1593 году) были основаны Пелым, Берёзов и Сургут¹⁴. Прекратилось ли процветание германского эпоса задолго до пришествия русских мы не знаем, но только несомненно, что с этих пор остицкая страна уже не производила ни богатырей, ни былин, которые, таким образом, во всяком случае имеют давность по крайней мере в 300 лет.

Подтверждением этого могут служить и все наши былины и прежние германские сказания. Например, вышеупомянутое сказание о походе остицких князей на север уже потому не могло относиться к более позднему периоду, что, во-первых, они в нём действуют как совершенно самостоятельно властители и, во-вторых, беспредметно проезжают весь путь между Цингалинскими юртами и саимской страной (к северу от острова Конавалта)¹⁵, где уже в конце XVI столетия были воздвигнуты русские острова.

Другая былина передаёт о походе князей из города Емдер-в-ош (ок. Эмдерской протоки) на город Ка-рым - по спасению, расположенный в нижнем течении Коязы. Чтобы попасть из названной протоки у устья Иртыша, где был русский остров, которого тогда, следовательно, еще не было. Наконец, в былине о богатыре Сонгхуше говорится, что он посетил во время своих походов все семь концов земли, что тоже говорит в пользу полной независимости остицких князей от кого бы то ни было.

К сожалению, самые южные остиаки, которых первыми привели в столкновение с татарами и русскими и могли бы в своей поэзии сохранить много любопытных данных из этого времени, частично исчезли, частично подверглись сильному влиянию победителей, лишь кое-где сохранив свой язык, но окончательно забыв старые деревенские предания.

Правда, в былинах встречаются изредка слова татарского и даже русского происхождения, ныне входящие в со-

став остяцкого языка, но они могли быть вставлены в них позднейшими рассказчиками.

Древнее происхождение былин доказывается и их старым языком — целые обороты теперь совершенно непонятны остикам и передаются на память, — и значительной чистотой самого языка сравнительно с настоящим разговорным. Конечно, не все части этих поэтических произведений одинаковой древности...

Из периода татарского и отчасти русского владычества до нас тоже дошли сказания и рассказы, но будучи сравнительно новейшего происхождения они носят уже другой характер. Они все, без исключения, передаются прозою и притом новым языком с некоторыми заимствованиями из старых былин.

Разница между прежними былинами и прежними германскими сказаниями заключается в том, что первые изложены стихами, вторые прозою, но язык тут и там старый, цветистый и образный. По мнению самих остиков, часть этих старых богатырских сказаний прежде тоже была облечена в форму былин, но с течением времени и по мере обрусения остяцкого склад стихов был забыт, хотя удержались все их особенности, эпитеты, фигуры и обороты речи. Это предположение имеет за собой немало оснований.

Слово «былина» мы передадим остикам выражение «тарин-ара» (ног. тарин-еर), которое состоит из слов «тарин» и «ара». Последнее значит «песни», первое же требует более подробного объяснения. Под словом «тарин» (таран, тарын) — она непонятно нынешним инородцам — прежние остики, без сомнения, подразумевали злое божество², сеющее висуду распри, наводящее войны, болезни и опустошающее страну. Судя по некоторым местам былин, можно еще прибавить, что божество это было женского пола. В каком виде его представляли — неизвестно. Может быть, на это прольёт некоторый свет его эпитет: ей-в-ет'не киттаран, что значит «двойственная Тарин с одним лицом». Отличалась ли эта богиня красотой, мы тоже не знаем, ибо

² Первый раз сказано нечто это предложение в прядкоисании к своей грамматике северо-остяцкого народа: немецкий учёный, профессор Гунфзакин Французский перевёл этого предисловия помещён в «Recue d'Ethnographie et de Philologie», 1878.

весыма редко кому удавалось её лицепретить. Про человека, прошедшего, как говорится, огнь и воду, прежде говорили, что он видел лицо Тары²⁰. Олицетворяли её в виде самой разрушительной стихии — огня. Так, в цветистом языке былин и сказок слово «огонь» обыкновенно заменяется цепью выражением: ар н' атмане Таран тут²¹ что, вероятно, означает «многоглавый рот (девы) Тары». К этому выражению иногда присоединяют ещё слова: «най анха»²² — «дева, женщина», употребляемые здесь тавтологически, но дающие нам указания на пол божества.

Впоследствии слово «Тары», равно как и его производное «кит-тары», получили ещё переносное значение «распри» и «войны». Тарный есть прилагательное от Тари, и может в данном случае значить «воинский». И так же выражение «тарный-я-ра» может быть передано по-русски — «воинская песнь». Так мне переводили его и остяки, не зная точного смысла слова «Тары», они по естественномучутию догадывались, что оно приблизительно означало.

Былиныются под аккомпанемент местных музыкальных инструментов лебяя, или журравля (гороп-ях), и домбры, или тарнобоя (нарес-ях; у ног шанул-теп), из коих в пределах Тобольского округа более древним можно считать домбру. Сохранившиеся на Конде мелодии былин имеют не более пяти тона, что соответствует пяти струнам этого инструмента. Сами кондинские остяки утверждают, что у них в прежнее время не было лебедей и что они получили их от жителей берегов Оби. Лебеди и теперь еще называются на Конде «Обской музыкой».

Домбра состоит из продольного ящика с крышкой, сделанного из тонкого елового дерева. Форма её, как и толщина струн, значительно меняется в разных местностях, но в общем домбра сходна с финскими кантеле, на которых прежние финны распевали свои величественные руны. За-

²⁰ Тара вет', хут' вет' узен — «миловидный лицо Тари и лицо рыбьи (?). Первое — символ огня, второе, вероятно, — воды.

²¹ Тут (тут) означает «рот» и «огонь».

²² Мне известно, что в финских языках слово «най» читается «нана», а же «анха», что это тоже значит, выражение «ней анха» встречается часто в былинках и означает лицо женского пола, например, «Нанкхуш хой эй наэ, эй анха» — «мужка Нанкхуша младшая дочь, девица». «Анха» также означает лицо, исключительно «мужчина».

чатками их, по верхнему замечанию Кастрена, и являются остатки тарный армы. Струны делаются из сухожилий оленя и покрываются рыбьим клеем. Они настраиваются при игре, как начало мажорной или минорной гаммы, причём на Конце быдлине чаще поются в мажорном тоне.

Лебедь состоит из подобного же ящика, имеющего отдалённое сходство с телом большой птицы, но с одного из его концов перпендикулярно или под тупым углом к нему прикреплён длинный кусок дерева, оканчивающийся грубым подобием птичьей головы. Эта часть представляет из себя якобы шею и голову лебедя или журавля. Между шеей и верхней крышикой ящика натянуты 9 медных струн. Настраиваются они подобным же образом, как и у домбры, но только благодаря своему значительному числу они дают целую гамму и части другой, являясь, таким образом, инструментом более усовершенствованным.

Остяцкие быдлины не имеют рифмы, хотя и не лишены некоторой подобия стихии, так, каждая фраза их заканчивается обыкновенно словом, имеющим ударение на предпоследнем слоге, чем подобдается европейскому стилю с дактилиехорем конце. Кроме того, в них избегается стечение нескольких односложных слов с ударением. Оно достигается таким образом: к односложным словам присоединяются либо частицы, или само слово растягивается при помощи вставки гласных*. Величина отдельных стихов весьма разнообразна: короткие, средние и длинные следуют друг за другом вперемежку, а в связи с этим и размер музыкальной фразы постоянно меняется.

Красоту стиля остяцкий певец стремится увеличить тем, что подбирает рядом одновзвучные и близкие по смыслу слова, выражения и целые фразы**. Этот же приём употребляется

* Напр., вм. тіл¹-вах, кам-вах говорят: тіл²ет-вах, камет-вах; вм. лаа пүнсы¹ кулат юк²ем — таңем пүнсы¹ кулат юк²ем (см. ниже) и т.д.

** Это будет ясно из нижеследующего отрывка быдлины о богатыре Сок-туре:

Сой-хүш¹ ун азыг мүнкә омай.
Төмәй аоч стынин тарым кур мечеде хоје вормот?
Сой-хүш¹-хой, тарым урт, ляж вормот.
Табет мыс сүнделе сөйен ёла јыл²тамын тэнтә даңхёт.
Түр йиңкем ыр татет, тарым тадын яңым мыс
Магет теге, јиңкест пете чолен зәй²б...

жистия, широтистая», так как поверхность её, поросшая лесом, уподобляется коже, покрытой шерстью. Постоянными эпитетами слова «сегер» и «цепь» являются «карт», «вах» — «жезло». Карт сегер, вах сегер значит «железная цепь». Слово «каттый» — «пристань» — сопровождается всегда прилагательным «иры» — «жердиной(ая)» (ирыны каттый) и т.д. Что же касается до фигуры сравнения, то по чистоте и изяществу её остижная поэзия далеко уступает творчеству многих восточных народов, например, персов.

Форма былин постоянно меняется с течением времени, хотя сюжет ей и неизменен. Происходит это от того, что их не заучивают наизусть, как стихи, а запоминают лишь их содержание, главные обороты и выражения, остальное же всё вернётся и дополнится фантазией певца. Ввиду этого иногда одну и ту же былину в разных местах поют иначе, причём большее изящество той или другой версии её зависит единственно от способности певца и умения его излагать красиво свои мысли. Ввиду значительных размеров былин, в которых числятся до 300 и, может быть, более стихов, несмысла часто последняя часть их, иногда половина, излагается прозой, но и та пропеть и передать большую былину требует такого напряжения голоса, что рассказчик, оканчивая её, является часто охрипшим.

Содержанием былин и героических сказаний служат почти исключительно военные походы остижных князей или богатырей друг против друга и против самодов ради добчи и/orиест или войны с налапашими на них ради той же цели соседями.

Из имеющихся у меня былин и героических сказаний одной былинной я почти не пользовался, так как и по содержанию, и по тем понятиям, которые в ней встречаются, она имеет мало общего с северо-уральским героическим эпосом. Возможно, что скажет её замысловая от соседних тюрков или от более южных и теперь исчезнувших остижаков, живших в условиях, более близких к условиям смежных кочевников.

В этой былине мы, например, встречаем облака чёрной пыли, поднимавшиеся кверху при движении богатырей, что, правда, было бы характерно для южных чернозёмных степей Ишимского и других округов Тобольской губернии,

но ни в каком случае не для лесистого и болотистого Тобольского округа и, в частности, для области р. Демьянки, где записана эта былина¹. В настоящей стране остяков не только нет чернозема, но и почти не существует другого сообщения, кроме водного. Далее в ней часто являются крылатые кони, хотя вернее предположить, что и простые кони не водились в данной стране в прежнее время; напротив, олень, главное домашнее животное бывших остяков, в ней совершенно не упоминается. Богатыри здесь умеют укрощать диких крылатых коней, которые их уносят под облачка. Побеждённого врага они зашивают в семь конских шкур и привязывают к хвосту коня и т.д., одним словом, все эпизоды скорее из жизни кочевников, чем оленеводов и охотников. На конец, в ней встречается масса понятий, чуждых прежним остякам и только *иностранства* заместившим именами от русских, эзирин и татар; например, коромысло (кузанда, по-татарски кузанта), стол (песан, по-зырянски пузан), аршин, бутылка, стакан, водка (вина) и т.д. Одним словом, эта былина совершенно не гармонирует с теми представлениями, которые можно было себе составить на основании разных других данных относительно жизни прежних остяков.

Глава II Княжества и их центры—городки

Дробление остяцкой страны на мелкие княжества. — Городки как их центры. — Князь Тобольский. — Князь Верхозовский. — Маленькие земли. — Селища как место жительства «простых» людей. — Земледелие на родовых начальах у нынешних остяков и югузов. — В основание прежнего княжества было положено селение Радищево. — Роды. — Прежние княжества. — Суть «великости» историков. — Княжеские остатки не были кочевниками.

Та часть остяцкой страны (мыг, пёлек), которая служила ареной для событий, воспетых в бывших и сказаниях, т.е. Тобольский и южная часть Верхозовского округа Тобольской губернии, представляла в отдаленные времена ряд независимых друг от друга мелких политических единиц. Центром каждого такого небольшого «княжества» (авыт?)⁴² служил «городок» (юш, воч, ваш; у ногулов — уш), а верховным властителем его был живший в нем «князь» (юр, ур, урт⁴³; ног — атер, отер). Все остальные жители маленького княжества были его подданными, называясь они в бывших мыгдат — ях, т.е. земляными людьми.

Число княжеств и городков было прежде весьма значительно; это уже показывает то обстоятельство, что мне удалось в бытность мою в Тобольском округе насчитать не менее 63*** таких городков, из них около $\frac{1}{3}$, без сомнения принадлежали остякам, а Абрамов⁴⁴ приводит их в Верхозовском округе более 40, хотя почти наверное значительная часть их еще посейчас скрыта в дебрях и среди болот⁴⁵.

* Слово «авыт» (ут) означает небольшую область, иногда употребляемое, подразумевающее для означения места «воч» — «города», «хир» — в приведенном выше отрывке бывших.

** Назывался он также «главой города» — воч-ух и вочум-ворт-ух.

*** Обозначены на карте, представленной в Имп. русск. арх. комиссии.

Характер этих городков несколько иной на юге округа и далее к северу. На юге они принадлежат тюрокам, более искусным в сооружении укреплений, и отличаются более значительными размерами; на севере они меньше и принадлежат остякам.

Описанье вкратце такой городок. Как остяки, так и татары старались выбирать под укрепление место возвышенное и до известной степени господствующее над соседней местностью, а главным образом над лежащими внизу низменными равнинами и водами рек и озёр, которые как зимой, так и летом служат почти единственной дорогой для сообщений в здешнем болотистом крае. Значительная часть городков, лежащих около более или менее крупных рек, расположены ради этого на изогнутом берегу их или яру и занимают преимущественно мыски, которые образуются глубокими оврагами, пересекающимися кое-где этот берег. Особенno удобны для этой цели места впадения в большую реку притоков. Здесь часто бывают мыски, весьма подходящие для устройства городка уже ввиду того, что отсюда открывается широкий круговорот и что можно легко подъезжать за людьми, едущими по главной реке и по нижней части притока. Если к тому же такой мысок был отремонтирован от остальной части горы, то иногда со стороны низменности или реки, над которой он возвышался, устраивали еще небольшой подъём, укрепление было готово.

В более крупных, пермяко-, татарских, городах подъёмы представляли из себя ребро двугранного угла, образующее с поверхностью земли и воды весьма пологий угол (в 35°). Такие удобимые подъёмы значительно облегчали восхождение на высокие террасы, возвышающиеся иногда на 25–30 сажен над окружающей местностью, и по настоящее время ими пользуется местное крестьянское и игородическое население там, где поблизости имеются городки. Также и скот легко восходит по ним, чтобы искать корма в произрастающих на возвышеностях лесах. Городки такого устройства встречаются около Цингалинских юрт (Нарымская волость), около деревни Чугасной (Дениц, волость), около татарского выселка Самтейл (Караг. волость) и т.д.

В военное время вышеописанные подъёмы большой опасности не представляли, так как по узкой тропинке

могли двигаться одновременно не более двух человек в ряд, и защитники всегда имели возможность сбросить их вниз. Сами же площади двугранного угла или боковые стороны мыски были более отвесны и составляли с поверхностью земли более тупой угол — около 50° — и тем затрудняли восхождение. Эти площади двугранного угла, как и ребро его, служащее подъёмом, в большинстве случаев были устроены геометрически правильно. Ввиду того, что угол, образуемый подъёмом с поверхностью земли, меньше угла падения многих смычущих тел (песка, супеси), сам подъём почти всегда хорошо сохранился, боковые же площади, которые, как сказано, имеют сравнительно более тупой угол, частью изъедены обвалами, но тем не менее почти всюду позволяют видеть прежнее устройство городка. Там же, где мысок не был укреплён подобным образом и где стены его остались отвесными, как были прежде, — этот тип встречается почти только на Севере — там ежегодные обвалы до того именнина фигуру мыска, что сделали городок неузнаваемым.

Местами встречаются подъёмы и более простого устройства. Основанием им служит какой-нибудь небольшой смежный овраг, который ради этой цели вырывали и делали слегка покатым. Такие подъёмы встречаются у городков Чуваш, Касим-Тура⁴ и др.

В огромном большинстве случаев мысок укрепляли ещё искусственно. Со стороны сушки его перекрывали рамы и из выброшенной земли устраивали валы (урзум). Чаще всего городок имел один ров и один вал, иногда же два концентрических ряда валов. У татарских городков мы встречаем кое-где и три ряда их.

Там, где поблизости не было мыска, выбирали просто место на берегу реки или озера, по возможности возышенное, и окапывали его кругом рвом и укрепляли валом или несколькими рядами их. Но в данном случае работы было больше, так как приходилось делать земляные работы на большом протяжении. В тех же местах, где берег реки не возвышался более или менее значительно над уровнем воды, приходилось делать почти круговые окопы, так как сам берег не представлял в данном случае достаточной защиты. Таковы, например, го-

родки, расположенные около Эбиг-ега, притока реки Конды, Рут'--ваш (Русский город), Ям-ваш* и др.

Размеры городков, их валов и ровов значительно больше на юге округа, чем далее к северу. Именно здесь встречаются городки с верхней площадью (внутри валов) в 500–700 квадратных сажен, как, например, Сибирь, или Искер, Чуваш (Махмет-кула), Касим-тур и др.** На севере же, в области остяков, городки более миниатюрные и чаще всего имеют 70–140 квадратных сажен в соответствующей площади и редко более 180 квадратных сажен.

Валы и рвы тех и других городков находятся в соответствии с их размерами. У татарских городков ширина ровов наружу 1½–2 сажени и глубина 1½, аришина, до 1½ сажени до вершин валов. У остяцких — ширина от 2 аришина до 1½, сажени при глубине от 1 аришина до 1 сажени. В разрезе более сохранившиеся рвы имеют всюду фигуру треугольника, извне из стороны образуют двухгранный угол. Валы обыкновенно мало выражены и образованы из земли, вынутой из рров. Они расположены и перед рвом, и с внешней стороны его; но более значительны первые. Ширина их колеблется между 1 и 3 саженами. Последний случай имеет место, если вал находится между двумя рвами. Высота валов над уровнем площади города в настоящее время обыкновенно не превышает у татар одного аришина, у остяков — 1½—2 аришина.

На валах строили ещё в большинстве случаев деревянный частокол (ситтай-юш), снабженный воротами (в ошхботой). Помещался он, по всему вероятно, внутри земляных укреплений. Около городков, как и около селений, были устроены жердяные пристани (ныры катты) и подмостки для причаливания лодок (нарпай-ваш).

Некоторые из этих городков воспеваются в былинах и описываются в сказаниях и получают, так сказать, истори-

* В двух верстах от З. Пунгинских карт (М.-Кондинск. вол.).

** Возможно, что некоторые из этих южных городков остяцкого происхождения и что они только потом были заняты и увеличены татарами. Такое предположение подтверждается тем, что в XV столетии сообщает Каримдин, называвший другого города Чуваш, что этот город имел его остаточное происхождение (из в. в. города). Предположение же историков, что этот городок обязан своим именем поселению Чуваш, не имеет оснований.

ческое значение. В пределах Тобольского округа из таких городков назовём Т'эпар-вош (Вож-охта) около Цингалинских юрт и Карылоспаст-урдат-вош, что значит «богатырский город у Стерляжьей протоки», так как он расположен около южного берега нижней Конды над самой Стерляжьей протокой. В Верблюжеском округе можно назвать Емдер-вош, около Емдерской протоки, и Панк-хуш-вош²⁴ и Сонхуш-вош где то на нижней Оби. От немногих других городков сохранились кое-какие предания (Хут-вош²⁵ и Тунпох-вош²⁶ по Иртышу), от других только названия (Дам-вош, Рут'-вош, Елин-авыт-вош по Конде, Охажан-вош²⁷ по Иртышу и т.д.). От большей же части не осталось в памяти народной никаких воспоминаний, но они просто называются городками (вош) или городинами (вош-яй).

Если эти городки и оказывали большую услугу защите в кем живущих, особенно при внезапном появлении врагов, то нередко при ожидании набега более сильных неприятелей жители городка покидали его и искали убежище в укреплениях более надёжных. Такими укреплениями были «мединые города» (пытыр-вах-вош) былин, которые представляли из себя небольшие крепости, окружённые со всех сторон высокими палисадами и крытыми сверху мелкими листами. Когда в военное время их запирали, то в них оставалась всего два отверстия: одно вверху — для света и другое — сбоку, только достаточное, чтобы войти богатырю в колычуке. В одной из имеющихся у меня былин описывается подобный город, находившийся в бассейне средней Кояды, в реке Енре, в местности, которая теперь составляет часть Туринского округа. О подобных же городках упоминается и в самоведских сказаниях, образцы которых приводит Кастрен. Конечно, сомнительно, чтобы в стране, где не добывается мед, первобытный народ, как остатки, был в состоянии выстроить из неё крышу над целым городом. Но как мы себе не будем объяснять устройство столь оригинальных сооружений, весьма вероятно, что иные из городков были сравнительно гораздо лучше укреплены искусством.

* Особо проклятия Калпуковских юрт (Нар. кол.).

** На Каменском мысу около с. Самардча.

*** 5 вер. (по эзин. пути) выше от Надзинск. юрт против дер. Н. Филипповой.

вом или природой, так что брать их было не под силу даже могучим богатырям. Что такие городки действительно существовали, свидетельствует история. Даже и такой опытный воин, как Брязга, в продолжение трех дней не мог взять останков городка, который находился вблизи нынешнего села Демьянского (Демьянской волости), и только благодаря случайности ему удалось овладеть им. И, с другой стороны, остатки былины всюду так верно и точно сообщают топографические сведения, что можно не без основания предположить существование подобного крепкого города и на реке Еvre, где мне, однако, не удалось побывать.

В каждом маленьком княжестве первоначально имелся всего один городок, более укреплённых мест не было. Но впоследствии через соединение под одной властью двух княжеств*, или при посредстве дробления одного владения на два без окончательного разделения их на две части произошли княжества с двумя и более городками.

Если обширные городашки татар, хорошо укреплённые и снабжённые удобными подъёмами, и могли служить убежищем для довольно значительного числа людей, то небольшие и слабо защищённые укрепления остатков могли вместить всего небольшое число жилищ. Легко себе представить, что в них жили только князь, его родные, слуги и небольшая часть жителей, и только при большой опасности в них укрывали и народ**. Главная же часть населения, судя по всему, группировалась около городков в виде селений (пугот, ног.— паул*), состоявших из большего или меньшего числа жилищ и расположенных часто у подножия таких террас, на которых находились городки. Это видно как из исторических свидетельств, так из местных преданий. Так, атаман Богдан Брязга во время своего похода вниз по Иртышу, час-

* Напр., историки сообщают, что к Тутаевской волости принадлежала и Уятская.

** Слишком односторонне смотрят на городки историки Мицлер (*Ист. Сиб.*. С. 129). Поскольку городок у Самарова (Тун-пох-кош), который был устроен для защиты от набегов, не имел никаких удобств, он делает стопроцентный вывод, что городки служили убежищем только для жён и детей во время напастей врагов и что народ в них не укрывался, но ожидал нападения в поле или в своих жилищах. Этот общий вывод на основании одного города довольно произведен и расходится с данными, сообщаемыми остатками героическим эпосом историй.

то встречал селения остяков вблизи городков, например, Цингалинские юрты, расположенные в двух верстах ниже городка, у самой реки. Подобное же сообщает и народное предание о Колпуховском городе (Хут-вонш) и селении. Это же подтверждается и билинами. В них говорится, что при представлениях народных собраний глашатай обходил каждый дом и спрашивал хозяев, что не могло бы иметь место, если бы они жили рассеянно и в большом пространстве.

Возможно, что небольшая часть жителей обитала вдали по речкам и озеркам. Ввиду своей удаленности от центра они, вероятно, принимали менее участия как в общественных делах, так и в всех предприятиях князей.

Весьма вероятно, что в основу деления страны на отдельные независимые княжества легли родовое начало. Конечно, наличные данные не позволяют утверждать, что все лица такого княжества были членами одного рода, хотя в этом нет ничего невероятного. Во всяком случае скорее можно предположить, что такой союз состоял из немногих родов, чем из большего числа их. Это отчасти яствует из остатков прежних форм землевладения в Тобольском округе, где селения, расположенные в глухих местах и сохранившиеся до известной степени от внешних влияний, и теперь состоят из одного или двух родов и представляют нам пример владения земли на родовых начальствах. Такая форма землевладения встречается еще поныне у кондисских вогульев. У них каждая дача составляет принадлежность особого рода. Его представители являются единственными законными владельцами дачи независимо от того, живут ли они в одном селении или в двух, и наоборот, живут ли два рода в одном селении. Подобная же форма землевладения была в прежнее время и у остяков, но теперь сохранилась лишь в немногих местах. Так, например, село Большарово на Конде собственно состоит из двух селений: из юрт Большарских и Магатских, причем каждое из этих селений состоит из представителей особых родов и владеет разными дачами.

Но и тут это родовое устройство мало постепенно разрушается. Наряду с вымиранием членов обоих родов в их среду стали проникать разные посторонние лица: русские и остяки, частью по усыновлению, частью по принуждению приговорам. На Иртыше уже нигде нет остяцких селений с представителями одного

или двух родов, а, напротив, вследствие вышеуказанной и других причин их число всегда велико и только кое-где отдельным родам удалось удержать свои старые родовые земли от захвата со стороны своих односельцев, например, в Цингалинских юртах. В этом селении, кроме общей дачи, которой пользуются все из общины началах, отдельные роды имеют ещё свои особые «вотчины», передавшие к ним частью непосредственно от предков, частью путём купли или завещания от лиц, владевших этими землями; из них некоторые принадлежали даже к смежным юртам М.-Кондинской волости. Документов на эти земли почти ни у кого не имеется и никогда не было. Вследствие бездействия значительной части жителей этого вымирающего селения упомянутые вотчины постоянно переходят из рук в руки. Большая часть населения этих юрт всеми мерами добивается обратить их в общественные. Сомнительно, однако, чтобы им удалось этого достигнуть, ибо Управление гос. им. смотрит на эти земли, как на выморочные и подлежащие перейти в казённое ведомство. Когда последнее совершится, тогда в этих юртах и почти всюду по Иртышу прекратится у инородцев владение на родовых началах.

Родовые владения, о которых идёт речь, следующие:

- 1) Река Чагровая с прилегающими землями (около Ягодной протоки) принадлежит семи семьям родов Чагровых и Подлиных.

2) Река Чилимка, приток Конды с правой стороны, с прилегающими угодьями составляет принадлежность двух семей и одной женщины из третьей — рода Дусматовых и Подлиных.

3) Река Вачкинича с прибрежными угодьями (в верховьях Калмадаевского сора). Владельцами её являются три семьи родов Каскиных (2) и Мамкаевых (1).

4) Озеро и река Калмадаевы, впадающие в реку Чилимку, составляют владение двух семей рода Кумлиных, из коих пользуется ими только одна, так как другая перешла на жительство в Айдарские юрты (по Салыму).

Скажем к слову, что подобное смешанное землевладение, представляющее сочетание общинного с родовым, в настоящее время довольно распространено у русских крестьян волостей, расположенных по нижнему течению Иртыша и по смежной части Оби (Уватской, Юрковской, Демьянской, Денисиковской, Самаровской). Здесь родовое владе-

ние, очевидно, произошло несколько иным путём, именно исключительно при помощи купли и приёма в залог отдельными семьями участков земли от коренных жителей давних мест — остяков. Этими так называемыми «вотчинаами» пользуются лишь представители того рода, к которому они принадлежат. Документы, свидетельствующие о совершении сделки, имеются почти у всех владельцев; им как пришлому населению необходимо иметь возможность доказать свои права на землю.

В остальных селениях, как почти всюду в Тобольском округе, установилось, благодаря влиянию русских, землевладение на общинных начальках, т.е. земля сделалась принадлежностью всего селения, из скольких бы родов оно ни состояло.

Вышеуказанный прежняя форма землевладения и наводит нас на мысль, что дробление страны на небольшие самостоятельные единицы находилось в связи с делением остатцкого народа, или, вернее, каждого его племени на роды. Прежде, когда вся страна находилась во власти остяков, не было столько причин, мешавших развитию патриархального быта. Весьма вероятно, что роды были крупнее и число их в каждом владении невелико.

И действительно, мы и посейчас застаем нечто подобное у обзорских остяков. Кастрен сообщает*, что они «распадаются на множество мелких родов, из коих каждый образует сам по себе маленьков княжество или, вернее, большое семейство», и эти семейства или роды иногда считают сотни и даже тысячи душ в своей среде. То же замечается и у самодлов. Большая часть членов отдельных родов, конечно, не могут доказать своего родства между собой, но тем не менее смотрят друг на друга как на родственников, не иступают между собой в брачные союзы и оказывают друг другу материальную поддержку.

Из местных преданий мы узнаём, каким образом иногда дробились и разделялись роды и как иногда два рода соединялись в один союз. Например, в именитых Чиликанских юртах (Тонх-хут)* прежде правил один храбрый князь, который много охотился и воевал и потреблял такую массу

* A. Castrén Ethnol. Verles. С. 106.

** Меньши-Кондомской вол. Тоб. окр.

стрел, что за ним всегда возили целую подводу их. Наконечники для этих стрел ковал он сам, а перья должны были доставать его подданные. Известно, что для этой цели годятся только перья орла и филина, птиц немногочисленных, и поэтому добывать большое число их было делом нелёгким. Тяготясь этой повинностью, часть его подданных, воспользовавшись его отсутствием, покинули место Тонх-хот и поселились далее к западу у Зимнего сора, а потом перенесли свою жилищную на Конду, где теперь известны под именем магатских остатков. Некоторое время после их переселения они владели землёй сообща с чиликанскими остатками, а потом разделили её на две части. Это случай дробления одного рода и принадлежащих ему земель на две части, причём мы видим, что обе половины распавшегося рода носят почему-то разные фамилии.

Через некоторое время после бегства части остатков оставшиеся приняли к себе часть другого рода. Произошло это таким образом. Однажды по реке Чиликанке плыли лодки с вооружёнными людьми, женщинами и детьми. Князь Тонх-хота сначала принял их за врагов и хотел встретить враждебно, но они ему закричали, что у них мирные намерения, что плывут из Эмдера⁷ (Березовского округа) и ищут удобные места для поселения. Князь их принял и угостил, и так как им понравилось данное место, то они тут и поселились и вместе стали владеть землёй. Отсюда, по словам чиликанских остатков, у них и числится два рода и две фамилии: от коренных жителей происходят Лумкоткины, от пристельцев — род Галкиных. Для нас неважно, имело ли место все это в действительности, хотя вероятно, что это предание не есть вымысел, но все же оно показывает, что в отдалённых от нас эпохи родовые союзы принимали в свою среду посторонние элементы и, с другой стороны, некоторые члены его сами селились у других. Этим путём увеличивалось число родов в каждом владении.

Отдельные княжества были весьма разной величины. Вероятно, что в большинстве случаев они совпадали с остатками «волостями» (ныне *mi*) времён татарского владычества; так, историки, повествуя о наступательном движении русских в страну остатков, говорят, что Брязга покорил Курбинскую⁸ (тэт.), Туттасскую (ост.), Цингалинскую

(ост.) и другие «волости»*, что можно понять только в этом смысле.

При завоевании Тобольского округа русскими по Иртышу были расположены следующие остяцкие волости, начиная с юга: Тургасская (с Уватской), Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и ещё одна или несколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби, т.е. в самой северной части округа, которая теперь составляет Темляческую волость. Может быть, в выпенорившемся перечне и пропущена одна или другая мелкая волость, которая при занятиях края русскими слилась со смежной; так, например, на протяжении около 240 верст от реки Демьянки почти до устья Иртыша мы насчитали всего три волости.

Тургасская и Уватская волости названы у историков «татарскими», но вернее предположить, что население их состоит из оттарившихся остяков, что показывает как их тип, так и язык, который они отчасти сохранили и который представляет некоторые отличия от более северных наречий. И поныне главный язык их татарский, который, вероятно, и ввел в заблуждение летописцев и историков. Аналогичное явление мы встречаем и в Кондинском крае.

В настоящее время почти ни одна из этих волостей не сохранилась до нас в неизменном виде; напротив, более мелкие из них были соединены по 2–3–4 вместе, именно: Тургасская с Уватской и Назымской в одну — Назымскую, Цингалинская, Нарымская и Тарханская в одну — Нарымскую, так что теперешние «волости» по большей части заключают в себе несколько прежних, что главным образом находится в связи с вымиранием жителей. Но эти прежние волости, однако, не пропали бесследно и в настоящее время, а во многих случаях составляют сельские общества, на которых бывают разбиты некоторые из теперь существующих волостей. Тургасское сельское общество представляет для нас еще тот интерес, что все три селения, из коих оно

* Фишер таким образом характеризует прежнюю волость: «волость — на татарском и монгольском языках «улус» — значит в Сибири некоторое пространство земли, над которым поставлен князь или судья; так, например, татары и остяки у Иртыша живут в волостях...» (Историк Сибири II. С. 141, прим.).

состоит⁴, еще посейчас владеют своими угодьями сообща, как было прежде при существовании Тутарской волости. И эти угодья состоят из необъятных лесистых пространств, расположенных в бассейне реки Тутраса^{**}.

Одним из самых крупных владений в Тобольском округе было известное, по весьма многим сказаниям, княжество с городом Т'ялар-волою во главе. Оно, согласно преданию, выставляло в поход 300 мужей, что может соответствовать общему населению не менее чем на 1000—1200 душ обоего пола. Хотя это число и невелико для самостоятельного владения, однако нам кажется, что оно несколько преувеличено, так как вся Нарымская волость, южную часть которой составляло это княжество — Цигалинская волость Мильера, имела в 1816 году, т.е. в 7 ревизии, всего около 460 душ обоего пола. Конечно, судя по сильному вымиранию ее жителей, что доказывается точными цифрами ревизий в разные годы, оно и было прежде гораздо значительнее. В другом сказании упоминается о небольшом владении где-то на Оби, хотя и без точного обозначения места, где числилось всего 50 юношей, что соответствует, приблизительно, населению в 200 душ, группы жителей и теперь составляющей остаточную волость средней величины.

Судя по всему, среднее число жителей мелких княжеств описываемой местности было от 60 до 400 душ обоего пола^{***}. С этими выводами отчасти согласуются и соображения, основанные на данных исторических****.

Границами всех владений остатков и поголов и в весьма многих случаях русских и татар служат разные естественные

* Юрюзанские, Увадские и Альмыские составляли большую Тутарскую волость. В 1858 г. в ней числилось 52 м. и 54 ж., а в 1886 году — 44 м. и 36 ж. Прежняя Назымская волость, существовавшая еще при заселении Тобольска, имела в то время с Тутарской волостью 6 селений. В 1858 г. в них числилось 108 м. и 118 ж., а в 1886 г., вследствие вымирания жителей, — всего 70 м. и 69 ж. Теперь эта волость составляет Назымское сельское общество Назымской волости.

** В 1858 г. почти все это огромное лесисто-болотистое пространство было покрыто лесом.

*** Мильер упоминает, впрочем, и о таких мелких волостях, которые состояли из 3—10 годных мужских душ.

**** По берегам Иртыша и Оби городки были расположены на расстоянии 20—60 вер. друг от друга, как это видно из «Книги Большого Чертежа», которая относится к концу XVI или к началу XVII ст. Следующий отрывок из этого памятника покажет нам расположение город-

ные уроцища: озёра, речки, лес и т.д., что, без сомнения, бывало и прежде. Эти места, вероятно, до известной степени сблизились и в станину. В сказаниях и былинах мы нигде не встречаем войн из-за захвата земель. Впрочем, станица тогда еще была так богата дичью и рыбой, а население столь редко, что в подобных захватах особой надобности не представлялось.

Основываясь на этих данных, можно предположить, что в период, описываемый былинами и сказаниями, южные остики уже жили оседло. Однако тем не менее они и поныне не на официальном языке именуются «кочевыми» и погородцами на том основании, что некоторые из них имеют, кроме зимних помещений, еще летние юрты и урочищах, где они промышляют летом. Это название и потому не выдерживает критики, что подобное явление мы замечаем и у русских Тобольского округа. У некоторых из них тоже имеются пашенные и рыболовные избушки вдали от селений, а между тем их никто не называет «кочевыми». В действительности же южные остики, насколько у нас хватает известий, постоянно жили оседло, что уже доказывается присутствием у них городков, и только на время промысла расходились по речкам и лесам. В этом отношении они представляют большое различие с самыми северными своими сородичами, которые действительно, подобно самоедам, ведут бродячую жизнь.

ков в той части Оби, которая орошает северную часть Тобольского округа.

А выше Иртыша на Оби град Язды.

А выше Трьмы от устья Иртыша 30 вер. гор. Мазым.

А выше 30 вер. град Ларин. А выше Лиринка 20 вер. — град Лумгулдей.

А выше Лумгулдек 25 вер. — Салычир град. А выше 60 вер. Салым (Салым) град.

Столь тесное размещение городков не должно, однако, считать за причину густоты населения иначе, что в этой местности оно прежде, как и ныне, было сконцентрировано исключительно по берегам рек.

Глава III Внешний вид и образ жизни прежних остяков

Внешний вид прежних остяков. — Признаки красоты и силы. — Мужская одежда. — Боружение: кольчуги, мечи, луки и т. п. — Жилье: землянки и их устройство. — Общественные здания.

Прическа остяков в старину была довольно оригинальная и отчасти сходная с прической древних мадьяр. Они стригли или брили волосы спереди, а слади заплетали их в косы, вероятно, в две*, как это еще помнит водится в северной части Березовского округа. Отсюда происходит эпитеты воинов и святых угро-будем — «со стриженым головой», и венг' ет-будем — «со стриженым лбом», и прозвище богатыря сей урт — «косатый богатырь». Городу они также называли, хотя она у них, как вообще у угровского племени, и не отличается роскошным ростом.

Своей красотой князья значительно превосходили своих подданных. Про одного красивого богатыря (Ку) мурхата сбен урт, күй мурхаха веген урт^{**}) в былине рассказывается, что он ночью озарял комнату наподобие утренней заря. Характерным признаком красоты у остяков считалась белизна и прозрачность тела. О красивых людях в сказаниях и сказках говорится, что у них «сквозь кости виден мозг и сквозь мозг видны кости». Но эта прозрачность тела считалась в то же время признаком нежности сложения и физической слабости. Напротив, отличием силы была плотность и непрозрачность организма. Поэтому венцем богатырю было достаточно посмотреть сквозь своего противника на солнце, чтобы узнать, с кем ему приходится иметь дело. Этим путем эндерские богатыри раз-

* Мадьяры брали головы и носили 3 косички (К. Гром. Моравия и мадьяры. С. 318).

** Русский перевод этого прозвища будет: «Подобный болотной воронке косатый богатырь, подобный болотной воронке скользкий богатырь».

личили в толпе врагов своего главного противника, князя Евра: его тело состояло «как бы из сплошной массы серебра и золота»¹⁹, настолько оно было непрозрачно; у других же были видны насквозь все их внутренности. У одного богатыря, таким образом, красота преобладала над силой, у другого — наоборот. Но если признаки красоты и силы до известной степени и расходились, то все же это не мешало богатырям-силачам иметь свою особую мужественную красоту.

Относительно простой одежды остиakov в былинках и старинных сказаниях нет прямых указаний, но есть косвенные: именно в одной из них говорится, что у одного князя имелось два божка, одетых в малины (к ёл е - т о х). Мы же знаем, что весьма часто князодцы снабжают своих илов такими же предметами, которыми пользуются сами. Ввиду этого можно предположить, что прежние остики носили малины (к ёл е), а может быть, и гуси и парки, весьма распространенную в северной части Берёзовского округа одежду²⁰. С этим согласны и многие местные предания. Они говорят, что, отправляясь по каким-нибудь надобностям во вражеский стан, князья имели обыкновение надевать кольчуши под малины, чтобы не быть узнанными среди простого народа. Малины, гуси и парки делались из оленых шкур.

Ввиду того, что о сапогах (н'и), шапках и рукавицах (п'ос; двойств. ч. п'ос'еи) передко упоминается в былинах и сказаниях, возможно, что их иногда, именно летом, носили особо, а не всегда они были приспособлены к зимней меховой одежде. Материалом для них служили звериные шкуры, главным образом олени, а также шкурки птиц; в одном сказании мы встречаем руанины, сделанные из шкурки филина.

Гр. Новицкий^{*21} рассказывает, что главная одежда остиakov его времени, т.е. начало XVII века, состояла из выделанной кожи рыб, главным образом налима, осетра и стерляди, и что из этого же материала они готовили себе и сапоги. Кроме того, они употребляли для этой цели и шкурки лебедей, гусей и других птиц. Весьма возможно, что подобная одежда действительно носилась остиками в прохладное время, хотя об этом в народной памяти и сохранилось весьма

* Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остицком. СПб., 1844.

немного. В сказаниях и сказках только изредка встречаются на это намеки; так, в одной vogульской сказке, которую мне удалось записать, выступает один царевич, часто меняющий свою одежду; однажды он щеголял в спитой из рыбьей кожи. Кроме того, в былинках нередко упоминаются «искусно сданные «шкуры белотной сороки» (і́месс хорем н'урэм сау сох), «шкуры весенней чайки» (таз хален сох) и т. д., которые, вероятно, тожешли на одежду.

Богатыри, по словам былин, носили еще дорогие одежды из сукна (иу), из тонкого шелка (јермак) и из пушиного бархата (пуным бархат). Последний, очевидно, принадлежит к области народной фантазии и составляет анахронизм. Обыкновенно же в былинках обувь и одежда богатырей называется вайгай и'р, вайгай сах*, что значит «дорогая обувь», «дорогая одежда», а также «обувь и одежда, украшенные металлическими поделками». Этим же выражениям употребляются и для обозначения обуви и одежды знатных остатских женщин. Вообще у северных народов заметна лишь небольшая разница в костюме обоих полов. На голове богатыри летом носили шапки (міл, кыыт). Пояса (сіамп), на которых носили ножи, были, вероятно, ременные.

Принадлежность их костюма был еще шёлковый плащок (јермак охчам), всегда носимый при себе. Им завязывали глаза в случае большой опасности, особенно когда приходилось бороться с лешими и с самодедами-колдунами. Поступали они так, конечно, не из страха, незнамого богатырями, а из опасения, чтобы их не сглазил союзник их неизвестного противника — злой дух**.

Вооружение остатских князей состояло из кольчуги (тагар, тахр, тёт; vog.: јунтытаул), меча²² (атта-кэг'e, нар.), лука (јётог) и стрел (и'от). Иногда присоединялись топор (тајем) и дубинка из лиственного или елового дерева (нын наик, нын хут).

Кольчуга и меч составляли непременную принадлежность каждого остатского князя как на войне, так и дома, раз предвиделась какая-нибудь опасность. Называлось та-

* Такое имя кирса.

** И теперь у земных остатков считается рискованным для женщин и вообще для непосвященных смотреть на шайтана, что-де легко влечет за собой смерть.

кое княжеское вооружение сложным словом «такр кёг'е», в переводе: «кольчуга-нох» (меч). Простые же люди не имели кольчуг, да и мечи, вероятно, были доступны немногим из них.

Кольчуга представляла из себя рубашку, сделанную из металлических колец, и имела форму остижного гуся, т.е. была снабжена и рукавами, и племом; впрочем, были кольчуги и без верха. Откуда явились кольчуги — неизвестно, но предания о них и поныне живут в памяти инородцев Северо-Западной Сибири. Рассказывают, что кое-когда находили в земле куски старых кольчуг и даже целые, принадлежавшие прежним богатырям, о том же сообщают и многие писатели^{*}, но в бытности моя в севере Западной Сибири мне не удалось видеть подобные остатки.

Кольчуга пользовалась у прежних остиков огромным почетом и имела много названий, ибо делали богатырей почти неизуляемыми. Её называли «внушающим страх осядением из полотна многих земель» (а' мыл тагат петман тёт), «одеждой, спасающей душу» (тиг' ёттегай тёт) и т.д., не говоря уже о более простых эпитетах, как, например, «звеница кольчуга из блестящих колец» (и'лек ту кольяя тёт^{**}). По всему вероятно, они были сделаны из бронзы, может быть, и из железа. Самые элиточные богатыри имели, по словам билин, драгоценные золотые кольчуги (сорни), а л' «манде тёт^{***}). Были ещё кольчуги с украшениями, например, с многочисленными торчащими рожками^{****} (бнет сот нёгеп тёт)^{*****} и т.д. Носили их в военное время обыкновенно под дормитами одеждами и под меховой и, подобно гусю, надевали через голову.

* ...Образе знаменния воинских дел: шабель, панцирь множество обретают, но иск сия нетъзъ. А воинство (тои кумынник, и оттуду жантизъ, что драма лет народу учинил) именуются «армийскими делы». (Гр. Но- ашиц. Ириш. и др. варварские остатки. С. 44).

^{**} Также ар-мы-хой тэгетай суб гарым-пир не тэт — божественное, душу спасающее одеяние с прочным краем». Слово: «Ар-мы-хой» составляют эпитет сына Турова (Найврата) и означают: «муж многоязычный», т.е. много странствований. В каком смысле здесь употреблено слово «суб», означающее вообще «носух», — мне неизвестно.

^{****} Отсюда название богатырей: И'лексту кобайл тэт атэ ургъ, «звенишую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь»; «бнет сот нёгеп тэт атэ ургъ» и др.

При прибытии русских кольчуг у остяков, по-видимому, не было, иначе историки сделали бы нам какие-либо указания по этому поводу. Относительно причин их исчезновения можно сделать следующее предположение. Северо-Западная Сибирь (за исключением Урала) не производит других металлов, кроме железа, и жители этого края, судя по всему, никогда не были искусными кузнецами. Почти нет сомнения, что остатки богатыри получали кольчуги изнне, откуда именно — неизвестно: с запада, с юга или с востока. Известно только, что не с севера, где и тогда обитали дикие орды самоделов, стоявших на еще более низкой степени развития, чем остыки. Возможно, что остатки получали кольчуги через посредство своих западных сородичей — болголов и сырын — от камских болгар*, которые вели обширную торговлю с Востоком и еще в XIII веке проживали на берегах Волги и Камы. Прекращение привоза этого товара в страну остяков могло зависеть от какого-нибудь сильного переворота в соседнем государстве, с которым они вели торговлю, было ли то нашеество другого племени или какое-нибудь другое обстоятельство**.

Что же касается до того, куда делись имевшиеся у прежних князей кольчуги, то весьма возможно, что они последовали за ними в могилу по обычью остяков зарывать вместе с покойником его самые необходимые вещи. В самом деле кольчуги иногда находят в земле вместе с костями людей.

Таким образом, вряд ли возможно отсутствие кольчуг у остяков при нашествии русских объяснять тем, что она существовала только в народной фантазии. Кольчуги упоминаются в каждом из сказаний и былин остыков, voguliей и самоделов. Описание кольчуг иногда столь живо, что эти народы действительны должны были быть знакомы с

* Кольчуги были известны болгарам, см. свидетельство арабского писателя X века Ибн-Деста (стр. 24). Пр. Хмельсон замечает: «Я полагаю, что такие кольчуги въехали в Болгар с далекого запада и оттуда в склоне гор шли на восток». Известно, что камские болгары, в том числе и в Сибири, имели обряд. Д. А. Хмельсон. С. 187—189.

** Там же сообщается о временном прекращении торговли приволжских стран с Востоком в XII столетии: «... во время нахвостия татар прекратилась торговля, и из этих (т.е. приволжских) стран не привозили ни чёрных лисиц, ни белок, ни бобровых шкур и никаких других товаров, которых обыкновенно были привозимы из этих стран».

нею. Так, в одной былине описываются ощущения, испытываемые богатырём при надевании холодной кольчуги, и сравниваются с опущением человека, опрокинувшего себе на голову три ковши холодной воды. Когда, надевши кольчугу, богатырь гордо ходит по землинике, то маленькие дети в испуге пытаются наезд от леденящего холода² железа. Всё это весьма живо рисует нам настоящую кольчугу.

Из обоих названий меча — атта-кэг'е и наэр — последнее слово более старое и употребляется исключительно в былинках и сказаниях, первое же в разговорном языке. То же можно сказать и про названия кольчуги татар и тёт. Последнее встречается тоже лишь в эпических песнях и то обыкновенно в сложных словах.

Меч был сделан из железа и имел, вероятно, деревянную ручку и такие же или кожаные ножны (бодыль). Размеры его нам неизвестны. Богатыри им прекрасно владели и одним замком его разрубали человек на две части. Старые мечи и понты сохранились, кое где в глухих местах Тобольской губернии, главным образом, в амбарчинах, по свящённых богам, где в исключительных случаях, по словам инородцев, попадаются и кольчуги. Но удостоиться увидеть божество и его доспехи в лицу недоверяют жителей несыма трудно.

В одном героическом рассказе описывается ещё одна чудесная сабля. Она не терпела, чтобы её обижали, а раз это случалось, она, помимо воли владельца, рубила направо и налево и убивала всех находившихся поблизости, невзирая на то, были ли это свои или чужие, мужчины или женщины. Про эту саблю говорили, что она всегда «сочиняла женской и мужской кровью» (ней вырат, хуй вырат оувёт). Прозвание ей было: Т'апар-јітай-наэр — «ручная сабля Тяпарского (князя).

Находимся почти в каждом городке куски железной кузнецкой окалины нам показывают, что и в те отдалённые времена остики были отчасти знакомы с кокой железа и выделкой металлических вещей, как, например, ножей и наконечников для стрел. Часть этих предметов, впрочем, ещё с XI века доставлялась в область Оби и Иртыша из

² Следует заметить, что дело происходило зимой и в жилище, не способном держать тепло.

Европейской России. Русский летописец и арабские писатели единогласно сообщают, что Югра (остяки и ногулы) выменевала у своих западных соседей (русских, болгар) меха на железные товары*. Что касается мечей остицких богатырей, то они, без сомнения, чужеземного происхождения. Вряд ли можно предположить, что прежние остики были в состоянии их выделывать. Вероятно, они тоже получали их с Запада. Это подтверждается и словами арабского писателя Абу-Хамид эль-Андалуси о том, что болгарские купцы покупали в исламских странах простые, необделанные клиники мечей и возили их в страну северного племени Юра, где на этот товар был хороший спрос**.

Искусство выделывать металлические вещипало в Северо-Западной Сибири ещё до XVI столетия. Русские уже не застали остицких кузнецом. Они, по словам одной местной легенды, ушли на Восток, в Китай. Мало того, теперь на 1000 верст от Иртыша и Конды, где находятся городки, неизвестны местонахождения железной руды***.

Лук состоял, как и теперь, из двух половинок разных дрепесных пород, склеенных рыбьим клеем, перевязанных ниткой и обмотанных берестой. Нижняя половина его делается из кремёловой сосны, т.е. из той части боровой сосны, которая обращена к солнцу и поэтому отличается особенной твёрдостью и плотностью, верхняя половина из берёзы. Тесло делается тесём из конопляной бечевы, обмотанной берестой; прежде, вероятно, приготовлялась из крапивной или из жил животных. В одном гимне описывается лук божества Пайрахта[†], тетива которого состояла

* Известия Ибн-Десте о казахах и т.д. /Пр. Хованова. С. 189. «Арабы знали, что болгари жили во самом Севере с Югурд между Чоркасом, причём они меняли мех на острые железные товары. Об этом слышал чистаки и Инегира».

Эта торговля, вероятно, продолжалась и в более поздние периоды и до самого падения русской Сибири. Желая держать остиц в повиновении, царь Иван Грозный в 1581 г. запретил им изготавливать боевое оружие, топоры и проч., что вызвало сильный рабочий со стороны ивородцев (ногулничей), которым было труднее обходиться без этих необходимых предметов. Самы же они в это время уже не умели отыскать землю для заселения и потому, что властелин требовал от них некоторое время, это было отменено. Только в 1628 году, когда реки Ниша, в Ирбизском округе, была устроена первая за Уралом плавильня.

** А. Хамадин. Там же. С. 190.

из 10 пучков пряжи, из коих пять были крапивные и пять из золотистого шёлка (сорн'я ярмак).

Стрелы состояли из деревянного черенка и костяного или железного наконечника. Для стрельбы черенков употребляли какой-то инструмент в з а ш а м . Наконечники, без сомнения, выделялись у самим остиаков. Смотря по назначению, стрелы были снабжены разными наконечниками: стрела с тупым костяным или деревяниным концом в виде пищика — в о л ы п и 'от , тамар — употреблялась и помыне употребляется для охоты на белок. Стрелы с железным двуярмым наконечником (лан) предназначались для крупных зверей: медведей, лосей, оленей. Для птиц и мелкого зверя употреблялись такие же, но более мелкие, железные и костяные стрелы, а также одноконечные (пус). Военная стрела имела трёхгранныю форму и отличалась более крупными размерами. Называлась она «хахрай и 'от пете урын и 'от » — «стрела, граничная наподобие граня клюва щелкуны». Наконечник её был из кости и из железа.

Противоположный конец стрелы был снабжён перьями, которые сидели на черенке тремя продолговатыми рядами. Для этой цели употреблялись исключительно перья от крыльев солов и филинов, как совершенно прямые.

Кроме вышеизначенных обыкновенных луков, некоторые богатыри имели еще более искусственные, сделанные из лосиных рогов, причем отдельные части их были скреплены винтами. Эти луки были весьма крупных размеров и могли складываться. Таков, например, был лук сатыжинского князя К и т в о р - д т е р 'а , который, по преданию ландских vogulichей, весил 12 пудов и был столь туг, что семеро простых людей не в силах были его натянуть.

Луки были главным наступательным и оборонительным оружием остиаков. Затем, как сказано, у них были еще топоры, копья и дубинки.

Топоры редко употреблялись в битвах. Они были скорее орудием для домашнего употребления: для заготовления дров, для постройки жилиц и т.д., но также применялись для разрушения вражеских палисадов и во время охоты на зверя. Изготавливались они из железа. У богатырей они были больших размеров, величиной с лопатку олени (хор пахида ёне тајем), и носились за поясом.

По словам остяков, у них в прежнее время были ещё посохи-топоры (сей-тазем), т.е. небольшие топоры, насыженные на длинную палку. Употреблялись они в дороге, чтобы при случае приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войне. Это как бы зачаток алебарды.

Колья (суй, онда) у прежних остяков, вероятно, редко употреблялись на войне, по крайней мере об этом нигде не упоминается, хотя, с другой стороны, довольно многочисленны находки их в пределах Тобольского округа, например, около деревни Топорки (Самоедская волость), и доказывают, что они были знакомы прежним обитателям края. Эти железные наконечники имели от трёх до пяти вершин длины и состояли из острия и конической трубки, при помощи которой их насаживали на заострённой колье. Некоторые из этих наконечников настолько невелики, что склонны называть концы дротиков, чеки копий. Главное назначение кольев (рогатия) было прежде, как и теперь, — служить оружием при охоте на медведя.

Употребление щитов было неизвестно прежним остякам.

Жилища. Главный тип жилищ прежних остяков были землянки. Они назывались просто «домом» (хот, хат). Теперь они выились в Тобольском округе и в южной части Берёзовского и кое-где сохранились в его северной части да в Сургутском округе. В пределах Тобольского округа такие землянки строятся только около некоторых водных бассейнов, где промышляют зимой. По сравнению с общепотребительными в настоящее время на юге деревянными домами (хот, хат) землянки называются теперь мыг-хот, т.е. «земляными домами».

Они представляли из себя четырёхугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный сруб, и имели крышу (танет, торош) из жердей, крытых дёрном из елей⁴. Крыша была не сплошная, а имела сбоку или посередине довольно большое отверстие для выхода дыма и для света

⁴ О подобном же устройстве жилищ сообщает и Миллер при описание города около с. Самарова: «...Внутри видны следы двух изб по двум ямам, над которыми те избы до половины в земле и до половины сверх земли из досок были сделаны и землю осыпаны, как то в старину у остатков в обыкновении было. Ниже таких юрт у них весьма мало осталось». (Ист. Сиб. С. 128).

(хот хонын выс). Подобные жилища в прежнее время окон не имели. На ночь это отверстие обыкновенно чем-нибудь закрывалось: клоком сена, пучком тростника или шкурой. С одной из сторон землянки был устроен вход, к которому вёл ряд ступенек или просто спуск. Вход был защищён небольшой досчатой дверью (хот-он, хат-ау). Небольшая площадка перед дверью, огороженная с обеих сторон жердями для защиты входа от ветра, вероятно, и называлась тёбын — «сениями», о которых неоднократно упоминается в библиях. Трудно предположить, чтобы тёбын изображал из себя особую пристройку перед входом, разве только у князей. Сени служили любимым местопребыванием охотничих собак.

Около жилищ находились амбарчики (табас, кыма)* на высоких ножках, где хранилась домашняя промышленность и разные вещи. Один из них обычно и предназначался для домашнего божества и его доспехов.

Внутри землянок простейшего устройства, каковы, например, вышеупомянутые рыболовные избушки, всё состоит из земли: пол (хат-хар), скамья (ват'-хар) и очаг, или чурал (т'огол), который представляет из себя небольшую выемку в земляной стени, как раз против отверстия крышки, так называемого хот хонын выс. Иногда место для разведения огня бывает посередине комнаты, и в этом случае отверстие для выхода дыма находится в её центре.

В более усовершенствованных землянках, какими были жилища князей, а может быть, отчасти и простых людей, скамьи, стены и пол были из дерева, причём последний имел даже эпитет «дощатый» (пусай-хат-хар). Чувал в подобных землянках, вероятно, тоже имел деревянный остов и был покрыт толстым слоем глины, как это и ныне видится на севере Сибири. Небольшой промежуток между чувалом и стеной дома, называемый т'оголлох, служил местом для хранения и сушки дров.

Весь дом обычно состоял из одной комнаты, где и помещалась вся семья: взрослым девицам отводили особый угол, где они сидели за занавесом.

* Возможно, что первое слово заместовано от русских (+лабаз), так как на северо-остяцком наречии оно произносится «тлабас». К тому же в библиях оно, по видимому, не встречается и заменяется словом «хыма».

Часть дома и комнаты, обращенная к дороге или улице (хорт), называлась «лицевой» или «фасадом» (мут). По этой улице были кое-где вбиты столбы (анкет, «вшанкет») для привязывания оленей, иногда изукрашенные зарубками и изображением человеческого лица или животных.

Подобные столбы еще отчасти保存лись в некоторых хортах по Конде, причем между ними встречаются и довольно оригинальные, с изображением, например, птицы, сидящей на крыше. Эта птица, вероятно, не что иное, как почитаемый ими лебедь. Кроме своего прямого назначения, эти столбы имели еще какое-то символическое значение, ибо к ним привязывали и теперь привязывают жертвенные животных, предназначенных для общественных жертвоприношений.

Кроме частных жилищ, во многих поселениях имелись еще большие общественные здания для народных собраний (г'ат' тантта ёне хот, мой танта ёне хот)*. Состоили они из жердей и били, вероятно, конической формы. Размеры их иногда были довольно значительны; так, в одной былине рассказывается о таком здании, состоявшем из 800 жердей (нгтот-шурпе шурый хот). Иногда, впрочем, собрания происходили в обширных помещениях князей.

* Т.е. «большой дом для сбора воинов и сватов».

Глава IV Внешний вид и образ жизни прежних остяков (Продолжение)

Занятия остяков: охота, рыболовство, оленеводство. — Знакомство их с рогатым скотом, овцами, лошадьми. — Собаки. — Шина остяков: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли. — Посуда. — Хлеб. — Питье и еда.

Занятияя прежних остяков тоже состояли исключительно в охоте, рыбной ловле и оленеводстве.

Охота производилась главным образом при помощи лука и стрел; добывалась состояла в крупных животных, лесной и водной птице. Остякам была, вероятно, известна и значительная часть именныхловушек на пушного зверя и птицы. Так, в былинках встречаются «слопцы» (съёсе), «перевес» для уток (вася пит'я, катт) и др. Наше предположение находит подтверждение и в том, что большая часть этих ловушек, равно как и рыболовных снастей, имела до прихода русских и имееет в настоличе время свою туземные названия, чего бы, очевидно, не могло быть, если бы они были заимствованы извне.

Главные старины остяков, конечно, были направлены на то, чтобы добывать оленей и досей, доставлявших им значительный запас пищи. Заметим, что прежде они встречались в больших количествах, чем теперь. Охота за досем считалась занятием благородным и достойным князей, и даже их божества, как Тунк-пох и Паграхт'я, не гнушались испытать при этом свою ловкость. Способы её были те же, что и в настоличе времена в здешних краях, почему мы и не станем их описывать.

Не менее важным средством для пропитания служило им рыболовство. Из способов его, которые им были знакомы, в былинках упоминается лов при помощи прутовых морд (пун), сетей из крапивной прядки (хбалип, сојеп), жердяных запоров (вар). Вероятно, они знали и другие ловушки.

Остяки умели добывать рыбу не только в озёрах и речках, но и морскую рыбу в крупных реках — Иртыше и Оби, где лов требует большого искусства и более крупных снастей. Так, в былинках передко упоминается осётр, «струна» которого употреблялись богатырями на «рыбий клей» (а э м), например, для склеивания обеих половников лука, для покрытия струн домры и т.д., а масло и жир которого составляли и любимое лакомство. Упоминаются в них и нельмы, налим и стерляди, которые также являются обитателями называемых двух потоков, не говоря уже об сёрёжной и речной рыбах, как чебак, окунь, ерш, щука, которая составляла и составляет обиденную лицу остатков всех времён и местностей.

Здесь место сказать несколько слов о лодках, без которых в этой северной стране немыслимо никакое сообщение в летнее время. Они одинаково необходимы для охоты и рыболовства, в мирное и военное время. Лодки (х о п, р іт) тогда употреблялись исключительно доблестные, и поэтому толстые осинны, а также другие деревья, годные для этой цели назывались х о п - юх, р іт - юх (юх — дерево). Крупные лодки для плавания по большим рекам назывались р ёт (у югунов — р уг), термин, который еще понимался по реке Салыму. Эпитетом остатской лодки было выражение ѹнет-пүүпе и'агат рот — «грязная лодка с водянным задом», самодской также и ѹтаресен-пүүп рот — «лодка с раздвоенной кормой», так как лодки самодов имели корму несколько другого устройства. Оно, по словам остатков, ещё и теперь сохранилось отчасти у этих обитателей Крайнего Севера. Лодки некоторых богатырей, предназначенные для войны, были изукрашены изображениями зверей и птиц (тегет-адье хаң 'ен р ёт).

Имелись также и «крытые» лодки (х орэй р іт), причём на крышу потреблялась береста, как это местами ведётся и теперь. Из местных преданий мы узнаём, что, кроме деревянных лодок, в данной местности били и ходу и берестяные. Их, например, употребляли самоды во время своих походов в глубь остатской страны. Через водолку их легко перетаскивали на себе. Некоторые делают еще предположение, что у самоедов прежде были и лодки из кож².

* Заметим к слову, что те и другие ещё и помыне в употреблении у обитателей севера Америки: первые — у индейцев Аляски и британских колоний, вторые — у эскимосов.

Большой интерес для нас представляет оленеводство. Оно теперь значительно слабее развито, чем прежде. Во времена, описываемые былинами, область оленеводства простиралась гораздо далее к югу, чем теперь. Ныне в нижней части Оби олени держат на южном Берёзова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и в нижнем течении Иртыша, почти до реки Демьяны, т. е. всего 250 вёрст к северу от Тобольска, а может быть, и южнее. Олени в то время были в описываемой местности единственными домашними животными. Они доставляли остаткам мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили в качестве перевозочных животных. Без них не обходилось ни одно жертвоприношение и ни один пир. Ни один зимний поход не мог состояться без них: благодаря их лёгкости, всходу, где лежал снег, для остика было открыта дорога.

Для упряжи употреблялись, по-видимому, только оленные быки (хор). Это соблюдалось и теперь на Севере. Санки (богт) были лёгкой постройки и прикреплялись к животным при помощи ремней. Более зажиточные князья покрывали себя при езде на санках пестрым одеялом или ковром (итй ланк, хан^г'ен нар).

Безбедное существование остатков было связано с обладанием этим животным. Размеры оленеводства в те времена нам неведомы, но, судя по всему, их держали в достаточно количестве, а у князей были даже значительные стада. Из них они обыкновенно отпускали животных для общественных жертвоприношений.

Рогатый скот лишился впоследствии сделавшего известен остаткам, отчего и не имеет туземных названий, а именуется заимствованными из татарского: корова — сагар, бык — угес^х. В моих былинах и германских сказаниях о нём, как и об овце (оши), совершенно не упоминается. Впрочем, эти животные, как более живые и требующие помещений и заготовки сена на зиму, не могли для бес民族文化ного остатка заменить оленей: последние доставляли им пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лопаль (гай) была известна остаткам, вероятно, раньше, чем коровы и овцы, и иногда упоминается в былинах.

* Есть еще другие названия: мис — корова, кэр-мис — бык, которые сродны с алтайским мүүс (слов. турецк. — тат. нар. Л. Будагова).

Она, однако, по-видимому, не была доминным животным остия, а уже по той причине, что в здешней болотистой местности, изрезанной речками и озёрами и на добрую половину покрытой лесом, летом не может произойти сообщение на конях, а зимой, ввиду глубины снегов и отсутствия дорог, только с трудом. К тому же они также требуют известного ухода. Впрочем, в одной билинии рассказывается, что трое князей из города Ка́ры-поспат-үрдат-вош отправились в поход на полуленную сторону и привезли оттуда по «славному крылоногому животному» (тöхтөн-курде јем ёё) и по красавице полуленной страны. Далее ссыпается, как они пустились на этих крылоногих животных настичать эмдерских богатырей, догнали их и изрубили. Здесь «крылоногие животные полуленной страны», без сомнения, кони.

В другой билини из области реки Демьянки встречается даже «крылатый конь» (понтай тау), который поднимал вездеску под облака. Однако эта последняя билини носит несколько иной характер, и поэтому кое-что в ней могло быть заимствовано у соседних кочевых племён.

Употреблялись кони в те времена, вероятно, главным образом для жертвоприношений. Обычай этот, судя по Гр. Новицкому, заимствован ими у соседних татар и поэтому соблюдался, вероятно, только в южных местностях; сохранился он между остиками и по настоящее время.

Другим доминантным животным прежнего остия, кроме оленя, была собака (амп, лёба): её держали ради охоты и отчасти в качестве перевозочного животного. Судя по одному германскому рассказу, видно, что у самодов собака служила и жертвенный животным, что мне подтвердили и некоторые старые остики*. Например, голова самседа Сос Турума, избегнув меча остицкого богатыря, говорит последнему между прочим: «Что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самодской земли принесут сюда предназначенные мне чаши и туяси, пусть принадут в качестве кровавой жертвы хвостатых и шерстистых собак».

Пища остиков состояла из продуктов оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо, по-видимому, не всегда употреблялось остиками в сыром виде в противоположность самоедам, за

* То же самое мы встречаем у племени чукчей «намолло».

это и получившим от остатков прозвище н'ара нога тёда хор јаранет — «сырое мясо едящие олениные са-моеды»*. Его чаще варили в больших котлах (сараях, путах). Последние, верно, были из меди. В бывших упоминаются котлы с железной ручкой (карт нуре нурмы пуг)*** и большие котлы с семью ушками (табет пыдел са-рани)****. Рыба же употреблялась в сыром, сушёном и варёном виде. Олени и лоскное сало и осетровый жир считались большим лакомством и подавались гостям. Помещалось то и другое в берестяных корзинах, луковицах, туесах, как и сухая рыба и жидкости. Эти берестяные корзины были разных фасонов и величин (куч, кучум, соен, хайнт, юнет, кіт'). Употреблялись также и глиняная посуда*, которая в бывших изменилась просто словом «иана» — «чашка, тарелка, блюдо»****. Еда почти всякую лицу руками, с исключением жидкостей; для неё предназначались большие и малые деревянные ложки (ты, н'а л'а), которые выделялись при помощи инструмента кайр'ас. Рыбий жир обыкновенно не ели ложками, а в него макали куски рыбы. В виде лакомства ели также и разного рода ягоды, изобилующие в их стране: бруснику, чернику, морошку, черемуху, ягоды шиповника и боярышника и т. п., их запасали также на зиму.

Слово «тайт», часто употребляемое в остатском языке, может нас ввести в заблуждение относительно знакомства остатков с продуктами земледелия, так как в настоящее время тайт означает всякий хлеб в заре, главным образом рожь, кат'-тайнт — ячмень. В этом же смысле употреблено оно в эпилете Иртыши: Тантын Тайтат ноува ѹинк — «хлебородный Иртыш, белая (мутная) вода». Прежде же это слово, по-видимому, имело более широкое значение и применя-

* Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателям красного севера Америки эскимосам их более южным соседям чакайцам. Именно слово «эскимос» произошло из слова индейского племени алгекинов «эскимитики», что значит «едящие сырое мясо».

** В 1888 году, в бытности мою в Семиреченской вол., в д. Горских, мне удалось видеть из древней могильы средней величины котелок из красной листовой меди и с железной ручкой. Возможно, что он русского происхождения.

*** Слово «сарая» значит также «зырянин», что находит на мысль, что остатки получали кочевники при посредстве этого ящика.

**** В городах в изобилии находят черепки от глиняной посуды, изображенной различными узорами и рисунками.

лось для разного рода пищи, преимущественно для наиболее употребительной — рыбы. Выражения «с орый тант, тёбый тант»¹, часто встречающиеся в былинках и сказаниях и означающие, вероятно, «сухое и мягкое жито», могут поэтому означать и сухую, и мягкую (свежую) рыбу, как и полагал один из иородцев, мой учитель осяцкого языка.

Следующие сложные слова: «ватя тант» — «олений мок» и «тада-тант» — «голод» тоже могут быть легко объяснены при этой гипотезе. Первое выражение состоит из слов «ватя» — «оленя» и «тант» — «пища». «Тада-тант» из «тада» — «пустой», «отсутствующий» и того же слова «тант».

Но с другой стороны есть и иные, более существенные указания на то, что остаткам отчести было знакомо жито — это постоянно упоминаемые в былинках «чаши и берестянные туесы с лепящимися отверстиями» (н'аурый ойыл ана, н'аурый ойыл јішет), под которым и можно подразумевать только сосуды, наполненные осяцкой брагой. В настящее время она приготавливается из ячменной или ржаной муки с примесью хмеля или растения атгасепе и иносит название пусса. Возможно, что то же было и в прежнее время, если не предположим, что они имели другие суррогаты для ее приготовления, например, берёзовый сок, который, однако, в настящее время значения не имеет.

Если остатки были знакомы с хлебом, то можно допустить, что они получали его² от более южных племён, живших, например, около Тобольска, где действительно при раскопках³ находили в земле остатки земледельческих орудий и приборов, служивших для дробления зерна. Виду того, что эти предметы, по-видимому, татарского происхождения, возможно, что остатки получали хлеб от татар и что понятие о браге было внесено в быльны уже впоследствии, когда земледелие при их владчестве сделало значительные успехи в

¹ Сорымы — мёртвый, сухой; тёбый — может быть, есть синоним слова «тёбет» — «мягкий». Это слово мало понятно нынешним кондаковским остаткам, так как оно арабского происхождения.

² Возможно, что остатки знали производство хлеба с хлебом от заржи, так как у них общее слово для выражения понятия «хлеб» «н'аин»; то же у останков. Оно сродно с перс. «нан».

³ Здесь имеются в виду раскопки, производившиеся на месте бывшего города Искера (Сибири) любителем-археологом Знаменским.

Тобольской губернии. Именно из истории мы знаем, что и северные татары, жившие о бок с остяками, селяли отчасти хлеб: так, атаман Бризга, предприняв в 1581 году поход в страну остяков, уже в Аремяйской волости, т. е. в 50 верстах к северу от Тобольска, застал хлебопашество.

Что же касается до нынешнего слова «пусса», «луса», то оно татарского происхождения и в былинках не употребляется. Применялась брага при жертвоприношениях и пилась на следовавших за ними пирах. В других рассказах и преимущественно в сказках она именуется словом «сар-гүнк». В сказках же встречается еще другой напиток маг-жинк — «мэд», или первое «медовая вода». Водились ли пчёлы в прежнее время в Тобольском округе — неизвестно, вероятно, нет, потому что иначе они водились бы и теперь. Скорее предположить, что остатки получали мёд от мызян, в стране которых водятся пчёлы и которые в прежнее время играли до известной степени роль цивилизаторов Северо-Западной Азии. Это предположение подтверждается и сходством названий слова «мёд» на обоих языках (мыръ: ма).

Следует упомянуть еще об одном напитке, который прежде был в ходу среди финского населения Тобольского округа и который отчасти и поныне ещё употребляется в глухих углах Северо-Западной Сибири — это навар из берёзового нароста: уш-жинк. Он же имел значение и в народной медицине.

Слово «водка» (вина, пыгде-жинк), встречающееся в одной былине, есть не что иное, как резкий анахронизм, и дальнейшего разъяснения не требует. Она вошла во всеобщее употребление у остяков лишь в XVIII столетии, так как еще Гр. Новицкий, писавший в начале прошлого столетия, сообщает, что вода есть единственное питьё остяков. Не упоминает он ничего и о браге, без которой в настоящее время не обходится ни одно жертвоприношение.

Роль водки в прежнее время, как отчасти и теперь, на глубоком Севере играл мухомор (панх), который, съеденный в достаточном количестве (от 7 до 21 и даже более штук), производит временное возбуждение и вызывает сильные галлюцинации. Едят мухоморы обыкновенно в сухом виде, запивая их водой или предварительно намазав их маслом или жиром.

Глава V Князь — военное сословие

Начало княжеской власти принадлежит весьма отдаленному времени. — Благство князей. — Отношение простых людей к князю. — Отношения князей между собой. — Совместное правление нескольких князей. — Деление земельных владений княжеских в одинаковом количестве. — Область правления. — Народные собрания и племенные Княжеские собрания. — Воинские учреждения. — Ристальца — Доказательства силы и отваги князей. — Штат князей. — Рог — символ радости. — Другие качества, характеризующие князей-богатырей: соблазнительность, благородство и изысканность, храбрость и воинственность. — Кровное право. — Умственное превосходство богатырей над простыми людьми. — Способность их принимать образ животных. — Общечеловеческие чувства.

Относительно происхождения князей мы ничего не можем сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своим особым доблестям и силе. Случилось это, вероятно, в эпохи, предшествовавшие той, в которую слагались быльны, так как в них мы во всяком владении застаем не только главу-князя, но и целую родовую аристократию из лиц книжеской фамилии. В описываемый период книжеское достоинство было наследственно и недоступно для простых людей.

Своим благородством остижие князья значительно превосходили своих подданных. Оно выражалось не только в более дорогих одеждах и доспехах, но и во всей их домашней обстановке. Их помещения были хотя того же типа, но несколько большие и лучше устроены: судя по былинам, пол у них был из деревянных половиц, соединенных между собой железными и жестяными скобками. Они имели особые помещения, где у них хранились разные ценные вещи (вагат уделем, ташат удел тага)*: пушной товар, сукно, шёлк, металлы, оружие** и т.д.

* Букальце: «место, где находился метал и товар».

** Напр., историк Миллер (стр. 201) приходит следующий перечень иму-

Амбары (хыма, кама) их домашних богов были переполнены соболинными и другими дорогими мехами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконец, они имели возможность содержать несколько жен, например, про богатыря Сонгушу в былине говорится: «с семи концов света он взял в жёны семь девиц»*, что, несомненно, указывает на значительное довольство. Этот обычай и теперь ещё отчасти сохранился на языческом севере Тобольской губернии, где более зажиточных остатки и самоеды имеют по два и три жены. Но всей же разинца в образе жизни князя и простого народа у остатков не походила на различия между владельцами и подданными более цивилизованных народов Востока.

Как и простой народ, князья ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этим более для своего удовольствия, чем по необходимости. Все они имели известное число слуг и служанок, вероятно, рабов, на обязанности которых лежали не только все домашние работы, но и снабжение их пищей и обогревание их стад оленей и т. д. Кроме того, о нуджах их заботился и простой народ, который их чути не ботоговорил.

Почти одинаковым с ними по чётому пользовалось всё княжеское сословие, незирая на ступени родства. Также и отношения лиц княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшего и были основаны на патриархальных началах, или на подчинении младших старшим. Самые старшие в роду считались главами народа (ух), независимо от числа их. Поэтому мы нередко встречаем в остатках городах двух и трёх князьков одновременно. Ввиду такой сравнительно равноправности лиц княжеского достоинства мы не находим в остатком героническом эпосе каких-либо указаний на сильные столкновения сыновей князя между собой или с другими родственниками из-за власти; напротив, в одной былине мы встречаем в городе двух правящих князей-братьев, в другой тоже двух — дядю

* бытна, напечатанная в 1594 г. русским и оставшим у князца князя Альбомиром - в золотых серебряных, 426 соболей, 13 чернобурых и бурых и красных лисиц, 61 бобёр, 1000 белки, замеса дороги, и т. д. и т. д.».

* См. вып. III. С. 94.

и племянника. Во всех случаях, когда народ начинал говорить, он обращался со своей речью ко всем им, считая их, таким образом, равноправными главами, и не только к лицам мужского пола, но и к лицам женского пола. К последним, впрочем, только для формы, чтобы увеличить красоту стиля, что, как мы видели выше, отчасти достигается повторением однозначных или близких по смыслу слов. Женщины же ни во внутренних, ни во внешних делах княжества активного участия не принимали.

Сами же князья часто уступают первенство старейшему из своей срэлы, называя его «главой города» (юч-ух), но только звиду его возраста и предполагаемой большей опытности. Если же происходило какое-нибудь недоразумение между ними, то они действовали, как лица равноправные. Иногда случалось, что они делили владение и всех подданных на две особых маленьких, независимых друг от друга княжества. Таким образом, в одной из былин, где правили городом дядя и племянник, они, поздоровив, решили разделить свой город на две части и привели это в исполнение. При этом они разделили поровну и людей.

Полобное дробление владения могло быть тем легче произведено, что в городках, где имелось двое или несколько князьков, каждый из них, по видимому, управлял известной областью его был начальником над известным числом воинов даже в том случае, если они жили в одном городке. Таким образом, в одном сказании при описании перебоек воинов говорится: «Младший муж встал, взял полено из-за чувала (очага), срезал на нём три грани и зарубил 150 мужей со своей области, и старший муж взял полено из-за чувала, срезал на нём три грани и зарубил 150 мужей со своей стороны»^{**}. В дальнейшем изложении каждый из братьев является начальником над своим отрядом. Хотя только старший из них имеет звание «главнокомандующего войсками» («т' ат' -ух»). Аналогичный пример мы встречаем в истории: в Демьянской волости при завоевании её русским

^{**} Здесь идёт речь о Чигитянской волости, расположенной по обеим берегам Иртыша, ввиду чего весьма вероятно, что каждый из князей управлял одним берегом. Это подтверждается и преданием, которое сохранилось у чигитянских остатков о 2 князьях — братьях Сакхасе, которые жили на высотах об обоих берегах Иртыша и, имея всего один топор, передавали его в случае надобности друг другу через реку.

ми считалось два городка и имелось двое князей: Нимныи и другой, которого историк называет христианским именем Роман.

Иногда, наоборот, один какой-нибудь князек являлся главой двух и более городков, причём в последних в этом случае уже не было своих начальников. Возможно, что каждый из этих городков прежде составлял отдельную небольшую волость — в историинередко упоминаются крошечные волости в 3–5–10 пятиэтажных дуп, или около 12–20–40 душ обеого пола — и что вследствии некоторые из них соединились по 2–3 вместе ради самозащиты. Таким образом, котскии князёк Лугуб правил шестью городками⁴. Другой влиятельный князёк Самар господствовал над низовьями Иртыша и над смежной частью Оби. Ещё более, в отдельных случаях, усилилась власть князей при русском владычестве, когда некоторые из них, например, Алачев, были поставлены правителями над многими волостями, но зато весьма многие другие были при этом сравнены в престами пломбы.

Верховных властителей над более или менее крупными областями, под властью которых группировались бы вышеупомянутые мелкие князьки, в описываемый период в данном крае не существовало, не говоря уже о царях, понтии, по-видимому, чуждым остаткам того времени и вошедшем в их язык лишь впоследствии, при их столкновениях с татарами. Ввиду этого, слово «царь» — хо — есть не что иное, как видоизменение татарского слова «хан».

Итак, мы видим крайнюю децентрализацию власти у остяцкого народа, если его рассматривать как одно целое. Стремление к национальному единству никогда не проявлялось не только у всего остяцкого народа и у отдельных его племен, но, как мы видели, даже у составлявших племена родов.

Образ правления в мелких остяцких княжествах имел некоторое отдалённое сходство с монархическим despoticism. Все дела, вероятно, решали сами князья; при наиболее важных делах они, однако, созывали народное собрание, на которое, хотя и собирались всё население города и

* Куковец, Ильчма, Лапин, Мучкос, Инуль и Берёза (Мылл. Ibid. С. 159).

селений, однако празом голоса, по-видимому, пользовались только старейшие в роде, к какому бы званию они ни принадлежали. С ними князья только и совещались.

Всякое народное собрание начиналось жертвоприношением богам и общим пиром, на который создавался народ одним из рабов князя. Настытывались пищёй, старики открывали собрание, обратившись с речью к князьям и прося их выяснить причину настоящего сборища и пира. Или так как такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики нередко прямо их спрашивали, в какую сторону будет направлен поход, и, узнав куда, рассуждали, сколько шансов имеет за себя данное предприятие и стоит ли его вообще начинать. Князь, выслушав советы стариков, все-таки обыкновенно решал дело по-своему, ввиду чего собрания продолжались недолго и оканчивались вербовкой воинов для похода.

Для большей наглядности приведём образец такого собрания князей со стариками: «Князгии нашего города и князя нашего города! — начинают они. — На какой край земли сосредоточили вы ваше внимание, речи вашей начало, слова вашего начало, вы нам откроите, в какой край земли вы же-лаете направить воинов^{*} со стрижеными головами, сватов со стрижеными головами?». Младший муж (князь) отвечал: «Мы сварожаемся в город Кровавого богатыря, старика Нангхуши, ради младшей дочери Нангхуша, девицы». Многочисленные слоголовые старцы сказали: «В город Кровавого богатыря, старого Нангхуша, отправлялось много мужей. Как они опрокинули свои грузные лодки с водяной кормой, в которых сидели, на вилковатые сучья, подобные ногам журавлей, так они и поросли оленным мохом высотой в лядъ». Младший брат сказал: «Мы же, сыновья Жаветта-кэлте хул и Ти-парской женщины, (всё-таки) отправимся в город Кровавого богатыря, старого Нангхуша. Если мы и опрокинем нашу глубокосидящую лодку с водяной кормой, в которой мы ехали, на вилковатые коля, подобные журавлиным ногам, то как это приведётся, чтобы они поросла оленым мохом высотой в четверть!». После этих слов богатыри считают поход уже решённым и приступают к вербовке воинов.

* Эпитет воинов и сватов серый мне непонятен, почему и выпущен.

Прибавим здесь ещё, что народные собрания совершались в особых крупных общественных зданиях (см. выше), сооружённых для этой цели. Несмотря на свой сравнительно значительные размеры, они во время пиршества наполнялись битком или, как говорится в былине, народ набивался в них в таких массах, «как окуни и плотва в морды».

Князья представляли из себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну от внешних врагов. Они участвовали в войнах не только в качестве полководцев, но благодаря своим военным качествам, они, неизряда на свою сравнительную малочисленность, имели решающее значение в столкновениях с врагами. И в связи с этим всё воспитание их состояло в том, чтобы сделать из них закалённых бойцов. Предоставим доминание дела женщиным и слугам, они значительную часть своего времени посвящали физическим упражнениям, развивающим силу и ловкость. Их любимым занятием было охота, преимущественно за крупными зверями, лосем и оленем. При этом они упражняли силу своих ног бегом на лыжах и руку в натягивании тугого лука.

Если время не благоприятствовало охоте, они устраивали состязания и военные игры на особых чистых площадках около города, на так называемых *јанта-хар*, *јакта-хар*, что в переводе значит: «площадь для игр» и «площадь для пляски». В складах народная фантазия рисует подобные ристанища богатырей из меди и серебра. На эти игрища сходились, конечно, только князь-богатыри, простой же народ, которому не присуществовало выступать в поединки со знатью, только совершая потехи своих князей. Иногда, кроме своих князей, в происходящих тут состязаниях принимали участие и соседние, даже чужеземные богатыри, приведшие сюда ради приобретения жены или из простого желания померяться силой с тем или другим славным богатырём.

Эти игры состояли в стрельбе в цель, в прыжанье через натянутые между двумя столбами ремни, в борьбе, в беге вперегонки на лыжах, в метании друг в друга каменных глыб при помощи ноги и в тому подобных упражнениях.

Отсутствие тяжёлого труда, обильная пища и физические упражнения сделали из князков людей гораздо более

приспособленных к войне, чем были прочие остыки. Своим ростом и своей силой они их значительно превосходили. Когда богатырь падал, земля дрожала: когда он ступал на половины поля, они гнулись, подобно кружку из тонкого прута, и, прибывающей остатций бард, «не укроши их хороший плотник во время постройки при помощи железных и жестаных скобок, не выдержали бы они». Поладая стрелой в толстые кедры, богатырь из пробивает насквозь, он перепрыгивает через ремни, натянутые на высоте нескольких сажен. Он без труда может засунуть целую лошадь в тёплую землю. Когда он гребет, то одним взмахом вслед проезжает три поворота реки и оставляет позади себя такие волны, что ими выбрасываются на поверхность воды все иельмы и осетры, находившиеся на дне.

Про лёгкость ног некоторых богатырей мы узнаём следующее: в одном сказании передается, что богатырь Салхан, желая показать врагам быстроту своего бега, привил к своему поясу лопату на длинном ремне. Когда он пустился бежать на лыжах, то лопатка перестала волочиться по земле и приняла горизонтальное направление. По мере того как он ускорил свой бег, лопатка всё выше и выше поднималась на воздухе и под конец витала над ним в вертикальном положении — признак огромной быстроты, по остатковой кинетике, недостижимой для простого смертного.

Богатырь, особенно отличившийся в каком-нибудь из этих воинских упражнений, нередко получал особое прозвище; оно, таким образом, увековечивало его подвиги, например, один эмдерский князь назывался так: Ху сасыл-тэв-давичем ютман урт, что значит по-русски: «богатырь, разломавший долго сужёное конское бедро». Он отличился при следующем случае. Однажды богатыри на склоне застолпили между собой, может ли кто из них переломить на коленях долго сужёное конское бедро, и когда никто не был в состоянии этого исполнить, наш богатырь «со свирепыми руками и ногами» схватил конское бедро в свои сильные ладони и быстро раздробил его на семь кусков.

Приобретённая князьями физическая сила и крепость организма передавалась по наследству их сыновьям и поэтому укрепляла в простых людях мнение об их превосходстве над ними и об их божественном происхождении. Отсюда про-

исходило благоговение остяков перед своими князьями. Улучшению их расы, вероятно, отчасти способствовали и их обыкновенно экзогеметические браки. Аналогичные случаи физического превосходства властителей над подданными встречаются весьма часто на Востоке, например, в Индии.

Ввиду вышеизложенного, в описываемый период времени слово «князь» было у остяков тождественным со словом «богатырь», и поэтому выражение «урт»² употребляется в былинках в том и другом смысле.

Уверенные в своей силе, они смелошли на встречу врагам и любили опасности, преодоление которых доставляло им новую славу. Иные из наиболее славных богатырей совершали отдаленные походы в чужие земли, например, на Север — в страну самоедов (ярат пёлек), на юг — в теплые страны, куда осенью улетают гуси и утки (мордамы). Другие даже спускались в подземное царство (нётлым ёмдер), чтобы вести войн с чертами (кул'), так, например, про могущего богатыря Сонгхуша говорится, что во время своих походов он посетил все семь концов земли и что едва осталась площадь земли или воды, им неизведанная. Он также спускался в подземное царство и нанес «двумя рукастыми чертам»³, обитателям его, большой урон.

Несмотря на всю свою силу и свое мужество, богатыри в случае беды или неудачи часто падали духом и начинали плакать, что, однако, вовсе не считалось предосудительным или несомнительным с их достоинством. Сам плач их был, ипрочем, богатырский: «он проливал из глаз 6—7 пядей (сурт) слёза» — говорится в знакомом нам героическом сказании про богатыря Нанхуму. Иногда величину их плача, как и многое другое, авторы былин сравнивали с городскими воротами.

Заметим здесь, кстати, что символом радости у прежних богатырей был «рога (бёйт). Выражение «у меня вырастет золотой рог» означало: «я буду счастлив» и, наоборот, выражение «у меня сломался рог» значило: «у меня приключилось большое несчастье». Например, вот что кричит младший сын Тинварского князя своему врагу, сыну князя Нанхумы, когда тот не может пробить своими стрелами его колы.

² Кастрен приводит ещё другое слово, означающее богатыря — «ёдлап», которому соответствует ногульское «ёмын» и татарск. «алён».

чуту: «Если бы я почувствовал твою стрелу, подобную золоту или билинке, когда она меня поразила в лёгкое груди, то на моей голове вырос бы золотой рог!» Другой героический рассказ передает, что однажды из семи жицких князей Китай-братья плыли по Иртышу с семью лодками. Когда он прошел мимо нынешних Романовских гор, местный князь стал его вызывать на бой, но Китайский князек ему: «Я сబл у тебя правый рог», — напомнил на то, что его люди в недавней схватке убили его сына. Тогда он понял намёк и, засстонах, схватил себя за голову. О войне он более не поминался.

Остяжки книязы не были чужды и других рыцарских доблестей, так, они сияя склоняли данное ими слово или клятву (и ут, и гар) даже по отношению к таким клятвам республиканским, какими были в их глазах самодеты. Это хорошо видно из следующей фразы, произнесённой одним татарским богатырём, когда ему советовали не перемещаться с самодетами и убить их, несмотря на клятву: «Клятвы мои не нарушу, если самодет желает её нарушить, то пусть нарушит „помел“».

из других их качеств бросается в глаза известное благородство в их привычках, например, сами они не исполь-
зуют никаких черных работ, на пирах они «брали концами
пальцев один-два кусочка (пищи) и уходили», предостав-
ляя ей своим более голодным подданным, которым приго-
твил целый месяц. И, наконец, они поползу слов не трогали
и где можно, отдавали приказания движением руки или
глаз.

Жизнь человеческая и в ее земле стала мало понимаемой, что почти всяческое непонимание, даже самого яркого смысла отца, объяснявшимся кончалось кропотливством. Но говорить уж о том, что убивали мужей, боярства, рассердившиеся на то, что не останавливались, и перед убийством беззащитных детей; так, например, в одной книге описывается, что жители трех богатырь, совершивших поход на север, оставляли позади них, как-то на берегу, для отыха, и если в этом месте на них оказывали должного гостеприимства и не боялись пригласить их, они оставляли послы, где, «плакали, чесались, измывались».

* «...Варес н'стен, пум н'стен, мегет торынемівет пітмен, уімем ат, угем сорнік онет едот!».

ленимыми телами мужей и жён». Победив врага, они старались его искоренить, но стоило последнему изъявить покорность, настичь перед победителем на колени и просить о пощаде, как у богатыря-победителя великолудие брало верх над жестокостью, и он, полюбовавшись некоторое время унижением врага, поднимал, обнимал и оставлял его невредимым. На большом пиру, который последний устраивал, принимали участие воины обеих сторон, празднуя таким образом мир.

К представителям своего рода остяцкие князья выказывали нежную привязанность. Мы уже видели, что они не оспаривали друг у друга власти. Если кого-нибудь из них убивали в войне, то оставные о нём сильно горевали и плакали, и давали клатву отомстить за его кровь, даже если это им самим будет стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священным долгом каждого богатыря. Если почти весь род какого-нибудь остяцкого князя истреблен в войне, то малые дети и внуки его, когда подрастали и делались мужами, узнав от стариков об обидах, нанесенных им отцу или деду, собирали людско и шли войной на врагов. Такое распространение кровавой мести, вероятно, следует приписать первоначально, что душа убитого не имеет покоя и мучается до тех пор, пока не будет искуплена кровью врага, на что есть некоторые намёки в былинках.

Ещё одна черта характеризует остяцкого богатыря — его умственное превосходство над прочими людьми. Согласно народному преданию, подтверждаемому самой формой героического эпоса*, богатырям мы обязаны дошедшиими до нас былинами и геронческими сказаниями, превосходящими по своим идеям и красоте стиля все прочие виды остяцкой поэзии. Они не только были хорошими бойцами, но и трубадурами в то же время. Те из них, которым суждено было вернуться невредимыми из похода, слагали песни про подвиги своих и своих убитых братьев и родственников и этим самым увековечивали их для потомства. Оно ещё теперь с известного рода благоговением прославляет их.

Богатыри считались людьми вещими: им были доступны многие тайны природы, скрытые от простых смертных.

* Главное действующее лицо очень часто воспринимает свою подвиги в первом лице.

Некоторые из них могли чуять приближение врага на далёкое расстояние. Они были способны принимать вид различных животных, птиц, гадов и рыб, если это им было необходимо, чтобы догнать врага или уйти от него, иначе говоря, они были оборотнями.

Также и неодушевлённые предметы они были в состоянии превращать в животных, например, стоило им бросить свою шапку вверх, как она принимала вид кукушки*, которая могла исполнять для них разные поручения. Наконец, по сказкам, они обладали ещё способностью воскрешать мёртвых и исцелять раневых при помощи имевшихся у них «живой воды» (хатта јин) и «живого прута» (хатта н'ерем), добывших из подземного царства.

Несмотря на свою жестокость, остижки князя не были лишены и общечеловеческих чувств. Так, в одном, упомянутом выше германском сказании рассказывается, что двое богатырей во время своего похода на лодках натыкаются на плотину из мамонтов (вес') и других морских чудовищ — коров (ур'), возведённую попрек реки Оби. Самы они, как богатыри, разогнав лодки, проезжают сквозь эту преграду, простые же люди опрокидываются вместе с лодками, и морские чудовища их поедают. Видя это, богатырям стало жаль беспомощных простых людей. «Брат, — говорит младший из них старшему, — разгородим эту плотину из мамонтов и коров, иначе какой муж и какая женщина будут в состоянии проплыть по катящей галъку каменистой Оби?». И, войдя в воду, они изрубили морских чудовищ мечами и уничтожили плотину.

* Называется такая кукушка ўх-тэй-коза, т.е. «кукушка с маковки головы».

Глава VI Простые люди и рабы

О простых людях мало упоминается в былинах. — Их вооружение и воинские качества. — «Рабы» германского эпоса. — «Холопы» историков.

Простые люди (мыгдат *яах*) составляли главную массу населения каждого маленького княжества, но упоминается о них почти всегда мало; во многих былинках о них даже и речи не было. Происходит это от того, что подвиги их представляли сравнительно с богатырскими слишком мало интереса. Впрочем, эта черта остяцкого эпоса характерна и для былин других, даже более культурных народов, например, в «Ильиаде» действующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полным молчанием.

Народ жил в селениях около городков и должен был поставлять военных людей. Но если богатыри, с малолетства приученные к воинским упражнениям и опасностям, охотно шли на войну, где они могли приобрести богатство и славу, простой народ, не обеспеченный дома, поднимаясь этой необходимости, как неизбежному злу, и поэтому при вербовке солдат и в земляниках прежним остаткам происходили те же сцены, какие еще недавно имели место в любой деревне при наборе рекрутов. Автор одного германского сказания описывает следующий эпизод при вербовке: «Где отец был плох, был зарублен^{*} его сын, где сын был плох, зарублен отец. Где отец был зарублен, сын плачет, где сын был зарублен, отец плачет!». И действительно, они гибли в большом числе во время всякого похода, о чём, впрочем, богатыри не очень забывались, так как жизнь их не ценилась высоко.

* Как мы видели выше, каждого завербованного воина зарубали на деревянке.

Вооружение их было хуже, чем у богатырей, и, вероятно, состояло из одного лука. Может быть, они имели еще лоловые и листьевидные дубинки, о которых нередко упоминается в былинках. Кольцуг же они не имели, и мечи, по всему вероятению, тоже составляли преимущественно принадлежность лиц привилегированного сословия князей-воинов. Ввиду того они могли вступать в состязания только друг с другом и валились, как скопы, при столкновении с богатырями. И обратно, быть убитым простым воином считалось весьма оскорбительным для богатыря. Вот в каких словах один богатырь, уставший в бою, вызывает (к Богу): «Неужели Золотой свет, мой Отец, определил, чтобы простые воины содрали с меня мою радужную головную кожу?».

Нам неизвестно, каким образом совершались браки у простых людей и откуда они брали жён. Судя по сохранившемуся отчёту у остатков обычно избегать взаимных браков между членами одного рода, можно предположить, что то было и прежде: относительно князей же это достоверно известно. Некоторые, может быть, добывали себе невест во время походов их князей, хотя об этом ничего не говорят остатки барды, не удоставляющие этих низких людей своим вниманием. С лицами княжеских фамилий они в брак не вступали, как мы это покажем ниже.

Рабы и рабыни (тей, орт; тей-нен, орт-нен) составляли третью и, по-видимому, самое малочисленное сословие остатского населения. О них мы ещё меньше знаем, чем о простом народе. Происхождение их нам неизвестно, но, вероятно, их добывали на войне.

Они производили все домашние работы в княжеских домах, прислуживали князьям, готовили кушанье, заготавливали для дома дрова, ловили рыбу, смотрели за оленями, исполняли роль глашатаев при народных собраниях и т.д.

Число их у отдельных князей было невелико, и потому на каждом из них лежало несколько обязанностей. Им тоже были присвоены прозвища, которые часто имели отношение к их деятельности, например, один из слуг князка города Тапар-вощ назывался Анет отын, соннет отын аттада ху, что значит: «муж, несущий край блода и край туеса», так как его главным занятием было прислуживать за столом. Довольно употребительный эпитет рабы-

ни есть: *Хот веp курдем (или вेpантем) орт-нек-иma, т.e. «рабыни, исполняющие домашние работы».*

Обращение с рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были как бы младшими членами одной и той же семьи. Ни из одного сказания, ни из одной быльни не видно, чтобы их господа обижали или притесняли.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли с ними распоряжаться как хотели, так, например, их иногда давали в счет калмыма отцу невесты.

Историки тоже упоминают о холопах и холопках остицких князей. Эти холопы были освобождены от платежа ясака в пользу государственной казны и работали исключительно на своих господ — князей. В иных местах это крепостничество усилилось при русских. Так, остицкий князей Илья Алачев вместе с русскими неоднократно делал набеги на землю кондинских vogульцев, грабил её и уводил оттуда жён, детей и мужей в холопы. Кроме того, иногда и московские государи дарили преданным им князей холопами из их подданных, которые в качестве крепостных с этих пор переставали платить казённый ясак и становились подсудны исключительным им: так, например, царь Федор Иванович пожаловал вышеупомянутого князя Илью Алачева и Онжу Юрьева, его двоюродного брата, двумя волостями — Василькульской и Калпакутской — в 11 пла-тёжных душ мужского пола, причём последние с этих пор стали их крепостными.

Глава VII

Положение женщин

Батюничество: мавц. — Эмитные девицы — рукоделие. — Красота их. — Осина. — Женщины — живые во другом городе. — Казаки любятшие первых браков. — Калмык. — Невеста устраивает недоразумения между отцом и невестой. — Саскванская. — Царевичи—ца и офицеры по стечью¹ отцов женятся. — Ошибки в наименованиях. — Сын отца отдал себе женников. — Внешнее сходство боярьши с рыцарем и отличие их. — Славебные образы. — Тавтей. — Полярки отца невесты. — Приезд молодых в дом мужа. — Сравнение остатков книжны с драматической девицей.

Положение женщин у прежних остатков было сходно с тем, которое мы встречаем у древних славян. Когда девица «подрастала и достигала брачного возраста, её удаляли от взора взрослых мужчин. С этих пор она до самого замужества, а может быть, и до более позднего периода, вела затворническую жизнь. Но так как в те времена у остатков даже книжеские короли, вероятно, состояли из одной компании, то и их распоряжение не могли дать терема или особой светлицы, как это было в Москве, а им просто отводили один из углов общего жилища, отделенный посредством занавесса или полога (сай), сделанного, смотря по достатку хозяина, из более или менее дорогой материи. В одном месте мы встречаем такой полог из щёлки и укрепленный изображением солнца и месяца, в другом же весь увенчен бубенчиками (хулін сай, похлін сай): они приятно звенели при всяком его движении, наконец, историк Миллер передает нам, что у одного ногульского князя Конды была «занеса дорогинея, опущенная камчишкою двоелишнею»².

Когда девицам случалось показываться на улице, они, по всей вероятности, покрывали своё лицо платком, чтобы

¹ Г. Миллер. Ист. Сибири. С. 201.

скрыть его от непосвящённых взоров, что и воины отчасти видится среди инородцев Берёзовского округа. У простого народа, вероятно, этот обычай менее наблюдался: оно было затруднительнее по их относительной бедности. Это обстоятельство послужило причиной следующего эпизода, описанного в одной былине: богатырь, собравшийся на войну, при выезде из своего города встречает толпу девиц, очевидно из простого народа, долго ими любуется и впадает в размышление о том, как в сущности безрассудно вести своих воинов на погибельную войну, или, как он фигурирует выражение «на пасть мамонтов», чтобы добрать себе невесту, когда перед ним целая толпа красивых девиц. Впрочем, его размышления не были продолжительны. Брат его пристыдил в малодушии, и он покрыл лицо своей платком, — признак стыда — погнал оленей вперёд.

Обождённые вследствие своего затворнического образа жизни от многих домашних работ, девицы, однако, не проводили время в праздности. Одним из главных их занятий было вышивание и шитьё — искусство, в котором они достигали значительной степени совершенства. Так, о рукавицах, сшитых однократной княжкой, говорится: «где шов был шит, незаметно, как они были сделаны — не видно, или уж они в таком виде и произошли». Богатырь остылый гордится, если у него есть «рукодельница» дочь, держащая иглу в кончиках пальцев. Этим же искусством остыякая княжка прелощает и молодых князей. Одним словом, и у этого линого народа трудолюбие играло не последнюю роль в достоинствах невесты, хотя, конечно, первое место занимала красота.

«Златоглавая, бровастая дочь мужа полуленной страны» (*Морда-мыг хой^{*} сорн-сэм хут'мет-ва!*) есть весьма распространённый эпитет остыякой княжки, причём последние слова этого выражения здесь употреблены в смысле: «подобная красавицам полуленных стран». Значение другого эпитета красавиц: *удел-ух сіветым на* — мне не вполне понятно. Красоту девиц сравнивают также с восходящим солнцем и состоящим на небе месяцем.

Не менее ценилась и молодость невесты, поэтому самой красивой из нескольких сестёр всегда считалась младшая.

* Морда-мыг — южные страны, куды на зиму улетают утки и гуси. В сев. Сибири они известны под наименем «обильное корыто».

Выделению красоты остицких княжон, без сомнения, немало способствовали и красивые дорогие одежды, которые они носили*. Из них упоминаются рубашки (јірнас) с пестрой вышивкой**, приготовленные из крапиной пряжи; дорогие платья и сапоги, украшенные металлическими поделками и бисером (кеу)***, и суконные кафтаны (нұ). Употребляли они также на свои наряды и пеший шелк (јөрмак) и камку (хамха). Особенно роскошно наряжалась невесты. Более элегантные из них надевали в день свадьбы и отъезда из родительского дома семь рубашек и семь суконных кафтанов, один поверх другого.

Относительно душевных качеств остицкой женщины мы знаем, что она была любящей дочерью, покорной же-

* Приведем здесь отрывок из мадежской песни, где описывается дорогая женщина, одетая в самые наряды, хотя прибавим, что эта песнь не имеет столь древнего характера.

•Пах ләңе жетағ мен тे-чүг'ем.

Пах ләңа-я, жетағ, жетағ усн!

Нұй аникени јәкәйем,

Тіт'ем-вахта салыңа жокејем.

Нұй аникени јәкәйем.

Танкен күнг'а көзай 'ірат јәкәйем.

Нұй аникени јәкәйем,

Тет-абе 'ірат јәкәйем (жокејем).

Нұй аникени јәкәйем,

Ормай-шор ханд'еп тегіт јәкәйем.

Еңсек ләңа идейдең жәйт тәтіт тәтіт.

Пынын пекін үншіл күт мәннәт төт ведең!».

•К белому мальчику, мертвому (от страха), я подошел.

Мальчик-бединчик, ты покойный!

Твоя мать в честь меня плачет.

Следи за мной, сердце моё, меня плачет.

Твоя мать в честь меня плачет.

В суконном кафтане, пышистом, как величай мех, она для меня плачет.

Тысяча плач в честь меня чихает.

В сапогах, украшенных бисером, подобным ноготкам белки,

она для меня плачет.

Тысяча матерей в честь меня чихают.

В рубашке, украшенной рисунками птиц, она для меня плачет.

Тысяча матерей для меня плачет.

В платье, украшенном лесными деревьями, она для меня плачет.

Волосы ее, украшенные золотом, она для меня плачет.

И сквозь такой рукой тогда за неё (т. е. за юльчу) взмылус.

** Тет-абе: ханғ'ен ѡирнас — «рубашка с рисунком птицы».

*** Кеу собственно значит «камень».

ной и нежной матерью, что будет ясно из дальнейшего изложения.

Как и у весьма многих других некультурных народов, для заключения брака не требовалось ни согласия девицы, ни её матери, и раз жених (вѣѣхой) был налично, всё дело решал с ним один её отец, а за отсутствием его — старший брат её. Ввиду того, что в каждом городке княжил всего один род, между сородичами не допускалось взаимных браков.

В качестве женихов оставшихся боярщины, если так можно выразиться, являлись сыновья других оставшихся и самоедских богатырей, приезжавшие свататься за той или другой красивиной, слух о которой широко разносился. Так, о славном богатыре Сонгкхуе в былине говорится, что он в молодости «семь конюх земли посетил, чтобы сватать ко-
стяных девиц за хороший камы».

Вступить же в брак с девицей из простого звания, не говоря уже о рабине, считалось ни один оставшийся князь, до того это считалось предосудительным и в то же время унизительным для его княжеского достоинства. Этую разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Так, девица, которую старый Нангкху обманывым образом передал женину вместо своей дочери, уклоняясь от его ласок, говорит: «Я женщина, носящая простое платье, я же женщина, носящая простую обувь» — и прибывает, что его невесту, княжку, отдали замуж на самоедскую сторону. Этим слово было достаточно, чтобы моментально расходились женихи. Он идёт к своему брату и, желаясь и происшедшее, прибавляет: «Каких рукодельниц рабынь у нас нет в нашем Тицарском городе мужа Лаветта-кѣтпеху. Жил ли я, муж, обладающий силой в славных суставах рук, с рукодельницей-рабыней?».

Аналогично этому, весьма вероятно, что и знатные девицы могли сделаться жёными только лиц княжеского звания.

Зад красных девиц отцы их требовали большие выкупы (на юге — тан, на сев. — камы), и хороший жених обыкновенно немедленно выплачивал просимый камы. Он состоял в колюках, пленях, дорогих шёлковых материях, в оружии, в ценных металлах, котлах и т. п. Размер камы зависел, главным образом, от богатства и знатности отца

невесты: чем богаче он был, тем требовательнее он являлся по отношению к своему будущему зятю. Например, за одну девину отец её получил металлом и товаром ценой 100 рабов, 100 кольчуг, 100 мечей, 100 топоров, 100 ножей и 100 котлов, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отец говорит своему будущему зятю: «Нанесите когтистой белки, красной и чёрной рухлади, чтобы с головой покрыть сияющего человека, тогда я отдам мою dochь без всякого выкупа». Последние слова прибавлены, очевидно, в виде шутки.

Но далеко не всегда дело кончалось уплатой калмы. Часто отец, по мере уступчивости жениха, становился всё требовательнее, и нередко свадебные переговоры оканчивались кровопролитием, так как всякий бояртын, отправляясь свататься, для большей удачи своего предприятия брал с собой войско. В быльине, из которой мы только что привели размер калмы, таким образом описывается подобное столкновение между отцом невесты и его зятем: «Когда отец её вышел на улицу, чтобы её (невесту) проводить, он потребовал от зятя золотую, блестящую кольчуту. «Я присутствовал на 177 свадьбах и никогда от меня не требовали золотой, блестящей кольчуши», — сказал тот. — Будем сражаться топорами и мечом!». Они повернули свои большие лодки с раздвоенной кормой и стали сражаться».

Нередко также случалось, что отец, получив калым, передавал жениху не dochь свою, а какую-нибудь девину из простого звания и часто некрасивую и старую. Жених скоро открывал обман и с угрозой требовал восстановления своих прав, причём в случае отказа или вторичного обмана с обнажённым мечом в руке отправлялся отыскивать свою невесту (мен' - иен) и не щадил никого из попадавшихся ему на пути. Но так как отец невесты прибегал к подобным обманам обликовенно лишь тогда, когда надеялся на свою силу, то сватство часто оканчивалось битвой.

Впрочем, если девица любила жениха, то она старалась не доводить их спор до кровопролития, а если это всё-таки случалось, то своим присутствием и своими нежными речами старалась смягчить гнев победителя и тем спасти жизнь отцу или жениху. Вот каким образом знакомая нам млад-

шая дочь богатыря Нангхуша успокаивает гнев свата^{*} своего жениха, победившего её отца и брата и готовившегося их умертвить. «Она обнимает его руки и ноги и говорит: «Сын Гаветта-кётпе-хуй и Тапарской женщины и деверь мой! Хоти я тебя и не кормила молоком из моей груди (и тебе вскорили при помощи рожка)!!», скажу ли я одно слово или два, выслушай меня, ведь я проискожу из рода князей и богатырей. Когда ты отправишься в Тапарский город мужа Гаветта-кётпе-хуй!, и у тебя одежда, украшенная металлическими блёсками и бисером, износится, раз ты сдерёшь с отца и брата моего их радужно отливавшуюся головную кожу и сделаешь меня круглой сиротой, то кто оденет твоих 300 воинов в дорогие одежду и дорогую обувь, и мне, чтобы нарядиться, как подобает невесте, кто доставит мне платье?». Эти слова её имели такой успех, что сват поднял с земли стоявших перед ним на коленях богатырей, обнял их, и мир был восстановлен.

Сватством руководили сам жених и его ближайшие родственники мужского пола. Они его всегда сопровождали в подобных предприятиях. Называются они в бывших обыкновенно татарским словом «ханым», что в данном случае означает «сват». Они выставляли от себя 2–3 людей, послов, при помощи которых вели переговоры с отцом невесты. Последние были известны под именем ворт-яах (sing. ворт-хуй) и часто были вооружены посохами (с еу, сү). Обыкновенно поступали таким образом, что некоторых из них ставили они из своих людей, других выбирали из подданных отца невесты. Переговоры были необходимы даже в том случае, если отец невесты был согласен на брак, так как достоинство его требовало, чтобы он не выражал особой готовности отдать свою dochу. По этой же причине он иногда не принимал первых двух послов и высказывал свои условия только третьему.

Чтобы нагляднее показать, каким образом велись эти переговоры и к каким изобретениям прибегал отец невесты, чтобы обмануть жениха, приведём отрывок из одного геронческого сказания: «Когда стало светать, они (т.е. два богатыря, принесшие сватать невесту) позвали одного из

^{*} Он же его брат.

^{**} Эта фраза несколько искажена.

здашних людей и поставили одного из своих, чтобы передавать вести. Они пришли к старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Относительно младшей дочери твоей, девицы, какая у тебя весть, какое слово, эту весть, это слово ты нам выскажи». Старик сидел, сидел и сказал: «Младшую doch старого богатыря Нангхуша, девицу, с земляным телом в чистом одеянии я уже давно похоронил. В страну столъ отдалённую, что добратися туда не по силам даже зверю, кто отнёс бы к вам моя весть, мое слово и вашу весть, ваше слово кто бы доставил ко мне? Этю речь, эти слова, отнесите им!». Они вернулись и там сказали: «Младшей дочери Кровавого богатыря Нангхуша обратившееся в прах тело уже давно погребено в чистых одеяниях». Сыновья богатыря *Іаветта-кѣтпе-хүі* сказали: «Если её землистое тело он похоронил в чистых одеяниях, то пусть нам дадут 10 людей с лопатами и 10 людей с топорами, чтобы ее вырыть. Принесенное для нее золото и серебро, предназначенные для нее щёлк и камку мы ей положим. Пусть тогда пропадут славные суставы её тысячи костей (в таком виде), как их мать родила! Этю весть отнесите Кровавому богатырю, старнику Нангхушу!». Кровавый богатырь, старий Нангхун, опустил голову, сидел, сидел и сказал: «Младшая doch богатыря Нангхуша, девица, еще сосёт материнскую грудь». Эта речь была туда передана. Сыновья богатыря *Іаветта-кѣтпе-хүі* отвечали: «В нашем городе мужка *Іаветта-кѣтпе-хүі* мы имеем много седоголовых женщин, много белоголовых женщин, пусть она там сосёт молоко из груди, пусть она там питается молоком из рожков». Речь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Он сказал: «У младшей дочери Нангхуша, девицы, растущие суставы рук еще не выросли, растущие суставы ног еще не выросли!». Оба сына богатыря *Іаветта-кѣтпе-хүі* ответили: «Её растущие суставы рук, её растущие суставы ног мы сами вырастим».

Вида такую решимость женихов, отец невесты как бы уступил и пригласил святов прийти, чтобы вести переговоры, а сам приказал своим людям стопиться на дороге и не пропускать их. Святые богатыри, однако, с обнаженными мечами проложили себе путь сквозь толпу. Их встретил отец невесты, они обнялись, условились о цене за невесту и уст-

рили свадебный пир. Когда народ ушёл, жених приблизился к пологу и, бросив старухе, стерёгшей вход в помещение невесты, серебряные и золотые деньги, вошёл туда. Невеста остаётся нема к его ласкам, и когда он, рассерженный, грозит разрубить её на две части, она ему открывает, что она девица из простого звания и что княжна, ради которой он сюда приехал, уже недавно, как отдана отцом одному самодекскому богатырю и притом без клятвы. Жених негодует. На рассвете другого дня оба брата-богатыри собираются нагнать самодов, а отцу невесты грозят разорить на возвратном пути его город².

Как же сама невеста относилась к своим женихам? Было ли ей безразлично за кого выйти замуж, раз она не имела возможности видеть ни одного богатыря? Этот довольно интересный вопрос имеет в бывличных и героических сказаниях остатков вполне определённый и притом отрицательный ответ. Остицкая невеста средних веков не могла согласиться, чтобы её чувствами торговали, как товаром, как это было на самом деле, и сама делает свой выбор. Запертая дома в одной комнате с родителями и отделенная от посторонних глаз пологом, она все же находила средство отыскать себе жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа к роду великих князей, она тоже умеет превращаться на время в разных животных. Любимый образ, чаще всего ею принимаемый, — образ филина. Глухой ночью, когда вся семья покоятся в глубоком сне, она в виде филина покидает своё убежище, взяя с собой образцы сноего рукоделия, и летит в город, где, по слухам, живёт тот или другой славный богатырь. Здесь она садится на вершину кокуристой лиственницы — она обыкновенно растет среди города — и поджидает богатыря. Тот выходит на улицу, и филин вступает с ним в разговор. В одной бывлине невеста прямо открывается богатырю, показывает ему свою рукоделие и просит освободить её от предстоящего ей ненавистного брака. Вот её слова: «Князь, ноский вну-

² Скажем к слову, что к необычным обычаям при свадьбах привбегали нередко и у древних народов. Вспомним хотя бы рассказ о свинчестве Исаифа за Рахилью. И еще недавно подобные дела производились на Кавказе, причем прибегать к обманам, чтобы выдать девушку замуж, не считалось делом предосудительным.

шакующую страх одежду из полотна многих земель (т.е. кольчугу), в тот день, когда ты родился, я родилась, в тот день, когда я родилась, ты родился. Небесны Отец и Небесная Мать предопределили нам быть вместе. Если ты имеешь намерение меня взять, то не мешай, пока вскипит кипящий котёл, не жди, пока будет готов долговременный котёл^{*}. Кровавый богатырь, старый Нангхуш, мой отец, желает отдать меня без выкупа к многочисленным мужам самоедской земли». Богатырь проводит бесконную ночь, а на другой день отряд воинов с князьями во главе направляется на север к городу старого Нангхуша. С происходившим та снатаством мы уже знакомы из предыдущего.

В другой балладе фильма-книжка говорит о себе в третье лице. Появление фильма и разговор его с молодым князем здесь весьма поэтичны, но, к сожалению, в русском переводе теряются многие из особенностей острецкого поэтического языка. Фильм называет свою речь такими словами: «Выбранный из среди 80 мужей с олеными потами, с опущенными косами, лосатый Яг**», до каких пор ты будешь истязать (так рано)^{***}, как истязают одиночные зловещцы?». Он отвечает: «Красавица-девица, которую я бы взял в жены, еще не родилась». Но фильм сказал: «Про красавицу по своему выбору я своим долгим ухом хорошо весть слышал». И отвечал: «Где же ты слышал про красавицу по моему выбору?». Фильм отвечал: «Текут богатырские воды инейного Эмдера с незамерзающими берегами****. В уединой мелкой галькой,

* Промежуток времени, необходимый для того, чтобы вскипел котёл, считался у остреков небольшой единицей времени.

** Хорум курме күтсөт ўрт күләв пирідем, сәвет патнем сәбәп тар.

*** «Нәт перәй ібігот хәр күнә - ванта нүк кіттә?». Значение первой половины этой фразы не вполне ясно, виду чего и выпущено. Оставлено без перевода и отдельные слова дальнейшего изложения, темные в смысле.

**** Здесь имеется в виду система рек южной части Тюменского и северной части Тобольского округа, по которым надо проехать из города Эмдера в г. Карпинск. Путь начинается с Эмдерской проптока, которая впадает в Обь, отсюда едут вверх до впадения Иртыша. По Иртышу поднимаются до Конды и отсюда вниз по всему течению или так называемому Козельскому водоразделу, который в конечном счете делит из себя огромное водное пространство длиной в 60 километров и шириной в отдельных местах до 8 верст. На южном берегу этого сора, в 7 верстах кизуу от Камысовых курт, видны следы прежнего города Карпинскаго.

чистой Оби широкие воды они пали. Потекли вперёд усекиной галькой чистой Оби обибрные воды. В священные воды потока, развесинного наподобие разбегающихся пеших, они пали. Развесистого потока священные воды вперёд потекли. В богатырские воды красноводного (потока) они пали. Красноводного потока богатырские воды вперёд потекли. В священный сор, куда спустился божественный туман, они пали. На полуденном берегу священного сора, куда спустился божественный туман, на славной стороне стоит богатырский город Ка́ры - писат.- вош. Власть в ней держит трёхсотлетний, дряхлый богатырь-старик*. Он строгает через стрелы. В песенном доме 7 сыновей здесь укачивали. Главные в доме — три старших сына им дано: «В воду идушие и рыбу крючящие богатыри». Среднему сыну им было дано: «На пирсы поздно приходящий и саблей раны яносящий богатырь». После семи богатырей в бесрестяной эмбю с красивой спинкой кого инили (укачивали)? Полупленных стран златоглаву, бровастую красавицу здесь пинали. Здесь и сминал своим долгим ухом про красавицу по своему выбору. Если вы имеете желание, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу*. Старый филин повернулся к полуночи, к славной стороне, взмахнул три раза своим длинным крыльями, только его и видели». И, как в первом случае, богатырь немедленно отправляется по указанному филину пути добывать свою невесту.

Делая саму девицу виновницей походов князей, остицкая народная фантазия тем самым облагораживает как личность богатырей, так и цели их походов. Они являются перед нами уже не грубой силой, которая знает только свои личные интересы и пользуется для достижения своих целей золотом и мечом, а в виде защитников красоты, освобождающих последних от произвола отца и братьев и от ненавистных женщиков. Они, таким образом, приобретают некоторое сходство со средневековыми рыцарями, которые совершили разные трудные подвиги, чтобы освободить своих возлюбленных от опасностей. Это сходство тем нагляднее, что и остицкие богатыри совершали во время своих походов много подвигов, которые им в средние века могли бы доставить прозвище «рыцарей без страха и упрёка».

* Имя его приведено выше.

Есть, впрочем, немало и отличий в характере и взглядах рыцарей и остяцких богатырей, именно, что, несмотря на внешнее сходство, последние были значительно грубее: прида в гнев, они не щадили ни женщин, ни детей и, кроме того, имели смутное понятие о возынченной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имели. Именно ни в одной быльне не встречается слово «любовь». Но и здесь, почти во всех быльнях брак по склонности увенчивал подвиги богатырей.

Если девину отдавали другому, пока успевала прийти её избранник, она всеми мерами старалась отсрочить свой отъезд из отцовского дома. Если это не удавалось, она употребляла все усилия, чтобы дольше сохранить свою девственность и дать возможность вырваться женяху. Это случилось, например, с дочерью старого богатыря Нанкушина, которую отец против воли отдал на самоецкую сторону. Все её старания отстоять свою свободу остались тщетны и, отправляясь со своим женником в его сторону, они на гладком пирсе, намытом водой речного разлива, написала: «К многочисленным мужам самоецкой земли меня уведи, ломая мне руки, ломая мне ноги. Если сыновья богатыря *Гаветта-хёлле-ху* сюда придут, то пусть не мешкают, пока яскинут кинящий котёл, пока поспеет долговременный котёл». Далее мы застаем её в пологе (удал) вместе с её мужем — самоецом на полустил в его город. Остяцкие богатыри в это время настигают самоецов, и её наречённый подкрадывается к их общему пологу и прислушивается. В пологе между тем происходит борьба между самоецом и его женой. Она устраивается от его ласк. Она говорит: «Как мать родила, мой девственный пояс я не дам тебе развязать среди темно-древесного урмана. Когда мы приедем в священный город, жилище самоецких мужей, тогда развязки мой девственный пояс; многочисленные седоголовые и белоголовые стаурухи поднесут мне чашу с геницимся отверстием и дадут мне серебряные и золотые деньги».

Самоец не соглашается с её доводами, и они опять борются. Жених её следует за борьбой и в удобный момент наносит ему удар саблей, отрубает ему ноги по колена и освобождает свою невесту.

Этот эпизод для нас в том отношении интересен, что показывает, что у остяков в те времена целомудренность

была необходимым качеством невесты. К сожалению, это не правило настоящего времени.

В чём состояли сами свадебные обряды, до нас не сохранилось. Известно только, что невеста не принимала участие в общем пиршестве, а сидела в своём уделе за занавесом. Жених же почтевали, как могли, и когда он по окончании пира входил в помещение невесты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо со славными иставами, так, по крайней мере, описывается в одном сказании. Какую роль играет мать при заключении брака, мы не знаем, но был обычай, чтобы жених, кроме платы за девицу её отцу, выкупал её ещё от старухи, которая охраняла вход за занавес. Жених давал ей денег, после чего она отходила, и роль её кончалась. В дальнейшем этот эпизод описывается таким образом: «Отверстие занавеса охраняется седоголовой, белоголовой старухой. Он сквачил отверстие занавеса и пощепелил его три раза. Старуха отстранилась (от отверстия занавеса), он дал старухе серебряные и золотые деньги и вошёл за занавес».

Судя по имеющимся у нас фактам, видно, что после свадьбы жених с невестой проводили некоторое время в доме родителей её, и потом уже они уезжали на санях или на лодке в город жениха. При этом, конечно, молодую провожал её отец. Выражение «выдать замуж» передаётся на осянском языке через слово «о мдем» (ful. омыттам), что, собственно, значит «посадить»^{*}, может быть, оттого, что отец, передавая её жениху, усаживал ее в сани или лодку.

У нынешних же остатков южного племени существует оригинальный обычай: после свадьбы невеста остаётся 2–3 недели в доме отца, в жених проживает дома, причём продолжает свои обычные занятия. В объяснение этого странного обычая остатки замечают, что невеста пользуется этим временем, дабы приготовить себе приданое.

Чем больше за девину давали калым, тем более почёта ей было; это правило остаётся справедливым и по настоящее время. С другой стороны, жених старался без торга выплатить требуемую сумму, что считалось в свою очередь долгом чести, но, конечно, если мера не превысила и если он не видел в чрезмерной цене средства отдалиться от него. Иногда, впрочем,

* Но также «поставить» и «положить». Для выражения «выдать замуж» есть и другие глаголы, напр., тандем.

случалось, что остяцких книжек отдавали и без калыма, например, если отец её почему-либо нуждался в женнике, боялся ли его силы, или искал в нём союзника. Может быть, и в том случае, если девица себя скомпрометировала и не могла расчитывать на выгодную партию, как это бывает у остяков в настоящие времена. Но как бы то ни было, сама девица обыкновенно была этим не довольна. В словах вышеупомянутой остицкой книжки, дочери Нангхуша, «мой отец хочет меня отдать без выкупа к многочисленным мужикам самодесской земли» мы не только видим жалобу её на своеуполномоченное распоряжение её чувствами, но и обиду, что ей отдают, как недостойную невесту, без всякого выкупа. Девица, за которую не брали цены, называется в остицкой поэзии *тант-ней, пунч-ней*⁴.

В качестве обратного дара отец невесты тоже, кажется, делал молодым подарки при их отъезде, не говоря уже о том, что если сватство кончалось войной, в которой брал верх женщины, он требовал от него, кроме дочери, ещё дары в виде возмездия. Илогика для большей убедительности он приурочил это дело своей невесте, т.е. его дочери, которая умела его разнежить и склонить к уступкам. Вот какую комедию разыграла известная народная книжка, младшая dochь старого Нангхуша, по совету своего мужа. Передадим это словам былинны: «Настал день воззвания воинов, настал день воззвания сватов. Жена его, сквачив себя за волосы, бросила себя на половины дощатого пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться к хлебородным источникам чужеземной страны, к рыбным источникам чужеземной страны. Буду ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду в город богатырей Лаветта-кёти, то седоголовые женщины и белоголовые старцы буду меня спрашивать: «Младшая dochь князя Нангхуша, молодица, то, что ты привезла из отцовского дома, дай склад!». Батюшка! Что я тогда дам? Дай мне серебряный лист, под которым могут укрыться 300 человек, тогда я пойду; если не дашь, не пойду, и пусть меня разрубят на две части, и я буду плывать в крови».

⁴ Первое слово состоит из таин — калым, окончания сагий'а-та иней — женщина. Образовано оно аналогично русскому слову «бесприданница». «Тант-ней» могло бы соответствовать выражению «безжалынице».

Эти слова, рассчитанные на то, чтобы разжалобить отца, как можно было себе представить, вполне достигли своей цели. Видя такое отчаянное положение своей дочери, чадолюбивый отец расплакался от умиления и исполнил ее желание. Подобным же образом она вынуждала у него большой медный семиуниковый котёл, из которого могли есть 300 человек.

Когда молодые приезжали в дом мужа, последний в свою очередь устраивал большой пир. Приём молодухе¹⁴ был весьма радушный. Старые женщины, вероятно, в том числе и мать мужа, угощали её различными яствами, подносили ей песячью чашу и делали подарки. С этих пор роль женщины в былинках, гернических сказаниях почти прекращалась. Вся остальная жизнь её проходила в заботах по дому и воспитании детей, зажитки, не воодушевлявших остицкую музу.

Если сравнивать теперь положение девицы у древних остяков с таковым у прекрасных финнов по Калевале¹⁵, то мы заметим значительную разницу между тем и другим. Финская девица стоит в духовном и нравственном отношении гораздо выше остички. Она не является бездушией зелью в руках продавца-отца и покупателя-жениха, как молодая остичка, и не имеет необходимости тайно от всех сношиться с избраником своего сердца и умольять его выручить её напротив, она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этим, даёт претендентам на её руку почувствовать, что она знает себе цену.

Если остицкий богатырь борется с внешними врагами, уверенный, что, выдержав успешно эту борьбу, сделается обладателем своей наречённой, финский юноша должен был, благодаря прихоти своей невесты, совершив массу разных труднополнимых подвигов и то не был уверен, увенчается ли успешное исполнение их её согласием на брак. Часто бессердечная красавица опять придумывала новые подвиги, и опять жених её должен был подвергать свою жизнь опасности. Пирожем, она мало и заботилась, придёт ли её жених обратно или нет, так как их у хороших невест всегда имелось достаточно.

Глава VIII Способы ведения войны

Причины войны. — Сборы к походу. — Обряды при отправлении. — Остановка. — Первые встречи с подданными отца небесного. — Способы ведения войны на открытом поле. — Лазутчики. — Каравузымы — Сражение. — Борьба между друг с другом. — Вредные иногоды расходились, для того чтобы помешать врагам. — Пленники. — Убийства врага доспехов и сабель. — Беглым при съездах иногда сердца врагов. — Жажды против племенных их лодках врагов. — Исправление укреплений. — Осада городков и взятие их штурмом и голodom. — Схваты князей, как средство против сильных врагов. — Военная тактика самоецды.

Остановимся теперь на способах ведения войны у прежних остяков. Главной причиной войн было, как мы знаем, желание князей добыть себе жен, которых они не могли искать среди жительниц своего города. И этой одной причины, помимо других, было достаточно, чтобы в стране остяков велись почти беспрерывные войны между отдельными князьями, если принять во внимание, что между представителями каждого остяцкого княжеского рода числилось несколько лиц мужского пола и что богатыри имели часто несколько жен.

Раз князя решили между собой поход, они устраивали общественные жертвоприношения и мир для всех жителей города и селений. Тут они объявляли народу о своём решении и, посовещавшись со стариками, производили набор воинов известным нам образом. При этом они руководились не столько возрастом своих подданных, сколько их годностью к военной службе (см. выше). Перед тем, что распустить народ по домам, князья делали свои последние распоряжения, именно: выбранным воинам приказывали быть готовыми к походу на заре следующего дня, а оставшимся дома, преимущественно старикам, явиться утром на «жердиную» пристань для проводов.

После всего этого князя отходили ко сну, чтобы утром с бодрыми силами снарядиться в путь. Но, как себе легко

представить, рой мыслей, кружившийся в их головах ввиду столь опасного предприятия, часто разгонял сон и у этих суроных людей, что остзинский бард весьма фигурию выражает словами: «когда он и лёг на цветные ковры (как будто) на руке топора, на ручке ножа он лежал» или так: «будто он лежал на блонином и вишневом месте». И только к утру усталость брала верх, и князь впадал в глубокий сон. А между тем воины, согласно наказу, собирались на рассвете за стены города и в ожидании дальнейших приказаний снаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали в них разный товар и ценные вещи, предназначенные для князя и в дары родственникам невесты: красное и чёрное сукно, пёсли, серебряную утварь, колчуги и т.д.

Богатырь вставал, надевал свои доспехи и, выйдя на улицу, клал 7 поклонов перед «священным столбом с божеским лицом» (турум ван' маң яемын ўх). Когда отряд был готов выступить в путь, оставшиеся дома старинки, принадлежащие к проводить, грохочко громко вскрикивали, как того требовал обычай. В былине говорится: «Громкий крик, который приятно кричать при отчаливании воинов, они крикнули. До вершин низкого дерева и до середины высокого дости. Второй крик достиг до пути лёстрых облачков; третий крик достиг до Золотого Света, Отца. Младший муж сказал: «Послушай, брат, выступим теперь с нашими воинами, с нашими свитами со стрижеными головами: до Отца нашего, Золотого Света, он достиг, не наступит для нас день поражения и смерти».

После этого трогались в путь, причём летом они гребли сильными взмахами одного ведла, которое опускали в воду у носа лодки и вынимали из воды у кормы; зимой их уносили быстрые олени, запряжённые по два в легкие сани.

Когда они проезжали мимо высоких мысов, живший там народ ставил им, как караул, пешицеские чапи в жертву и приводил жертвенных животных. Кое-где и сами они делали привалы, чтобы приносить жертвы богам и просить у них «спинную и брошущую силу». Эти привалы продолжались обыкновенно не менее дня и служили в то же время и отдохом для уставших гребцов.

Первые встречи с людьми того книжества, в которое был направлен поход, не всегда имели враждебный характер.

Часто переговоры, которые велись обеими сторонами относительно отдачи невесты и частично размера кальмы, имели столь благоприятный исход, что всё предприятие кончалось браком приезжего князя с дочерью местного, и воины того и другого праздновали это событие общим пиром. Подобные случаи, хотя и упоминаются в геронических рассказах, но по своей обыденности не служили им темой, как другие, не менее редкие случаи, когда никакие переговоры не приводили к желаемым результатам и когда меч должен был решать спор. Кровопролитие во времена сватовства было делом столь обычным, что в былинных словах «свадьба» (*мой*) и «сват», «поехжанин» (*мой-хой*) очень часто употребляются рядом со словами «война» (*т' ат'*) и «воин» (*т' ат'-хой*), как бы в качестве синонимов последних, и как слово «война», так и слово «свадьба» имеют одни и те же эпитеты: *ух-та*, *пир-та*, что значит «бесголовая», «безоговорочная». Это нам и объясняет, почему женщины, отправляясь сватать девушку, не мог ограничиться немногими лодьями, а брали с собой целый отряд.

Возразимся, однако, к прежнему и опишем первоначальную встречу двух князей, по одному героническому рассказу, где этот эпизод довольно подробно изложен. Когда воины после продолжительного плавания были близко тракийского города, «их» увидели дальновидные и услышали чуткие уши. Князь с сыновьями вышли на пристань встречать гостей, в приемление богатыри, между тем подъезжая к берегу, показывали все своё умение пранить лодкой, заставляя её извиваться по воде подобно выдре и в знак бодрости духа своего «свистели из толстого и тонкого горда». На расстоянии выстrelа из лука они остановили лодки и, уперев конец лука в дно, выпрыгнули на берег, не боясь могущих быть козней. Князь пригласил их в большой дом, предназначенный для сбора воинов и сватов, и дал им двух женщин воду носить и кушанье варить и человека, чтобы дрова рубить. Кроме того, им свадбили лицей и пильцы. Несмотря на такой, по видимому, радушный приём со стороны местного князя Нангхуша, всё-таки обе стороны остерегались друг друга, так как взаимные отношения их ещё не выяснились. Те и другие выставили ночью караульных, чтобы следить за противниками. На рассвете они начали вести переговоры.

Способы ведения войны были различны в зависимости от характера противников и от занимаемой ими позиции.

На малочисленного врага остыки обыкновенно нападали стремительно, осмыкая его при этом тучами стрел. Если их нападение было отбито, они разбегались, но вскоре собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабейшая сторона скоро падала духом и обращалась в бегство. Только лучшие организованные и вооруженные отряды татар и русских могли с успехом выдерживать атаки остыков, превосходящих их численностью.

Если приходилось иметь дело с сильным противником, расположившимся в неукрепленном месте, то остыцкая военная тактика того времени требовало не вступать с ним в открытый бой, а, улучив минуту, застать его врасплох и произвести на него внезапное нападение. Чтобы этого вернее достигнуть, нападающие посыпали вперед разведчиков. Они должны были подкрадываться к неприятельскому стану и все выведать. В качестве этих лазутчиков в остыцких бояльнях иногда выступают кукушки. В их образ винце князя умели обращать свои шапки, бросая их вверх. Их же посыпали в качестве лестниц, если требовалась скорая помощь от какого-нибудь союзного князя. Если сообщение кукушки было благоприятно нападению, то весь отряд двигался вперед, но столь осторожно, «чтобы ни соринка, ни былинка не шепнулась», как говорится в былине, и кровопролитие кончалось истреблением врагов.

Но, конечно, такие столкновения не всегда оканчивались столь благоприятно для нападающих. Располагаясь на почёку в неукреплённом месте и притом в весенне время, отряд для обеспечения себя от внезапных нападений выставлял караульных. Они постоянно сменялись. Те же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось делать стоянку во вражеской стране. В нашем рассказе это так описывается: «Если на одной стороне какой-нибудь муж ложился, на другой стороне какой-нибудь муж бодрствовал, и когда спавший пробуждался, бодрствовавший ложился. В чужой земле, на чужих водах или вследствие неизвестности овладевает страх». Эти караульные иногда замечали лазутчиков или самих подкрадывающихся винцов, будили своих, и тогда нередко нападавшие несли большой урон.

Сражение остыки всегда начинали стрельбой из луков, причем старались нанести врагу побольше вреда и потом

уже мало-помалу сходились и вступали врукопашную. Как все дикие народы, они не умели сражаться сомкнутыми рядами, а дрались врасцепленную, причем каждый выискивал себе противника, чтобы с ним схватиться.

Если в числе врагов имелись и князья, закованые в кольчуги, то их противники выждали обыкновенно случая, когда разгоряченный боем богатырь снимал её, чтобы свободнее подышать, и тогда меткая стрела пропазала его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость без кольчуги, был тоже настороже и нередко спасался от стрелы тем, что, услыхав шум тетивы, приседал или подпрыгивал кверху. Так, дважды избег смерти в одной битве Гевр-богатырь, но в третий раз стрела его прошила, когда он надевал кольчугу через голову и не слыхал шума вражеского лука. При подобных же обстоятельствах остицкий богатырь Салхан, герой Демянской области, убил самодского князя, осквернившего остицкий городок на мысу Каттида ванда*. Остяки, председумые самодами, засели в городе, и самодский князь во главе своих стал рубить палисады. Ему сделалось жарко, он откинулся назад верх своей кольчуги и обнажил при этом свой лоб. Слединский за ним Салхан пустил в него стрелу сквозь прорубленное им отверстие, и тот пал, пораженный в переносье. Нападение самодов после этого было отбито.

Иногда, если вражеский богатырь ни при каких условиях не снимал своего «души спасающего одеяния», его противники молили Бога, чтобы он послал сильный жар, что он обыкновенно, по своей милости, и исполнял, и богатырь легко прощал своего беззащитного врага. Поразить богатыря даже при подобных условиях считалось всё же большим подвигом.

Мечами остицкие богатыри, по-видимому, нечасто руялись на поединках, а употребляли их или для своей защиты, или в сражении с простыми людьми, не имеющими подобного оружия. Богатырей же они рубили мечом почти только в том случае, если им удавалось захватить их врасплох, например, подкравшись сзади. К такому выводу, по крайней мере, можно прийти на основании фактов, сообщаемых героическим эпосом.

* Находился около нынешней дер. Готиловой (Дем. вол.), которая от него и получила свое имя.

Состязание двух богатырей не всегда, впрочем, кончалось смертью одного из них. Случалось, что если оба противника не могли нанести друг другу смертельный раны в продолжение долгого времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впредь друг с другом, пока будут живы, «если кто из нас нарушит эту клятву, говорили они, то пусть с него сдрут его радужные отливавшиеся головяной кожу». Это тоже несколько напоминает западных рыцарей, которые в подобных случаях имели ещё обыкновение меняться оружием. Какой обряд они совершили при заключении клятвы здесь, в этом рассказе, не упоминается, но из других мы знаем, что при этом целовали щучий нос и стогн^{*}. При соблюдении этого обряда вогульский князь Китвор-бр[†]ter заставил побеждённых им самодов поклясться, что они впредь не будут делать на бегов на его землю. Может быть, при этом целовали и медвежью морду или разрезали ее ножом, как это ныне водится у сибирских угров, как у язычников, так и у крешиных.

Убитого врага лишили его доспехов и победитель брал их себе. Иногда побеждённый богатырь, умирая, сам брался за врагу, чтобы не быть ограбленным после смерти, так, например, поступил Іевр-богатырь.

Чтобы доставить себе большие славы, а врагам унижение, победители имели обыкновение снимать с них их головяную кожу (ух-сóх). Её зингет в остицких былинках — «радужным цветом отливавшаяся» — вероятно, зависел от чёрного цвета их волос, имеющих действительно на солнце разлукшную игру. Впрочем, дословный перевод остицких слов этого зингета — *соj вёдлла[‡]* — мне неизвестен. Лишение головной кожи, вероятно, имело еще и другой мотив, именно основанный на своеобразном геровании остиков в загробную жизнь. Есть основание предполагать, что по их понятиям душа человека, линейного скакала, окончательно умирала[§]. Эти кровавые трофеи также высоко ценились в те времена у остиков, как еще отчасти теперь среди некоторых племён краснокожих индейцев Северной Америки. Уважение к книжкам росло по мере накопления у него непри-

* Вероятно, в знак того, чтобы вода и отгнь истребили клятвопреступника.

† «Подобна «серкальцу» татары (соj), по словам остиков, есть точный перевод этого выражения. Соj.. по Кастрену, alias clangula.

ятельских скальпов. С другой стороны, побеждённый богатырь, если ещё не терял сознание, всячески старался помешать своему противнику лишить его головной кожи. Вот какими словами обратилась к остицкому богатырю голова самодесского князя Сос-Турум — ей удалось спастись от него в речку: «Богатырь, носящий внушающую страх одежду из полотна многих земель, зачем пришёл ты в страну, куда не добираться даже зверю? Убегай от тебя и укрывая мою радужно отливавшуюся головную кожу, я прибегал к сотне уловок, ко всевозможным уловкам. Если ты захочешь сплыть в воду, то ты мум, химущий в смеси минералов, войдёшь на много, много лет... Когда ты повернёшься к дому твою kostяную, славную* голову, то среди дома, полного мужей и жен, не говори, что тебе удалось содрать со старого Сос-Турума его радужно отливавшуюся головную кожу». В этих словах мы видим как бы торжество побеждённого врага; они как бы говорят: «если всё проходит то хоть честь сделана».

Обычай склоняться перед убитым врагом был в прежнее время распространён не только у остиков, но и у ногайцев, о чём сообщает г. Гондатти^{**}, а также и у самодов, на что имеются намёки в героических рассказах остиков.

Есть некоторые указания на то, что богатыри иногда съедали сердца своих побеждённых врагов, причём они в данном случае руководились скорее желанием, чтобы сила последнего перешла к ним, чем чувством мести. В былинках подобного сюжета мы не встречаем, а в одном героическом рассказе остиков Темлячинской волости. По этому преданию, в отдалённое время на месте теперешних юрт Б. Атламских (Берез.) проживал богатырь Сенгепов. Ончинил постоянные набеги на их землю и на страну по никнейму Иртышу. Однажды местные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, прия туда, не заставили его в живых. Им передали, что он умер вследствие того, что сквозь него пролетела птица вроде гагары (т. о. воje); образ её, по их мнению, принял злой дух. Тогда они отправились на кладбище, где он недавно был похоронен, вырыли его и, вырезав у него сердце, крепкое как камень, разрубили его на части и смыли. Этот единичный факт

* Здесь пропущен эпитет головы табый, смысл которого тёмен и для инородцев.

** Тр. этн. отд. О. люб. ест., латр. и эти. Ен VIII, 88. С. 64.

не имел бы сам по себе значения, как вообще все единичные случаи, если бы о подобных обычаях древних угрюмов не передавали нам и другие исследователи их. Например, г. Гондатти^{*} о прежних vogulaх и летописец Регином^{**} относительно древних мальяр. И каждый из них даёт этому обычью свое объяснение: мнение первого из них, согласное с нашим предположением, приведено выше, а второй полагал, что сердца убитых врагов употреблялись мальярами как лекарство.

Зашитой укреплённых мест служили вальмы, рвы, палисады, но так как и они не могли бы оказать большой помощи в случае нападения врасплох, то горожане заблаговременно ставили деревянные для предупреждения об опасности. Иногда помещали их на помостах, устроенных на высоких столбах, поставленных в городе, как о том повествует одно сказание. Эта предосторожность оказывалась не лишней в местности с не вполне открытым кругозором.

Употреблялся ещё другой способ для сведения о приближении врагов: низвергали реки или водные бассейны, где был расположен город, протягивали бечеву или промолоку (сугом). Конец его находился в городе. Враги, ничего не подозревая, наезжали на него и расшевеливали, или даже умышленно перерезывали его, а граждане тотчас выступали против пришельцев. В одной из записанных мною былин такая «вестовая» проволока была из золота (коры и сугом) и имела толщину «масистого пальца». Г. Гондатти описывает шнуры с навешанными на них бубенчиками: по звону их в городе узнавали об опасности.

Против людей, сидящих на лодках, устраивали своего рода мины, втыкая в воду недалеко от поверхности попечный ряд колец, обращённых острием в ту сторону, откуда ожидались враги^{***}. Последние, наезжая на них сильными взмахами весел, ломали и опрокидывали свои лодки и делались добычей стерёгших их воинов. Особенно гибель-

* Л. с. «Убий враг, они всегда ставили его сердце и печень, чтобы вся сила убийства перешла к ним и чтобы он не скис».

** Regino 289 (P. az. I, 690) ...corda hominum, quae sarcit, particularim dividentes veluti pro remedio devorant. (Зап. ист.-фил. факс. Ч. IX. С. 318).

*** Об этом способе обороны мне сообщили чакрецкие татары, которые, без сомнения, суть потомки ставаринских котулцев. Они живут в северной части Эскабийской земли (Тоб. окр.).

ны были подобные засады для берестяных лодок. Они при этом неминуемо тонули, а люди, сидевшие в них, часто изувечивались. Против этих берестяных ладий также действовали луками и стрелами. Славные богатыри, впрочем, пробивали с лёгкостью и осиновки и топили их.

Перед началом войны горожане укрепляли свой город, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Так надо понимать те предания о некоторых городах, например, про Вост-яга-вост^{*}: он в военное время вырастал на 7 копеевиц, или 7 сажен; и с другого города Ям-вост — он имел «бабье сердце» и при открытии война уходил в землю.

Укреплённые места остатки брали, смотря по обстоятельствам: или приступом, или же голодом. Первый случай имел место, если приходилось всевозможно с несильным противником, или если город не был хорошо укреплён. Рвы и валы — на Севере обыкновенно незначительных размеров — оказывали лишь слабое сопротивление подступающему врагу. Лишь палисады, если они имелись, останавливали его настолько, что дать возможность защитникам собраться с силами и отбить приступ. Добрашившись до этих стен, богатыри выхватывали из-за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, несмотря на силу богатырей, вряд ли подвигалась быстро вперёд. Кажется, не все простые люди имели топоры, и большая часть из них была обречена на бездействие. Защитники в свою очередь не зевали и осыпали их сверху градом стрел и языли с них брёвна. Скатываясь по откосу укрепления, они увлекали с собой вниз и выбрасывалихся конюхов. По мнению остатков, от седьмого брёвна не мог уйти и самый проворный самод. Иногда же жителими, спрятавшимися в городе, овладевал такой страх при виде многочисленных врагов, что они почти не были способны что-либо предпринять, и тогда спасение всецело зависело от храбости князя. Улучив момент, он произвал вражеского вождя стрелой и тем производил временное смятение в среде врагов. Таким образом был спасён от нападения самодов остаткин городок на мысу Каттида зенда, как мы видели раньше. Когда самодский князь пал, пронзённый стрелой Салхана, ободрённые этим остатки сделали вылаз-

* Расположен около р. Вост-яга, в впадине шумиловских остатков (М. Конд. мск.).

ку и нанесли врагам сильное поражение. Едва небольшая часть из них спаслась бегством. Крови было продито такое количество, что, по словам местного предания, земля здесь окрасилась в красный цвет, и этой красной землёй остатки долгое время красили свои лодки. Напротив, город князя Нань-хуна был взят приступом силовыми князями *Лаветта-кётпе-хү*, так как стрелы защитников его не могли причинить вред богатырям, защищённым колчугами, и те ворвались в город.

Когда город был сильно укреплён, и вообще, если рассчитывали встретить сильное сопротивление, его обыкновенно не решались брать приступом, а окружали его и приуждали сидевших в тём к сдаче, что, обыкновенно, происходило скоро, так как остатки запасов на случай войны не делали. Иногда в подобных же случаях осаждающие брали город хитростью, например, делали вид, что уходят, а сами устраивали засаду, в которую попадали вышедшие из города люди. В одной из имеющихся у меня былин описывается осада крепкого города князя Гевра (Харда-ваш). Эпизод её столь интересен, что мы их здесь вкратце передадим. Троє князей из города Ка́ры-о-спат-урда-т-во-ш, опасаясь кровавой мести со стороны двух эмдерских князей — у них они убили отцов, — бросают свой слабо укреплённый город и плывут по Конде к своему союзнику — богатырю Гевру. У него был на реке Гевре крепкий «медный город» — с устройством его мы уже знакомы. Эмдерские князья преследуют их по пятам. Когда те заберлись вместе с местными жителями в крепости, они расположились за её стенами и прервали всякое их общение с окружающей местностью, где имелись озёра, обильные рыбой, и леса, полные дичи. Вскоре в ограде, где скопился народ из двух городов, появился скользкий голод. Когда осаждённые, находясь в крайности, не знали, что предпринять, над их головами пролетел ворон, державший в рту рыбку. Тогда голодающие жители не вытерпели и решили, несмотря на присутствие врагов, выйти из-за стен и отыскать рыбную речку, а эмдерские в свою очередь, чтобы им не мешать, приняли образ змей и легли у ворот города. Те вышли из за палисада, наловили в Гевре реке массу рыбы, и главный богатырь этой области Гевр стал её делить. Но когда, вспотев, он снял колчугу, его пронзила стрела одного из врагов. Как только пал их самый сильный противник, они бросились на своих личных

врагов, князей города Ка́ры оспат-урдат-вош, и убили младшего из них. Старшие же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Город же и прочий народ остались непреданными, так как вся война была ими ведена лишь из кровавой мести к называемым трем князьям.

Этот рассказ имеет для нас ещё другой интерес. Он показывает, что остатки князьков иногда заключали между собой союзы и коалиции, чтобы противостоять более сильным врагам. Из одного рассказа мы видим, что и остатки городков: находившийся на мысу Каттида ванда и Волг-егта-вош были союзниками, заключившими между собой оборонительный и отчсти наступательный союз. В случае открытия военных действий стороны, подвергавшаяся нападению, выставляли на высоких шестах куски красного сукна в виде флагов. Она тем давала знать своему союзнику об опасности, ей угрожающей. Весь о появление красных флагов быстро передавалась рассеянными всходу рыболовами и охотниками с одного места в другое и доходила до их союзников. Они тогда спешили на помощь утешённым. Говорят, что и теперь горный берег Иртыша, где находятся мысы Каттида ванда, отчсти виден в ясные дни с Конды, так что известие об открытии войны весьма скоро могло достигнуть до находившегося здесь города, расположенного сравнительно недалеко от этой реки.

Эти союзы имели особенное значение при войнах с самоедами, а впоследствии с татарами и русскими.

Самоеды часто делали набеги большими ватагами в 200–300 человек, и остатки князька не всегда могли им противостоять соответственное число воинов. Кроме того, нападения свои они производили иногда столь стремительно, что часто заставляли остатков врасплох и не давали им времени собраться. Если же самоеды встречали сильное сопротивление, то столь же быстро пропадали, захватывая с собой награбленное имущество и жён остатков и уводя их стада оленей. Это особенно касалось зимнего времени, когда замерзшие озёра, реки и болота открывали повсеместно пути и когда жители, даже предварённые об опасности, не звали, с какой стороны произойдёт нападение. При таких походах самоеды всегда брали с собой стада оленей. С ними они быстро переносились с одного места на другое и в то же время имели всегда лицу во время пути. Благодаря этому

самоеды были в состоянии вести продолжительные осады городков и приуждать их жителей, не обеспеченных в прошлом и отрезанных от всего окружающего, к сдаче.

Набеги своих самоедов произошли и летом, причем поднимались тогда на своих лёгких, часто берестяных лодках вверх по рекам. Пользуясь тем, что в это время года все мужское население занято рыбным промыслом, они незаметно подплывали к столпкам, грабили жилища остатков и уводили с собой их жен и детей. В том же случае, если их встречали остатки в преносходном числе, они бросались в лодки и быстро исчезали, оставляя своих противников позади, так как по суше перебегали через все перешейки и волоки, унося с собой свои лёгкие ладьи, что не могли сделать остатки, имевшие сравнительно громоздкие деревянные лодки.

Своими набегами самоеды тревожили в пределах Тобольского округа всю область нижнего Иртыша до Демьянки и области Конды, причём в последний край они спускались на ладьях по реке Тил, впадающей в Конду. У жителей кондинского края они более известны под названием «тайдинского народа». Тайдинах (у ног — то: Тайдигта (?))⁴.

Как мы видели, тактика самоедов была тактикой многих других кочевых племён. Мы знаем, какой успех они часто имели при столкновении с оседлыми народами, даже значительно более образованными, чем были остатки. Понятно, что для последних было весьма важно иметь союзников, которых могли бы в случае необходимости увеличить их военную силу и тем самым дать возможность вовремя отразить врага.

Во время завоевания русскими долины Иртыша и Оби казаки всегда встречали значительные скопины остатков, состоявшие из войска союзных князей. Так, князь Демьянской волости Ниминяя собрал в свою обширную крепость до 2000 бойцов⁵, причём в качестве союзников его были не только остатки разных местностей, но и кондинские вогулцы. Далее история отметила, что под Самарским мысом казаки застали врасплох спящие остатки и изрубили их. В числе убитых находился местный князь Самар и его восемь союзных князей.

Глава IX Заключение

Былины — исторические рассказы о подвигах богатырей, споетизированные народной фантазией. — Их реализм. — Куда делась богатырь? — Взгляд остатков на этот предмет.

Мы не будем дольше останавливаться на выводах о жизни прежних остатков и их мировоззрении на основании данных былин и героических сказаний, например, об их религиозных верованиях. Скажем лишь несколько слов о том, как следует смотреть на упомянутые виды остильской народной поэзии. Их можно рассматривать или как произведения народного творчества, в основание которого легло знакомство их с окружающим миром и их представления о богах и прежних людях, или как исторические рассказы о подвигах прежних князей, споетизированные фантазией их авторов и певцов.

Мы склоняемся решительно пользу этого последнего мнения. Доказательством может служить неподдельный реализм, что всюду проглядывает в былинах. Все их географические и топографические данные настолько верны и точны, что позволяют нам судить о местах происшествия разных событий. Сам тип богатыря тоже вполне реален. Если мы откинем некоторые фантастические черты его характера и некоторые сверхъестественные его способности, то мы будем иметь перед собой остильского князька, мало чем отличного от тех, кому еще застали русские при их появлении в Западной Сибири. Их большая сила и лучшее физическое развитие зависели от более изобильной пищи и от лучших условий жизни. Это представление об их большой силе и непобедимости зависело и от их лучшего вооружения, которое они могли иметь благодаря своему сравнительному богатству. А что кольчуги и мечи у них действительно имелись, показывают многочисленные их находки, а также свидетельство прежних бытописателей это-

го края. Наконец, образ жизни богатырей, их занятия, ломашная обстановка — всё так сходно с тем, что мы ещё теперь застаем в самых глухих уголках остяцкого и ногульского края и с тем, что ещё недавно имело место в тёперь обрушенных местностях, что нет никакой необходимости приспосывать всё это фантазии народа.

Небезынтересно будет знать читателю, какова же была судьба остяцких богатырей, о коих впоследствии уже ничего не упоминается. Нет сомнения, они могли существовать, только пока врагами их были столь же слабые противники, как и они. Когда же на юге появились тюрки-завоеватели, а впоследствии русские, то славы богатырей сразу померкла. Они не были в состоянии вступить в борьбу с более сильными и лучше вооружёнными врагами и предпочитали сражаться наравне с прочими и в случае беды бежать вместе с ними, так как их личные военные качества тут вряд ли могли оказывать им большую помощь. С этих пор князья стали утрачивать свою славу богатырей и своё обаяние. Исчезло мало-момуто то прежнее благоговение остяков к своим князьям и заменилось более разноплановыми отношениями между обеими сторонами. Народ по-прежнему признавал их главами и слушался их, пока это вहодило в его интересы, в противном же случае действовал по-своему.

В этом виде их застает история, и историк Фишер⁴ даёт первую характеристику остяцкого князя XVI века: «Такой князь владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как и он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, нежели другого». Немного времени спустя после завоевания русскими Северо-Западной Сибири, большая часть остяцких князей потеряла свое княжеское достоинство и сравнилась с простыми людьми.

Сами же остики иначе объясняют исчезновение богатырей из их страны. Народ не мог, или вернее не хотел, допустить превращения славных, боготворимых богатырей своих в простых смертных. Умё его зародились разные, более поэтические объяснения их исчезновения. Нахождение в лесах незамеченных ранее огромных об-

юмков камней, занесённых ещё в ледниковый период в эту страну, где совершенно нет скал и камней, наводило остатков на мысль, что, верно, это их богатыри, спасаясь от новой веры, приняли вид этих камней. По их рассказам, это случилось таким образом: когда стала распространяться христианская вера, богатыри, верные прежним богам, стали удаляться в более глухие места, но когда всё это не помогало и новая вера всё дальше и дальше проникла в их страну, они убежали в леса и тундры севера и на запад, на Урал, и превратились там в каменные глыбы.

Некоторые богатыри, судя по былинам, были взяты Богом на небо и сделались святыми. Их остатки и теперь приносят жертвы и молитвы. К таким князьям принадлежат двое старших сыновей князя города Карапбёспат-ваш. Известны они у нынешних кондинских остатков под именем Иега-тей-генеен — «Старинки с вершинами речек», либо настоящим их жилищем считают старый городок Ваш-јега-ваш в вотчине шумиловских остатков и небольшой холм в даче юркоеских, расположенные вблизи мелких речек и в известном расстоянии от Конды.

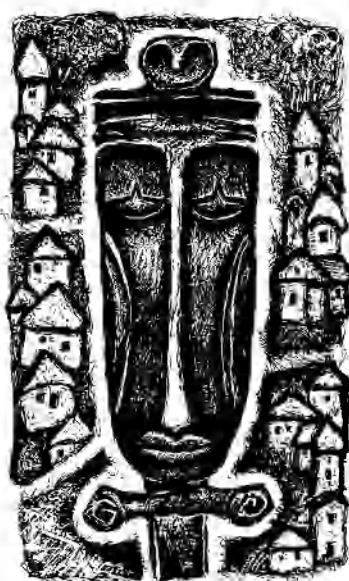
За великих святых, живущих теперь на небе, считаются в кондинском крае и прежние нахарачинские богатыри Ай-урт (вог. Виш-бтер), т.е. «Малый князь» и Еис-урт — «Большой князь», именуемый vogулами Ёйы-кеныт-анчых, т.е. «Старик с большой шапкой», потому что в таком виде его изображают. Как при своей земной жизни они были великими воителями, так и после перехода своего на небо они не перестали принимать участие в битвах. Ввиду того, что остатки и югулы в настоящее время войн не ведут, они являются союзниками русских в их войнах, истребляя в виде «железных волков» (карт ёвра) их врагов*. Но вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другие просто умерли в разных местах, дома или сражаясь с врагами. Но где бы и каким бы образом они ни погибли, души их и поныне витают над страной остатков.

* Кондинские остатки уверены, что именно за эти услуги их богатырей русские цари освободили их от воинской повинности.

посыпают им удачу в рыбной ловле и на охоте* и, будучи любимцами Бога, устраивают от них многие бедствия, за что благодарные потомки молятся им, как добрым духам, и приносят им кровавые жертвы и дары.

* В сказаниях: *жіни хүт' тәлымалитта, хар таш тәлымалитта* — букв.: «водную рыбу в изобилии найти».

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**Сказания о поездках
остяцких князей к русским царям**

Вскоре после покорения Сибирского царства в русский стан стали являться инородческие князья из окрестных стран с изъявлением покорности. Русские правители и губернаторы принимали их ласково, одаривали их и, наложив на подластки им народы ясак, с почётом отправляли их домой. Некоторые из таких князьков пожелали передать себя и свой народ во власть России не иначе, как при посредстве самого государя, что им не возбранялось. Таков был остицкий князь Лугуй¹, который в 1586 году ехал в Москву, чтобы в первопрестольной столице принять русское подданство. Федор Иоаннович принял его ласково и дал ему охранительную грамоту. Его примеру последовали и другие князьки. Так, в 1601 году в Москву приезжал жаловаться на грабежи остицкого князя Иничек⁴ и его союзников — русских — правитель кондинских ютульцев Курманак Танаев⁴, а несколько лет раньше туда же был отправлен плененный ногульский князь Арак⁴ с сыном. Победки остицких и других князьков по разным обстоятельствам и столицы имели место и в последующие периоды времени. Некоторым из них посчастливилось посетить Петербург два раза (напр. Ив. Матв. Тайшину⁵).

Само собою разумеется, что эти поездки в многолюдные блестящие столицы, где князьки иногда удоставлялись приёма во дворце, не могли не оставить глубокого следа в умах таких детей природы, какими в прежнее время были остяки и ютулы. В длинные зимние вечера, когда стар и млад собираются в тесной юрте у пылающего огонька, старики, уступая настоятельным просьбам молодежи, начинают свои бесконечные рассказы о прежних людях, о богатырях и князьях. Не забывают они при этом и о путешествиях последних к

Белому царю. Передаваясь из уст в уста, подобные рассказы с течением времени изукрасились народной фантазией и приняли в большей или меньшей степени сказочный характер.

К числу таких рассказов принадлежат и ниже приведённые два сказания о посещениях остяцкими князьями и богатырями русских царей, записанные в 1887 году в Тобольском округе.

1. Лет триста тому назад, когда в крае было ещё очень мало русских, вся земля всецело принадлежала остякам, которые управлялись своими князьями. Леса тогда изобиловали пушниной дичью, а воды — рыбой, ввиду чего остякам жилось недурно. Они не только могли исправно вносить ясак царю, но и делать хорошие подарки своим князьям, некоторые из которых, накапливая из года в год пушнину и вымененные на неё себре, шёлковые ткани и деньги, приобрели значительные богатства.

Но с течением времени обстоятельства изменились: русское население стало расти, остяцкое бедеть и убывать. Пушнину уже добывалось меньше, и князьки не только не получали более подарков, но то и дело должны были выручать обицивших недомитицких. К тому же стали ходить слухи, что то тот, то другой из амбарчиков, посыщенных весьма почитаемыми остяцкими боярами, подвергся ограблению со стороны русских волчьих людей.

Видя, что сохранить свои богатства при таких обстоятельствах не представляется возможным, многие из остяцких и vogульских князьков приняли решение закопать их в землю. Так же поступил, между прочим, и один князёк, имя которого не сохранило предание, правивший над чиликанскими и соседними остяками. Про этого князька рассказывают, что он не только был мудрым правителем, но и отличался замечательной физической красотой: на лбу у него сверкала звезда, а на затылке светила ясный месяц. Но поддавные его об этом ничего не знали, потому что он, не желая смущать их этим чудом, постоянно носил на голове соболью шапку.

Желая привести в исполнение задуманную им мысль, он нанял русских крестьян, которые должны были совершить всю указанную работу с завязанными глазами. Они выкопали в одном бору 40 погребов, в которые сам князёк опустил 40 ящиков с драгоценностями. Затем ямы были засыпаны и сровнены с землёй. Крестьяне получили право развязать глаза лишь тогда, когда они прибывали в юрты. Таким образом, никто, кроме самого князька, не знал, где закопан клад.

Это произошло в ту эпоху, когда указанный князёк был еще язычником или, по выражению остатков, «поклонялся шайтанам». Приходя, однако, с течением времени в более близкое соприкосновение с русскими, он возымел желание креститься. Своим богам он уже мало доверял. Действительно, он постоянно делал им богатые «приклады» в надежде, что они даруют ему удачу в рыбной ловле и на охоте, но весьма часто случалось, что они не исполнили своих обещаний. Но что ещё более удивило его в их беседах, это что они не были в состоянии отомстить русским людям за осквернение своей святыни: святотатцы не только не были поражены громом, но у них даже руки не отсохли после этого.

Будучи знатного рода, князёк, однако, желал иметь крестным отцом какого-нибудь русского столь же знаменного происхождения, как и он. Таких же лиц в те времена, несмотря на его поиски, неизъяснимо было найти и целом крае, и князёк, по совету стариков, решил обратиться по этому поводу к Белому царю, к которому, по слухам, уже ездили двое князьков. Но осуществить эту заманчивую мысль оказалось делом нелёгким: ведь царь его, конечно, не станет крестить даром, а богатства у него более не имелось, он даже забыл место, где были закопаны его драгоценности. Как быть? Он думал три дня и три ночи и ничего не мог придумать. Тогда он, будучи хорошим промышленником (охотником), решил испытать своё счастье на охоте. Бог, должно быть, русский, ему помог: ему посчастливилось найти гнездо с молодыми лисицами, одна из которых оказалась совсем необыкновенной. Шерсть у неё была золотистая и имела

такой ослепительно-яркий блеск, что его с трудом мог выносить глаз. Вот эту лисицу он и приготовил в подарок царю. Бережно сдавав с неё шкуру, он завернул её в чистый белый платок и в радостном настроении отправился домой.

Через день он был уже в пути, а месяца через два — в столице. Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, он прямо направился ко дворцу. Здесь его встретила старушка, которую он просилложить царю, что к нему приехал издалек гость. Старушка не решилась исполнить его просьбу, и он рискнул пойти без доклада. У первых дверей его встретил часовей, который его окликнул. Князёк ему сказал, что идёт к Белому царю по важному делу, и тот его пропустил. Он прошёл три комнаты и у четырнадцатой опять наткнулся на часового, который его опять спросил, кто он и зачем идёт во дворец. Князёк ответил, как раньше, и часововой его пропустил. Пройдя мимо последнего часового, князёк вошёл в большую и богато убранную горницу, в которой находился царь, и отвесил последнему низкий поклон, не снявши шапки. Государь с ним поздоровался и спросил: «Ты что за человек будешь и отчего предо мной шапки не снимашь?». Он отвечал: «Я остицкий князь, приехавший к тебе из далёкой Сибири по небольшому делу. А что я шапки перед тобой не снял, то это, чтобы тебя не испугать, Ваше Императорское Величество». Царь усмехнулся и сказал: «Я не из трусливых, можешь смело снять шапку». Остяк повиновался, и свет, исходивший с его лба и затылка, внезапно озарил всю комнату. Государь смыкнул, что перед ним человек необыкновенный, и стал с ним ещё ласковей. Он его усадил за свой стол и стал угождать заморскими кушаньями. По окончании пиры остик начал ему излагать причину своего приезда: «Видишь ли, Ваше Императорское Величество, мне теперь 35 лет, и я посейчас не крещён. Приехал я сюда, чтобы принять святое крещение и просить твою милость быть моим крёстным отцом». — «Что ж, это можно», — ответил Государь. Тогда остик вытащил из-под гуси платок, в котором была завёрнута лисья шкурка с золотым руном, и подал её царю. Царь охотно при-

нял подарок, «подивовавшись» на диковинку и поблагодарил оставку. «Что же тебе дать взамен?» — спросил он. «Дай мне три куска золота, Ваше Императорское Величество», — отвечал оставка. Государь велел принести три куска золота и передать гостю, который взял себе лишь один, возвратив царю остальные два в виде обратного дара.

Государи крестил князька и по своей фамилии нарек ему имя Роман. После он его женился, дав ему в жены одну из самых красивых придворных девок. После знажной свадьбы, которая была устроена во дворце, молодые отправились в Сибирь. По дороге молодуха стала тосковать, что ей придется всю жизнь проводить в глуши, среди лесов и болот. Она решила избавиться от своего мужа и отравила его супермой, после чего вернулась в Петербург.

В память погибшего князька Романа родственники его, также принявшие крещение, выстроили возле своих юрт церковь, вокруг которой впоследствии выросло большое село, названное по имени оставшегося князька Романовским. Оно находится в южной части Демянниковской волости (Тоб. окр. и губ.)*. От прежних же оставских юрт сохранились лишь два дома, в которых проживают обруселые оставки, считающие себя потомками княжеской фамилии. Эти так называемые Романовские юрты расположены у самого села и принадлежат к Верх. Демянской волости.

2. Вдалеко прошедшее время близ Троицких юрт, на Оби, проживали два великих богатыря, прозванных по месту, откуда они происходили, «Стариками с первыми речки» (Бга-тей-игенгэн). Один из них носил имя «Старшего богатыря» (Зи-урт), другой — «Младшего

* Заметим здесь к слову, что факты, сообщаемые историей относительно возникновения с. Романовского, близко подходят к событиям, изложенным в народном сказании о Старице и юнке Романе. Сказание имело, вероятно, поздний возраст с позицией Невьянским или Демянской волостью, расположенной около устья р. Демянки. По взятым казаками их городка он, как гласит история, ушел на Конду. Невьянским в истории, однако, остается вопрос, каким образом во главе незавоеванной юности языческих оставок мог находиться христианин, носивший христианское имя. — обстоятельство, на которое обратили внимание и сами историки.

богатыря» (Ай-урт). Когда русские завоевали край и стали крестить народ, этих богатырей уже не было в живых, но на месте их жительства благочестивыми остыками были выстроены амбарчики, в которых хранились их изображения.

С этих идолов, или, по выражению инородцев, ликов, поп и хотел начать крещение народа, но несмотря на все старания, не мог их разыскать. Они незавидно скрылись неизвестно куда. Через некоторое время, однако, пронесся слух, что эти высокочтимые боги хранятся где-то поблизости у одного остика.

Посланцы в числе 10 человек, прида в указанные юрты, разыскали амбарчики, в которых хранились изображения богов, и хотели отвезти их в церковь для совершенния над ними таинства крещения. Но они не только не были в состоянии захватить с собой ликки, но даже сдвинуть их с места. Послали еще за людьми, но и те ничего не могли сделать. В этом безвыходном положении русские обратились к их хозяину и попросили его помочь им исполнить приказание царя. Остик был покладистый и один с легкостью вынул их из амбарчиков и передал им.

Когда царь услышал об этом чуде, то повелел привести эти ликки к себе, незирая ни на какие препятствия. Посланцы запрягли большие сани и с помощью остика положили на них этих богов, но несмотря на все свои старания, несколько людей и десять лошадей не были в состоянии сдвинуть сани с места. Побились, побились и опять вынуждены были обратиться к содействию их хозяина, который за небольшое вознаграждение взялся доставить богов к самому царю. Он хлыстнул лошадей, и они помчали сани с быстротою ветра.

Долго ли, коротко ли он ехал, но он прибыл в столицу и подбежал прямо ко крыльцу дворца. Царь принял гостей в своих коромыслах и первым делом снял с них портрет. Самих богов царь пожелал оставить у себя в комнате. Узнав из разговора с остиком, что они еще не крещены, он осерчал и решил их сжечь, а их хозяина казнить. Не теряя времени, он сел за стол и начал писать

приказ об этом. Он писал, писал, но скоро его начала ополевать дремота, и он, не окончив бумаги, положил её под подушку и заснул.

На другой день Государь вспомнил о бумаге и решил её окончить. Но каково было его изумление, когда вместе написанных им строк он прочёл следующее: «Ты нас не жги, так как повредишь через это себя самому: ты — царь и все равно что русский Бог, а мы — остатки богатырей и боги. Если ты нас обидишь, то мы пойдём к другим царям и будем с ними в союзе. Мы нашлиём на твоё войско каменных и железных волков, которые его истребят. Если же ты нас не тронешь, мы всегда будем стоять за тебя».

Царь прочёл бумагу, притёр глаза и, убедившись, что он не спит, опять сел писать бумагу в прежнем духе. И этот раз он задремал, не успевши её окончить, и опять на другое утро нашёл, что вместо приказа о казни у него под подушкой лежит бумага с разными предостережениями вроде вышеприведённых. Собравшись со всеми силами, царь стал писать третий приговор и, несмотря на сильную дремоту, дописал его до конца, но тут же свалился от усталости и крепко уснул. Посреди ночи он как бы во сне услышал звон колокольчика и затем громовой удар. Он внезапно пробудился и увидел как бы молнию, сверкнувшую в комнате и ушедшую через разбрызгивающие потолок и крышу на небо. Государь осмотрелся вокруг и заметил, что лики остатков богов исчезли. Он сунул руку под подушку, чтобы разорвать невуждный тендер приказ, но вместо приказа нашёл бумагу, на которой было написано: «Ты, Государь, не казни нашего хозяина, иначе ты не будешь иметь счастья в бою, вспомни наши слова!». Царь подумал-подумал и решил, что в предстоящих войнах помочь остаткам богатырей ему может пригодиться, отпустил инородца с миром.

Богатыри Ега-тей-игнеген улетели в родную Сибирь и поселились где-то на Оби, хотя во времена показывались и в других местах, напр., в Нахчахах¹⁷, связанным селении кондинских вогульцев. Верные своему слову, они принимают участие во всех войнах, которые

ведут русские, истребляя их врагов в виде железных и каменных волков. За эти заслуги остяцких богатырей русские цари освободили всех остяков от воинской повинности.

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

По Демьянике
(Бытовой и экономический очерк)

Глава I

Выезд из с. Демьянского. — Характер местности. — Гары и молодые леса. — Жизнестное царство. — Соры и их происхождение. — Каналы. — Карабашевы деревни. — Путь в Ситниково деревни. — Крестыне — археологические остатки утюгов. — Ситниково деревни. — Описание милицы. — Местные сабиши и их характеры.

6 ноября, в снежный и ветреный день, которых так изобиловала наименшия осени, я выехал из Демьянска. Лёгкая комётика, крытая рогожами, быстро неслась по пустынным улицам этого большого села, увлекаемая парою сытых лошадок, запряжённых гусыком, — иначе невозможно ездить в здешних краях по причине глубоких снегов.

Дорога пролегала сначала через сплошные поля, укутанные теперь толстым покровом снега, потом стали попадаться гары, поросшие мелкими осиновыми и берёзовыми лесом, а также и тальниковыми кустами. Среди этих гарей разбросано лежали многочисленные, окаймлённые изгородью полыни — это так называемые раслашки или росчистки, которые в противоположность к ближним и более сплошным общественным полям составляют как бы частную собственность отдельных крестьян, их раслашавших, и в передел не идут. Чем более мы удалялись от Иртыша и Демьянска, тем реже становились росчистки и тем большие пространства занимал лес. По правую руку дороги встретился даже небольшой, но старый еловый бор, каким то чудом уцелевший от пожаров, которые в конце 60-х годов истребили почти все леса на огромном пространстве от р. Демьянки до Оби. Относительно этого елового леска мой возница сообщил, что он уцелел благодаря тому, что близко прилегает к дер. Петуховой, крестьяне которой его отстоили, связав целый ряд деревьев и не допустив огня перейти через дорогу.

Подобная картина лесов и гарей, чередующихся с раслашками, тянется на протяжении 7-8 верст, потом поля

исчезают и местность становится ещё более однообразной. Гари, почти сплошь покрыты мелким лиственным лесом, кое-где сменяются средневозрастными берёзовыми рощами, прорастающими на низменных сырых местах и потому пощажёнными огнём, но зато сильно истощёнными рубкой. Попадаются места, где огонь, уничтожив весь мелкий лес, только спалил старые вековые сосны, которые и теперь продолжают зеленеть и, может быть, простоят ещё несколько десятков лет, но они во множестве гибнут во время сильных бурь, линейные опоры своих младших сородичей и будучи в состоянии выдержать напор сильных ветров. Многие из них упали на дорогу и преграждали нам путь, другие пришли в наклонное положение и ждут своей очереди.

Как и во многих других местностях, погибающий хвойный лес заменяется лиственным, местами редким, местами густым как щётка. Растёт этот лес медленно, и теперь, спустя 20 лет после пожара, он едва ли годится на дрова. Из древесных пород здесь встречаются ель, сосна, берёза, осина, ива, черёмуха, рябина и кедр.

Впрочем, эти леса имеют своё значение для края, служа в насторожнее время любимым местопребыванием разных пушных зверей. Пожары, о которых мы упомянули, имели пагубное влияние не только на растительное, но и на животное царство. Благодаря им в короткое время вся местность превратилась в пустыню: все, что не спергло, броило в ещё сырье урманы, и вследствие этого в течение 10–12 лет звериный промысел — прежде главное занятие жителей — почти прекратился. Но по мере подрастания леса вновь стала в нём проявляться жизнь, и некоторые животные, как соболь и лось, теперь не менее многочисленны, чем прежде. Другие, напротив, стали значительно реже, как, напр., северный олень, который, как известно, питается главным образом листьями, растущими на земле и покрывающими стволы и ветви хвойных деревьев, и поэтому держится преимущественно в старых урманах, где они встречаются в изобилии. Приблизительно то же можно сказать и относительно белки, которая неохотно посещает засушнюю местность, где среди мелкой лиственной поросли не находит себе достаточной пищи.

Равным образом стали реже и медведи, в прежние времена часто навещавшие жителей в самих юртах. На смену им явились волки, еще недавно совершенно неизвестные по р. Демянике. Впрочем, и теперь они появляются нечасто, и область их распространения ограничивается нижним её течением.

Таким образом, здесь мы встречаем интересную картину вытеснения одними растительных видов другими и, как результат этого явления, изменение в пределах распространения отдельных видов из царства животных.

Но теперьшнюю флору и фауну здешней местности вряд ли можно назвать прочной и устойчивой. Берёза, главная представительница молодых, новых возникших лесов, недолговечна, и если местами и образует спелые насаждения, то в ещё больших случаях, приближаясь к этому возрасту, начинает редеть и пропадать, ломается от ветра и сохнет от разных причин, и среди таких рощиц часто появляются тут и там молодые ёлочки, которые здесь развиваются очень хорошо, и таким образом образуется смешанный лес. Число ёлочек постепенно прибывает, а молодые берёзки, любящие свет, уже плохо растут среди подобного густого леса и вследствие этого с течением времени уступают место ели, которой более свойственна подобная среда.

В местностях, уделевших от последних пожаров и которые пострадали от более отдаленных палов, можно видеть эти переходы от чисто берёзовых насаждений через смешанный лес к еловым лесам, но, конечно, подобное явление замечается не повсеместно, и для такого полного превращения требуется не менее 80 лет, и во многих местах огонь, склонив насаждения, опять делает первес листьевыми породами.

Мы проехали через несколько соров⁴, которые среди здешней лесистой местности представляют, как и некоторые болота, единственные места, свободные от деревьев. Некоторые из них богаты рыбой, главным образом карасями, но также щукой, окунем и чебаком, но ловля неводом в

⁴ Под этим именем на севере Тобольской губернии подразумевают озера с песчаными берегами. Реже это слово, как здесь, употребляется как синоним выражений «озеро», «пруд», называемого от свойства их берегов. Происходит оно, вероятно, от соответствующего ему останцового слова «тор».

большой части из них невозможна по причине большого количества «задев», устилающих их дно.

Ввиду этого здесь промышляют преимущественно мордами. Эти соры, по всей вероятности, не что иное, как старицы реки Демьянки, которая с течением времени изменяет свое русло, прокапывая себе новое ложе. Что это предположение не лишено основания, может тому служить доказательством и то, что подобные же соры образуются, если прокопать ход между двумя извилинами реки, что здесь нередко предпринимают крестьяне и остатки, в видах скращения пути. Надо заметить, что Демьянка крайне извилиста и образует множество колен, так что иногда достаточно прорыть какой-нибудь перешеек в 10–30 сажен, чтобы спрямить реку на 10–20 вёрст, что, конечно, важно для коренных жителей — остатков, для которых она служит единственным летним путём сообщения с деревнями и сёлами, лежащими по Иртышу, а также и для крестьян, сплавляющих лес в с. Демьянское.

Для прорытия таких перешейков собираются крестьяне или остатки в числе 10–25 человек, реже в большем числе, и оканчивают работу в 1, 2 и много 3 дня. Размеры одной из этих канав, пересекающей волок в 15 саж., следующие: ширина сверху 3 арш. внизу 1 арш. при глубине в 4 арш. Река же в данном месте образует почти полное колцо вёрст в 10 в окружности. С сопротивлением реки, конечно, оставляя перекопанные пространства, «пороги», которые прорезываются уже потом. Если глубина канав достаточна и место выбрано удачно, то вода, особенно во время весеннего половодья, с большой силой устремляется в указанный ей ход и прорывает себе настоящую ложе. Такие прокопы встречаются по Демьянке в 3–4 местах.

На самую Демьянку приходится выезжать только по временам, именно там, где её пересекает зимний путь. Ввиду этого на вопрос, скоро ли мы дадим, ямщики здесь нередко отвечают так: надо проехать 2 соры и 3 плёса, причём слово «плёса» и означает часть поверхности реки. Ехать же по Демьянке всё время значило бы удлинять путь по меньшей мере в 3 раза — до того она извилиста и вертлюва.

Первое жилое место, которое мне пришлось посетить, было д. Карабашева, состоящая всего из двух домиков. Ос-

нована она на месте бывших Карабашевых юрт, жители которых вымерли окончательно лет 10 тому назад. Ещё в 58-м году, во время 10-й ревизии, здесь проживали 10 душ остатков (8 мужч. и 2 ж.). С появлением вымирания инородцев мы будем постоянно сталкиваться при дальнейшем изложении, так как это явление замечается повсеместно по Демянке, по Иртышу и Оби. Замечено это явление не только в Тобольском округе или в Сибири, но и в Америке, и в других странах, одним словом, всюду, где племена, стоящие на низкой степени развития и мало способные к культуре, сталкиваются с европейцами и начинают усваивать внешние признаки их цивилизации.

Здесь я остановился ненадолго и несколько побеседовал с крестьянами, которые охотно рассказывали о своём житье-бытие. Так как их экономические условия вполне сходны с таковыми же следующего Ситниковского селения, то я не буду о них распространяться особо.

Лошадь на этот раз запрягли в «внепрятжу», потому что ехать гуском при сильной извилистой лесной дороге, при постоянных спусках и подъёмах оказалось неудобным. Я поместился на передних санях, а немногие мои вещи были сложены на задних санях, где был возиной проворный парнишка. Вьюга продолжалась по-прежнему, и обледенелый снег разрезал лицо, но вообще погода была мягкая, что особенно было заметно, когда мы проезжали через густой лес, где и зимой тихо. Некоторое время мы едем по крутыму берегу р. Нельмы, притока Демьянки с правой стороны, опять углубляемся в лес, пересекаем Демянку, соры и болота и подъезжаем к Ситниковской деревне, которая, как почти все здешние селения, расположена на р. Демянке.

Уже стемнело, но вьюга стала утихать. Мы остановились у одного из двух домиков, из которых состоит вся деревня, именно у того, где еще светился отгонек. Время было позднее, и я решил здесь перениочевывать, проехав всего 30 вёрст от с. Демянского.

Войдя в избу, я застал семейную картину: крестьянин чинил хомут, а 2 женщины, жена и взрослая дочь его, как я потом узнал, сидя на лавке, пряли льняную нитку на особых прядках без колёс и весьма простого устройства, и всю эту картину освещала лучинка своим мерцающим светом.

Так коротают здешние крестьяне длинные зимние и осенние вечера и поэтому мало тяготятся своим одиночеством, впрочем, зима, или, точнее, первая её половина, здесь самое оживлённое время года. Малочисленные остинки, которым принадлежат громадные площади земли по обоим берегам Демяники, конечно, не в состоянии сами эксплуатировать все многочисленные рыбные угодья, в них заключающиеся, и поэтому приглашают к себе артели крестьян, преимущественно Демяинской волости, вместе с которыми и промышляют с начала ноября по Рождество и Крещение, и виду этого в эти месяцы заметно постоянное движение народа взад и вперёд. Сначала крестьяне отправляются «мать» дорогу, иногда на лыжах, иногда на дровнях, так как без подобной подготовки в многоснежную зиму болота под обильным покровом снега иногда не промерзают вплоть до весны, и потом уже двигаются «караваны» рыбаков самой в 10–20 в глубь страны. Они везут с собой куски невода, хлеб, чай, кое-какую одежду, некоторую посуду, пеши, одним словом, предметы, необходимые, чтобы прожить 1½–2 месяца в юртах или в рыболовной избушке. Устроившись и несколько обжинавшись, крестьяне возвращаются опять на реку (Иргыш) за семенем, которое, таким образом, везут 50–80–100 вёрст, смотря по отдалённости их места назначения; на Демянике же вследствие весьма слабого населения трудно получить достаточно большое количество семени. Потом, через недели 2–3 после начала промысла, туда потянутся ямщики за рыбой, и везды их происходят каждую неделю или 2 недели.

Таким образом, в эти 2 зимних месяца здесь кипит жизнь, которая в январе затихает и опять начинается около Великого поста, когда крестьяне отправляются в остатки урманы валить и заготовлять лес для сплава на Демянскую пароходную пристань. Живут они в лесах не более месяца, после чего вновь покидают берега Демяники до весеннего разлива, когда на лёгких лодочках добираются до мест, где сложен лес, и сплавляют его по реке.

Во все эти периоды времени малочисленные избы здешних деревень и юрт бываюят битком набиты народом, который распологается всюду, где только можно пристечь: на полу, на лавках, на полатях, на печи, и самовар подчас в продолжение целой ночи не сходит со стола.

Ситниковая деревня, как и Карабашева, выросла тоже на месте бывших остаточных юрт, жители которых вымерли еще до 10-й ревизии. Эти деревни состоят из небольших чистеньких домиков, почти все в 1 стопу, или комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляют никакого отличия от таковых же изб по Иртышу, разве только, что они меньше, каждая стопа делится перегородкой на 2 части, из которых передняя — чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играет роль кухни. Как и там, угол против двери занят образами, другой — широкой деревянной кроватью с пологом. Все свободные места около стен заняты широкими лавками, которые иногда заменяют кровать для усталых странников. Для этой же цели служат и полаты — излюбленное место старух и детей.

Такое же устройство было и в доме, где я остановился, единственным, состоящем из 2 половин, или стоп. Здесь тоже вся жизнь была сосредоточена в одной комнате, другая же, отделенная от первой сеними, служила зимой кладовой. Окна, как всюду по Демьянке, затянуты коровьей или лосиной брошиной, которая пропускает света вполне достаточно для домашних работ и даже для чтения и писания, но в то же время не позволяет видеть, что происходит на улице. Для этой цели в середине пузьры прорезываются небольшую дырочку. Принимая во внимание деревенскую и общедоступность материала, окна с брошиной с успехом могут заменить одну и даже две рамы со стеклами, и действительно, если брошина аккуратно натянута, то от подобных окон гораздо менее дует, чем, напр., от окон, имеющих одну раму со стеклами, прикрепленными притом при помощи шипилек, что встречается частично по Иртышу и повсеместно по Конде. Но подобные окна имеют и свои неудобства, именно они весьма хорошо пропускают звук, и всякий шум, возникающий на улице, слышен так же отчетливо, как если бы происходил в комнате. Это делается особенно заметным, когда собаки начнут свои обычные концерты, о которых не имеют понятия люди, не бывавшие к северу от Тобольска и не видавшие местных собак северной туземной породы, отличительная черта которой — чрезвычайно густая стоячая шерсть, длинная морда и стоячие уши. Вот эти-то собаки, которых держат ради охоты и для перевозки поклажи в

зимнее время в местах, где нет дорог, имеют странное обыкновение собираться во всякое время дня, но главным образом ночью, в стайки и поднимать ужасный вой, который длится иногда полчаса без перерыва, после чего они разбегаются, чтобы через некоторое время опять собраться у другого дома и продолжить концерт.

Придерживаясь правила, что утром вечера мудренее, я не без удовольствия расположился на покой в тёплой избе, но долго не мог заснуть: глаза прислушивались к звуку ветра и к шелесту, который производил снег, ударяясь о бровину перепонку окна, и убаюкиваемый этим шумом, я наконец уснул.

Глава II

Заветы жителей — земледелие и рыболовство: «чесадчны» промысел.
— Сильная зависимость здешних крестьян от купцов. — Права на землю.
— Путь в Потырские юрты. — Их население. — Звероловство: охота на лося. — Местное скотигнное право. — Охота на соболя, выдра, лису. —
Добывчие мелких грузин.

Главное занятие жителей — земледелие и рыболовство.

Первые опыты хлебопашства по р. Деминке принадлежат остякам, которые и оставили карабашевским крестьянам в наследство свои небольшие пашни; но земледелие остяков не получило широкого развития, частью вследствие того, что вымерли жители, частью оттого, что одного плохого года было достаточно, чтобы охладить пыль не очень рыхлых пахарей (Бескинские юрты). Теперь земледелие стоит на более прочных основах, но только в этих 2 русских деревнях, в остальных же остацих селениях оно не практикуется. Хотя пашни здешних крестьян и невелики и достигают $1\frac{1}{2}$ -2, реже 3 дес. на двор, но при хороших урожаях, которые здесь бывают, этого количества вполне достаточно, чтобы прокормить в продолжение года небольшую семью, а иногда жатвы одного года хватает на 2 года, напр., хозяева, где я остановился в Ситиновских юртах, пользовались епёл хлебом 1885 года, т.е. третьего года. Секот, как видно в Тобольском округе, почти исключительно озимы и ячмень. Урожай, как сказано, бывает хороший, часто сам-5-7 и даже сам-10. Зависит это от свежести почвы, «утончённой» притом золой бывших деревьев, и, с другой стороны, от хорошего насыщенного удобрения, что позволяет иметь достаточное количество скота, которое здесь пережает. В среднем можно принять, что в обеих деревнях на двор приходится по 3-5 корней и коров, не считая молодого мелкого скота.

Вообще здешняя местность представляет условия довольно благоприятные для земледелия, которое пока ещё в зачатке. Почва*, судя по словам крестьян, состоит из разных

* Я не имел возможности лично исследовать этот вопрос по причине глубокого снега.

смесей глины с песком. Распашка не представляет больших затруднений, так как почти вся местность состоит из гарей и пригоров таких, где деревья погибли уже около 20 лет назад и, следовательно, где их остатки уже сильно погнили. Подраставший, ещё молодой лес тоже до сих пор не служил большой помехой для поднятия новы.

Ввиду этого здешней местности можно было бы предсказать лучшую будущность — сделаться корнильцей будущих крестьянских деревень, но большое количество инзин, лыж* и болот, разбросанных среди более высоких мест,годных для культуры, а, главным образом, недостаток в лугах послужит некоторым препятствием для колонизации. А что здешний край может прокормить более сильное население, чем которое теперь рассеяно по пустынным берегам Демьянки, не подлежит сомнению: доказательством может служить уже то, что остатки здесь были прежде значительно более многочисленны, чем теперь, а питались они почти исключительно звероловством, не эксплуатируя совсем почвы и только отчасти свои рыбные богатства.

Кроме хлебных растений, здесь секоя еще лён, и добываемый из него холст служит главной одеждой для здешних крестьян. Часть его, которая предназначена на юбки и мужские рубанки, отдаются синтить в деревни по Иртышу, плата по 3 коп. за 1 аршин.

У соседних остатков лён заменяется крапивой, в изобилии произрастающей по берегам соров, на местах бывших стоянок и около избушек и юрт. Холст из неё грубее, но очень прочен. Из него, кроме нижней одежды, делают еще «шабуры», которые хорошо защищают полушубки от сырости и от царапанья сучками.

Есть еще одно растение, которое здесь культивируется в небольших размерах, это картофель.

Если земледелие служит источником пропитания для жителей, то рыболовство доставляет главный доход, который идет на уплату податей и повинностей и на приобретение чая, соли, табака и т. п. Рыболовство производится главным образом зимой при помощи небольших неводов, в 50—100 саж. длины, в сорах и в Демьянке, также мордами,

* Сырое пахучее место.

которые ставят в речках, в ручьях и около живцов или ключей, впадающих в Демьянку. Почти специально для карасей ставят в сорах сети. В Демьянке, кроме того, практикуется ещё осенний лов налима самоловами и промысел «духовой» рыбы при помощи «чёрдаков».

Ввиду того, что этот последний способ добывчи рыбы наиболее характерен, опишем его несколько подробнее. Вода в Демьянке начинает «загораться» в начале декабря, часто около Николина дня. Причины этого явления недостаточно выяснены, но с водой происходят какие-то видоизменения, почему она делается безвкусной, отчасти краснеет, и рыба, проживавшая в ней в продолжение целого лета, уже не может в ней далее безнаказанно пребывать и поэтому спешит покинуть подобную испорченную среду. Из Демьянки она скатывается в Иртыш, который около с. Демьянского «загорает» сравнительно редко. Эта-то рыба и называется «духовой», потому что движение её обусловлено «загором» реки, или «духом».

На этом движении рыбы и основан «чёрдачный» промысел: поперек реки ставят 2 косых забора из жердей и хвороста, которые своим отверстием направлены яко по реке. В середине помещается сани, или мешкообразная сеть, к которой прикреплены верёвки. Когда рыбак почувствует, что рыба попала в сани, он тянет верёвку и вытаскивает сеть с пленницами. «Чёрдак» устраивается незадолго до «загора» и осматривается один раз в день; во время же самого хода рыбы, который продолжается 3–5 дней, караулят днём и ночью. Так как «чёрдак» сооружается артелью из 5–12 человек, то караулат поочерёдно, и при дежуре рыбак, всякий член артели получает равный пай добчи, хотя бы в его черёд и не попало ничего.

Рыба, не успевшая пробраться в Иртыш и не попавшая в «чёрдаки», скапливается около ключей, которые кое-где впадают в Демьянку и имеют свежую воду. Здесь помещают много лодушек, и рыба иногда в одну ночь переполняет морды, из которых каждая может вместить 15–20 пудов.

Весной промышляют на реке «крайдами». Главный лов рыбы в здешних угодьях происходит, как сказано, в первую половину зимы, так как в это время удобна переноска её, летом же ловят почти только для себя, причём её солят и сушат на зиму.

Породы рыб в Демьянке, речках и сорах те же, которые встречаются и в Иртыше, кроме более ценных видов, свойственных этой реке, каковы представители семейств лососевых (*salmonoidei*) и осетровых (*chondrostei*). Здесь встречаются изъ, щука, чебак, окунь, ёрш, отчасти елец, кроме того, исключительно в сорах — крупный карась, достигающий размеров до $\frac{1}{2}$, арши. и веса в 6–8 ф., а в Демьянке осенью попадается ещё налим.

Кроме этих 2 главных занятий, здесь практикуются ещё звероловство, сбор ягод и кедровых орехов, реже извоз.

Сравнительно с соседними остяками, эленине крестьяне находятся в меньшей зависимости от торгующих крестьян, и происходит это от того, что они обеспечены почти во всех предметах первой необходимости: в жилище, пище и одежде. Действительно, они имеют круглый год свой хлеб и картофель, свою рыбу, дичь, свое молоко, масло, мясо, одежду из своего колта, бороды и чигаки из своих кож и даже гуси — эту общепотребительную на Севере самодскую одежду, как и рукавицы, шьют из шкур своих собак. Упомянем здесь кстати об одной принадлежности мужского зимнего костюма, которая носит местный характер, это так называемый нашийник (по остяцки «танкедур») — род боя из заячьих или беличьих хвостов, но значительно более короткий и охватывающий только шею. Хвосты один за другим нанизываются на шнурок и стягиваются, ввиду чего на один нашийник их идёт 60–120 штук, а средняя цена его 60 коп. — 1 руб. Нашейник хорошо охраняет шею от ветра и снега и во всеобщем употреблении по Демьянке и в низовой части Иртыша. Возможно, что он заимствован от остяков.

Около Ситикоинской деревни кончается «отводная»^{*} земля общего владения крестьян Демьянской волости и начинаются обширные лесные пространства, которые тянутся на сотни вёрст по обе стороны реки Демьянки и единственными обладателями которых являются малочисленные остяки, сгруппировавшиеся преимущественно в её нижней части.

К ним же перешла и значительная часть земель вымерших Карабанских и Ситикоинских юрт, расположенных на полуденной стороне реки.

* Земля, отведенная правительством в XVI ст. под поселения ямщиков при устройстве Демьянского яма.

Крестьянам же названных деревень за отбывание гоньбы на 2 станках остики уступили часть покосов и рыбных угодий и далёк несколько пней для пользования кедровниками.

Утром опять продолжаем путь. Едем почти всё время лесом, который, однако, то и дело меняется: то это мелкая поросль, выросшая на месте, где сравнительно недавно прошёл огонь, то красивые берёзовые рощи или смешанный лес, то, наконец, пространства, где произрастают отдельные деревья разных возрастов, преимущественно хвойные, и между ними нагромождён сушняк, частично еще стоящий вертикально, частично упавший на соседние деревья и глушищий их рост и густо устилающий почву. Подобные леса имеют хаотический вид, и правильного приrostа в них, конечно, быть может.

Дорога очень узка, и ветви молодых берёзок то и дело хлещут по лицу и царапают одежду. Идёт она то по гривам, то спускается в логи и некоторое время направляется вдоль них, опять поднимается на горы и пробирается змейкой через лес, покрывающим всю эту слегка волнистую местность.

Пока мы ехали лесом, было совершенно тихо, но как только выехали на Демьянку, подул холодный ветер, который в изобилии обдавал нас снежной пылью, или «копотью», как здесь выражаются. По счастью, я запасся самодельным гусем, который, как известно,носит поверх мамины, или полушибука, и который так хорошо приспособлен к северному климату, что, одевши его, относились вполне равнодушно к ветрам и вьюгам.

Потяревские юрты состоят из одного, но большого дома в 2 стопы. Здесь живут 2 семьи остиков — Тайлаковы, выходы из юрт Тайлаковых, самого крайнего, теперь уже не существующего, селения вверх по Демьянке, лежавшего примерно на 300-вёрстном расстоянии (по прямому пути) от с. Демьянского. Они уже лет 20 бросили свои прежние жилища и предоставили свои обширные вотчины* на про-

* Остики считают обширные земли, прилегающие к их селениям, своей частной собственностью и называют их «вотчинами». В огромном большинстве случаев они не имеют никаких актов и документов, которые подтвердили бы их право на эти земли. Весьма немногие имеют купчие крепости и земельные, земп. Нарынги в Бийгатских.

извол юганских зверовщиков, которые сюда иногда заходят, чтобы промышлять зверя, и даже строят себе временные избушки.

Причина, почему эти останки, вообще неохотно покидающие земли, доставляются им от дедов и отцов, переселились на новые места, следующая. Население в верхнем течении Демьянки за последнее время сильно побудилось, и, между прочим, несколько юрт (Гаринские) совершенно вымерли, через что 2 семейства Тайланковых считались одни на огромном пространстве (100 вёр. до ближнего селения), и сообщение с с. Демьянским сделалось весьма затруднительным, особенно зимой при глубоких снегах. Летом же путь из Демьянска в Тайланковы юрты вследствие чрезвычайной извилистости реки требует, по словам останков, не менее 3 недель, или около 1½ месяца в оба конца. Виду этого обыкновенно случалось, что, отправившись в село за мукой, остаток должен был простоять во время пути значительную часть ее. А между тем вследствие вымирания же жителей земли более близких юрт, между прочим Потырских, осталась без хозяев, и соседние останки, затрудняясь вследствие своей малочисленности «справлять» голову за прежних их владельцев, «обуванивать» югчими, как здесь принято говорить, предложили Тайланковым переселиться сюда, что последние и исполнили весьма охотно. Впрочем, в Потырских юртах поселилась только одна семья, которая теперь вследствие семейного развода распалась на две, а другая нашла убежище в Лумкоевских юртах.

Из прежних жителей Потырских юрт при водворении в них Тайланковых осталось в живых только трое малолеток, и первые «вотчинники», взяя в свое владение здешние земли, принесли на себя обязанность воспитывать этих детей и «справлять» за них земскую гонбу.

Теперь двум Лисаковым уже около 30 лет, но приписать ли это тому, что они выросли без родителей, или чему другому, они сделались какими-то неудачниками и, по словам Тайланковых, малоспособны к работе. Несмотря на свой зрелый возраст, они не женятся, не рассчитывают прокормить семью своим трудом. Пока они живут у Тайланковых и помогают им в рыбной ловле, которая составляет главное их занятие.

Промышляют в Демянске и в 2 больших сорах — Потырском и Невымском, приглашая крестьян из соседних деревень: Трухиной, Ярковой и др. Лов происходит на артельных началах, и невода сплавляются из отдельных «делей», причём за право пользования угодьями крестьяне уплачивают охотникам $1\frac{1}{2}$ —2 руб. с человека и, кроме того, угощают их водкой.

За 2 осенних месяца, когда происходит этот лов, вырачивают в среднем 30—50 руб. на пай*, иногда меньше, иногда больше. Приблизительно столько же вырачуют при помоши морд и «чердаков».

Другое, тоже важное занятие охотников, — звероловство. Предпринимают его обыкновенно небольшими артельюми в 2—5 человек, в числе которых бывают и русские. Добыча, кем бы она ни была добыта, всегда делится поровну между всеми членами артели. Впрочем, есть и небольшое отступление от этого общего правила, именно, если в числе охотников есть лица, мало следившие в зверином промысле, какими иногда являются крестьяне, то им приходится довольствоваться частью пая. За право пользоваться урмом крестьяне уплачивают охотникам 1 руб. с человека. Само собой разумеется, что количество животных, добываемых в известный период времени, весьма разнообразно и что удача охоты зависит от весьма многих условий, напр., нынешней весной 2 Тайлаковых и 2 крестьянина в 2—3 недели добыли 18 соболей и 2 лосей, что при средней цене шкурки соболя в 4 руб. и при стоимости лосиной кожи в 5 руб. будет равно 86 руб., или $21\frac{1}{2}$ руб. на пай.

Всёобщий эти два животных составляют главный предмет охоты в бассейне р. Демянки и довольно многочисленны. Нынешней осенью лоси появились в зелених лесах в значительном количестве, какого уже давно не было замечено, и большими стадами направлялись на юг в обширные урманы Тарского округа. Вместе с ними шли и олени. Полобные перекочевки этих животных замечаются обыкновенно каждый год, только в нынешнем году они принесли более грандиозные размеры. Явление это, по словам охотников, предвещает многогодишнюю зиму на Севере, и действительно, как

* Напр., в Лужковских юртах на пай приходилось в 1885 г. — 33 руб., в 1886 г. — 53 руб.

потом оказалось, снега выпадали в большом изобилии в продолжение целого ноября и части декабря. Обратный ход лосей бывает ранней весной, начиная с марта месяца.

Этими-то переходами лосей и оленей охотники и пользуются для их добычи. В местах, где лежат их главные пути, устраивают лёгкую засеку или загороду в один зезды и кое-где оставляют ворота или проходы. Здесь настораживают луки с большими стрелами, которые находятся в соединении с бечёвкой, или «смой», натянутой поперёк прохода. Будучи задета лосем при его попытках пройти через ворота, она спускает стрелу, которая и вонзается в его бок. Чтобы удар хорошо пришёлся, стрелу настораживают ровно на шесть четвертей земли, но и в этом случае он не всегда бывает смертелен, и тогда лось «сочат», т.е. отыскивают по кровяному следу. Один человек ставит 30–50 луков. В подобных же проходах иногда роют ямы, что, однако, реже практикуется по Демьянке.

Около Крещенья, когда лось не делает больших переходов и держится в одних и тех же местах, его «скрываются» на неслышимых «подволосных»^{*} лыжах и убивают из винтовок. Летом, около Петрова дня, в самый жар, его стреляют с лодок, когда он ночью заходит в реки и озёра, чтобы спастись от комаров и оводов. Но самая популярная охота на лося бывает около Великого поста, когда вследствие переменных степней и морозов снег покрывается твёрдой коркой, т.е. когда образуется наст, который в состоянии сдержать человека, собаку, иногда даже оленя, но не тяжелого лося. В это время его преследуют во всей обширной области, через которую протекают Иргыш, Демьянка, Туруас и другие реки, как остики, так и крестьяне. Охота эта продолжается несколько дней, иногда неделю и более, так как приходится гнать лося 30–50–100–200 вёрст, смотря по тому, на какой день его настигнут. Сначала он бежит быстро и далеко опережает охотника, но скоро утомляется, острая ледяная кора режет ему ноги до крови, он слабеет и, наконец, падает в изнеможении, становясь добывчей охотника. Гонка эта требует большого напряжения сил,виду чего про остика или крестьянина, преследующего лося, здесь

* Лыжа, подбитая лосиной шкурой (с ног).

говорят: он «пластается» за лосем. Бег происходит на лыжах и длится целые часы без перерыва, причём охотник должен нести на себе ружьё и небольшой запас хлеба на случай, что придётся провести несколько дней в лесу. Верхняя одежда состоит из двух лёгких шабуров, которые, однако, вне бега недостаточно предохраняют от холода, особенно когда приходится проводить ночь под открытым небом у огонька. Более же тёплая одежда неудобна, так как мешает быстроте движений.

Таким образом, лося — это украшение сибирских лесов — убивают круглый год без всякой щады как русские, так и остяки, и, не будь вымирания остяков-звероловов, подобное истребление, наверно, повлекло бы за собой его уменьшение в здешних лесах, что действительно и замечается в некоторых местностях, например, во всём Тюменском округе, где за исключением Севера, он теперь редок. Соболь, белка и другие животные имеют отых летом, одним словом, во весь тот период, когда они носят свой летний мех, не представляющий ценности; лось же, у которого ценится не мех, а кожа, очевидно, находится в исключительном положении. Мясо его, правда, идет в пищу, но единицами, часть его может быть утилизирована, так как, не говоря уже о том, что часть добычи уничтожается медведями, доставка 15—25-пудовых туши через лес за 50—100 и более верст при полном отсутствии дорог слишком затруднительна, чтобы её стоило предпринимать. Ещё менее может быть оправдано подобное же истребление оленя, шкура которого вообще ценится низко — 1—2 рубля и идёт даже за 50—75 копеек, если она свищевата, что случается довольно часто.

Выше мы сказали, что охотник иногда преследует лося 100 и более верст. Здесь невольно может возникнуть вопрос, каким образом он поступает в том случае, когда его путь лежит через чужую землю. Соблюдая права собственности её владельца, он должен был бы прекратить охоту на границе своей территории, но (с другой стороны) в данном случае страдали бы его собственные интересы, так как его труды пропали бы даром. Если мы обратимся к сельскому населению и спросим его, как оно разрешает подобные вопросы, где сталкиваются интересы землепомощников и владельцев земли, то узнаем о существовании у них обыч-

ного права, которое следующим образом регулирует эти отношения:

1) «Каждый осяз или крестьянин может преследовать животное, выгнанное со своей вотчины, по всем чужим владениям, через которые будет лежать путь, не платя при этом их владельцам никакого вознаграждения».

2) «Если животное, которое поднял на своей вотчине один охотник, будет убито другим, хотя бы владельцем земли, то он принадлежит первому, который обязан только уплатить второму за выстрел или за выстрелы, которые тот сделал» (обыкновенно поступают таким образом, что первый снимает шкуру и оставляет на долю второго мясо и сало). «Только в том случае посторонний может воспользоваться лосем, поднятym и гонимым кем-либо другим, когда этот последний, выбывши из сил, оставляет преследование».

Благодаря существованию подобного местного охотничего права, которое при этом собирается всеми в местности к северу от Тобольска, избегается масса разных недоразумений, которые не преминули бы возникнуть уже по той причине, что границы между владениями отдельных сельских обществ часто даже не намечены. Нелицне также прибывает, что серьёзные споры или препирательства из-за убитых животных, или из-за тому подобных случаев здесь сравнительно редки.

Соболь ловят зимой капканами или таким образом: проследив по следу, где у него порка, окутывают её или корень дерева, под которым он спрятался, сапоном или сетью и выпугивают его шумом и криком. Соболь выскакивает из своего убежища, от которых он спасается на деревья. Всё внимание его сосредоточено на собаках, и охотник имеет возможность незаметно подкрасться к дереву со своей малопульной линоткой.

Из других пушиных зверей здесь встречается выдра, которая годами бывает многочисленна, как и ныне. Её подкарауливают у нор, которые она делает во льду во время своего промысла за рыбой, и затравливают собаками или убивают из ружья; добывают её также капканами.

Лисица сравнительно редка, но иногда выдаются годы, когда она попадается в значительном количестве, напри-

мер, по словам Тайлакова, лет 6 назад было 2 таких года кряду, когда артель в 3-4 человека добывала при помощи капканов в первый год 16 штук, во второй — 9, обыкновенно же в один год добывают на здешние юрты 1-2 штуки. Чёрно-бурая лиса составляет менее $\frac{1}{4}$ части общего числа. Её, по видимому, нельзя рассматривать как особый вид, а скорее как разновидность обыкновенной лисы, так как очень часто тех и других находят вместе в одном гнезде, если их родителями были обыкновенная и чёрно-бурая лиса. Шкурка последней ценится на месте в 40-50 рублей.

Иногда молодых лисят вынимают из нор и в продолжение целого лета воспитывают в особых помещениях. Убивают их осенью, когда волдысы достигнут достаточной длины, чтобы обхватить пальцем. С этих пор они уже не прибавляются более в длину, или очень незначительно, но начинают завиваться в колыда, что, по словам охотников, уменьшает достоинство меха.

Росомаха редка, стоит 10 рублей, встречаются, однако, и беловатые, которые ценятся значительно дороже.

Рысь весьма редка. Волк здесь не держится и заходит случайно из других мест. Медведи попадаются довольно часто.

Из мелких животных по численности первое место занимают зайцы, есть и белки и бурундуков (*Lutreola strivatius*), но не в большом количестве. Зайцы ловят капканами и «пастями», или «слопцами», белок бьют из ружья и ловят смычками и плащками. Плащка состоит из толстой берёзовой плахи, которую одним концом ставят на землю, а другим опирают на колышек. От последнего идет бечёвка к небольшой палочке, которую надевают солёного яза, служащего приманкой. Плащка ставится на беличной тропе, которую эти маленькие грызуны проделывают ранней весной, в Великий пост, когда вследствие глубины снега им выголодае переплыть по торной дорожке. Белка, соблазнившаяся рыбкой, задевает за «смыму», выводит колышек из равнокесия, и плащка её придавливает. Так как в этом случае мех не носит следов крови и дроби, то скупчины обыкновенно платят за шкурки подобных животных 1-2 коп. дороже. Средняя цена беличьей и заячьей шкурки (без хвоста) — 10 коп.

Заметим к слову, ловлей зайцев и белок ловушками занимается преимущественно старики, которые этим добываю не менее 10 руб. за зиму и вносят, таким образом, свою посильную лепту в семейный доход.

Так как до следующего селения было не более 10 вёрст, то я решил продолжать путь в этот же вечер. Ночь была тёмная, но вскоре тучи рассеялись, и показался возрождающийся месяц, который своим слабым светом освещал нам путь, лежавший почти всё время по безмолчной реке, скованной льдом.

Глядя на серп месяца, старик Тайлаков, который был монсieur винницей, сказал: «Вот теперь лучшее время ловить карасей», — и пояснил, что в это время они ходят, между тем как в остальных фазах луны снят и сравнительно неохотно перемещают места.

От этого и зависела удача в ловле во время новолуния. Факт, что луна имеет влияние на животных и, между прочим, на рыб, не представляется, конечно, ничего нового; так, известно, что подобные же явления замечаются и в бассейне Западной Двины, и в других местах Европейской России относительно разных пород речных и озёрных рыб, например, что у них в это время является то большее, то меньшее побуждение к принятию корма. Но все же этот факт заслуживает внимания в том отношении, что указывает на народодательность этих простых людей, живущих среди лесов, и что жизнь животных, их привычки и обычай жителям этих частей лучше известны, чем натуралистам.

Благодаря своему знакомству с природой, коренные жители здешних стран — остики — почти всегда добывают на охоте большее количество животных, чем привычные русские, хотя вышеописанные способы охоты на лося и на других животных и не представляют, по-видимому, больших затруднений и не отличаются особой сложностью.

По этой-то причине крестьяне иногда и соглашаются участвовать в артелях звероловов, получая только часть пая, и это до тех пор, пока они не усвоят себе всех необходимых для настоящего охотника познаний. Здесь необходимо знать множество второстепенных условий, мелочей, так сказать, как, например, направление ветра, температуру, то или другое состояние снега, его глубину и рыхлость, месяц и

т.п., и от удачного выбора времени и сочетания этих условий и зависит успех в охоте, один день иногда вознаграждает за бесполезные труды в продолжении целого месяца. Я могу указать на некоторые предосторожности, соблюдаемые при охоте на тех или других животных, которые мне удалось подметить, но, не желая обременять читателя лишними подробностями, которые, к слову, имеют мало общего с кратким наброском экономического положения и жизни здешнего населения, я отложу их до удобного случая.

Я разговаривал с噪нцей, который оказался очень толковым и дальским малым, а что он был хорошим хозяином, показывал уже его большой и удобный дом, так и благоприятные отрывы соседей. Он мне рассказал о тех неудобствах, которые представляла жизнь в его отдалённой ютчине, и как он решился переселиться поближе к центру. Проведя почти всю жизнь среди лесов и занимаясь в прошнее время исключительно охотой, он славился как хороший звероловщик и охотно передавал мне свои похождения во время охоты на доски и во время борьбы с сильным противником человека — медведем. Едва он успел окончить подобный рассказ, как мы были уже в виду Сороковых юрт — нашего места назначения.

Глава III

Соровы Юрты. — Выселок из Микушинских. — Семья жены сестров — Микушинских Юрты. — Вымирание селения. — Русские промышленники в Юртах. — Праздничное их времепрепровождение. — Заботы жителей обеспечить себя на случай старческой беспомощности; князь пострадал, усыновление детей, прием племых семейств.

Соровы Юрты представляют ничтожное как выселок из соседних Микушинских Юрт, но слово «выселок» не должно вводить читателя в заблуждение, приводя к мыслям, которые встречаются часто около многосложных деревень, где увеличение населения и неудобство жить вдали от своих полей и лугов заставляет часть жителей покидать родное пепелище и селиться поближе к этим угодьям или даже около диких мест, которые ими постепенно расчищаются обращаются в пашни. На месте подобного выселка нередко в несколько десятков лет вырастает порядочная деревня. Здесь нет ничего подобного, и выселение не есть следствие увеличения населения, которое вымирает, как почти всюду по Демьянке. Это переселение совершилось уже после 10-й реформы и вызвано удобством жить около рыбного сора. Прежде здесь были только рыболовные избушки микушинских остатков, но потом 3-4 семьи выстроили себе на этом месте дома и скоро совершенно перебрались сюда. Когда это случилось, остатки обоих селений поделили между собой свои рыболовные угодья, так что теперь они владеют ими особо, и только урман у них, по видимому, остался в общем владении.

В Соровых Юртах всего четыре дома, из которых два принадлежат останкам, один пустой вследствие смерти хозяина, и четвёртый, наконец, составляет собственность крестьянина, которого эдакие остатки пришли для подмоги в земской гонбе.

Я остановился в доме одного остатка, у которого была жена русская — красавица молодая женщина. С ними же жил её отец, уже седой, но бодрый старик. Их дом состоял,

мак и у других земледельцев, из одной небольшой стопы, или комната, устройство которой вполне сходно с тем, которое я описал раньше. Около домов находятся кое-какие службы: амбарчики и лавочки на столбиках с выемками, которые препятствуют мышам пробраться к сложенным там запасам, как хлеб, рыба, сало. Несколько дальше расположены скотные дворы, которые состоят из небольшого места, обнесенного оградой, где имеются 1-2 стадии для коров и для молодого скота, а то и просто навес. Лопаты редко где имеют теплые помещения и проводят всю зиму под навесом. Бани встречаются в виде исключения, и потому, если остик пожелает вымыться, что, однако, случается весьма редко, то отправляется к знакомым, имеющим бани, за 15-30 верст, а между тем выстроить свою при изобилии леса, конечно, не представляло бы затруднений.

У многих хозяев не было детей, как и в соседнем остицком семействе, но так как они были еще молоды, то у них дело спорилось: остик ходит неводить и промышляет зверя, жена смотрит в домом, ткет холст на всю семью и по временам тоже помогает мужу в его работах, например, весной промышляет рыбу «кринцой», зимой сидит около отопыка у «чедака», исполняя черёд мужа и давая ему возможность заняться в это время другим делом. Эти работы далеко не легки и делают честь трудолюбию подобных женщин.

Действительно, проводить день и ночь на льду в мороз далеко не приятно и не вполне безопасно, например, эта женщина однажды при подобном занятии удостоилась посещения косяклатого мишики, который, однако, походив кругом, удалился ворча, может быть, убоявшись огня.

Старик тоже что-нибудь работает около дома и добывает «пастями» и другими ловушками зайцев и белок, ловит «пленками» куропаток и, кроме того, помогает промышлять рыбу мордами. Одним словом, всякий имеет свое дело, и от этого здесь и не видно пузьры, которая якрадывается в семье уже позже, когда хозяева начинают стареться, не имея около себя молодого поколения.

Утром молодая чета меня доставила в Миркушинские юрты, сравнительно крупное селение, состоящее из пяти одностопных юрт. Население их, как и население Соровых юрт, составляют представители рода Полиных, число кото-

рьих в 10-ю ревизию, т.е. всего 10 лет назад достигало цифры 38 душ обоего пола (21 м. и 17 ж.), а теперь их всего 23 души (8 м. и 15 ж.) и распределены они на два селения. Малолетков весьма мало: из семи семей рода Полиних имеются только один мальчик-подросток и 2-3 девочки, что, конечно, недостаточно, чтобы поддержать численность населения на приведённой выше цифре, принимая во внимание сравнительно большую смертность жителей и отсутствие всякой медицинской помощи.

Передают, что ныне весной у них появилась какая-то крутая болезнь, от которой умерло по Демьянке более 10 душ детей и взрослых, что при здешнем слабом населении составляет уже очень значительный процент.

Большая часть остижков в это время находилась в лесу в избушках, за 30-50 и более вёрст от дома, где они промышляли лося и соболя. Некоторые замечали там и умерли без всякой помощи, но большая смертность была в юртах, и многие, возвратясь с охоты, недосчитались некоторых из своих близких, и тогда плач и вой огласили всю Демьянку. Так как в это время занемогла значительная часть жителей, то и те, которые остались в живых, окончательно выбились из сил, но хуже всего было положение тех семей, где все лежали.

Средств против эпидемических или повальных болезней, как, например, против горячки, здешние жители не знают и обыкновенно ограничиваются тем, что обещают в случае выздоровления принести земляному в жертву лошадь, значительно реже призывают кого-нибудь, кто знает несколько шаманить, и он при помощи заклинаний и шума старается напугать болезнь, чтобы она оставила больного. Проживающая в Миркушинских юртах кривая и хромоногая старуха славится шаманом по Демьянке, к ней обращаются при всяком затруднительном случае и без её согласия ничего не предпринимают. Быть может, она играет и роль доктора.

Фельдшер, живущий в Демьянке, здесь не бывает, и сведения о числе умерших от разных эпидемических болезней не собираются и никуда не доставляются, потому что с 1868 года, когда Верхне-Демьянская волость была присоединена к Демянской, в ней прекратилось всякое делопро-

изводство и единственные данные, которые можно получить об этой волости в Демьянском волостном правлении, — суть число ревизских душ и годных работников, которые в то же время являются и платёжными душами.

Умерших короят сами остатки, соблюдая при этом неязыческие обряды, а священники, посещая эти места каждогодно в декабре или январе месяце для исполнения треб, читает над ними заупокойную и получает от более зажиточных лошадь или корову для поминок.

Когда мы приехали в Миркушины юрты, то нашли их переполненными крестьянами, которые здесь промышляют вместе с востинниками в продолжение ноября и декабря.

Привезя с собой хлеб, чай и еще кое-что, они живут у остатков, пользуются своими харчами и не платят ничего за постой. В юртах же они проводят и праздники и для развлечения переходят из дома в дом, пьют друг у друга чай, шутят и сплетничают; иногда какой-нибудь престарелый солдат начинает рассказ о своих походах на венгерца или на турку и о тех диковинках, какие он видел в Варшаве и в Москве, или кто-нибудь начнет сказку, и все стоят около рассказчика, стар и млад, и дрожащий свет лучины освещает живописную группу слушателей, собравшихся в кружок. Более беспечные при этом сидят и слушают, покуривая трубку, но более трудолюбивые и теперь находят работу: мужчины кроют бороды или устраивают какую-нибудь довузинку, женщины прядают. Возвращается тишина, среди которой глох раздаётся монотонный голос рассказчика, прерываемый иногда каплем, и только изредка при страшных или печальных эпизодах какая-нибудь старуха пробормочет: «Господи Иисусе Христе» или «Мать Пресвятая Богородица!» и глубоко вздохнет...

Если кому-нибудь удастся раздобыть водки, то тогда начинают с песен и плясок, и картина принимает более беспамятный характер. Нередко дело кончается синками, чему немало способствуют здешние женщины, как остатки, так и русские, которые все пьют не меньше мужчин, чего, к слову, нет в русских волостях по Иртышу. Но не все остатки имеют возможность променять праздники дома: зверощики и некоторые рыбаки, промышляющие за несколько десятков вёрст, не могут часто бывать дома и поэтому проводят

праздники в своих убогих избушках, валяясь целый день на лавках и тоже, если их несколько, выдумывая что-нибудь для развлечения: рассказы, игру в карты и т.п. Справившись, где поменялся народ, я остановился в доме, где жил всего один крестьянин, но все же нас было 8 человек в маленькой душной комнате, так как, кроме рыбака и хозяина, здесь остались ночевать и доставившие меня сюда воиницы.

Спали, конечно, все вновалку, кто где мог, я на своей складной кровати, которая при мириадах насекомых всех видов, здесь мирно проживавших, оказывала лишь хорошие услуги. Замечу здесь, что она всякий раз возбуждала удивление и «дикование» простодушных жителей.

Весь вечер мы беседовали при свете лучинки, и когда соня потушили и каждый из нас занял свое место, то скоро послышалась громкий храп изо всех углов, и которому присоединились еще крикотение старух, писк ребячина и громкие кукареку пугух, сидевшего вместе с курами в тепле под печкой.

Семьи здесь небольшие, как и всегда по Демьянике, состоят из 1–4 человек обоего пола, среди которых старушки и старики составляют значительный процент, и это есть одна из причин, почему здесь, несмотря на хорошие иногда заработки, не видно более или менее зажиточных. А когда сами хозяева начинают стареть, то при отсутствии детей, которые, подросши, приняли бы на себя часть трудов, хозяйство начинает приходить в видимое расстройство. Хозяину уже трудно переносить все незагоды промыслов, а старуха не может управляться с домом, где, кроме сююх, часто живут еще артельщики. У них является страх за будущее, и вот они стараются что-нибудь придумать, чтобы обеспечить себе пропитание на тот случай, когда они уже не будут в состоянии работать.

Этот затруднительный вопрос они решают таким образом, что нанимают себе работника (за 20–35 руб.) или чаще работницу (за 15 руб. в год), которые за них ходят промыслять в сорах и речках, получая за это неводной пай. Крестьяне, хотя и неохотно, но все-таки принимают в артель женщин и подростков, которых ставят вместо себя остики-вотчиинки.

Нанимая работницу, остик имеет в виду следующее соображение: если у него два пая, то чтобы вполне восполь-

ваться своими выгодами, он должен иметь двух людей. Если он ещё не очень стар, то, конечно, сам идёт наводить, или за него идёт жена, даже дочь, начиная с 13 лет, а на второй пай он может послать пост्रатку, которой платят в год 15 руб., между тем как средняя выручка с пая бывает не менее 30–40 руб., а иногда и больше. Конечно, она живёт на холмских харчах, но раз кушанье вариится на двух, то расход на третьего едока не будет значителен, а между тем пост्रатка ещё помогает ставить морды, скотину сено, везти домой дровя и исполняет разные домашние работы.

Если бы остаток пролал этот свой пай, то выручили бы 2–3 руб., или в лучшем случае 4–6 руб., если он имеет угодья в двух местах. Выгода иметь работников исна.

Но следует заметить, что здешние постстратки не обладают качествами, которые свойственны хорошим работникам: прилежанием и преданностью к дому. От этого и происходит, что они всё делают кое-как, никаколько не заботясь об интересах хозяев. Если подобное явление и замечается почти всюду, где применяется наёмный труд, то это в особенности касается области Демянки: действительно, нигде мне не приходилось видеть таких ленивых и нерадивых работниц, как здесь.

Поэтому, по-видимому, практически поступают те из остатков, которые берут себе прыёмыши — явление тоже здесь весьма обыкновенное. Принимают мальчиков и девочек, остатков и русских в надежде, что, подросши, они заменят им сыновей и дочерей, но, к сожалению, судя по тому, чему я был очевидцем и что я узнал из их рассказов, расчёты их далеко не всегда оправдываются, и лодская неблагодарность здесь может быть более чувствительна, чем в других случаях: девушка, подросши, выходит замуж и при этом весьма часто покидает своих кормильцев, а парень иногда не оказывает своим новым родителям должного почтения и подчас даже пропекает их беспомощностью. Случается, что он их даже бросает, но, конечно, бывают из них и более благодарные.

В некоторых юртах можно заметить и постстратку, и прыёыша, если последний еще мал. Наконец, есть еще способ обеспечить себе спокойную старость, способ более редкий,

который может иметь место в исключительном случае, именно когда одна семья вследствие вымирания других становится единственной обладательницей обширных вотчин. Если эта семья бесполезна, то она иногда принимается к себе другую, оставшую или русскую, имеющую детей, и усыновляет её, если так можно выразиться, то есть по завещанию, которое скрепляется подписью волостных начальников, делает её непосредственной наследницей своих вотчин. Она же за это обязуется кормить и п养ить принявшую её семью до смерти всех её членов. Подобный случай мы, например, встречаем в Лумковских юртах, где единственными наследниками является престарелая чета Лаптышевых. Они на вышеописанных условиях приняли к себе в дом одну русскую семью, которая их и кормит. Другой подобный случай мы видели в Потырских юртах, где Тайлаков за право пользования вотчиной воспитал и теперь кормит двух Ляскановых, оставшихся сиротами по смерти родителей. Но здесь положение Тайлакова несколько менее прочно, так как за отсутствием старших в семье он не получил никакой бумаги, которая бы подтверждала его права на вотчину или, по крайней мере, права проживать в ней, а что подобное обеспечение никогда не налицо, тому может служить доказательством то обстоятельство, что передко Ляскановы, поссорившись с Тайлаковым, грозят выкинуть его из их вотчины. Не менее шатко иногда и положение других семей, принятых в юрты за известную плату или просто за помощь в отбывании земской гоньбы. Они иногда начинают устраиваться или уже обжились, когда недоразумение с вотчинниками заставляет их оплатиться за всё свой облаведение, ввиду чего более благородные при принятии их требуют приемный приговор и даже, кроме того, испрашивают разрешение начальства поселиться с согласия вотчинников на их землях. Такая предосторожность обеспечивает до известной степени покойное пребывание на новом местожительстве, так как остаток не всегда решится нарушить условие, скреплённое подписью начальников. Так поступили, например, две семьи Сипайловых, которых те же Лаптыши вынуждены принять в свои юрты.

Особенно грустное впечатление производят те семьи, которые ничего не предприняли на случай своей старчес-

кой беспомощности или у которых умерли или ушли прёмыни. Видно, как с дряхлением стариков хозяйство всё более приходит в расстройство, сломанная посуда уже не заменяется новой, оторванная от стайки доска так и лежит, пока кто-нибудь не изрубит её на дрова, и всё в том же роде, а случившись с кем-нибудь из них болезнь окончательно выводит всё из колеи. К сожалению, таково положение значительной части остаточных семей по Демьянке.

Глава IV

Путь в Лумковские юрты (летник). — Следы животных. — Рыболовная избутика. — Черемкоевые юрты в прошлом и в настоящем. — Их наследница. — Лумковские юрты. — Вечерняя беседа с охотниками. — Предания старинные. — Гончары. — Ткачи. — Искусственный семью. — Паразиты и остаткой семьи.

До Лумковских юрт считается около 40 вёрст, но по дороге есть одна перепряжка, иначе пришлось бы ночевать посреди пути, так как лопады вряд ли были бы в состоянии выдержать столь длинную и тяжёлую дорогу, какую нам предстояло преодолеть.

Несмотря на позднее время года, наступивший зимний путь ещё не установился. Болота и лыжи, через которые он пролегает, ещё не промерзли ввиду того, что свежий нынешней осенью пад на талую землю и притом в большом изобилии. Чтобы избежать это неудобство, пробираются более высокими местами, где только это оказывается возможным, хребтами, берегами рек, гряжками. Всё это склонь покрыто густым лесом, через который приходилось просто проридаться. Путь этот проложен в первый раз всего несколько дней тому назад рыбаками, которые шли неводить в остатках сорах, разъезжие же здесь, вероятно, никто никогда не ездил ввиду того, что нынче год исключительный. Скажем, к слову, что такой путь, по которому ездят только в распутницу, минуя пространства, покрытые водой, и болота, называется в Тобольском округе летником, хотя, однако, и не следует предполагать, что здесь происходит сообщение и в летнее время, когда Демьянка служит единственной дорогой во все юрты, лежащие по её течению и по её притокам.

Мы то поднимаемся на грязку, едем по её вершине, спускаемся в дол и при первой возможности опять забираемся на какую-нибудь изолированность, старательно избегая низменные места, где недавно один крестьянин, ехавший

впереди «каравана», потопил лошадь, вытащить которую из ила («ниши») стоило немалых усилий его спутникам. Зато нам приходилось то и дело прорыпаться сквозь ивовые кусты, проползать, прокрутившись под свесившимися над дорогой елями, перескакивать через их стволы, залезать в сугробы и т.д.

Лошади стали выбывать из сил. Хорошо еще, что надо было пересечь несколько небольших соров и Демьянку, где езда легче вследствие того, что во время теплой погоды вода под давлением снега выступает наружу, пропитывает его и, быстро образуя твердую кору*, замерзает на поверхности. Но и здесь не всегда было вполне безопасно: кое-где ключи, впадающие в Демянку, так подмели лёд, что он стал толщиной в $\frac{1}{2}$ верш. и даже тоньше, хотя снаружи подобные места весьма часто не представляют никаких отличий от смежных. Нам тоже случилось наткнуться на такое полое место, когда мы несколько уклонились от дороги, которую совершенно занесла недавняя метель. Передняя лошадь, на которой я ехал, по ошибке провалилась в воду, но, по счастью, здесь было неглубоко, и, спрыгнув с саней, мы с ямщиком помогли лошади выкарабкаться на более толстый лёд. Во избежание подобных казусов мы некоторое время шли пешком, причём шествие открывали ямщики, которые кое-когда использовали пешнями толпину льда, но за исключением этого одного места путь более везде добрый.

Судя по большому числу разных следов, которые пересекали дорогу и делали около неё петли, можно было заключить, что здешняя местность представляет благоприятные условия для звероловства. Остаки ямщиков с готовностью объясняли мне значение этих следов, и я узнал, что одни принадлежат лисе, другие, более мелкие, — соболю и белке и, наконец, крупные прололговатые — сохатому, или лосю. Особенно характерны следы выдр, которые нам однажды встретились в большом количестве, когда мы ехали по одной речке. Они представляют из себя дыры или небольшие проруби во льду, через которые выдра во время своей охоты погружает в воду. По всей вероятности, они были проделаны весьма недалеко до нашего приезда, так как

* Эта кора изо льда и снега известна в здешних краях под названием «Иль-леди».

ещё не подерились льдом. Остяки прикладывали ухо к этим отверстиям, желая узнать, не находится ли зверёк поблизости, но ничего не услышали. Продолжая путь, они посетовали, что место находится на чужой вотчине и что вследствие этого им нельзя испытать своего счастья.

Поднявшись еще раз с Демьянки на кругой её берег, мыстановились у рыболовной избушки, расположенной на месте бывших Урматских юрт, жители которых имели судьбу карабашеских, сибирских и других остяков. Земли их за исправление гонбы за бывших вотчинников присвоили себе их соседи — черемкоевские остяки. В избе проживают во время зимнего промысла крестьяне вместе с наследницей черемкоевских вотчин, которая ненавидит с ними на пасенных началах, но так как крестьяне не вотчинники, то они уплачивают ей, как полагается, картом в размере 1 $\frac{1}{2}$ -2 руб. с человека, и после этого все становятся совершенно равноправными членами одной артели.

Избушка при нашем приезде оказалась пустой, и мы поехали на ближний сор, где происходил самый лов рыбы. Пока двое из рыбаков ходили за конями и запрягали их, я мог ещё раз посмотреть процедуру, какая бывает при лове рыбы в зимнее время. Рубят два ряда прорубей, ныряя в обе стороны, т.е. передвигают подо льдом при помощи шестов (нурода) верёвки с прикреплёнными к ним крыльями неводом из одной проруби в другую и, наконец, вытаскивают невод из одной большой проруби, называемой иногда «норданином». Но сама собой разумеется, что в короткий срок моего пребывания на сору я мог видеть только часть этих работ, именно нурение, так как для полной тони требуется 4–5 часов, или иначе в один день кидают 1 и много 2 тони.

Видел я и наследницу Черемкоевских юрт Наталью, девочку 19 лет, которая ненавидела с крестьянами и не уступала им в умении и ловкости.

В верстах шесть от избушки стоит на берегу Демьянки же большой двухэтажный красный дом со службами, но он пуст и необитаем. Это всё, что осталось от Черемкоевских юрт. В этом доме ещё немного лет тому назад жила трудолюбивая остяцкая семья. Хозяин дома составлял своего рода исключение среди остяков: не пил водку и поэтому жил весьма исправно, и хозяйство его считалось лучшим

по всей Демьянке. Но теперь обстоятельства изменились: Черемкоев, как и его супруга, сошли в могилу, оставил после себя трёх малолеток, которых взяла на воспитание тётика, живущая на Иртыше в Кошелевских юртах, а дом заколотили. Когда старшая дочь подросла, она, собрав артели крестьян, сама стала эксплуатировать свои рыболовные угодья, проживая во время промысла вместе с ними в рыболовной избушке. В летнее время она предпочитаетаниматься в работницах, чем жить одной в большом пустынном доме на десятках верст отдала от жилья. Как обладательница обширных вогчин и как хорошая хозяйка, она считается выгодной невестой по Демьянке, но прибавляю здесь, что, к сожалению, в этом крае женихов почти не имеется.

От Черемкоевских юрт дорога сделалась ещё хуже: глубокий снег, пни, наваленные на землю, деревья очень затрудняли путь. Санки пригнули вверх и вниз, в стороны, удалялись о близ стоящие деревни, которые при этом обдавали нас снежной пылью, и часто опрокидывались.

Иногда попадались по дороге белые куропатки, которые мирно сидели на деревнях, мало смущаясь при виде проезжающих саней и за свою доверчивость две из них поплатились жизнью, доставив мне возможность поразобратизить свою неприхотливую лицу, которая в продолжение целых недель сразу состояла почти исключительно из чая с чёрным хлебом, к которому иногда присоединялась ещё уха из нечищенных окуней или пирог с солёными яйцами.

Встретившийся нам на пути воз с сеном поставил нас в затруднительное положение, так как разъехаться было негде, а об瞭解ть вол по снегу глубиной более чем в один аршин не представлялось возможным. Ямщики разрешили этот вопрос таким образом, что влезли по пояс в снег и слегка умыли и уготтали его ногами, после чего нам и удалось совершить объезд. Вскоре мы выехали на Демьянку, кони легче вздохнули, и ямщики, обрадовавшись, что выбрались на добрый путь, затянули песни, которые на целые версты неслись по пустынным берегам речки. Через полчаса мы уже были в виду Лумкоевых юрт, представляющих из себя небольшую деревеньку из четырёх домов, но имеющих, подобно многим здешним селениям, сравнительно больший вид, чему способствуют заводии и амбары, стоящие

поодаль от домов, не будучи заключены в общей ограде подобно службам крестьянского двора.

Песни наших ямщиков смущали остяков: они полагали, что это приехали их пайшики, крестьяне деревни Горно-Субботиной, которых они поджидали со дня на день, и потому вышли к нам навстречу.

Тот же вечер я созвал остатков и, беседуя с ними, узнал много интересного как из их настоящей жизни, так и из жизни их дедов и отцов. У них сохранились ещё предания и легенды из того смутного времени, отстоявшего от нас на несколько столетий, когда остатки должны были вести кровопролитные войны, отставая свою независимость и запиная своих ён и детей от хищных самоедов, которые в те времена своими внезапными набегами опустошали все земли, лежащие по Демьянке, по нижнему течению Иртыша и по Конде.

Беседа наша продолжалась далеко за полночь, и мы расстались друзьями, чему, конечно, немало содействовали водка и табак, которыми я их потчевал.

Лумкоевые остатки, как и жители других здешних юрт, вполне сохранили свой остаточный тип: они среднего роста, крепкого сложения и несколько стулловаты. Имеют плоское лицо, выдающиеся скулы, плоский широкий нос, чёрные гладкие волосы, короткие чёрные усы и слабую бороду.

Своими медленными и несколько неповоротливыми движениями, своим флегматическим характером и, наконец, акцентом, с которым они говорят по-русски, они напоминают наших финнов. Это, впрочем, и следовало ожидать ввиду того, что сходства языков тех и других и крипнологические исследования подтверждают родство обоих племён.

Судьба лумкоевых остатков тоже решена, и скоро и они исчезнут с лица земли. Из 10 душ общего пола, которые здесь числились в 10 ревизии, теперь в живых только двое стариков Лаптишевых, а остальные четыре остаточные семьи, которые проживают в Лумкоевых юртах, сторонние, «приплывные», по местному выражению, переселившиеся сюда около двадцати лет тому назад: одна — из Тайлаковых юрт и три — из Янышинских. Но и эти переселенцы почти бездетны, именно на эти четыре семьи имеется всего один ре-

бёнок — девочка лет двух, остальные имеют приёмышей и держат постараток. Таким образом, как мы видим, в области р. Демяники преобладает искусственная семья, которая есть не что иное, как соединение ради экономических интересов в одну семью лиц, не связанных узами родства.

Здесь место упомянуть ещё об одном классе людей, которые иногда получают право гражданства в остатской семье и которые играют в ней роль паразитов. Это лица разных национальностей и сословий, полов и возрастов, старики, старухи, осильные, слепые, хромые и т.д., которые, благодаря тем немногим познаниям, какими они обладают, и благодаря некоторым мелким работам, которые они в состоянии исполнить, весьма часто находят себе убежище у простодушных остатков. Например, в Лумкоевских юртах в первом доме я застал хромого старика, который участвовал в неводебе и получил полный пай, хотя нетрудно себе представить, насколько успешно мог исполнять подобную работу старики, который, благодаря своей деревенской ноге, с трудом мог ходить. В других юртах жил старики из ссыльных поляков, который умел немного плотничать и, как и первый, был полноправным членом семьи и кормился на её счёт круглый год, хотя всё, что он для неё сделал, заключалось в том, что он излязг из две оконные рамы и починил дверь. Эти и им подобные паразиты живут здесь годами и вполне доволны своей судьбой, так как дома они были лишь бременем для своих обществ. Всакий, кто умеет прочистить прорубь, привести охапку дров, или кто несколько маракует в письме, или даже просто умеет рассказать разные сказки и истории, может рассчитывать на гостепримство остатков, по крайней мере на известное время.

Отношения хозяев к этим лицам вполне почтительные, хотя, конечно, нередко случается, что остаток под пьяную руку и попрекнёт своего жилых зародыществом и ленью, но до разрыва обыкновенно не доходит. Субъект пропускает эти слова мимо ушей и не обижается, а когда оба прогреются, опять восстановляются прежние дружеские отношения.

Глава V

Вымирание демьянских инородцев и его причины, отсутствие медицинских средств для борьбы с эпидемическими болезнями и антигигиенические условия, в которых живут инородцы их племя. — Гимнинский нестачный монгольский хозяин. — Приобретение субботинских крестьянами земельных участков. — Погибель инородцев в результате сражения Земляного брода и бичеванными голозавами. — Слова на промысле. — Остаки-звероловы. — Выгоды и невыгоды, которые представляет народу инородец. — Славяне-инородцы. — Красивые девушки. — Волки подрывают бараки становищ остаков. — Кто их ликой сшибает твой. — Летние поездки остаков на Иртыш. — На багомолье в Абалакский монастырь. — Драчливость остаков и остаков в пьяном виде. — Раннее курение табака.

Де сих пор мы только указывали на явление вымирания инородцев, теперь же рассмотрим факты, которые могли бы пролить некоторый свет на этот предмет.

Известно, что убыль населения может зависеть от следующих двух причин: или от слишком слабой плодовитости жителей, когда число рождающихся не в состоянии уравновесить число умирающих, хотя смертность и может иметь нормальные пределы; или же от чрезмерной смертности детей при достаточной плодовитости населения. Первый случай имеет чаще место среди более цивилизованных народов, например, у французов; второй — у некультурных, к которым принадлежит значительная часть вымирающих племён.

Что касается рассматриваемого нами случая, то нам кажется, что вымирание демьянских инородцев совершается по тому и другому способу, хотя слабая плодовитость остаков и играет тут главную роль. Здесь значительный процент семей совершенно не имеют и не имели детей, весьма многие имеют только одного ребёнка и много двух. Это явление мало изменяется и в том случае, когда остаки берут в жены русских девушек. Но, с другой стороны, нередки и случаи, когда у остаков было 7—12 детей, из которых, однако, весьма редко кто оставался в живых.

Возмём несколько примеров: семья Лаптишевых, теперь бездетная, имела 15 детей; две семьи в Миркушинских юртах

имели: одна — 12 детей, другая — 7 детей, и из них остался в живых только один мальчик у последней, единственный наследник рода Полинных, о котором мы уже упоминали.

Таким образом, в этих трёх семьях из 34 человек детей умерли 23. Что же касается до причины столь сильной смертности между детьми инородцев, то не говоря уже о полном отсутствии каких-либо медицинских средств в борьбе с эпидемическими болезнями, это в значительной степени зависит от весьма плохого ухода, которым они пользуются. Большая разница температуры в комнатах вечером и утром, дома и на улице, без сомнения, служит одной из главных причин частых простудных заболеваний. Действительно, вследствие того, что избыток скорее выступает, пек к вечеру обыкновенно так накаливается, что пребывание в подобной комнате сухим горячим воздухом весьма затруднительно, по крайней мере мне от этого приходилось немало страдать, особенно в тех случаях, когда присутствие в помещении какой-нибудь старухи или ребёнка препятствовало отворить дверь. В этих случаях я не мог уснуть до глубокой ночи, т.е. до тех пор, пока комната не начинала выстуживаться. Ребёнок же, который обыкновенно помещается на полатях, должен выносить температуру ещё более высокую и, разместившись во время сна, легко может простудиться утром, когда в комнате становится очень холодно.

Принято здесь также мыть лицо и руки тёплой водой. Все эти привычки, конечно, в высшей степени неблагородны и неуместны в столь суровом климате, где спиретствуют северные ветры и где морозы передко доходят до 35°Р, а появились они сравнительно недавно, т.е. с тех пор, как здесь вошли во всеобщее употребление русские печи; прежде же, когда были чугуны, остикам приходилось скорее терпеть от холода в комнатах, но последний, конечно, значительно менее вреден для здоровья здешних жителей, привыкших к низкой температуре.

Пища, которая состоит иногда в продолжение целых месяцев почти исключительно из чая, хлеба, лосиного мяса, жареного в сале, из ухи и из мороженых ягод, тоже вряд ли может составлять подходящую пищу для детей, и следствием подобных погрешностей в диете является понос, который уносит здесь много жертв.

Немало детям приходится страдать и от угаров, которые весьма часты в здешних избах. Происходят они, с одной стороны, от того, что остижки рако затворяют печь, чтобы лучше нагреть комнату, и, с другой стороны, от самоваров, которые ставят в продолжение целого дня и обыкновения в комнате, вследствие этого редко проходят дни, чтобы в каких-нибудь юртах не было угаря.

Положение детей становится еще более плачевным во время «праздников», которые у остижек весьма многочисленны и обуславливаются присутствием в юртах водки. Пьянство продолжается обыкновенно не менее 2-3 дней, иногда целую неделю, и в это время дети почти забываются. Следует заметить, что здесь пьянятся не одни мужики, как обыкновенно у русских, у которых жены только отчасти принимают участие в кутежах своих мужей, но и женщины, подростки обоего пола, которым чадолюбивые родители дают когда $\frac{1}{2}$ рюмки, чтобы и они разделяли общее веселье. Во все времена, пока происходило пьянство, дети часто голодают, падают из ложек, раскрываются и простужаются, роняются матерями и даже задушиваются во время сна. Например, у Тайляковых было несколько детей, но все они умерли от неизвестной причины, как отозвались родители; относительно же последнего я стороной узнал, что он зачах после того, как мать его в пьяном виде бросила на лавку, причем от падения у него стали сохнуть ноги.

В семье Спайловых, в доме которых я остановился, нет детей по следующей причине: тёща, злая, как ведьма, поссорившись в пьяном виде с невесткой, хозяйкой дома, так сильно ударила её в живот, что она выкинула ребёнка и с тех пор не могла более донашививать.

У Лантышевых последний сын, мальчик лет десяти, утонул, играя с ребятниками в лодке, будучи оставлен без присмотра во время оргии родителей.

Этих примеров, которые все взяты из небольших Лумковских юрт, достаточно, чтобы показать, насколько это явление обще.

Пусть мне не поставят в вину сообщение таких мелких и, по-видимому, неважных подробностей, но, мне кажется, опустя я эти факты, мое изложение страдало бы голословностью.

Мои хозяева были люди уже пожилые, обоям около 60 лет, но несмотря на это бодрые, особенно это можно было сказать про хозяина, который выглядел ещё совершенно молодцом и почти не имел седых волос. Работал он не хуже любого молодого, хозяйка же, русская по происхождению, по-видимому, уже не могла управляться с большими домом, который выстроил несколько лет назад её муж, надеясь в нем покойно провести свою старость. Но несчастье вскоту преследовало эту белую семью: будучи, как мы видели, бездетными, они приняли девочку, которая, достигнув совершеннолетия, вышла замуж и покинула их, тогда они приняли мальчика-остака. Он стал подрастать и пручился добывать соболя и лосса. На него семья Синайловых возлагала свою лучшую надежду, потому что он оказался отличным парнем и правой рукой отца, но он утонул в Демьянке, разрушив навсегда мечты бездетной семьи. Приняли они еще одного парня — русского, но он может быть, потому, что более чуждый, уже не пользуется большой любовью родителей. Кроме того, они наняли еще постراتку, но несмотря на это, их хозяйство носило явные следы разрушения: всё поломано, запущено, всюду грязь. Хозяева как бы махнули на всё рукой, у них не было уже ни сил, ни энергии не только что-нибудь восздвигнуть, ни и поддержать стаюе в должном порядке, и от всех этих немногих какая-то тайная грусть застенчлива на их угрюмых лицах.

В Лумковских юртах я пробыл около трех дней, все подождала, что приедут крестьяне из д. Субботиной и продолжат путь в Ескинские юрты. Вечером второго для мы действительно засыпали песни, и остатки, высматрив на улицу, встретили передовых крестьян, шедших леником и возевавших о скотом прибытии остальных, которые не медлили показаться. Прибыли две артели, или около двадцати человек, которые намеревались промышлять на Болотном, или Соболином сору (Нюгусту-тор), половина которого принадлежит остаткам Лумковских и половина остаткам Черемковских юрт. Первые продали свою часть за 20 рублей, но с таким условием, что если кто из остатков-вотчинников пожелает принять участие в неводьбе, то он не получит кортома, приходящегося на его долю, т.е. трёх рублей, которые в этом случае вычитываются из общей суммы

арендной платы, вносимой крестьянами. Кортом за другую половину сора получает тётка наследников Черемкоевых, проживающая в Кошелевских юртах.

Радость остатков заключалась в том, что прибытие крестьян предвещало праздник, угощение, и действительно, час спустя, как мы заслышали песни на реке, раздались другие, более громкие, в соседней избе. Начался пир. Крестьяне привезли с собой водку, которой принято погчевать остаткам-вотчинникам, причём, кроме той, которая предназначалась для аслех, каждый остаток получал от крестьянина, которому передавал свой пай, по бутылке.

Остаки угощали их чаем, хлебом и лосиной. До поздней ночи продолжался содом: крик и песни из 25 горланей, пой баб, игра в гармонику и топот, потом развеселившаяся публика стала уходить в другие избы, чтобы там угощаться и продолжать пир. Несколько раз обходили 4 избы. Наконец все стало стихать, но не надолго. Вдруг мали сватать девку-пострятку из альдового остатка, и это послужило предлогом, чтобы с жеником требовать спрыски и чтобы всякий, кто припрятал подку, выставил ее на свет божий.

Так как пьяному ни сидится дома, то несмотря на ветреную и снежную погоду, публика долго с песнями гуляла по улице и каталась по Демьянке при тусклом свете луны, укрытой белыми облаками. Одним словом, всё имело характер настоящей свадьбы. Не обошлось и без плача и рёва со стороны невесты, которая долго не соглашалась выходить замуж за остатка уже не первой молодости. Но, конечно, всё это было не более не менее как комедия, так как невеста, как и все здешние пострятки, далеко не отличалась безкорыстным поведением, и, кроме того, она отлично знала, что подобный брак без благословения церкви довольно легко расторжим.

Уже несколько месяцев, как в юртах, где живут одни бездетные старики, не слышино было смеха и песен, и крестьяне, молодые, добрые, весёлые, внесли жизни в это мрачное жилище. Старики под влиянием вина тоже веселились, но у меня производило грустное впечатление подобное искусственное веселые лица, для которых мало радостей осталось на свете, кроме вида разрушения всего того, что они с трудом воздвигали в дни молодости.

На другой день опохмелялись, и остатки варили ости��ую брагу (пусса) с хмелем и привезённые русскими бычачьи головы, чем принято чествовать «Землянин» («Хордагол») перед началом промысла. Брагу и сваренные головы кладут на чистую скатерть на стол, который ставят на восток, потом сами остиങи некоторое время кланяются перед столом, не крестясь, приглашая его принять участие в пире и окропив все крутом брагой, сами её пьют и едят вареные головы. Эти головы, по-индийному, заменяют целых животных, которых в известных случаях приносят в жертву Землянику.

Праздник кончился, так как была выпита вся имевшаяся наливо водка, а без неё что за меселье для остиങа! Поэтому в этот же день стали спарожаться в путь к месту назначения: складывали провизию, ёбда, пещни, лопаты, добывали из подполья глину, чтобы сделать чувал, и т. д.

Вместе с русскими уехала и часть остиങов. Я говорю часть, так как не все здешние жители рыболовы, а половина, т. е. двое, занимаются звериным промыслом.

Первые в свободное время ещё охотятся, но последние обыкновенно сами не ловят рыбу. Они или продают свои рыболовные сети, или посыгают неводить вместо себя кого-нибудь из своих, например, приёмных или посторонку. К звероловам можно причислить и дела Синайского, который, несмотря на свои 82 года, ещё весьма смек и бодр. Ловля зайца «пастами» и белых плашками, а также добыча рыбы мордами составляют его специальность.

Звероловы обыкновенно ходят небольшими артелями в 2–4 человека, причём первый раз часто отправляются ещё водными путём и живут в лесах 1½–2 месяца, и возвращаются домой около ноября, потом опять уходят после Крещения, когда деноначёт прибывает, и тоже проживают месяцы и более, наконец, в последний раз идут в Великий пост, когда гоят лоси на насту.

Самые употребительные способы охоты мы уже рассмотрели, равным образом мы знаем и как производится дележ добычи между охотниками. Теперь приведём пример, который покажет, насколько может быть доходна охота в здешних лесах: нынешней осенью два остиങа в продолжение 1½ месяца (с ¼ сентября по ноябрь) добыли 10 ло-

сей, 11 выдр и 2–3 соболя, что при стоимости лосиной шкуры в 5 рублей, выдры в 6 рублей и соболя в 4 рубля составит 124 рубля, или 62 рубля на пай. Но, конечно, не всегда охота бывает так удачна. Ныне много всякого зверя, но охота сравнительно дала менее благоприятные результаты, чем можно было ожидать. Зависит это от того, что образовавшийся лёгкий ветер не поднимал собаку и раздал ей лапы, а без неё осеню трудно преследовать лоси и стысывать соболя. Выдр же добили ныне более обыкновенного, чему благоприятствовала высокая вода, препятствовавшая зверьку прятаться между ее поверхностью и льдом и находить там воздух для дыхания.

Несмотря на малое число звероловов в здешнем крае, между ними есть ещё подразделения: одни более гонят лоси (около 20 штук в год), другие более сосредоточивают своё внимание на соболе.

Хороший промышленник может здесь добыть в средний год 10 лосей, 8–10 соболей, 2 выдры, 1 лису и несколько десятков белок, за которыми, по их малочисленности не ходят специально, а блют, если они попадутся, по пути, одним словом, звероловство может доставить около 100 рублей. Если сюда ещё присоединить прибыль от рыбного промысла, сбора кедровых орехов и кормимую плату, то составится общая сумма не менее чем в 150 рублей, а чисто и более, что, принимая во внимание сравнительно небольшие нужды остика, живущего притом в глупии, могло бы обеспечить безбедное его существование в течение круглого года, если бы не водка.

Выше мы описали остицкий лиц. Скажем здесь, что подобные празднества всегда оставляют более или менее заметные следы на хозяйстве. Всегда на другой день недосчитываются части посуды. Большие количества счастливых припасов быстро уничтожаются голодными артелями крестьян, и ещё большие количества расходятся пшерами в пьяном виде хозяевами или просто расхищаются.

При том хаосе, который господствует в это время в юртах, право собственности уже перестаёт играть большую роль: всякий делает что хочет и берёт что и сколько хочет. Голодные своры собак, которых, как и коней и детей, в это время часто забывают, тоже не дремлют, и случись, что

где-нибудь плохо притворена дверь завозни, они моментально туда врываются и производят большие опустошения в осетинских запасах, а надо заметить, что здешние северные сбаки очень неприхотливы и едят всё: мясо, хлеб, сало, рыбу и даже бруснику и кедровые орехи.

Священник, к приходу которого принадлежат все эти юрты, мне сказывал, что ему нередко случалось заставлять этих остиков сидящими на часах и хлебом или чай не голодающими даже в такие годы, когда промыслы были весьма удачны и когда звероловы добывали по 20—25 лосей на человека. Если предположить, что домой привезли только небольшую часть этой добичи, то и тогда этого количества с лихойхватией бы на круглый год на семью и на собак.

Попойки в зимнее время довольно часты, так как всякий, кто едет к остикам, где бы это ни было, всегда берет с собой водку, за которую имеет и теплый угол, и обед, и сено для коней, а все это весьма важно для усталого и голодного путника. Не брезгуют этим ни крестьяне, ни купцы, ни священники: всякий знает, что от этого зависит весь успех предприятия и что подлившие остики становятся успевшими в надежде получить еще «худой воды» (пыгда и ник⁴), как они иногда называют водку. Кроме того, остики покупают вино на свои собственные деньги при всяком удобном случае, и если кому из них удастся забраться в русскую деревню, то он обыкновенно прожигает там не менее недели и всей время пьянствует. Если своих денег не хватило, остик пропивает пай в какой-нибудь речке или в сору, а то пьет прямо в долг. Живёт он это время у своих русских кузников, или дружков, которые в свою очередь пользуются его гостеприимством во время промысла.

В артелях, где неноят остики вместе с русскими, они не прерывают лова во всё время промысла, т.е. в продолжение двух месяцев, так как рисковали бы потерять свой пай, и отдыхают только во время воскресений и больших праздников. Но там, где неводят одни остики или где они промышляют мордами, они, наловив несколько десятков возов рыбы на артель, в первом случае или 2—3 воза на человека во втором, нередко дают себе отдых и поджидают случай,

⁴ Пыгда — чёрный, худой; ник — зода. Другое название ведки «вина».

как бы пропить часть этой рыбы, и если подвернётся купец, то обе стороны останутся довольными.

В летнее время к ним уже никто не ездит, но зато они сами посещают с Демьянское несмотря на то, что вследствие извилистости реки летний путь значительно длиннее зимнего.

Всякий остаток считает своим долгом провести летом 1–2 недели на Иртыше и попытствовать власть. Иногда развеселение остатки избирают своего рода *parties de plaisir*, например, четыре года назад 2–3 семьи, сковорившись, нарядили две тройки и отправились на богомолье в Абалакский монастырь более чем за 250 бёрст. От этой поездки они потом отзывались с большой похвалой: хвалили богатства монастыря и коровье пение. Но в сущности, как оказалось на деле, цель поездки заключалась в посещении подряд всех птицейных заведений, которые были по пути, а их не менее десяти, не считая находящихся в городе. Продут «станок», дают отдохнуть коим сама не допускает бутылку, другую. Если поздно, оставляясь на почечку, а то спать плелись до следующего «станка». Таким образом, они в одну неделю добирались до Абалака, где и провели два дня. Благочинный, который мне сообщил этот эпизод, спросил их: «Ну а в Абалаке вы тоже пили?» — «Так, самую малость, батька, — отвечал один старик, — мы вот выпили со старухой всего четверть с небольшим». Удивление выражается на лице вопросившего: «Ну а молились же вы когда?» — «Утром пойдём в церковь, Богу помолимся, сменчу поставим, а потом придём домой и выпьем со старушкой», — возразил наихудший остаток. А ещё говорят после этого, что остатки плохие христиане!

На следующий год они опять собирались предпринять странствие к святым местам, но торгующий крестьянин им не дал денег в долг, опасаясь, что слишком трущно будет получать с богомольцев и без того немалые долги. Посетовали, потужили остатки и с тех пор им не удалось предпринять ничего подобного, а к слову сказать, первая их поездка обошлась им не менее 60 рублей и продолжалась две недели.

Остатки пьют не менее своих мужей и, как последние, приходят часто в очень буйное состояние и уподобляются

настоящим фурориям. Нежные супруги, которые еще недавно мирно беседовали, нередко под влиянием винных паров начинают браниться, проклять друг друга, и дело оканчивается кулаками, ухватами и тасканем друг друга за волосы. Впрочем, подобные эпизоды не носят характер семейных драм, и обыкновенно, наставив друг другу синяки и вырвав друг у друга несколько клюков волос, они кончат делом миром. Более ожесточенный характерносит побоища двух соперников, если они встретятся в подобную минуту. Здесь уже играет роль ненависть, и каждая старается нанести другой как можно больше зред, поэтому если в драку не вступят их мужья и братья, то иногда какак-нибудь из них терпит серьезные увечья.

Здесь место упомянуть еще об одной дурной привычке, которая пользуется большим распространением, чем в других местностях, именно о курении. Здесь курят все: от мала до велика, русские и остяки, мужчины и женщины, парни и девки, иногда начиная с шестилетнего возраста. Дети лет 12 и более, помогающие родителям при неводьбе, покупают табак на свои деньги, а более малых ребят снабжают их родители, которые убеждены в целебной силе табачного дыма против удушия и других грудных болезней. Вследствие этого весна тяжело находитесь в избе, где скопилось много народа, что в зимнее время здесь бывает сплошь да рядом. Жар, чад и кипящего сала, дым и угар от самоваров и лучин, табачный дым из многочисленных трубок и цигарок так отравляют воздух, что дышать трудно. Впрочем, ранее курение табака не составляет, конечно, порока, специально принадлежащего жителям Демьянки, встречается он и в цивилизованных странах, укажу, например, на город Амстердам, где мне нередко случалось встречать на улице малютчиков лет 6-7, которые с важностью курили цигары и с видом знахарей рассуждали о качестве табака.

Относительно же девочек я нигде не встречал ничего подобного.

Глава VI

Селение, лежавшие вне Сельского тракта, и их жизнь. Остяцко-тунгусы. — Путь в Есеникское юрты. — Рыболовная избушка и её внутреннее устройство. — Жизнь рыбаков во время промысла. — В гостях у рыбаков. — Остяцкие ёрсты.

Лумковесы юрты — последнее селение по Демьянке, куда пролегает зимняя конная дорога, идущая из с. Демянского на р. Салым. Выше находятся ещё три небольшие юрты, сообщение с которыми поддерживается исключительно на лыжах. Лежат они в стороне от вышеуказанных тракта, который от Лумковеских юрт поворачивает к северу на Есеникский тракт, и ввиду отсутствия проезда здесь не держат коней. Самим же жителям кони не нужны по той причине, что здесь нет дорог, а для перевозки в зимнее время рыбы и мяса они пользуются, как и в других местностях, собаками, которые в этом отношении являются очень цепкими животными. На двух собак кладут 4-6 пудов груза. Среднее число собак, которое приходится на лоур, — 4.

Ближайшее селение — Барютиньи юрты. Здесь живут две остяцкие семьи. Дальше, на расстоянии около 100 верст от Лумковеских юрт, расположены Саргатские юрты, состоящие тоже из двух дворов, и, наконец, еще 15 верст выше находится Янипинская юрта, где проживает всего одна семья, состоящая из вдовы-остячки с тремя детьми, из которых старшей около 18 лет. Это теперь крайнее селение по Демьянке.

Селения, лежавшие ещё выше, ныне не существуют; так, Теринские юрты вымерли ещё до 10 реинии, а из Тайлаковых юрт, лежавших не ближе 250 верст от Лумковеских, жители, как мы видели, выселились.

Все эти остатки почти исключительно звероловы, рыболовством занимаются только отчасти.

Изобилие лосей и пушного зверя в здешних пустынных лесах служит главной причиной, почему они не желают рассстаться со своими вотчинами, как то сделали другие. Даже Татьяна, живущая на рубеже остатков селений по Демьянке, и та предпочитает остаться на родном месте, в глухи, среди лесов и болот, чем искать счастья в местности более населенной. Пытается и она, главным образом, звериным промыслом, именем добывает лосей, настороживая луки, отчего ловят и рыбу.

Есть нечто герическое в поступке этой простой остички, которая решается жить одна без всякой помощи среди обширных урманов, в которых в изобилии водятся медведи, и при этом не только умеет защитить и прокормить себя, но и своих троих детей; впрочем, теперь они уже начинают ей помогать.

Жители этих трёх юрт в продолжение всех зимних месяцев почти вполне отрезаны от света, так как мы уже сказали, что ближайшее из них отстоит от с. Демянского на 135 вёрст, второе — на 200 вёрст, третье — на 215 вёрст, и значительная часть дороги, по крайней мере из двух последних юрт, составляет трудный лыжный путь. Поэтому они вынуждают в Демянске, центре здешней местности, обыкновенно всего один раз в год, около Петрова дня, спускавшись вниз по реке на лодках. Здесь они закупают или берут в долг хлеб, чай, табак на целый год и, добравшись до своих юрт, вновь почти целый год проводят в отельничестве.

При изобилии мяса, дичи и рыбы они сравнительно мало потребляют хлеба, и 50 пудов хватает небольшой семье на целый год. Остачка Татьяна, которая как женщина не имеет большого кредита, должна довольствоваться ещё меньшим количеством, например, иные она выехала из с. Демянского всего с десятью пудами муки и тремя пудами соли, что должно хватить до будущего года. Правда, в соседних юртах у неё есть зять, который ей иногда помогает, но всё же путь на лыжах при рыхлом снеге часто настолько затруднителен, что сообщение поддерживается только с трудом, например, в прошлом году, как раз во время весенней распутицы, у неё истощились все припасы, и наступила голод, и в продолжение нескольких дней целая семья поддерживала своё существование только тем, что ела бульон из

лосиных кож и некоторые отброски, которые предназначались для собак. Случается, что в её одиночестве её навещают юганские звероловы из Сургутского округа, которые за выселением тайланковских остиков проникли и на среднее течение Демьяники и построили себе здесь кое-где звероловные избушки.

Но другой день после прибытия крестьян в Лумкоевы юрты я выехал в Ескинские юрты. Составился небольшой караван из трёх саней: впереди ехал я, на вторых санях находились мои вепси и, наконец, на третьих — молодые, которые тоже отправлялись в Ескинские юрты, откуда проходил жених.

Было ясно и снежек, но не холодное утро, и седа могла бы быть довольно приятной, если бы не глубокий снег, благодаря которому мы весь путь ехали шагом.

Дорога почти всё время пролегала через низменные и болотистые места, поросшие мелким ржанником, частично истреблённым пожарами. Лес этот никуда не годен и по бесплодности места не служит даже убежищем для более или менее ценных животных.

Мы проехали несколько довольно обширных соров и, между прочим, Никусту-тор (Соболий сор), о котором я упомянул раньше. Здесь находится рыболовная избушка, где проживает один из артелей, промышляющих в названном сору. Недалеко от неё видна ещё незамёрзшая речка, перегороженная запором.

Так как начинало смеркаться, то мы не остановились здесь, а продолжали путь до следующей избушки, которая выстроена около речки Бочнях. Отсюда до Ескинских юрт считается всего шесть верст, так что не было особого риска совершил это путешествие ночью. Здесь мы и сделали привал, тем более что ямщики просили дать передохнуть лошадям и обогреться.

Рыболовные избушки строятся одинаковым образом во всей земли местности. Чаще всего, как и в данном случае, они представляют из себя землянки, т.е. бывают выкопаны в земле и имеют размеры весьма небольшой комнаты. Внутри все из земли: пол, стены, лавки и чувал, который выделяется в одной из её стен. Крыша состоит из жердей, крытых землей. В ней имеется небольшое, слабёйшее стеклышком

окно, которое, будучи занесено снегом, пропускает только тусклый свет, главным же источником света, как и тепла, является чувал, в котором поддерживают огонь всё время, пока рыбаки дома. Здесь промышленники живут 1½—2 месяца. На лавки стелют еловые ветви и солому и кроют их верхней одеждой, и в этом виде они заменяют им и стулья, и лавки, и кровати.

Подобное же устройство мы встречаем и в звероловских, и рыболовных избушках, выстроенных из брёвен, только что здесь всё, кроме чувала, из дерева. Эти избушки в высшей степени просто устроены и имеют то преимущество перед крестьянской избой, что они весьма поместительны, и действительно трудно поверить, как в подобном тесном помещении находят до известной степени сносное убежище 10—15 человек рыбаков. Образцом для подобных избушек вначале, вероятно, служили татарские юрты, внутреннее устройство которых совершенно такое же.

Время каждой трапезы посреди комнаты ставят столик, который после убирают, сняв верхнюю доску — приспособление весьма полезно виду того, что помещение столь тесно, что, по меткому выражению рыбаков, здесь двум мышам разбежаться негде.

Припасы каждый берёт с собой из дома, рыбу добывает на месте, а лосину покупают у остатков за 50—60 копеек за один пуд. Мясо они приобретают и таким образом, что подвозят остаткам в праздничное время туши убитых ими лосей и оленей и за доставку, согласно уговору, получают половину добычи.

Все купанья варятся в большом чугунном котле, он же заменяет и самовар, и как в деревнях около последнего, так здесь по вечерам у кипящего котла собираются усталые рыболовы с лицами, раскрасневшимися от жара в чувале, и с удовольствием выпивают десятки глиняных чашечек кирпичного чая.

Рыбаки меня принимали очень радушно, усадили около огня и стали потчевать ухой и чаем. Все наперёд хотели быть любезными: один резал хлеб, другой приготовлял чай, третий скоблил стол и т. д. Откоали даже откуда-то не совсем чистый кусок сахара. Любезность их простиралась в одинаковой степени на всех приезжих: и на возину, и на

молодую чету; все мы, расположившись вокруг столика около кинящего котла, попеременно опускали туда свои глиняные чашечки. После нас уже сели за стол сами рыбаки и довольно скоро окончили котёл.

Погодившись около часа у радужных холмов избушки, я уже собрался в путь, как они мне принесли большого карася, фунтов в пять, и сильно настанивали, чтобы я его взял на дорогу. Плодобные приношения рыбаки северного края имеют обыкновение делать не только своим гостям, но и вообщем всем лицам, которые посещают их рыбalkу.

Мы добрались до Ескимских юрт уже ночью, проехав в продолжение целого дня всего около 25 верст, или четыре «остацких» версты. Счит на остицкие версты (по-остацки «эдэти») по Демьянке более популярен, чем на русские, и зависит это, главным образом, от того, что здесь пространства не измерены и оцениваются в русских верстах, более мелких, гораздо легче, чем в остицких; к тому же у них примерно определено, где кончается одна верста и где начинается другая. Конечно, верстовых столбов здесь нет, но их заменяют разные урочища и предметы, как устье речки, лог, краявая сосна, таловий куст, и каждый остик вам может сказать, какую версту вы проезжаете. Остицкая верста соответствует приблизительно 6—7 русским. От Ескимских юрт до л. Горю-Субботиной числится 5 остицких верст, а до Цинглинских юрт — 6 остицких верст. По словам местных жителей, счит на остицкие версты ведется уже искажи.

Глава VII

Есгинские юрты. — Постройки и их луркое влияние на семью. — Источники благосостояния жителей. — Отношение остатков к торгующим крестьянам. — Сделки между ними. — Выгода брать хлеб у купцов при отсутствии у них земли. — Торговля остатками на рынке. — Торговля остатками крестьян. — Оригинальный вид традиционных остатков на долги. — Подавлены одного дымявского «кормизана». — Беспомощное и подневольное состояние остатков крестьян-должников. — Сметные личности в среде торгующих крестьян. — Возвращение на Иртыш.

Есгинские юрты, состоящие из трёх одностоенных домиков или юрт, расположены на пустынном берегу р. Нельма среди изнанной, бесплодной и весьма однообразной местности, большая часть которой покрыта малорослым и кривым болотным сосняком. Okolo юрт имеются кое-какие пристройки, завозни, амбарчики, стайки для весьма немногочисленного скота такой же конструкции, как и в других юртах.

Выбора помещения здесь не было, и поэтому я остановился в первой попавшейся избе, где проживала довольно многочисленная для здешней местности семья, состоявшая из хозяев, двух их сыновей и наёмной постыдки. Дома я застал одиноких женщин: хозяин неводил на отдалённом сору и поэтому не приходил домой во все времена моего пребывания в Есгинских юртах; сыновья же, которые промышляли ближе в сору около реки Вочиях, приехали домой вечером другого дня, чтобы провести дома воскресенье.

Всем домом правила хозяйка — добродушная старушка-остячка, которая целый день проводила в хлопотах по своему небольшому хозяйству: то что-нибудь варила, то наставляла самовар, то шила, то прядла нитку из краинки. Наёмная работница, девушки лет 22, свидетельно мало помогала ей в этих хлопотах и вообще не очень заботилась о доме. Старушка мне не раз жаловалась на неё и охотно бы ей отказалась, если бы она не пользовалась симпатией старшего сына, который собирался на неё жениться. Это обстоятельство немало печалило его мать,

которая непременно хотела, чтобы сын её взял в жёны остиаку, о хозяйственных способностях и нравственности которых она имела более высокое мнение, и я должен сказать, что она до известной степени была права, потому что все девушки постراتки отличаются ленью и лёгким поведением. Решаясь идти в услужение к остиакам, они заранее имеют в виду вести довольно беззаботную и праздную жизнь и отлично знают, что ими дорожат. Они работают немного, а большие ходят из юрты в юрту, сплетничая между собой и щёлкают орехи. Жизнь эта им до того по вкусу, что они обыкновенно неохотно выходят замуж за остиakov, среди которых живут голыми, предпочитая пользоваться полной свободой. Если же они и выходят замуж, то в большинстве случаев бывают довольно плохими женами и материами и нередко бросают своих мужей. Последние, потуживши или случившись, скоро утешаются и находят себе другую постратку или любовницу, которая вследствие часто сменяется третьей и т.д. Одним словом, постратки имеют растлевающее влияние на семью, среди которой живут, и всегда, куда проникают, разносят сифилис, который ещё сравнительно недавно здесь совершенно не был известен.

Свободе правов, которая здесь господствует, способствует также, с одной стороны, несопоставимо малое число женщин в некоторых юртах, как, например, в рассматриваемых вами Ескинских, где коренное мужское население относится к женскому, как 2:1 (12:6), и, с другой стороны, скопление в зимние месяцы в юртах большого числа бессымейных крестьян.

Как и всюду по Демянке, источниками благосостояния жителей Ескинских юрт служат рыбная ловля и звероловство. Сбор кедровых орехов тоже доставлял в прежние годы хороший доход, но пожары, которые истребили почти все леса по Демянке и её притокам, не пощадили и кедровников. Уцелели последние только кое-где в сырых местах, как, например, по р. Ваху. В настоящее время сбор кедровых орехов приносит небольшой доход — в 10—20 рублей на семью только в урожайные годы, которые обыкновенно бывают раз в 4—6 лет.

Добычу рыбного промысла и охоты жители Ескинских юрт, как все остиаки, славят торгующим крестьянам, которые взамен этого снабжают их хлебом и товаром.

Ввиду того, что до сих пор мы только вскользь упомянули об отношении сельского населения к торгующим крестьянам, или к «кормилыкам», как их метко называл один автор, здесь будет небезинтересно рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

Сужение в долг хлеба, чая и других товаров под будущий улов рабы и добычу пушнины повсеместно распространено в северной части Тобольского округа и в смежных округах — Березовском и Сургутском — и составляет характерное явление в жизни обитателей северного края. Существование этих кормилыков при настоящем экономическом положении сельского населения и при отсутствии в его среде каких-либо товариществ, которые бы обладали бы своими капиталами, необходимо для развития промышленности в заселенных краях ввиду того, что и в рыбной ловле, главном занятии жителей Севера, как и во всяком другом предприятии, требуется капитал как на дорогостоящие снасти, так и на «подъём», т. е. на обеспечение рабочих в харах и одежду в продолжение всего времени промысла. Но, к сожалению, если вопрос об отчуждении рабочих к капиталистам и урегулирован за последнее время особыми законами, на отношении между кормилыками-кузаками и их клиентами — остатками и крестьянами — обращено сравнительно мало внимания, и по-прежнему здесь господствует произвол, замечается подневольное состояние сельского населения, судьба которого нередко всецело находится в руках не вполне честных людей.

Сделки между крестьянами или остатками и торгующими крестьянами довольно разнообразны: например, собственников какого-нибудь рыбного угодья они дают за известное число паше улова, обыкновенно за три, невод и снасти, и, кроме того, подъём, который оплачивается уже рыбой, доставшейся на долю пайщиков. Последнюю принимают или по заранее выговоренной для каждой породы рыбы цене, или по существующей в настоящее время, но с известной скидкой, например, с уступкой 5—15 копеек с фунта.

Иногда заключают такой договор, в котором имеет место только одно из двух: здесь приведены условий, и при этом чаще рыбаки получают от своего кредитора только подъём хлебом, товаром, деньгами в размере 25—70 рублей, в зависимости от платёжной способности отдельных лиц и от доходности

их угодий. Этот последний случай имеет место обыкновенно в местностях, где нет больших рыболовных песков и где, следовательно, рыбаки не нуждаются в больших, дорогостоящих неводах, которые заменяются небольшими артельными неводами, спущеными из «делей», доставленных отдельными пайщиками. К подобным местам подходят почти все рыболовные угодья в районе р. Демьяники, за исключением Чагрова^{*} сора в Цингинских юртах, и поэтому в дальнейшем изложении мы будем иметь в виду главным образом этот случай.

Выхода, которую получает торгующий крестьянин от подобных сделок, сама по себе ясна. Он отпускает хлеб и товар по более дорогой цене, чем по которой покупает, и, кроме того, ещё получает барышину от перепродажи рыбы. Остак же, благодаря существованию кредита, в продолжение целого года не терпит нужды в хлебе и в предметах первой необходимости, кроме того, имеет возможность расплатиться сырыми продуктами, что для него весьма важно, и виду этого последнего обстоятельства казенные хлебозапасные магазины для инородцев, которые в Тобольском округе имеются в с. Самаровском и с. Демьяниском, не могут с ними конкурировать даже в том случае, если цена на хлеб в них более низкая, чем у купцов. Взнос денег за хлеб, взятый в казённом хлебозапасном магазине, производится однажды в год вместе с уплатой ясака, кунец же не требует полной уплаты долга в известный срок, а в случае плохого года переходит часть долга, оставшегося после произведенного расчета, на следующий год, и так продолжается иногда несколько лет сряду. Всё это время он не перестает снабжать своего клиента хлебом и товаром, хотя, конечно, не выпускает при этом из виду, насколько он может оправдать оказываемый ему кредит.

Наконец, третья причина, почему, несмотря на существование хлебозапасных магазинов, инородцы поставлены в необходимость пользоваться хлебом от купцов, заключается в том, что вследствие затруднений, с которыми было сопряжено взыскание недоимок, из магазинов стали выдавать хлеб в весьма ограниченном количестве, например, по два пуда на человека в один раз, что поставило в затруднительное положение жителей более отдаленных юрт.

* Лучший сор во всей местности. В 1885 и в 1886 гг. на пай приходилось 300—400 рублей.

Давая постоянно в долг и не получая сполна всех денег при ежегодных расчётах, торгующий крестьянин, конечно, рискует потерять убытки, но прекратить выдачу хлеба он не может. Это значило бы прямо потерять все числящиеся за клиентом деньги, так как последний, находясь в нужде, не преминул бы обратиться к другому такому же купцу, может быть, его конкуренту, и с этих пор вся добытая остатком рыба переходила бы к нему.

Есть ещё один случай, когда затраченный капитал тратится безвозвратно, — это при полном вымирании какой-нибудь семьи, но если умрёт отец семьи, то в огромном большинстве случаев долг его принимает на себя его сын. За исключением этих двух случаев, деньги, ссуженные в долг, нельзя считать потерянными, хотя, принимая во внимание вышеприведённое, понятно, что нередко бывают случаи, когда эти деньги уплачиваются не то лицо, которое их получило, а его сын или внук.

Указывая на эти действительные и временные потери, торгующие крестьяне имеют обыкновение жаловаться на своё беспечное положение, на то, что они кормят весь край из милости и из сострадания к ближним, находящимся в нужде, и что эти последние, невзирая на все благодеяния, которыми они им обязаны, грабят и разоряют их. Но в спрavedности подобных жалоб можно более чем усомниться, потому что эти «кормильцы», несмотря на свои потери, которые нельзя отрицать, все же получают такие хорошие барыши, что о кризисе не может быть и речи.

Действительно, цены на муку⁶ и на другие предметы первой необходимости зависят вполне от торгующего крестьянина и не подвергаются никакому контролю, и поэтому при назначении их они, конечно, имеют в виду и возможные убытки. Так как каждый из них при этом руководствуется своими собственными соображениями, то сплошь за рядом слышется, что одно селение платит за ту же мещь значительно дороже, чем другое, отстоящее от первого всего на 10–20 вёрст, если последние входят в район действий другого «кормильца». Подобная конкуренция полезна в том отношении, что до известной степени

⁶ Чуть летом они отпускали ржаную муку в с. Демьянском по 75 коп. за 1 п. при стоимости её в Тобольске 50 коп. и в с. Самарском 45–55 коп.; в последний пункт она доставляется на барки из Томской губернии.

ни препятствует вредному влиянию монополии, и во всех местностях, где она существует, положение сельского населения сносно и цены безобидные. Но, к сожалению, переход от одного кредитора к другому нелегок. Всё остижки и значительная часть крестьян северного края в долгу у того или другого торгующего крестьянина, и поэтому до уплаты долга до известной степени связана в своих действиях, и только тогда они решаются на такой шаг, если их прежний кредитор наотрез откажет им в помощи. Ввиду этого они десятки лет безропотно уплачивают всё, что от них требуют: что они действительно должны и что они должны по записям купцов. Величина тех и других долгов несметна часто неизвестна и есть основание предполагать, что в известных случаях остижки приходится платить немало лишнего. Дело в том, что, забирая у купцов хлеб и другие товары, остижки далеко не всегда осведомляются об их стоимости, полагаясь в данном случае на их честность, и если кто-нибудь из них задаст ему вопрос: «Почему же ты не спрашиваешь цену?», он обыкновенно отвечает: «Ты сам знаешь сколько, запиши в книгу». И действительно, тот заносит, но что — не всегда известно. Остижки здесь руководствуются следующим соображением: если промысел будет хороший, то он уплатит всё, если и напишет что лишишь; а если улов плох, то всё равно он не будет в состоянии разделаться с долгами.

На этот оригинальный взгляд остижки обратил мой внимание один из более добросовестных торгующих крестьян, хотя и не Демьянской волости, и по тем спрашиваю, которые я наводил об этом в разных местностях бассейна Иртыша, и убедился, что это не есть вымысел.

Сумму своих долгов остижки знают обыкновенно только короткое время после расчёта, а потом или совсем не знают, или только приблизительно. Записи же имеются только у кредитора, вследствие чего всякое недоразумение в денежных расчётах, которое возникает между ним и его должниками, всегда решается в его пользу. Ввиду того, что подобные случаи несметны, остаётся только пожалеть, что уничтожены бирки, которые ещё лежат в ходу в других северных окружках, например, в Сургутском по р. Салыму и, между прочим, в Цингинских юртах Верхне-Демьянской волости, где подобные недоразумения поэтому невозможны. Расчёты же и заборные книжки, естественно, не мог-

ли быть введены по причине весьма малого процента грамотных среди сельского населения.

Все вышеприведенное всецело относится к бассейну реки Демьянки, только что положение обитателей его, быть может, еще более тягостно, чем положение других поселен ввиду корыстолюбия лиц, с которыми им приходится иметь дело. Остановлюсь несколько на подвигах одного из них, имя которого не считаю нужным называть.

Мне в разных юртах рассказывали про него, что он нередко берёт у остатков и крестьян в счёт долга рыбу по известной цене, но найдя, что в городе, куда он сбывает рыбу, цены настолько низки, что нельзя надеяться на более или менее хорошую выручку, он, не стесняясь совершенной с последними, хотя и словесной, сделкой, рассчитывает их по меньшей цене.

Желая удержать в своих руках тех или других остатков, он им иногда не говорит общей суммы их долга, а если кто из них и занимается об этом, то он обикновенно начинает сердиться и требует немедленного расчёта им уплаты 100–300 рублей, которые числятся за отдельными лицами. Конечно, у остатка не найдется такой суммы, и потому он старается не доходить до ссоры.

Так как, кроме рыболовства, здешние остатки занимаются и звероловством, то они обязаны уступать ему и шкуры убитых животных. Если цены на рыбу и меняются постоянно, то этого нельзя сказать про цены на пушину и на лосинные кожи, которые в течение известного периода времени довольно устойчивы, несмотря на то, что здесь, таким образом, нельзя потерпеть убытки, цены, которые он им дает за пушину, весьма низки: например, за соболиную шкурку — 2—3½ руб., хотя она стоит на месте 3—6 руб., в зависимости от качества; за лосинную кожу — 4—4½ руб. 50 коп. вместо 5 руб.—5 руб. 50 коп. Они не могут примириться с необходимостью отдавать за бесценок более или менее ценный товар, добьть который стоило им немалых усилий, и поэтому они иногда решаются тайком продать лучшие из своих шкурок на сторону, что, однако, обыкновенно доходит до сведения «корнильца», и гроза разражается над головой провинившегося остика.

Вообще он пользуется всяkim случаем, чтобы выжать сок из белянка, например, крестьяне Демьянской волости

мне передавали, что за неплатёж долгов он берёт у них коров, оценивая их в 5–6 руб., хотя средняя стоимость коровы здесь 10 руб., а за волосную кожу, которую у него берут рыбаки для бородей, он ставит цену 6–8 руб. Кроме того, он заставляет землевладельцев работать на пекаре, который снимает у крестьян Демьянской волости, платя по 20 коп. в день, несмотря на страдное время, когда для крестьянинчика дорог каждый день и когда, оттравившись на волчьи заработки, он мог бы получить 35–40 коп. подённой платы.

Одним словом, мы всюду жаловались на несправедливость и корыстолюбие этого «кормильца», несмотря на то, что в большинстве случаев сельские жители и имеют обыкновение выграживать своих кредиторов, может быть, из боязни перед ними.

Таким образом, положение сельского населения по отношению к их свирепым кредиторам является иногда вполне беспримерным, тем более что не всегда находятся окотники вступающие в борьбу с людьми сильными и влиятельными, к каковым принадлежат в округе все купцы, богатые торгующие крестьяне и другие лица, занимающиеся одним с ними ремеслом. Мы здесь не говорим уже о сельском или волостном начальстве, для которого подобная борьба немыслима и которое подчас находится под влиянием этих тузов или даже в известном подчинении у них, как это, например, весома недавно было в Демьянской волости.

Но, однако, не следует думать, что все «кормильцы» были похожи на вышеуказанных, хотя они и составляют огромное большинство. Даже в пределах бассейна Демьянки есть лица, которые, судя по отзывам остиков, относятся к ним более гуманно, а в Самаровской волости я знаю торгующих крестьян, которые могут быть называны благодетелями края.

Приведём один пример, который может подтвердить справедливость наших слов: когда два года тому назад цены за один пуд рожаной муки поднялись до 1 руб.—1 руб. 20 коп., они не воспользовались этим случаем, чтобы обогатиться за счёт своих собратьев в нужде, как сделали другие крестьяне той же волости, но продавали и отпускали хлеб по цене, которая стояла перед тем, т.е. по 60–80 коп. за один пуд.

Особенною гуманностью в этом отношении отличается Василий Трофимович Земцов, который постоянно имеет ана-

чительные запасы муки, привезенной из Томской губернии, и которой он снабжает остатков и крестьян по весьма умеренным ценам: именно ныне летом по 45 коп. за пуд, между тем как более корыстолюбивые отпускали её по 55 коп. и, не распачав свои запасы, выжидали то время, когда у Земцов выйдет вся мука, чтобы тогда еще поднять цену.

В Есгинских юртах я пробыл несколько дней в надежде, что не сегодня, так завтра откроется путь в Цингицкие юрты и на р. Салым, но когда прошел четвёртый день и мои ожидания не оправдались, я перенесся в плах и решил выбраться из Иргиза в деревню Горно-Субботину и оттуда посетить другие места, более доступные для исследования. Но и это было делом нелёгким.

Вынеупомянутые субботинские рыбаки, которые ныне впервые проложили этот путь, могли совершить переход в 30 вёрст, который разделяет д. Г.-Субботину от Есгинских юрт, только в $\frac{2}{3}$ дня и притом принуждены были две ночи провести под открытым небом, так как лошади не были в состоянии проехать в один день более 10–12 вёрст.

Наиболее положение было лишь немногим лучше: последние два дня снегопадом вьюга, которая окончательно занесла шляхи или следы саней проехавших рыбаков, и нам предстояло или вновь пролагать дорогу, или отыскивать прежнюю, что было в одинаковой степени затруднительно.

На пятый день, в светлое и нехолодное утро, мы тронулись в путь. Кроме двух саней, на которых ехал я и которые были под моим багажом, наш караван состоял ещё из двух саней, которые принадлежали остаткам и крестьянам, ехавшим по делам в ту же деревню.

Пока погода стояла благоприятная и было светло, лошади хорошо «сочиля», или отыскивали шляхи, но к трём часам появился снег, и мало-помалу поднялась сильная метель, которая залепила глаза снегом и скрыла от нас все окружающие предметы. Лошади стали чаще сбиваться с пути и вязнуть в низко еще не застывшем болоте.

Особенно тяжело было ехать по совершенно открытому месту, где вьюга вступала в свои полные права.

Не раз приходилось возницам слезать с саней и, бродя по колено в снегу, опушивать и отыскивать дорогу.

Постоянию меняя передовых лошадей, устававших скопее других, нам удалось поздно вечером добраться до старого елового бора, отстоящего от деревни всего на 2–3 версты, и здесь мы нашли убежище от выноги.

Мы пересекли этот бор, потом поднялись на горку и, пробираясь между снежными сугробами, наконец въехали в спящую деревню, а *1/4* часа спустя я не без удовольствия сидел в тёплой избе за кипящим самоваром и уже равнодушно слушал, как на улице сиренестояла разледённая стихия, как от внезапных порывов ветра звенели стёкла и хлопали ставни, и как в своей бессильной злобе завывала вынога.

4 марта 1888 г.

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**О рассказах г-жи Симоновой из быта
вогулов, остяков и самоедов**

(Критическая заметка)

Среди литературных произведений, посвященных юношеству, немало можно встретить рассказов, которые бы живо и правдиво рассказали читателю племен иродцев. А между тем подобные произведения несомненно имеют исключительное значение: читая их, молодые люди обеого пола наилучше легким и притягательным образом приобретают познания о человеке и природе отдаленных окраин нашего обширного отечества, познания, которых невозможно получить даже из подробных учебников отечественной географии. Среди писательниц, работающих в указанном направлении, пребрела в последнее время некоторую известность Л. Симонова, пробывшая, как говорится в предисловии к ее рассказам, не сколько лет в Северо-Западной Сибири, в местностях, обитаемых иродцами. Ее местами увлекательные написанные очерки переносят нас за тысячи верст отсюда в далекую Сибирь, в обширные леса глухого Севера и в ютящиеся в них дымные чумы остяков, vogулов и самедов, этих пасынков природы.

Об успехе, который имели эти рассказы, можно судить уже потому, что два из них выдержали три издания, а один (*«Лавча»*), кроме того, попал в число книг, рекомендованных Министерством народного просвещения для ученических библиотек.

Этот-то успех очерков и вынудил нас высказать несколько слов по поводу довольно существенные недостатков, которые там замечаются и которые в значительной степени умаляют их внутреннее достоинство. Главнейшие из этих недостатков следующие.

Во-первых, очерки дают до известной степени презрительное понятие о пынзинских иродцах Северо-Западной Сибири.

Во-вторых, мифология остижков во всем ее составе перенесена в рассказ из быта vogулов, где и выдается за vogульскую.

И в-третьих, наконец, приведенный в очерках лексический материал вовсе не удовлетворяет своему назначению: самедские и vogульские слова здесь фигурируют в качестве остижков, остижки заменяют самоедские и т.д.

1. Начнем с первого пункта.

«Почти все вогулы, — говорит автор в предисловии к рассказу «Лаача», — остались язычниками и сохранили особенности своего быта и характера». Относительно последнего еще можно до известной степени согласиться с автором, но касательно религии вогулов заметим, что все они крещены еще в 1714 году просветителем сибирского Севера Философом Лешинским. Если они еще в значительной степени сохранили свое языческое мировоззрение, то это объясняется, с одной стороны, пустынностью и обширностью края, с другой стороны, полным невежеством и низким умственным развитием инородцев, до которых еще не коснулась школа. В самом деле, если вогулов не считать христианами, то придется отказать в этом и большей части образованных инородцев финского и тюркского племени, обитающих в восточной части Европейской России и в Сибири, так как почти всем им непонятна или неизвестна сущность христианского учения. Не следует также забывать, что и во многих местностях Центральной России и в русской деревне можно встретить немало остатков прежнего язычества и веру в лешех, домовых, русалок и т.д.

Обратив вогулов в язычество, г-жа Симонова искоренила в них почти все зачатки русской культуры, которые они успели усвоить с течением времени. Ее вогулы, самодельные, остатки во многом напоминают тех дикарей, которых Ермак и его последователи встретили на берегах Тавды и Иртыша. На нынешних же, до известной степени обрусевших инородцев Северо-Западной Сибири они так же похожи, как краснокожие герои Ф. Купера и Г. Эмара с их голыми размалеванными телами на большинство нынешних индейцев Соединенных Штатов, одевающихся в европейское платье и променявших лук и томагавк на ружье, застул и плут.

Так, несмотря на то, что языки указанных инородцев настолько развиты, что на них можно считать до миллиона и что, кроме того, почти все инородцы умеют считать по русски, а многие русские торговцы по-остяцки и вогульски. Куся, один из действующих лиц рассказа «Лаача», след необходимым прибегнуть к следующему способу, чтобы привести в известность количество беличных шкурок: он «тыкал пальцем в какую-нибудь шкуруку, затем складывал руки ладонями и столько же раз поднимал их, сколько нужно было насчитать десятков». Желая женить сына, он стал предлагать волостному писарю из торгующих крестьян Ивану Спиридоничу купить у него добытую им пушни-

ну, которая состояла из 30 лисьих шкурок, 50 соболей, 65 горностаев и более 400 белок. Следует заметить, что такое количество пушнины западносибирский инородец в настоящее время может добывать разве в 3—4 года, а накопить шкурки за несколько лет такой бедняк, как Кукса, конечно, не мог. Иван Спиридонович, оценив его лисьи шкурки по 20 копеек за штуку, соболя и горностая — по 10 копеек и белку — по рублю за сотню, объяснил инородцу, что весь его товар стоит 20 рублей с небольшим, «а между тем он сам рассчитывал получить за него несколько сот рублей. Но ему показалось, что и 20 рублей слишком много для бедняка-зугулчика, не знающего толку в деньгах и одевающегося в азиатские шкурки». Кончились их переговоры тем, что купец дал инородцу 75 рублей, которые тот требовал, но с таким расчетом, что за свой товар последний получил лишь 10 рублей, а оставшиеся 65 рублей были ему даны под обеспечение будущей добычи зверя.

Нечего говорить, что подобных сделок в настоящее время не происходит даже в наименее глухом углу Сибири. Разве в самые первые годы по завоеванию Сибири инородцы были так простодушны, что за грот отдавали ценные меха; для Западной Сибири эти времена прошли бесследно уже более 250 лет. В 1888 году в означенной местности стояли следующие цены на пушнину: белка ценилась в 10—12 копеек, соболь, смотря по цвету, — от 4—5 рублей (светлый), от 8—9 рублей (темный), лисица от 4—5 рублей (белодунка) до 25 рублей (*крестовая*) и даже до 40—70 рублей (черно-бурая)*.

Как видно из сопоставления настоящих цен на пушнину с фантастическими ценами г-жи Симоновой, последние, по крайней мере, в 30—50 раз ниже действительных. Хотя торгующие крестьяне, дающие инородцам в долг деньги и товар, и получают некоторую скидку с местной цены на пушнину, рыбу и т.д., но все же купец платит инородцу Тобольской губернии даже за самого плохого соболя не менее 2 рублей 50 копеек, за белку (без хвоста) — 8—10 копеек и т.д. Лишь 50—60 тому назад цены на меха были в два раза выше настоящих**.

Мы охотно соглашаемся с автором очерка в том, что в весьма многих местностях русские торговцы действительно эксплуатируют инородцев, но есть вопрос заключается в раз-

* Крестянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губ./Изд. МГИ. 1894.

** Мат. для изуч. экз. быта крест. и инор. Зап. Смб. ХХ. С. 33.

мерах этой эксплуатации. В Западной Сибири она далеко не достигает тех размеров, в каких она представляется в рассказах г-жи Симоновой. Не вдаваясь в подробности по этому вопросу, скажем, что на основании наших трехлетних исследований экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири мы пришли к убеждению, что в настоящее время существующая в крае система кредита, несмотря на некоторые свои неизготные стороны, безусловно необходима для экономического развития края, скажем более, — для страхования инородцев от вымирания исследование голодовок.

Рассказ из самодской жизни более слабый, чем другие, не дает настоящего понятия о жизни этих обитателей Крайнего Севера и скорее напоминает рассказ из более знакомого автору быта вогулов лесной полосы. Между прочим, заметим, что самоеды не держат рогатый скот и тем более овец, как это утверждается автором. Численность всех самоедов, несмотря на их вымирание, пока, по-видимому, не менее 15000 душ (по автору 6000 д.).

2. Перейдем ко второму пункту. Религиозные мировоззрения остяков и вогулов, племен, не только находящихся в весьма близком родстве, но и живущих рядом, весьма склонны друг с другом, так что какой-нибудь религиозный обряд или почитание того или другого божества, наблюдаемые у одной народности, до известной степени может относиться и к другой. Ввиду этого нельзя быть в претензии на автора за то, что он предоставил себе в этом отношении полную свободу действий. Но одного нельзя одобрить — это сохранение в очерке из быта вогулов полной номенклатуры остяцких богов, заимствованной к тому же из устаревших источников (от Эрмана непосредственно или при посредстве Кастрена, может быть, и от Гр. Новицкого). В рассказе «Лавач» мы, таким образом, встречаемся с милостивым божеством Ортиком, со злым Мейком, с идолами «Медный гусь» и «Обской старик» и т.д.

Начнем с того, что Ортик есть искаженное останецкое название Урп-циа («Князь-старец»), которому у вогулов соответствует на Конде *Пойракта* (у конд. ост. : *Пайракта*) и в других местах: *Мир суна хум*. Этот милостивый бог считается сыном *Турьма* (у вогулов *Тарым*, а не *Тарым*, как mestами у автора) и является главным посредником между последними и людьми. *Мейк* (Эрмания), или вернее, *менк*, *менж* (у сев. вогулов *менже*) не есть особое злое божество, а цепный сонм лесных богов, вполне

соответствующих нациям лепним, лесовикам и сибирским «лещакам». «Медный гусь» — бог птиц и «Обской старик» — бог рыб — суть бывшие остатки идолы, находившиеся в капище ского устья Иртыша и сожжённые в 1714 году святителем Филареем. Они чтились и вогулами, в особенности «Обской старик», и теперь еще живущий в памяти остатков (*As-mai*) и вогулов (*As-anich*). От первого и от только что названных (остатков) имени и получил свое прозвище один югуртский (?) князец, о котором упоминается в истории Сибири. Это же имя (Альма, собст. *As-iso*) явно автором одному из героев рассказа, вогулцу, чего тоже нельзя одобрить. Если в истории князек назван вогульским, а не остатским, то это, может быть, потому, что в старых актах вогулы сплошь да рядом называются «остяками», имя, которое себе дают и сами вогулы, когда они говорят по-русски.

Русских имен, которыми остатки и вогулы нарекаются при крещении и которыми они весьма часто именуют себя и впоследствии (Записка — Иван, Азда — Азлоты и т.д.), вовсе нельзя встретить в рассказах Л. Симоновой. В качестве закоренелых язычников они зовутся исключительно более или менее фантастическими и знами, занимствованными по большей части от названий и разных окружающих инородцев предметов. Все имена остатиков к тому же заместованы, как мы увидим ниже, из самоецкого языка. Этот недостаток следует устранить уже ввиду того, что чтение рассказов из жизни остатков, испещряемых самоецкими и вогульскими именами, и рассказ из жизни вогулов, изобилиующего остатской номенклатурой богов, производит на человека, хорошо знакомого с инородцами Северо-Западной Сибири, также же неблагоприятное впечатление, как чтение романа из русской жизни, героями которого явились бы Казимир, Станислав, Франциски и т.д.

3. В-третьих, наконец, бы были весьма желательно устранить крупные промахи в приводимом автором лексическом материале или сократить последний по возможности.

Следующие самоецкие слова выделяются в рассказе «Зе» за остатков:

	правильнее:	значение:
зде	еса, эса	дельти (собст. железо)
сыр	сэр, смри	белый
пенай	пъней	серебро
ябей	ябящий	водка
ильнитык	?	Ледовитый океан

хапчанда яику хабъягъзы, бессмертный

хебденсиг

Вогульские слова, фигурирующие в качестве остицких:

шангуру шангультэб домбра

иудла — спасение

Остисткое слово, выдаваемое за самоедское:

юх — дерево

Сюда же относится и все сказанное во втором пункте. Этот перечень, почти исчерпывает запас слов, встречаемых в vogульском и остицком рассказах. Как нетрудно убедиться, ни одно из приведенных слов не удовлетворяет своему назначению, являясь неверным в том или другом смысле.

В рассказе «Ильдина» встречается более всего самодских слов, но они, к сожалению, заменены не из одного какого-нибудь самоедского наречия, хотя бы юкасского или остико-самоедского, а из разных, что тоже лучше избежать: ведь не станет же автор, пишущий рассказ из деревенского быта центральной полосы России, переменивать великорусские названия лиц и предметов с малороссийскими и белорусскими, если в его распоряжении имеется достаточный запас русских слов.

Следует также обратить внимание на то, что многие из приводимых автором самоедских слов неправильно переданы по-русски: *тадиельть* (соб. *тадиельть*) значит не «злые духи», а духи, подчиненные шаманам, *весако* — не «муж земли», а «старец-старичок», *хадико* — не «могучая мать», а «старушка-бабушка» (уменши. от *хада*), *ильдина* — не «старец», а «старший брат, старший дядя» и т.д. Слово «инд» — «вода» — скорее напоминает остицкое «шынк», чем самоедское «йй»; множественное число от *ненец* (соб. *ненец*) «человек» — не *ненца*, а *ненцеца* (*люди*).

Если автор рассказов поклоняется устранить в следующем издании их, хотя некоторые из указанных недостатков, то ее интересные очерки от этого, без сомнения, много выиграют. Полезными пособиями при этом могут служить по самоедскому языку словари Кастрена, по остицкому — словари его же, Алькинста и Паная-Мункачи (ост.-венд.-русск.) и по vogульскому — словарь Альквиста.

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ**

**Краткий очерк
колонизации Сибири**

1. Переселения в Сибирь до середины 80-х годов. Начало колонизации Сибири относится к самому концу XVI столетия. В первые два века по покорению страны правительство не имело строго определенных взглядов на переселение крестьян в Сибирь: желая заселить вновь открытые тракты и обеспечить хлебным довольствием многочисленных чинов, управлявших страной, оно в то же время опасалось обезлюдить и без того малонаселенные в те времена центральные местности государства и лишить последние части своего дохода. И вот, послыав в Сибирь на поселение племенных, преступников, а также добровольных патных крестьян, оно в то же время издавало законы (первый, по-видимому, в 1597 г.) и принимало строгие меры против самовольных переселенцев, меры, которые, однако, совершенно не досчитали своей цели.

Около середины XVIII столетия русское правительство стало смотреть на колонизацию более благосклонно. Оно само принесло целый ряд мер в видах заселения Сибири земельщиками и издало с этой целью специальные законы, один из которых (1760 г.) разрешал поместикам ссыпать своих крестьян за проступки в Сибирь на поселение взамен отбывания ими рекрутской повинности.

Несмотря, однако, на такие заботы правительства о заселении Сибири, им почти ничего не было предпринято для обеспечения успеха самой колонизации, если не считать, что переселенцы отправлялись в места назначения на казенный счёт и получали на первое обзаведение пособие из казенных сумм. Нередко в рубицах и липшёмы теплой одежды полуодоломные переселенцы, особенно из поместичьих крестьян, должны были испытывать все тяготы длинного пути при бездорожье и отсутствии перевозочных средств. Смертность среди них была так сильна, что из иных партий таких крестьян до места доходила лишь $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$.

что заставляло правительство временно приставливать переселенческое движение.

В конце XVIII в. было обращено особое внимание на заселение нескольких трактов и местностей в Западной Сибири и в районе нынешней Забайкальской области, именно: между Байкалом, В. Ангарой, Нерчинском и Кяхтой.

В течение первой половины XIX столетия наплыв крестьян из Европейской России в Сибирь был, в общем, незначителен, потому что пустынныя в это время степи Новосибирского края, Кавказа и Юго Восточной России притягивали известный контингент переселенцев. В 20-х и 30-х годах истекшего столетия русские поселяне вместе с казаками стали основываться по северной окраине приводных тогда киргизских степей. Сибирские же губернии во второй четверти XIX столетия заселялись преимущественно ссыльными разных категорий, часть которых подворялась в основываемых специально для этой цели казённых деревнях, главным образом в Енисейской и Иркутской губерниях. Число лиц, ежегодно ссылаемых в Сибирь, постепенно возрастая, достигло в 1834 году цифры 11500 д., но несмотря на это, уже в это время ссылка стала утрачивать значение важного факто-ра колонизации страны и вплоть до её отмены в 1869 году сохранила за собой лишь карательное значение. В 40-х годах того же столетия вопрос о колонизации Сибири был поставлен в тесную связь с переселенческим вопросом, и единственно надёжным элементом при заселении названной окраины были признаны вольные переселенцы из крестьянского и казачьего сословий. После временного затишья переселение в Сибирь вновь усиливается с 1844 года, причём направляется главным образом в Тобольскую губернию (Курганский окр.), в которой к 1851 году было водворено уже 19500 вызванных правительством крестьян м. п.

Еще более усиливается переселение крестьян в 50-х годах, в эпоху гр. Киселева. Вызвано было это усиление желанием правительства разделить население малолемельных губерний Европейской России путём выселения из каждой из них по 300–400 семейств. В результате принятых правительством мероприятий в Тобольскую губернию за трёхлетие — 1852–1854 гг. — выселилось около 25000 д. м. п. и в Томскую (и Томский окр.) — 13230 д. м. п. Одновременно с За-

надвиг Сибирью заселялась и Енисейская губерния, которая за 7-летний период времени — 1852—1858 гг. — приняла около 5982 д. м. п.

В противоположность переселенцам, водворённым в Западную Сибирь, происходившим преимущественно из чернозёмной полосы, но также из Тверской и Смоленской губерний, крестьяне, переведённые в Енисейскую губернию, были родом из Восточной России, именно из губерний Вятской и Пермской, и лишь в 1856/7 гг. к ним присоединились выходцы из Орловской губернии.

Вышеуказанные числа далеко не исчерпывают общее число крестьян, переваливших в 50-е годы за Урал. Как известно, во все времена наряду с руководимой правительственной властью колонизацией совершилось и негласное, самовольное переселение, не поддающееся никакому учёту.

Со второй половины 50-х годов переселенческое движение в Сибирь начинает ослабевать и после небольшой вспышки тотчас после освобождения крестьян в эпоху великих реформ, когда, однако, главная часть переселенцев направлялась в южнорусские степи, почти прекращается до начала 80-х годов. Это затишье в переселенческом движении в значительной мере было обусловлено отрицательным, по оставлению гр. Киселевым поста министра Гос. Им., отношением правительства к переселениям в первое 20-летие после крестьянской реформы. Действительно, Положение 19 февраля 1861 года, предоставившее личную свободу 22 миллионам закрепощённых крестьян, обошло молчанием вопрос о крестьянских переселениях, установив лишь ряд правил касательно порядка увольнения отдельных домохозяев из одних обществ и переселения их в другие; правил, служивших серьёзным препятствием для свободного передвижения и переселения крестьян в пределах империи.

Сильно возраставшее, несмотря на эти стеснения, переселение в Сибирь заставило правительство приступить к составлению особого закона, регулирующего переселенческое движение, причём до его окончательной разработки, требовавшей немало времени, были изданы 10 июля 1881 года временные правила, которые доставляли известные облегчения для лиц, желавших выселиться в другие места. Во-первых, эти правила распространялись на всех лиц сель-

ского состояния, которых незавидное экономическое положение побуждало к переселению; во-вторых, они устраивали необходимость добывать приёмные приговоры от общества, где крестьяне основывались, и, в-третьих, согласно этим правилам, недовольники их в прежнем местожительстве переводились в их новое местожительство и могли быть уплачены постепенно. Наконец, эти правила впервые предусматривали содействие переселенцам во время их движения путём учреждения специальной конторы в с. Петрахах Симбирской губернии (впоследствии переселённой в Сызрань). Но идея насторожу потребности к переселению крестьян в видах поправления их плохого экономического положения, правительство при издании означенных правил вовсе не имело в виду поощрять и развивать переселенческое движение, с одной стороны, боясь отгива рабочих рук из Центральной России и развития бродяжничества, и, с другой, создавая свою неподготовленность надлежащим образом устроить на окраинах массу стремящегося туда люда. Чтобы поэтому быть в состоянии руководить самим переселенческим движением, оно выдавало разрешения на переселение лишь тем лицам, которые, по отзывам крестьянских учреждений, действительно в этом нуждались.

В видах более точного учёта числа переселенцев с 1885 года вводится подробная их регистрация в двух пунктах их главного движения: в Тюмени и Челябинске (впоследствии лишь в последнем). С этих пор статистические данные о переселенческом движении теряют свой прежний характер гадательных исчислений и приобретают значение реальных величин.

Общее число крестьян, самолично и по вызову правительства переселившихся в Сибирь до 1860 года, не поддаётся даже приблизительному учёту, числа же ссыльных, водворённых в стране в течение 40 лет — 1823—1862 гг. — простираются до 355000 д. За последний же период времени — в 25 лет (1860—1885 гг.) число выселившихся в Сибирь крестьян определяют в круглых цифрах в 300000 д. об. п., включая и самоновых переселенцев, которые за тридцатилетие после освобождения крестьян несомненно составляли главную их массу. Более сильный наплыв переселенцев в Сибирь обнаружился в самом конце указанного периода.

ода времени, именно: в начале 80-х годов истекшего столетия. Таким образом, по расчёту Гуревича, число переселенцев, перешедших за Урал в 1881—1882 гг., простиралось до 74000 д. В 1883 году их число определяют в 34500 д. и в 1884 г. — в 9100 д. об. п.

Вышеприведённые данные, кроме последних цифр, относятся почти исключительно к крестьянам, подорожённым на крайнюю землю Сибири. Что же касается до Алтайского округа Кабинета Е. И. В. (в состав которого входят округа Бийский, Барнаульский, Змеиногорский, Кузнецкий и 5 волостей Томского округа), то в течение всей первой половины истекшего столетия он за исключением двух волостей был совершенно закрыт для колонизации. Лишь с начала 60-х годов в нём стали самовольно селиться крестьяне из Европейской России, главным образом в деревнях алтайских крестьян, в 1861 году освобождённых от обязательных работ. Причины выгоды для округа в увеличении его населения, Кабинет Е. И. В. не исследовал близорукой политике М-ва и. д., а издал в 1865 году правила, узаконившие возвращение крестьян на земли округа. По линии Алтайского горного управления, за 18-летие — 1866—1884 гг. — число переселившихся на земли Кабинета Е. И. В. простижалось до 17606 д., что составляло 976 д. в год, причём в первое 6-летие (1866—1872 гг.) среднее годовое число переселившихся было всего 615 д., во второе — 716 и в последнее — уже 1621 д. Но, кроме них, в округе прочно проживало ещё много крестьян, не успевших перечислиться на новые местожительства, и число их определяли: в 1876 г. в 1765 чел., в 1882 г. — в 18000 чел. и к 1 января 1884 г. уже в 30,5 тыс. душ.

В общем, колонизацию Сибири вплоть до 80-х годов истекшего столетия нельзя назвать успешной, потому что далеко не всем переселенцам удавалось хорошо устроиться в избранных ими местах и превратиться в безбедных землевладельцев. Происходило это, во-первых, от недостаточности крестьян к переселению на далёкие расстояния и в местности, часто с иными климатическими, орографическими, почвенными и иными условиями; во-вторых, от недостатка у многих переселенцев средств на первое обзаведение и не-редко отсутствия целесообразной помощи на местах их вод-

верения и от других причин. Если, однако, большая часть переселенцев всё же, преодолев все тяготы водворения в новой местности, превратилась в поданных граждан страны, то этим последние почти全新 обозна в их личной инициативе, участие же в этом деле правительства было, в общем, незначительно — это явствует уже из того факта, что огромное большинство селений в Сибири, возникших в 80-е годы истекшего столетия, были основаны благодаря личной инициативе вольных переселенцев без всякого участия правительства; таким образом, в четырёх окружах Енисейской губернии число такиховых определялось по обследованию в конце 80-х годов в 665, что составляет 86% всех возникших в указанный период времени селений; по почты же и при содействии правительства такиховых было основано всего 111, или 14%.

Более значительно, напротив, было участие правительства в заселении новых прибрежных Амурского и Уссурийского краёв и с. Сахалин. В Амурской области водворение русского оседлого населения началось за два года до формального присоединения её к Российской империи (1858-9), причём первыми населителями ее были казаки Забайкальской области, образовавшие по Амуру 28 станций. Общее число казаков, посёлённых в период времени 1857-1862 гг. по берегам Амура и Уссури, простирается до 13900 д. об. п. Из них впоследствии были организованы Амурское и Уссурийское казачьи войска. Крестьяне из внутренних губерний России появились на Амуре впервые в 1859 году в числе 240 д. об. п.

Точного учёта самих переселенцев, пришедших в Амурскую областю до 1885 года, не имеется, а на основании отрывочных данных можно вычислить, что за 30 лет — от 1859 г. по 1888 г. — область приняла в себя 15300 д., на самом деле, однако, больше, потому что не все переселенцы были зарегистрированы; следует ещё заметить, что в некоторые годы из области отчислялось большее лиц, чем к ней причислялось.

В Южно-Уссурийском округе Приморской области, также довольно пригодном для хлебопашества, первые крестьянские поселения были образованы переселенцами из смежной Амурской области, частью ещё не успевшими обжить-

ся в этой последней. За период времени 1865–1869 гг. в нём основалось около озера Ханка и по реке Суйфуну 1311 д. переселенцев из разных частей империи. Большее внимание на заселение Южно-Уссурийского округа было обращено в конце 70-х годов, а с 1883 года для облегчения перевозки на места переселенцев были приспособлены суда Добровольного флота, доставившие во Владивосток в течение трёх лет — 1883–1885 гг. — 5780 д. об. п., из коих 4683 д. были перевезены на казённый счёт. Более значительное движение переселенцев в Южно-Уссурийский округ началось, однако, с 1892 г. (2307 д.).

Что касается до причин, побуждавших крестьян и иных людей покидать свою родину и переселяться в отдалённые окраины России, то они не были одними и теми же в разные эпохи рассматриваемого периода времени. В более отдалённое время, вплоть до 60-х годов истекшего столетия, главными поводами к выселению были разного рода незадоги, усилившие лежавший на крестьянском сознании гнет и увеличивавшие их нужду. Такими обстоятельствами были волнистия смутного времени, прикрепление крестьян к земле, гонения московского правительства на раскольников и староверов, страх перед новыми установленными ревизиями и рекрутским набором, притеснения со стороны помещиков и многие другие причины. Но со временем обострения крестьян эти причины постепенно стали терять свою остроту и на смену им, главным образом в новейшее время, начиная с 80-х годов, когда переселение вновь усилилось, на первый план выступили условия экономического характера: на первом плане малоземелье, являющееся коренной причиной выселений в Сибирь в указанную эпоху, далее недороды хлебов и т.д.

2. Новейшее законодательство касательно переселений. Отременение поставить переселенческое движение в известные рамки, чтобы возможно было регулировать его размеры, например, в зависимости от имеющегося налицо запаса свободных для заселения переселенцев земель, сохранилось и в новом Законе «О переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли», изданным 13 июля 1889 года, хотя сравнительно с временными правилами 1881 года он и представляет шаг вперёд. По этому закону переселяющиеся освобож-

дались от обязанности испрашивать увольнительные приговоры, уплачивать недоимки, которые возлагались на оставляемые общества, и получали право на ссуду на продовольствие и обсеменение полей. Ни необходимость иметь разрешение оставлено было в прежней силе, причём лица, рисковавшие двинуться за Урал без такового, не только не имели права пользоваться вышеуказанными льготами, но и подлежали возвращению на родину административным порядком.

Жизнь, однако, не укладывалась в тесные рамки, в которые её старались заключить законодатели: выдав до 1892 года разрешение на переселение 17289 семей, М. ин. д. подсчитало, что общее число лиц, переваливших за эти годы за Урал, составило 28911 семей. Таким образом, и закон 1889 года не был в состоянии надлежащим образом руководить переселенским движением, которое в значительной степени оставалось вне воздействия со стороны правительства. Меры, принимаемые им против самовольных переселенцев, не достигали своей цели: не имея возможности возвращать на родину всех многочисленных переселенцев, не имеющих разрешения на переселение, оно стало их присыпать к местам их водворения, но так как возрастающее с каждым годом число переселенцев постоянно превышало имевшуюся наличность заготовленных переселенческих участков, на каковой предмет в это время расходовалось не свыше 40000 рублей ежегодно, то она широколицом 6 марта 1892 года временно приостановило выдачу разрешений на переселение.

Этот же, 1892, год можно считать годом решительного поворота в переселенческой политике: переселение вследствие весьма сильного притока населения в стране (около 1½ млн. в год) было признано беспредельным для экономического положения Центральной России и в то же время чрезвычайно важным фактором для заселения и промышленного развития наиболее благодатных частей Сибири, через которые должна была пройти предназначенная к постройке железная дорога. Для предварительного рассмотрения всех мероприятий по устройству переселенцев и по другим вопросам, связанным с этим делом, была учреждена при комитете Сибирской железной дороги особая подготовительная комиссия, на которую было возложено и составление смет потребных в каждом отдельном году расходов из фонда вспо-

могательных предприятий Сибирской железной дороги. И новое направление переселенческой политики сразу сказалось в увеличении ассигнования сумм на землеотводные работы с 40000 до 229550 рублей, число, которое к 1902 году было увеличено до 714520 рублей при среднем расходе на указанный предмет за 12-летие в 473000 рублей. Сильно увеличился и расход на передвижение переселенцев, на устройство их на новых местах и на снабжение их сельскохозяйственным инвентарём и хлебом; расход, выразившийся в среднем за 8-летний период времени (1893—1901 гг.) в сумме 18577 тысяч рублей в год.

Новый закон, касающийся переселения, 15 апреля 1896 года предоставил высылающимся крестьянам ещё две существенные льготы: во-первых, он значительно облегчил им передвижение путём введения особого пониженного для переселенцев железнодорожного тарифа, и, во-вторых, он впервые признал допустимым и самовольное переселение, устранив которое не было в силах ни один из прежних законов и ни одно мероприятие, но признал его с известными ограничениями. Благодаря этому же закону получили более широкое развитие и ходячество, признанное желательным еще в 1894 году, а циркуляром 1897 года даже обязательным.

Сравнительно долгие сохранились прежние порядки водворения переселенцев на земли Алтайского округа Кабинета Е. И. В., где до 90-х годов истекшего столетия оставались в силе правила, изданные еще в 1865 году. Значительные затруднения, сопряженные с перечислением крестьян из родных губерний на места нового поселения, мало облегченные в течение последующих по изданию указанных правил тридцати лет, имели последствием, что к 1896 году на кабинетских землях оказались проживающими свыше 100000 душ (к 1898 г. уже 146000 д.). крестьян, не принесенных к местным волостям и вообще не перечисленных. Это нежелательное обстоятельство привело кабинет к решению о необходимости устранить упомянутые препятствия к перечислению крестьян и по возможности согласовать правила водворения крестьян на кабинетских землях с таковыми, изданными в 1889 и 1896 гг. с этой целью для подворовавшихся на казенных землях Сибири. Изданный в 1896 г. Кабинетом Е. И. В. закон изменил прежние правила в желаемом направлении, предусматривая устройство

крестьян не только уже проживавших в пределах Алтайского округа, но и желавших в будущем основаться на его землях.

В конце того же 1896 года пвиду чрезмерно возросшего делопроизводства по переселенческому движению для его заведования было образовано при М. ви. д. особое Переселенческое управление, на обязанности которого лежит изучать на местах разного рода потребности населения и путем своеобразного заявления о них облегчать подготовительной комиссией разработку всей совокупности предположенных по данному предмету мер. Кроме того, в его обязанности входит руководить самим переселением при помощи командируемых с этой целью на места выселения крестьян и в Сибирь чинов.

В 1906 году была реформирована местная организация заведования переселенческим делом. «Изыскание и отвод земель для переселения, находившиеся в ведении Деп. госуд. зем. им., были сосредоточены в Переселенческом управлении, ведавшем ранее только водворение и устройство переселенцев на заготовленных землях. Все местности, где водворяются переселенцы, разделены на районы и подрайоны, заведующие которыми имеют постоянное на месте служебных занятий житейство, а не командируются туда, как прежде, лишь временно. Надзор за всеми колонизационного характера работами: по межевой, дорожной и гидротехнической частям — объединён в каждой губернии и области (включая две области Туркестана) в лице заведующего местным переселенческим районом под руководством высшей местной административной власти»^{*}.

В том же 1906 году был упрощён и сделан более общедоступным порядок выдачи ходатайства всем желающим приспособить себе земли в Сибири, причём справки об экономической обеспеченности будущих переселенцев были отменены.

Большое внимание было также обращено на увеличение средств, расходуемых на переселенческое дело. Таким образом, в среднем за 12 летие — 1893—1904 гг. — на этот предмет расходовалось всеми заинтересованными ведомствами (М. ви. д., М. земл. и госуд. им. и комм. Сиб. ж. дор.)^{**}

* Изв. Государственного управления и землемера, № 46. С. 1.

** Тогда пом. Соб. ж. дор. выражалась за период времени с 14 л. — 1893—1906 гг. всего в сумме 300 тыс. руб., издержанных на устройство школ, церквей и благотворительных учреждений (собственно говоря, на усиление флота имени Императора Александра III).

2630,8 тыс. руб. Такова же была смета и на 1905 год (2642 тыс. руб.). В 1906 году она была более чем удвоена — до 5679,6 тыс., а на 1907 г. составлена смета в четыре раза большая — около 11 млн. рублей.

3. Число переселенцев. Общее число семейных переселенцев, перевозивших через Урал в течение двадцати лет (1885—1904 гг.) со времени введения точной их регистрации, простирается до 1488048 д. об. п., что составляет в среднем 74402 д. в год. В эти числа не включены одиночные переселенцы, составляющие в среднем за последние двадцать лет 2947 д., или около 4% общего числа переселенцев. Обращаясь к более детальному рассмотрению этого вопроса, можно подметить, что хотя в отдельные годы переселенческое движение и представляло значительные колебания в обе стороны, но что все же в общем оно показывало тенденцию к возрастанию. Таким образом, в первое десятилетие (1885—1894 гг.) населилось всего 367280 д., или в среднем по 36728 д. в год, и во втором (1895—1904 гг.) — 1120768 д., или по 112077 д. в год. По отношению к общему числу всех высылающихся в Сибирь за рассматриваемые двадцать лет первое число составляет всего 24,7%, т.е. $\frac{1}{4}$, и второе — 75,3%, или $\frac{3}{4}$. Это возрастание числа переселенцев имело причину не только постоянно усиливающуюся нужду в земле, но и облегчения для переселенцев, предусмотренных более новыми законами и циркулярами касательно переселения, главным образом открытие движения по Западно-Сибирской железной дороге и введение удешевлённого тарифа по перевозке переселенцев: за первые девять лет (1885—1893 гг.), когда ещё не было движения по Западно-Сибирской железной дороге, число переселенцев не превышало в среднем 34612 д. в год, между тем как по открытии железнодорожного движения ежегодное число переселенцев повысилось до 114665 д. По отношению к среднему числу ежегодно высылающихся в течение 19-летнего периода (1885—1903 гг.) — 76745 д. первое число составляет всего 45,1%, между тем как второе — 152,2%, т.е. превышает первое более чем в три раза.

Если разбить рассматриваемое 20-летие на пятилетия, то среднее число переселявшихся в каждое из пятилетий составит следующий процент по отношению к среднему числу за весь 20-летний период:

1885—1889 гг.	22,6%
1890—1894 гг.	75,2%
1895—1899 гг.	181,6%
1900—1904 гг.	119,6%

т.е., приблизительно утраиваясь в каждое последующее пятилетие вплоть до 1900 года, переселенческое движение показывает заметное ослабление в последнее пятилетие. Ещё рельефнее становятся колебания числа переселений, если рассматривать тот же вопрос по отдельным годам. При этом обнаруживается весьма наглядно влияние на размеры переселения различных внешних и побочных причин, потому что главная и коренная причина этого явления — малоземелье — не могла измениться сколько-нибудь заметно в короткий промежуток времени. Следует, однако, заметить, что самовольное переселение, идущее параллельно разрешенному, будучи менее зависимым от внешних причин, до известной степени маскирует указанную зависимость.

Под влиянием облегчения для выезжающих, дорожных временных правилами 1881 года и позднейшими циркулярами, а также законом 1889 года, число крестьян, покидающих родину, чтобы основаться в Сибири, стало быстро возрастать, повсемнаправлено с 11800 д.^{*} в 1885 году до 47400 д. в 1890 г. *

В следующем году (1891) число переселенцев в значительной степени под влиянием неурожая хлебов, охватившего большую часть Европейской России, почти удвоилось, достигнув цифры 82150 д., удержавшись на этой высоте (84200 д.) и в следующем, тоже неурожайном, году, несмотря на распоряжение М. ви. д. (от 6 марта 1892 г.) о пристановке дальнейшей выдачи разрешений на переселение ввиду полного несоответствия между огромным числом лиц, желавших получить надежды, и наличным количеством заготовленных для них участков. Эта мера произвела свое действие лишь в следующем, 1893, году, когда число переселенцев, главным образом отправившихся в путь на свой страх и без посторонней помощи, не превысило 53300 душ. Не изменилась существенно численность переселенцев и в следующем, 1894, году — 55800 душ. Но возобновление выдачи разрешений на переселение в этом году, слухи о

* Колонизация Сибири. Издание канц. Комит. мин., 1900.

предполагавшихся новых льготах и введение общего переселенческого тарифа возымели такое действие на крестьянское население малоземельных губерний, что число пожелавших основаться в Сибири стало чрезмерно возрастать; в 1895 г. число переселенцев оказалось уже в два раза большим (102 тысячи д.), а в 1896 г. уже почти вчетверо большим (186 тысяч д.) против 1894 года. На небывалую высоту переселенческого движения в последнем году несомненно оказал свое влияние и закон 1896 года. Увлечение выселением в Сибирь для поправления своего материального положения привнесло стихийный характер и распространялось даже на те части сельского населения, для которых переселение не представляло крайней необходимости. Вместе с чрезмерно возросшим движением крестьян в Сибирь возросло и число лиц, не сумевших устроиться на новых местах и возвращавшихся разоренными на родину. Так как к тому же правительство не успело подготовить то количество переселенческих участков, которое требовалось, чтобы удовлетворить всю эту массу людей, то уже летом 1896 года выдача разрешений была приостановлена, и даже часть лиц, уже получивших таковые, была задержана на местах отправления. Эти обстоятельства подействовали расхолаживающим образом даже на крестьян, пожелавших попытать свое счастье, не прибегая к опеке и помощи правительства, и число переселенцев, зарегистрированных в Челябинске, по пути в Сибирь, не превысило в 1897 году 81000 л. Известное влияние на уменьшение числа переселенцев оказали некоторые меры, принятые правительством и местными властями, дабы удержать от переселения лиц, имевших о сибирской жизни превратные понятия и не обладавших достаточными средствами на покрытие издережек по длинному пути и по первому обзаведению*. С этой целью в начале того, 1897, года был издан циркуляр, согласно которому стало обязательным до осуществления самого переселения посыпать на места ходоков для осмотра имеющихся в распоряжении земельных участков. В 1898 году размер переселенческого движения, вновь повсюдуясь, приблизился к величине 1896 года — 143700 тыс. д. и затем продолжал расти и в следующие два года: 1899 г. — 162800 д. и в 1900 г. — 184600 д., но мобилизация войск для усмирения боксёрского

* Некоторые губернаторы ставили необходимым для выдачи разрешения условием представление доказательств об именни 300 руб.

движения в 1900 году вынудила правительство вновь приостановить переселенческое движение, а 5 июля 1901 года для лучшего достижения этой же цели временно был отменен установленный железнодорожный тариф. Эти меры в связи с сильными неурожаями в Сибири в 1900 и 1901 годах имели своим последствием падение числа переселенцев наполовину против 1899–1900 гг.: в 1901 г. — 86300 д., в 1902 г. — 80500 д. и в 1903 г. — 83700 д. Несомненно, что движение переселенцев вновь стало бы возрастиать по мере возвращения его обстоятельств, если бы возникла в 1904 году война с Японией не заставила правительство принять превентивные меры для простоянки переселенческого движения, которое виду этого показалось в означенном году и в следующем за ним 1905 году незначительные сравнительно с прежними размерами величинами: 29900 и 32158 д. *переселенцев**. Но милюванием и отмене запретительных мер переселенческое движение стало вновь сильно возрастиать, так как в 1906 году число зарегистрированных в Челябинске лиц простиралось уже до 220000 д. об. п.**, а в 1907 году таковых до 21 сентября было переписано уже 383800 д.**, не считая 136100 ходоков. Это невыразимое число переселенцев было настолько неожиданным, что почти весь имевшийся запас переселенческих участков быстро исходился, и Главное управление землеустройства и земледелия, опасаясь за участок последующих переселенческих партий, уже в начале мая приостановило выдачу новых ходатайств (временно до 1 июля), а в июле напло необходимо представить на одобрение Совета министров о продлении указанной меры касательно Западной Сибири и на остальную часть данного года, а также о прекращении льготного семейного переселения на Дальний Восток без предварительного зачисления земель.

4. Самоходные переселения. Желая поставить переселенческое движение в известные рамки, чтобы быть в состоянии регулировать его размеры и направлять его в те местности, которые требовалось заселить раньше других мест, правительство, как было показано, во все времена принимало более или менее решительные, а иногда и весьма строгие меры про-

* Землеустр. и землед.: Изв. Гл. упр. 1907. № 36. С. 63.

** По сведениям Глав. перес. управления за 1907 г.

тив лиц, переходивших на окраины самовольно, а не по его вызову и без его разрешения. Но никакие стеснительные и карательные меры не могли остановить вызванный самой жизнью явления. Напротив, чем большими препятствиями была обставлена возможность перейти за Урал или на окраины Европейской России, тем больше возрастало число самовольных переселенцев, предпочитавших самовольно бороться с тягостями и дорогоизносом далекого пути и нести все невагоды первого обывания на новых местах, чем исполнять все формальности, неизбежные с принятием опеки со стороны правительства. Чувствуя свой полное бесчинье бороться против этого явления и не находя возможным приводить в исполнение те строгие наказания, которые должны были нести ослушники закона, например, возвращать самовольных переселенцев административным порядком на родину, правительство постоянно приуждено было делать уступки требованиям обстоятельств и разрешать им оставаться на избранных ими местах с правом на получение надела: так было в 40-х годах, так было и в 80-х, и 90-х годах истекшего столетия.

Большое успеха в борьбе с самовольными переселениями правительство добилось путем облегчения получения разрешения на переселение и устранение многих излишних сопряженных прежде с этим формальностей, как и путем дарования лимитам, действовавшим согласно требованиям закона, разных довольно существенных льгот по уплате податей и недоимок, по отбыванию повинностей, по удешевленному проезду на места водворения и по получению разных пособий и ссуд, а также преимущественного права на землю. На этот путь правительство стало переходить с начала 80-х годов и в более или менее окончательной форме выработало необходимые для этого правила в 1896 году, когда самовольное переселение было впервые признано законным явлением. И в соответствии с этим до 80-х годов и в их начале почти вся переселение можно рассматривать как самовольное. Позже, в 80-х и в начале 90-х годов, оно составляло от 80 до 85%, в 1894 году — 60,9%, в следующее пятилетие (1895—1899 гг.) оно сократилось в среднем до 36,8% и в 4-летие (1900—1903 гг.) — до 26,7% всего числа переселенцев. В 1904 и 1905 гг., когда по случаю войны переселенческое движение было временно пристановано, почти все переселенцы, перевалившие за Урал,

не имели разрешения (92,1 и 97,9%). В 1906 году с отменой запрещения число самовольных переселенцев сократилось до половины всего их числа (52,6%), а в 1907 году они не превышали $\frac{1}{4}$ части. Помимо других причин возрастание относительного числа самовольных переселенцев находится в зависимости и от мероприятий правительства, клонящихся к ограничению или временной приостановке переселенческого движения. Таким образом, прекращение выдачи разрешений на переселение в 1904 году сильно помяглило на усиление контингента указанного типа переселенцев, так что по отношению к наличному числу переселенцев они в означенном году составляли опять 70%. Но позже, когда переселенческое движение вновь вступило в нормальные условия, это процентное отношение стало падать, дойдя в 1907 году (до 21 сентября) до нормальной для первых четырех лет настоящего столетия величины (23%).

Исследования на местах водворения переселенцев и опросы их в Челябинске на пути в Сибирь выяснили, что главными причинами, в силу которых значительная часть крестьян и посейчас предпочитает следовать в Сибирь на свой страх и отваживаться от помощи в этом со стороны правительства, являются: во-первых, разного рода препятствия и затруднения, с которыми в известных случаях бывает связано получение разрешения на переселение, и, во-вторых, несочувственное передко отношение местной администрации к переселенцам известных групп крестьян.

Из рассмотрения статистических данных, касательно районов водворения переселенцев, имеющихся разрешительные документы, и самовольных переселенцев выяснилось, что последние избирают своей новой родиной преимущественно наиболее пригодные для сельского хозяйства местности степных областей (78,3% в среднем за 10 лет) и Алтайский округ (42,7%), хотя высота процента водворившихся в этих районах самовольных переселенцев и зависит в значительной степени от того обстоятельства, что именно эти местности были временно (до 1907 года) закрыты для переселения: первой ввиду охраны землевладения кочевников, а второй — вследствие недостатка заготовленных для переселенцев земельных участков. В губерниях же, свободных от колонизации, каковы Тобольская и Енисейская,

число самовольных переселенцев было в общем менее значительно: в первой их оказалось 28,9% и во второй — 13,3%.

5. *Ходакство и движение крестьян на загородки.* В числе способов, при помощи которых крестьяне Европейской России знакомятся со свободными землями окраин, куда они предполагают впоследствии выселиться, бесспорно лучшим является осмотр этих земель при помощи избранных ими и посылаемых в колонизуемые местности лиц, или так называемых «ходоков». Это явление, выдвинувшее самой жизнью, народилось уже много десятилетий тому назад и удостоилось поощрения еще в законе 1822 года. Но позже правительство стало относиться к нему отрицательно, несмотря на сильное развитие в 80-х годах и в начале 90-х годов ходакства. Лишь в новейшее время оно вновь пользуется покровительством властей. Закон 1894 года рекомендует крестьянам, задумавшим переселиться в Сибирь или в другие окраины, посыпать туда ходоков, для которых были установлены льготы по передвижению. Дальнейшее развитие эта идея получила в законах 1896 года (15 апреля и 7 декабря), согласно которым ходоки были освобождены от необходимости брать особое разрешение и приездиках из места выселения пользовались всеми льготами, предоставленными переселенцам. В этом же году право посылки ходоков было расширено на каждую семью, желавшую переселиться в Сибирь. В следующем году (1897) закон уже ставит непременным условием для получения разрешения на переселение посылку из места ходоков.

В результате этих мероприятий ходакство с середины 90-х годов сильно усилилось: именно с шести процентов по отношению к общему числу переселенцев в 1894 и 1896 гг. оно повысилось до 35,2% в 1898 году и до 26,2% в 1907 году. В 1896 году оно равнялось лишь 43,0% всех переселяющихся семей, а в 1898 году оно превысило число последних в 1½ раза и в 1907 году в 2 раза. Вместе с тем, однако, сильно уменьшилось число самовольных ходоков, составлявших в 1895 и 1896 гг. около 83% всех ходоков, а за 7 лет (1897–1903 гг.) всего 30,0%, что свидетельствует о хороших успехах, достигнутых упомянутыми законами. В подтверждение этого можно отметить, что наибольший процент самовольных ходоков в конце 90-х годов дали именно те губернии, где ходакство

ещё не получило надлежащего развития, главным образом Приуральская. В период войны, т.е. в 1904 и 1905 гг., когда переселенческое движение было приостановлено, почти все ходоки были самовольными (87,7 и 99,1%). В 1905 году, благодаря заботам правительства об организации ходаческого движения, их число сразу упало до 8,0%, а в 1907 году самовольные ходоки составляли не более 2,5% всех ходоков данного года.

Деятельность ходоков по присыпанию для будущих переселенцев земельных участков выразилась за десятилетие — 1894—1903 гг. в следующих данных. В среднем за первое пятилетие указанного периода времени число ходоков, избравших места для своих клиентов, выразилось в 33,7 и во втором в 29,8% или в среднем за всё десятилетие в 31,0%. В 1907 году соответствующим числом является 26%. Эти неблагоприятные на вид результаты свидетельствуют, однако, об осторожности ходоков при исполнении возложенной на них задачи. В начале десятилетия, именно в 1894 и 1895 гг., число ходоков, вернувшихся с успешным окончанием дела, было более высокое: 65,7 и 47,2%, между тем как в остальные годы колебалось, в сравнительно более узких рамках: 26,1 и 37,7%. Понижение видимой производительности поездок ходоков со времени 1894 года объясняется льготами по передвижению, полученными последними в означенном году и в 1896 году, что имело своим последствием возрастание общего их числа при известном сокращении даваемых им со стороны крестьян полномочий. Что касается до колебаний в указанном явлении в последние годы, то относительное уменьшение числа ходоков, зачисливших за собою участки, замечаемое в иные годы, имеет своим объяснением разные обстоятельства: с одной стороны, уменьшающие посыпку на места ходоков (например, неурожай в Сибири в 1900 и 1901 гг.) и с другой — увеличивающие относительное число ходоков, движущихся обратно, как это бывает в годы, когда переселенческое движение было временно приостановлено и в непосредственно следующий за ними год.

Польза от узаконения и развития института ходоков не исчерпывается более верным обеспечением известной части крестьян пригодными для поселения землями. Даже те крестьяне, посланные которыми, несмотря на немалые затраты с их стороны, не сумели успешно выполнить свою задачу, а они, как было показано, составляют $\frac{1}{3}$ семей, посыдавших

ходоков, получают от этого немалую пользу. Ходоки как очевидцы выясняют им истинное положение дел и останавливают их тем самым от увлечений и от необдуманных шагов по распоряжению имущества и по переселению в Сибирь без надлежащей подготовки, т. е. от попыток, которые так часто кончались для них разорением.

Сходным по своей идее способом ознакомления крестьян с местными условиями заселенных стран является осмотр амелья крестьянами, прибывающими в Сибирь на заработки, число которых за 9-летие (1869–1907 гг.) достигло до 64068 д., или в среднем по 7118 д. в год (в 1895 г. — 30103 чел., в 1905 г. — 904 чел. и в 1907 г. — 780 чел.). Отправляясь на заработки без предзиатой идеи, они, посещая разные части страны за 4-летие (1900–1903 гг.), главным образом Иркутскую губернию (37,9%), но также Томскую губернию (19,0%) и Забайкальскую область (13,1%) и в меньшей степени другие части Сибири, иногда путем высмотрывают для себя места будущей седлости. И они по возвращении распространяют в родных губерниях более зрелые взгляды на Зауральские страны.

Есть и другая категория крестьян, которая, пребравшись в Сибирь с целью найти себе новую родину, по своему вдохновению на избранный участок в силу необходимости принуждена проводить известное время на заработках в целях пополнения своих истощившихся средств. В общем числе переселенцев эта категория крестьян составляет 24,8% (в подтайском районе — 11,3 и в степном — 48,3%).

6. Губернии выхода переселенцев. Как показывают статистические данные, число переселенцев, выходящих из разных губерний, подвержено с течением времени значительным колебаниям в обе стороны, причем переселенческое движение из одних губерний возрастает, из других ослабевает, но один вывод несомненно справедлив, именно, что с каждым годом участие в переселенческом движении начинает принимать все большее и большее число губерний. Таким образом, в пятилетии (1885–1889 гг.) 85% всего числа переселенцев дали 7 губерний, в следующем пятилетии (1890–1894 гг.) приблизительно то же процентное отношение дали 10 губерний, в третьем пятилетии (1895–1899 гг.) — 18 губерний и в четвертом (1900–1904 гг.) — 19 губерний. Если же принять во внимание и те

губерния, которые отпускали незначительное число переселенцев, то вышеуказанное явление станет ещё более рельефным: против 17 губерний 1893 г. в 1907 году на арену переселенческого движения выступили уже 47 губерний, охватывающих большую часть территории Европейской России. Из 50 губерний коренной России в настоящее время не участвуют в переселенческом движении лишь губернии промышленного центра, хорошо обеспеченные индустриальными заработками.

Если расположить в убывающем порядке, то по среднему за 20 лет (1885—1904 гг.) числу переселенцев, губерния, из которых они высыпались, то получается следующая картина. В общей сложности несколько выше $\frac{1}{3}$ (53%) всего числа переселенцев дали губернии: Полтавская, Курская, Черниговская, Тамбовская, Воронежская, Орловская и Харьковская; выше $\frac{1}{4}$ (28%) — Самарская, Могилевская, Вятская, Витебская, Пензенская, Пермская, Саратовская, Рязанская и Екатеринославская и, наконец, на долю оставшихся 34 губерний приходится до $\frac{1}{5}$ части (19%) всех переселенцев. Таким образом, в общей сложности перечисленные выше 16 губерний дали $\frac{4}{5}$ всех переселенцев, появившихся в течение рассматриваемых двадцати лет Европейской России.

Вместе с расширением переселенческого движения в пространстве меняется, как указано, и абсолютное значение отдельных участвующих в нем губерний и районов. При сопоставлении общего числа переселившихся из отдельных районов в пятилетие 1899—1903 гг. с таковым за предшествующее пятилетие (1894—1898 гг.) получается следующий восходящий ряд процентных отношений*:

1. Северный чернозёмный район (Курская, Тамбовская, Пензенская, Орловская, Черниговская, Тульская, Рязанская губерния)	56,1%
2. Средний чернозёмный район (Полтавская, Харьковская, Воронежская губернии)	84,0%
3. Восточные и юго-восточные губернии (Самарская и Саратовская губернии)	125,9%
4. Северо-восточный Заволжский район (Вятская и Пермская губернии)	135,7%

* Переселение в Сибирь. Изд. Перес. упр. Вып. XVIII. С. 14 и сл.

5. Западный (Белорусский) район (Могилёвская, Минская, Витебская, Вильенская, Коенисская и Гродненская губернии)	222,0%
6. Южный степной (Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская, Херсонская, Обл. Войска Донского и Астраханской губерний)	258,5%
7. Юго-западный черноземный район (Киевская, Полтавская и Волынская губернии)	288,5%

Из этой таблицы усматривается, что выселение из районов севера и среднеречиенойбных, ещё недавно отпускавших главную массу переселенцев, сокращается, а из всех остальных районов абсолютно возрастает, причём особенно сильное увеличение выселения наблюдается из районов юго-западного (288,5%); южного степного (258,5%) и западного (222,0%); и менее значительное — из северо-восточного Заволжского (135,7%) и из восточных и юго-восточных губерний (125,9%).

Рассматривая тот же вопрос по отдельным губерниям, выясняется, что из следующих губерний выселение в пятилетие 1899—1903 гг. сравнительно с предыдущим пятилетием наиболее сильно *слабело*: из Тульской, Пензенской, Орловской и Черниговской, показавшая от 30,3 до 48,7% прежнего числа, и из Рязанской, число переселенцев из которой в течение второго пятилетия составляет лишь немногого более половины (52,5%) числа предыдущего пятилетия.

Наибольшее *возрастание* числа переселенцев во второе пятилетие наблюдается из следующих, расположенных в исходящем порядке, губерний: из Подольской (почти в 10 раз), Таврической (в 8 раз), Екатеринославской (почти в 4 раза), Могилёвской (более чем в три раза), затем из Минской, Киевской и Пермской (в два раза и свыше) и т. д.

И в 1907 г. переселенцы по губерниям выхода распределены приблизительно так же, как и в предыдущие годы, хотя ввиду общего усиления переселенческого движения возросло и участие в нём более затронутых этим движением губерний. В указанном году главную массу переселенцев (68% общего их числа) дали губернии: Черниговская, Могилёвская, Киевская, Полтавская, Воронежская, Витебская, Харьковская, Минская, Тамбовская, Орловская и Кур-

ская. Каждая из этих губерний отпустила свыше 13 тысяч душ, именно: от 44 до 13 тысяч в исходящем порядке. Вторую группу образуют следующие 13 губерний, давшие от 9 до 5 тысяч переселенцев каждая, или в общей сложности до 22% всего числа переселенцев. Эти губернии располагаются в исходящем порядке таким образом: Волынская, Екатеринославская, Самарская, Бессарабская, Обл. Войска Донского, Рязанская, Вилейская, Пинская, Смоленская, Калужская, Тверская, Подольская и Вятская.

Все остальные губернии дали в общей сложности лишь 10% переселенцев. В истекшем 1907 году особенно заметно участие в переселенческом движении западных лесных губерний, прежде вовсе не отпускавших переселенцев. Как видно из приведённых данных, Могилёвская губерния занимает в настоящее время по числу переселенцев второе место среди всех губерний, Витебская — шестое и Минская — седьмое. Заметно возросло также переселение и из юго-западных губерний.

Размеры *обратного движения* переселенцев, не успевших устроиться в новых местах, могут служить лучшим показателем успешности колонизационного дела и целесообразности его постановки. В среднем за год десятилетия 1894—1903 гг. из Сибири возвращалось 16,4% отправившихся туда лиц, причём для первого пятилетия соответствующим числом будет 13,8% и для второго — 18,8% при колебаниях в первом случае от 8,6 до 28,7% и во втором — от 9,8 до 33,0%. Видимое усиление этого нежелательного явления во втором пятилетии, в сущности, какующееся, и объясняется следующими соображениями. Во-первых, тем, что из наиболее несчастливых для переселения в Сибирь годов: 1897, 1900, 1901 и 1902 — на первое полугодие падает лишь один 1897 год, когда обнаружились результаты переселенческого движения 1896 года, ненормально возросшего под влиянием преувеличных слухов и ожиданий о новых льготах, между тем как из пяти лет второго периода вызванное неурожаиками в Сибири усиленное обратное движение переселенцев охватило всё последнее трехлетие.

Исследование вопроса о распределении обратных переселенцев по губерниям их происхождения привело к тому заключению, что наибольший процент обратных переселенцев

приходится на долю губерний, или отпускающих мало переселенцев, или лишь в недавнее время начавших принимать деятельное участие в переселенческом движении, одним словом, из районов, жители которых виду новизны этого явления оказываются сравнительно мало осведомленными относительно условий жизни в Сибири. Так как, однако, переселенческое движение с каждым годом охватывает всё больший район Европейской России и размер его в губерниях, недавно начавших отпускать переселенцев, быстро растёт, то естественно, что в滋вание вследствие этого обстоятельства усиление обратного движения крестьян тоже имеет склонность к возрастанию, несмотря даже на заметное уменьшение относительного числа обратных переселенцев, происходящих из губерний, давних наибольшее число переселенцев и сравнительно давно находившихся в непосредственных сношениях с Сибирью*.

В 1907 году обратно вернулось 13956 д., что составляет всего 3,6% общего числа переселенцев данного года. Если же из этого числа возвращавшихся исключить 4892 чел., которые проследовали в Сибирь без предварительного зачисления за собой земли, как это требуется, то относительное число обратных переселенцев уменьшится в 1907 году до 2,3% общего числа переселенцев данного года. Эти данные показывают, что по наступлении в переселенческом движении в последние два года нормальных условий (после неурожайных лет 1900—1902 гг. и войны 1904—1905 гг.) при сравнительно лучшей организации этого дела в настоящее время и процент обратных переселенцев быстро понизился до ничтожной цифры.

По мере выхода обратных переселенцев отдельные губернии и области Сибири за период времени 1894—1906 гг. располагаются в следующем исходящем порядке: из Туруханской области вернулось 20,5%, из Томской — 18,4%, из Иркутской губ. — 15,1%, Акмолинской обл. — 14,6%, Тобольской губ. — 13,3; из Амурской обл. — 10,3; Приморской обл. — 10,2; Енисейской губ. — 10,1 и Семипалатинской обл. — 4,2% всех направившихся в эти губернии и области переселенцев.

* Процентное отношение обратных из числа переселившихся раньше данного года ко всему числу обратных, зарегистрированных в этом году, составляет в среднем за пятилетие — 1895—1899 гг. — 36,2%.

Что касается до самих причин, вызывающих обратное движение переселенцев, то наиболее важными из них из данных регистраций переселенцев в Челябинске являются: во-первых, неподходящие для ведения хозяйства естественные условия местностей, куда попадают переселены, предварительно недостаточно ознакомившись с условиями жизни в разных полосах Сибири. Этому причину выставили 27,1%, т.е. выше^{1/}, всех обратных переселенцев пятилетия 1895—99 гг. В частности, наибольшее число обратных переселенцев дали губернии, где свободные земли имеются лишь в лесистых местностях, между чём требуют больших усилий и затрат при расчистке под пашню (Енисейская — 40,2%, Иркутская — 37,7%, Тобольская, главным образом её лесная полоса — Туринский и Тарский округа — 37,3%), а также Семипалатинская область с её песчаной почвой.

Второй главной причиной, от которой зависело возвращение на родину $\frac{1}{3}$ части переселенцев, является недостаток средств в пути и на обзаведение при отсутствии подходящих заработков 31,9%, или до $\frac{1}{3}$ из обратных переселенцев, показавших эту причину, возвратились обратно еще с путем. Из остальных лиц этой категории наибольшее число вернулось из отдаленной Амурской области, из Туруханской области и Алтайского округа Томской губернии. Относительно двух последних местностей следует заметить, что, так как они до последнего времени были закрыты для переселения, в них направлялись почти лица самовольные переселенцы, не имеющие права рассчитывать на материальную помощь со стороны правительства и вследствие вышеуказанный причины и на легкое получение долевых участков.

Из других причин обратного движения переселенцев следует упомянуть о неудобствах, сопряжённых с неизменением надлежащего разрешения (14,4%). Свыше $\frac{1}{4}$ (36,5%) и этой части обратных переселенцев возвращаются назад еще с путем.

Остальные причины, давшие в общей сложности 38,3% обратных переселенцев, имеют более или менее случайный характер.

8. *Места¹³, куда направлялись переселенцы за период времени в 22 года со времени начала их регистрации в 1885 году, усматриваются из следующей таблицы:*

Губерния, из которых направлялись переселенцы	1885—1893 гг.*			1894—1898 гг.**			1899—1903 гг.***			1904—1906 гг.***			ЗА 22 ГОДА: 1885—1906 гг.		
	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	в абсолютном числе (в千人)	в %	
1. Тобольская губерния	26000	8.0	97767	19.7	36792	6.7	12240	6.9	177299	11.1	175299	11.3	176936	47.5	
2. Томская губерния	24450	75.0	214229	43.3	241140	43.6	37067	20.9	736936	35.7	154687	1.0	553750	35.7	
В т.ч. кабинет земли	227408	8.1	130262	28.1	164633	29.8	22447	12.7	900735	59.6	900735	59.6			
Итого:	276500	83.0	311995	63.0	277932	50.3	49307	27.8							
3. Енисейская губерния	25000	7.7	49027	9.9	89332	16.2	11940	6.7	175299	11.3	175299	11.3	175299	11.3	
4. Иркутская губерния	500	0.2	1041	0.2	12666	2.2	1980	1.1	154687	1.0	154687	1.0	154687	1.0	
5. Забайкальская область	—	—	—	—	482	0.1	—	—	482	0.3	482	0.3	482	0.3	
6. Амурская область	—	—	8720	1.8	19727	3.5	2660	1.5	—	—	—	—	—	—	
7. Приморская обл. (с Уссурийским краем)	16000	4.9	14479	2.9	44201	8.0	8060	4.6	113847	7.1	113847	7.1	113847	7.1	
Итого:	41600	12.8	73267	14.8	186608	30.1	24640	13.9	306115	19.7	306115	19.7	306115	19.7	
8. Амурская область	4000	1.2	98623	19.9	68272	12.2	59430	33.5	293015	14.8	293015	14.8	293015	14.8	
9. Гимало-Читинская обл.	11000	3.4	4579	1.0	7417	1.4	3380	1.9	26376	1.7	26376	1.7	26376	1.7	
10. Тургайская область	—	—	2073	0.4	2888	5.1	40600	22.9	70965	4.6	70965	4.6	70965	4.6	
Итого:	15000	4.6	106975	21.3	104081	18.8	103300	58.3	327656	21.1	327656	21.1	327656	21.1	
11. Остальные местности Сибири	—	—	4857	0.9	4450	0.8	—	—	9137	0.6	9137	0.6	9137	0.6	
ВСЕГО:	327100	100.0	495225	100.0	553071	100.0	177247	100.0	1552643	100.0	1552643	100.0	1552643	100.0	

* Колонизация Сибири. С. 196 (итог исправлен) и 336.

** Переселение в Сибирь. Таблицы С. 22. Данные этого источника значительно выше приведенных данных «Колонизации Сибири». В Приморской области за 1894—1901 гг. данные о переселенцах, прибывающих морским путем, по «Колонизации Сибири» и по обзорам областей (за остальные годы — сведения не имеются).

*** Данные получены непосредственно от Переселенческого управления.

Таким образом, почти вся масса переселенцев, которая с 1885 года до начала 90-х годов истекшего столетия устроилась в Сибирь, направилась в западную её часть, которая в первый период (1885—1893 гг.) принесла $\frac{1}{4}$ (83,0%) всех переваливших за Урал крестьян. В следующее пятилетие (1894—1899 гг.) поток переселенцев в западносибирские губернии начал ослабевать, и из числа покинувших Европейскую Россию крестьян лишь до $\frac{1}{4}$ (63,0%) имели целью Тобольскую и Томскую губернии. В пятилетие 1899—1903 гг. число переселенцев, направляющихся в Западную Сибирь, продолжает падать, так что лишь около половины всего их числа устремилось туда, а в последующие три года их число едва превышало $\frac{1}{4}$ часть всех переселенцев.

В Восточную Сибирь вплоть до 1899 года искались средним числом не выше $\frac{1}{4}$ части всех переселенцев, но в последующее пятилетие (1899—1903 гг.) поток переселенцев туда более чем удвоился, уменьшившись опять в следующие три года до $\frac{1}{4}$ части. Наконец, три степные области, в первый период 1885—1893 гг. сравнительно мало привлекавшие крестьян, шедших на новые места (менее $\frac{1}{4}$), позже стали целью для пятой части всех переселенцев, норма, которая при ничтожном падении удержалась в пятилетие 1899—1903 гг. Наконец, в трёхлетие 1904—1906 гг. степные области явились уже главным центром, куда направлялись переселенцы, почти $\frac{1}{4}$ (58,3%) всего их числа.

Рассматривая тот же вопрос более детально, по губерниям, можно сразу обнаружить, что наибольшее число переселенцев во все четыре периода привлекала Томская губерния, на долю которой в первый период пришлось $\frac{1}{4}$, общего их числа. Позже поток переселенцев туда не уменьшился, как видно из абсолютных данных, но относительное их число понизилось, поддержавшись в течение последующего десятилетия на 44% и опустившись в последнее трёхлетие до $\frac{1}{4}$ (в 1907 — 38,0%).

Тобольская губерния в первый период привлекала всего 8% переселенцев, а затем число направлявшихся туда сильно возросло, достигнув в пятилетие 1894—1898 гг. $\frac{1}{4}$ общего числа переселенцев. В последующее пятилетие (1899—1903 гг.) число направлявшихся в неё переселенцев опять уменьшилось, дойдя до $\frac{1}{4}$ части их числа, обнару-

женного в предыдущем периоде, и на этой высоте оно продолжалось в трёхлетие 1904—1906 гг.

Енисейская губерния показывает постепенный рост переселенцев: в первый период — 7,7%, во второй — 9,9% и в третий — 16,2%. В следующий период наблюдается опять ослабление движения в эту губернию, и, наконец, в 1907 году оно не превышало 10,0%.

Иркутская губерния и Забайкальская область не играли и не играют теперь роли центров для зодворения переселенцев. Первая в течение первых двух периодов была представлена ничтожным числом в 0,2%, и лишь в пятилетие 1899—1903 гг., в ней направилось 2,3% всех переселенцев, а в последнее трёхлетие всего 1,1%.

Амурская и Приморская области (включая Уссурийский край) привлекали в первые 13 лет до $\frac{1}{2}$ всех переселенцев, в следующее пятилетие (1899—1903 гг.) поток переселенцев туда увеличился более чем вдвое — 11,5%, причём $\frac{1}{2}$ из них приходилось на долю Приморской области и $\frac{1}{3}$ на долю Амурской. В трёхлетие 1903—1906 гг. переселение в эти области составляло не более 6,1% общего их числа (без прибывших морским путём). Наконец, в 1907 году на долю одной Приморской приходится уже $\frac{1}{3}$ части всех переселенцев, причём в данном году она занимает уже второе по числу направившихся туда крестьян место, несмотря на то, что прибывшие туда морем не включены в это число.

Из степных областей первое место в колонизационном отношении занимает Акмолинская. В первый период она, правда, не играла никакой роли в этом отношении, служа целью лишь для одного процента всех переселенцев, но в пятилетие 1894—1898 гг. в ней направилась целая $\frac{1}{4}$ всех лиц, переведенных за Урал. Позже абсолютное и относительное число направившихся туда или несколько уменьшилось, но все же она в пятилетие 1899—1903 гг. удержала за собой третье по числу переселенцев место. Затем рост переселенцев туда сразу повысился, достигнув в трёхлетие 1904—1906 гг. целой трети всех переселенцев, что отчасти было вызвано тем обстоятельством, что по случаю войны переселение в Сибирь не только было приостановлено, но и практически встречало затруднения. В 1907 году Акмолинская область опять занимает второе место в этом отношении — 20%.

Значительно меньшее значение в указанном отношении имеет Семипалатинская область, которая в первые 9 лет после начала регистрации (1885 г.) служила целью для 3,4% всех переселенцев, но с середины 90-х годов это число уменьшилось до 1,0% и удерживалось в пятилетие 1899—1903 гг. почти на той же величине (1,4%) и позже повысившись до 1,9%.

Наконец, Тургайская область вступила в число колонизуемых районов лишь с середины 90-х годов, причём в пятилетие 1894—1898 гг. относительное число переселенцев, направлявшихся в неё, было совсем ничтожно (0,4%), но последующее пятилетие она служила целью уже для $\frac{1}{2}$, а позже, в трёхлетия 1903—1906 гг., для 22,9% (в 1904 г. даже $\frac{3}{4}$) общего их числа.

В итоге за 22-летие — 1885—1906 гг. — в Западную Сибирь направилось до $\frac{2}{3}$ (58,6%) всего числа переселенцев, а оставшаяся часть почти поровну распределилась между В. Сибирью (19,7%) и степными областями (21,1%). Из отдельных губерний на первом месте стоит Томская, привлекшая за это время почти половину (47,5%) всех переселенцев. Львиная доля из этих переселенцев приходится на долю Алтайского округа Кабинета Е. И. В., в котором водворилось свыше $\frac{1}{4}$ (35,7%) всех крестьян, выселившихся за это время в Сибирь (за первые 9 лет даже 70%). На далёком расстоянии от Томской губернии идут Акмолинская область (14,8%) и губернии: Енисейская и Тобольская, в которые направлялось приблизительно по 11% переселенцев в каждую. В общей сложности эти четыре губернии и области были в течение 22-летнего периода целью почти для 95,8% всех крестьян, перешедших за Урал и морем добравшихся до восточных окраин страны. На все остальные части Сибири приходится всего $\frac{1}{2}$, причём некоторого внимания как колонизационные районы заслуживают ещё Тургайская область (4,6%) и Примурский край, т.е. области Амурской и Приморской (7,3%).

Главная причина, которая в настоящее время заставляет массы крестьян выбирать для поселения известные районы и в разные периоды времени оказывать явное предпочтение тем или другим из губерний и областей, заключается в наличии в них в данное время удобных для поселения мест. В прежние десятилетия, когда было больше свободных земель, главней-

шую роль при выборе мест поселения играли и физические, и естественноисторические условия местности, но в настоящее время эта причина всё более и более отступает на второй план. В этом отношении Томская губерния, изобилующая удобными землями, во всё время новейшего колонизационного движения занимает первое место. В пределах этой губернии особенный земельный простор наблюдается в Алтайском округе, отличающемся к тому же очень хорошими почвенными и климатическими условиями. Как было показано выше, он раньше других частей Сибири был открыт для свободной колонизации и ввиду этого стал рано заселяться, причём выгоды от вододренирования и нём были настолько велики, что усиленное переселение в него не прекращалось и в последнее время, когда он был официально закрыт для колонизации. Из отдельных округов кабинетских земель, раньше других, стал привлекать переселенцев Бийский округ, во вторую половину 90-х годов притягивавший, однако, всего 15%, так как по сравнительным источникам земель в равнинной и предгорной его частях большинство переселенцев устремилось в степной Барнаульский округ, за пять лет — 1888–1893 гг. — привнёсший сколько $\frac{1}{2}$, а в следующее пятилетие — $\frac{1}{4}$, всех переселенцев Алтайского округа. Напротив, лесистый и гористый Кузнецкий округ и по сей час лежит вне путей переселенческого движения.

Тобольская губерния, где наиболее удобные для сельского хозяйства земли в степной и лесостепной её полосах уже хорошо заселены, привлекала сравнительно меньше переселенцев: в Ялуторовском округе запас пригодных для заселения свободных земель истощился уже в 60-х годах, в Курганском округе — приблизительно в 80-х годах; в таком положении, казалось, находился до начала 90-х годов Ишимский округ, позже, по истощении легко распахиваемых земель в других местах, опять начавший привлекать крестьян из Европейской России. Напротив, в Тюкалинском и Тарском округах, наиболее многоземельных из южных округов губернии, переселение началось сравнительно недавно, в 80-х годах, и в общем усиливается.

В Енисейскую губернию переселение в начале 90-х годов почти прекратилось, но когда в 1893 году предварительные работы по образованию переселенческих участков обнаружили в ней значительное количество свободных зе-

мель, переселение с 1895 года вновь стало направляться в эту губернию и почти не ослабевает.

Что касается до Иркутской губернии и Забайкальской области, то они заключают в себе скрепительно меньше пригодных для земледелия, без особой затраты сил, свободных земель и находится к тому же дальше от Урала, виду чего переселение их почти не коснулось. К тому же недоконченное полzemельное устройство сельского населения Забайкальской области при многочисленных земельных спорах и тяжбах не позволяло пока включить её в число районов, в которых было бы желательно направить колонизацию. Тяжёлые же местности в этих губерниях очень обширны и при истощении более удобных для сельского хозяйства мест в других частях Сибири они в значительной степени могут быть утилизированы как переселенческие районы.

Из степных областей в Семипалатинской области свободных земель, годных для водоразличия земледельцев, оказывается меньше, чем в других областях, и их запас, в большей степени иссящ. Поэтому эта область не играла за рассматриваемый период времени большой роли в качестве колонизационного района. Напротив, в Ахмолинскую и Тургайскую области направляется и направляется очень много переселенцев, несмотря на то, что эти области в последние времена были официально закрыты для переселения. В особенности сильно стала приближать в последние годы переселенцев Тургайская область, изобилиующая удобными землями.

Некоторое прояснение для должного разъяснения переселенческого влияния в эти области имели неурожай хлебов в 1900 и 1901 гг., в степном районе. В Семипалатинской и Ахмолинской областях влияние неурожая сказалось в сильном последовательном падении числа переселенцев после 1900 года; в первую область направлялось: в 1899 г. — 3647 д., в 1900 г. — 2263 д., в 1901 г. — 765 д., в 1902 г. — 316 д., в 1903 г. — 426 д., в 1904 г. — 254 д.; и во второй: в 1899 г. — 23247 д., в 1900 г. — 23975 д., в 1901 г. — только 7716 и затем в последующие годы 6928 д., 6306 д. и 4139 д. На Тургайской области влияние неурожая называемых лет отразилось в том отношении, что начавшее возрастать число переселенцев остановилось в течение трёхлетия 1899—1901 гг. на одной и той же высоте — около 3900 д. и лишь с

1902 года стало быстро расти: в 1902 г. — 7746 д., в 1903 г. — 8957 д., в 1904 г. — 16699 д.

До сих пор была речь о числе *направлявшихся* в отдельные губернии и области Сибири переселенцев, но *заселились* из них в предполагаемых местах далеко не все, как это видно из данных, касательно обратного потока переселенцев из отдельных частей Сибири. Число крестьян, действитель но осевших в Сибири, с распределением их по годам и местам заселения приведено в II таблице в конце статьи. Здесь же сообщим, что в итоге за 15 последних лет (1893—1907 гг.) в Сибири прочно осело 754660 д. м. п., что приблизительно соответствует 1509320 д. об. п. Из них 301490 м. д., или около $\frac{2}{3}$, основались в Томской губернии (в т. ч. почти $\frac{1}{2}$ в Алтайском округе), 135420 м. д., или 18%, — в Ахмолинской области, 89520 м. д., или 12%, — в Енисейской губернии, 79460 м. д., или 11%, — в Тобольской, 67590 м. д., или 9%, — в Приморской области, 35510 м. д., или 5%, — в Тургайской области, 23120 м. д., или 3%, — в Амурской, 11700 м. д., или 1,5%, — в Иркутской губернии и 10850 м. д., или 1,4%, — в Семипалатинской области.

Из отдельных годов рассматриваемого периода наибольшее число переселенцев основалось в 1907 г. — 199000 м. д., затем в 1896 г. — 86050 м. д., 1899 г. — 77020 м. д., 1898 г. — 67190 м. д. и 1906 г. — 66350 м. д. и наименьшее в 1893 г. — 5130 м. д. и в 1894 г. — 4680 м. д. и за последнее время — в годы войны с Японией: в 1904 г. — 12120 м. д. и в 1905 г. — 12290 м. д.

Что касается до размещения переселенцев в разных поселках страны, независимо от её административного деления, то анализ данных по обследованию 233 посёлков в Западной Сибири показывает, что в 1896 году, в период, когда исходными местами переселения были губернии северного и среднего чернозёмного районов, преобладающая часть новоселов во всех полосах, естественно, происходила из указанных районов; позже же, в 1903 году, когда переселенческое движениехватило большую часть территории Европейской России, переселенцы из отдельных местностей этой последней, как правило, стали избирать себе местом для поселения окружу, по своим естественноисторическим условиям более или менее подходившим к таковым их родины.

Таким образом, по данным, относящимся к 1903 году, 78,4%, т.е. почти $\frac{4}{5}$ всех переселенцев, водворившихся в степном районе, происходили из южных равнинных и степных губерний: Полтавской, Таврической, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, из О. Войска Донского и из восточной — Самарской.

В лесостепном районе преобладали (78,1%) выходцы из черноземных губерний: Екатеринославской, Черниговской, Полтавской, Киевской, Орловской и Курской, но также из богатых лесами губерний севера-запада: Витебской, Билейской, Могилёвской и Минской.

Население посёлков в лесистом и подлесажном районах на $\frac{1}{3}$ (78,3%) состояло в указанном году из представителей черноземных и лесных губерний севера-запада, именно: из Черниговской, Орловской и Киевской, с одной стороны, и Витебской, Могилёвской, Минской и Гродненской, с другой, наконец, подавляющую массу переселенцев, осевшихся в таёжном районе, составляют выходцы из губерний, изобилующих лесами и болотами. Почти $\frac{1}{3}$ (78,7%) общего числа новосёлов названного района происходят из губерний: Могилёвской, Витебской, Минской, Гродненской, Либавской и из одной из семи черноземных губерний — Черниговской.

9. Поземельно-строительные работы. Обеспечение переселенцев удобной землёй уже с давних пор озабочивало русское правительство, которое с начала XVIII столетия не переставало принимать меры для приведения в известность пригодных для заселения земельных угодий в более южной полосе Сибири, где по климатическим условиям возможно земледелие. Учрежденные в начале XVIII столетия Тобольский и Иркутской корпусы геодезистов работали в течение целых десятилетий над межеванием земель средней полосы Сибири, но результаты их работ были крайне неудовлетворительны как вследствие низкого уровня образования межевых чинов и их недостаточного числа, так и вследствие отсутствия за ними должного контроля. С учреждением в Сибири губерний межевые работы были возложены на губернских и уездных землемеров, которые и приступили к своим работам в конце XVIII столетия, но и их чертежи и

ведомости оказались по проверке «несоответствующими той цели, которая начально была предположена».

В 30-х годах истекшего столетия правительство приступило к выработке систематических правил для заселения Сибири, причём вновь был выдвинут вопрос об исследовании количества и качества земель, отводимых переселенцам.

До середины 80-х годов заботы правительства по заселению Сибири были обращены исключительно на её три более западные губернии, но малым в 70-80-х годах в северной части Акмолинской губернии, главным образом в Кокчетавский у. самовольных переселенцев, оседавших, несмотря на все запрещения и строгие меры, на арендованных киргизских землях, вынудил правительство привести в известность наличность свободных и годных для поселения земель в вазанской области и нарезать для переселенцев, временно в ней основавшихся и только что в ней прибывших, но ещё не устроившихся, переселенческие участки, общая площадь которых в самом начале 90-х годов простиралась до 250000 с лишним десятин, достаточных для водворения на них 10940 душ м. п.

Но число прибывающих в степные области переселенцев далеко превышало число заготовленных для них участков, виду чего огромное их большинство по прежнему садилось на арендованные у киргизов земли. Но так как, согласно 126 ст. Степного положения, арендные сделки в районе кочевников были стеснены и не пользовались покровительством закона, между киргизами и крестьянами возникали весьма нежелательные отношения, угрожавшие распадением единства возникших поселков. Это заставило комитет Сибирской ж. д. издать в 1897 г. положение, предоставившее м. ру земледелия право образовать в Тургайской обл. переселенческие участки с причислением заселящиков к местам их нового водворения.

Вообщем все данные о переселениях в Сибирь и в степные области в течение первых 30 лет после крестьянской реформы свидетельствуют об отсутствии общего плана в постановке переселенческого дела; вновь прибывшие из Европейской России крестьяне часто не встречали необходимой помощи на местах при выборе подходящих участков

и скоплялись в местностях более известных, где свободные земли были уже разобраны, что вызывало необходимость временно приостанавливать переселение в Сибирь, т.е. прибегать к мере, почти не приводившей к желаемому результату. Лишь в 1892 году в этом отношении получился переворот к лучшему. Комитет Сибирской ж. д. на своем первом заседании решил поставить заселение района проектированной железной дороги в наиболее целесообразные условия и первым делом ассигновал из фонда вспомогательных предприятий необходимые суммы для приведения в известность количества свободных и годных для заселения земель казны и Кабинета Его И. Величества и для более широкого разлияния работ по отводу переселенцев земель. При этом было признано желательным точнее разграничить функции обоих заинтересованных в переселенческом вопросе ведомств — М-ва земледелия и гос. имущества, на обязанности которого лежала заготовка участков, и М-ва внутренних дел, которое вело подпорением и устройством переселенцев на отведенных им местах. В этом духе составлены и утверждены в 1893 году законоположения, касающиеся переселенческого вопроса^{*}.

Временные правила касательно отвода земель для переселенцев, составляющего функцию М-ва з. и г. и., между прочим, старались разрешить, или вернее хотят бы на время уладить, два жгучих вопроса, возникших и обострившихся вместе с усилившим переселенческого движения в Сибирь. Первый из этих вопросов — разграничить земли старожилов от казенных земель в местностях, где межевые работы не закончены. Заселяя свободные пространства, казна постоянно имела столкновения со старожилами, представлявшими претензии на многие из этих земель и препятствовавшими переселенцам селиться на них. Ввиду невозможности отсрочить неотложное дело устройства переселенцев вплоть до окончания поземельного устройства старожилов, было признано необходимым отрезать пока лишь такие части земель сибирских крестьян, которые, превышая 15-десятинную норму, не являлись в то же время безусловно не-

* «Врем. правила для образов. пересел. и занес. участк. в районе Сиб. ж. д.» и «Врем. постановл. о расшир. предметов ведомства учрежд. по крест. дел в Тоб. и Томск. губ.».

обходимыми для них. Таким образом, под переселенческие участки было решено не отводить усадебные места, пашни, огороженные посокотивы, заказные рощи и душевые покосы. Подобным же образом, чтобы избежать столкновения переселенцев с земщиками, было призвано полезным избегать включение землок в нарезаемые участки, предоставляя земщикам пользоваться своими угодьями, если последние не слишком разбросаны, и при условии отказа их от своих наделов в деревнях.

Другой вопрос, на который обратило своё внимание правительство при составлении вышеупомянутых временных правил, это вопрос об охране интересов лесного хозяйства в стране, которые рисковали пострадать от усиленного заселения культурной полосой Сибири. В местностях, богатых лесами, было призвано необходимым не включать в переселенческие участки площиади с наиболее ценными насаждениями, образуя из них казенные лесные дачи. Там же, где леса сильно поредели и где являлась опасность относительно сплавления населения, железных дорог и пароходов строительными материалами и топливом в недалёком будущем, там, как и во всей 2-5 вёрстной полосе по ж. д., решено было вовсе не отводить для переселенцев земель, поросших лесом.

Но и за указанными выше изъятиями не все свободные казённые земли предполагалось непосредственно передать в пользование переселенцев. В каждом районе, где производятся отводы земель под переселение, было определено выделить известную часть участков — не свыше 10-25% общей их площиади — в запасной фонд для удовлетворения будущих нужд государства в земле (например, для землеустройства старожилов, для промысленных предприятий и т.д.), хотя в отдельных случаях предусматривалась возможность обращения этих запасных земель в переселенческие участки. Правила 1893 года не ограничились установлением руководящих принципов деятельности межевых партий, но определили и формальный порядок самого производства работ. Эти последние были разграничены на две последовательные фазы: на первую — приведение земель в известность, каковая работа, носящая технический характер, была возложена на межевых техников-топографов, и на вторую — образование переселенческих участков, кото-

рое составляло функцию поземельно-строительных партий, на заведующих которыми производителей работ были возложены обязанности руководить в данном случае действиями межевых техников.

Работы поземельно-строительных партий в течение трёхлетия 1893—1895 гг. были сосредоточены в ближайших губерниях Сибири: Тобольской, Томской и Енисейской, причём так как в это время ещё имелось в наличии значительное количество земель, обращение которых в культурную площадь не встречало никаких затруднений, то именно из числа этих земель нарезались переселенческие участки.

Всего в течение указанного трёхлетия в трёх, более западных, губерниях Сибири и в прилегающих частях степных областей был заготовлен 731 участок на 164900 д. м. п., при среднем наделе приблизительно в 15 десятин удобной земли на мужскую душу:

<i>Название губерний и областей</i>	<i>Число участков</i>	<i>На сколько числа душ</i>
1. Тобольская губ.	266	54242
2. Томская губ.	160	41935
3. Енисейская губ.	181	38210
4. Амуринская обл.	78	{ } 30512
5. Семипалатинская обл.	6	
Итого:	731	164900

Истощение указанных легко возделываемых пространств принудило правительство обратить внимание и на другие пустопорожние пространства: лесистые к северу и лесостепные и степные к югу от линии железной дороги. Заселение этих пространств, особенно северных урманских и тайговых, было признано желательным помимо других причин и ввиду вредного влияния близости тайги с её огромными запасами болот и вод и вообще влаги на климат, а следовательно, и на земледельческую культуру прилегающих к ней местностей и расположенных среди неё заселённых мест. Но заселять подобные местности принятым доселе способом, именно путём образования переселенческих участков, было предположено не подходящим и не могущим дать благоприятные результаты. Заселение урман и тайги было решено предоставитьвольной колонизации, ко-

торая, как показал опыт, весьма часто очень успешно спрашивалась со своей задачей. Роль же правительства при этом должна была выразиться, с одной стороны, в облегчении и поощрении этой вольной колонизации и, с другой, в урегулировании её и направлении в места, которые наиболее желательно заселить. При этом как колонизационный элемент, наиболее подходящий для выполнения этой задачи, были признаны старожилы Сибири и уроженцы северных лесных губерний Европейской России.

Одновременно с этим в Сибири производились двоякого рода исследования, находившиеся в связи с переселенческим вопросом. Во-первых, в Западную Сибирь и в район Иркутского генерал-губернаторства были посланы особые лесные специалисты, должностное назначение изучать местные леса в видах выделения из состава казённых пустошей, предоставленных для заселения, наиболее ценных лесных насаждений и лесов, имеющих характер защитных плоскостей, и, во-вторых, одновременно производились гидротехнические исследования в районах Илимской и Барабинской степей в виддах изучения наиболее практических способов для осушения последней и обводнения первой, что представлялось, безусловно, необходимым для успешного их заселения оседлыми жителями.

Дальнейшее ознакомление с сибирскими урманами и тайгой привело правительство к заключению, что в числе местностей, отведённых под вольное заселение, имеются обширные площади, которые по своим естественноисторическим и топографическим условиям вполне подходят для образования переселенческих участков на общем основании. Ввиду этого таковые и были признаны полезным изъять из состава районов, предоставленных для вольной колонизации. Такие вполне пригодные к заселению площасти были сначала обнаружены в следующих местностях: в Тобольской губернии — в тайском районе по притокам р. Иртыша — Шишу и Тье (прибл. 300000 дес.) и по левому берегу Иртыша (ок. 50000 дес.); в Томской губернии — в Каникском округе, по верховьям р. Тургаса (ок. 60000 дес.); в западной лесистой части губернии (ок. 70000 дес.); в Чулымско-Маринской тайге (ок. 70000 дес.). Таким образом, согласно этому расчёту, всего могло быть обращено в пере-

селенческие участки лишь в названных двух губерниях (не считая кабинетских земель Томской губ.) около 550 тысяч десятин.

Ввиду возможности нахождения подобныхгодных для образования переселенческих участков и в других частях заселяемой полосы Сибири было вновь произведено специальное исследование районов, отведенных под вольное заселение. Это исследование, продолжавшееся в Западной Сибири в течение 1896—1897 гг., а в средней Сибири в 1898 и 1899 гг., охватило еще до 1899 года 7862 тысячи десятин. В результате район полосы, заселяемой на общем основании, был значительно расширен включением в него лесного района по р. Шишту в Тарском округе (Тобольск. губ.), многих местностей в Томской губернии (до 560 тыс. дес.) и Нижнеудинского округа Иркутской губернии, в котором было намечено для этой цели 919 тысяч десятин, или всего заселяемый район средней полосы Сибири был увеличен на 2800 тысяч десятин, не считая Притавдинского края, признанного также пригодным для этой цели и могущего предоставить под колонизацию несколько тысяч десятин. При этом местность по р. Шишту и значительные части тайги Томской губернии (в Канинском и Марийском окр.) и отчасти Енисейской губернии (ок. 85 тыс. дес.) было решено изъять из района вольной колонизации и заселить на общем основании.

Начатое еще в 1893—1895 гг. усиленное заселение северной окраины степных областей решено было, как указано выше, распространить и на более южные их полосы. Но здесь колонизация не могла совершаться столь свободно, как в сибирских лесах и пустошах, совершенно не заселенных. Здесь почти вся земля находилась в пользовании кочевников-киргизов, нарушить жизненные интересы которых не могло быть желательным для казны. Поэтому, прежде чем заселить более южные части степных областей, было решено безусловно необходимым произвести естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование этих местностей с целью определения необходимой для кочевников нормы земли, а следовательно, и количество земли, которое могло бы быть без ущерба для них изъято из их пользования для предоставления его русским переселенцам.

Количество последней оказалось на самом деле весьма значительным. Из районов общей площадью в 20 ми. десятин, подвергшихся обследованию снаряженной для этой цели экспедицией в течение четырехлетия 1896—1899 гг., около половины было признано излишним для киргизского населения и могущим быть обращенным в переселенческие участки.

Постоянно возраставшее число переселенцев и усилившийся спрос на участки заставил правительство почти ежедневно усилить состав землеустроительных партий (со 101 членом в 1893—1895 гг. до 201 ч. в 1899 году, из которых на одну Акмолинскую область приходилось 117 членов). Благодаря этому явилась возможность заготовлять такое количество участков, что ежегодно оставались свободными в запасе около 100000 душевых долей, т.е. количество, соответствующее головному спросу на землю. Лишь в 1898 году ввиду более значительного наплыма переселенцев число запасных долей опустилось до 60000. Следует заметить, что заготовка переселенческих участков до известной степени облегчалась и благодаря упрощенному способу отвода путем образования нескольких десятков или сотен долей в одном отрубе применительно к господствующему в Сибири общинному способу землепользования, вполне удовлетворявшему громадное большинство переселенцев.

В результате поземельно-строительных работ в Сибири и в степной крае общая площадь земель, отведенная за 10-летие 1893—1903 гг. под переселенческие участки, простиралась до 6902,6 тысяч десятин (не считая кабинетских земель Томской губ.). В этом числе имелись и леса общей площадью в 1674,5 тысячи десятин, что составляет около $\frac{1}{4}$, (24,3%) всей площади.

Указанное число десятин было разбито на 385,3 тысячи душевых долей, из которых в 1903 году были не заняты 128,0 тыс., или около $\frac{1}{3}$, (33,2%). Сверх того в трех более западных губерниях Сибири (без кабин. земель) и в Акмолинской области за это время были образованы в большом количестве запасные участки, общая площадь которых простиралась до 982,4 тыс. десятин.

По отдельным административным делениям эти данные представляются в таком виде:

Название губерний и областей	Общая площадь (в тыс. десятин)	Под лесом	Общее чисто земельное дно (тыс.)	Свободы душевые долями*	Общ. плош. засел. участков (в тыс. десятин)
1 Тобольская губ.	1747,5	484,0	93,7	27,9	221,2
2 Томская губ. (без кабин. зем.)	1620,2	478,0	88,7	33,1	316,5
3 Енисейская губ.	1510,9	535,6	89,9	29,6	367,8
4 Иркутская губ.	249,5	136,5	14,9	8,6	—
5 Амурская обл.	1545,0	41,0	88,0	34,8	54,0
6 Семипалатинская область	220,5	1,5	9,1	6,0	—
Всего:	5902,5	1574,5	385,3	127,0	982,4

Из этих данных видно, что наибольшее количество земель для цели колонизации было нарезано в трёх более западных губерниях Сибири и в Ахмолинской области — от 1500 до 1750 тысяч десятин при 88–94 тыс. душевых долях. Значительно меньше переселенческих участков было образовано в Иркутской губернии и в Семипалатинской области — от 230 до 250 тыс. десятин при 9–15 тыс. душевых долях. Конечно, это не должно пониматься в том смысле, что в этих губерниях нет достаточного количества годных для означенной цели свободных земель, а объясняется тем обстоятельством, что наличие незанятых и притом хороших земель в более близких к Европейской России западных частях страны пока в достаточной мере удовлетворяли настоящую потребность в земле. Несомненно, однако, что по мере истощения свободных земель в указанных районах под заселение были предоставлены и смежные части тех губерний и областей, которых переселение ещё недавно почти не касалось. Такими местностями и являются более северные части Семипалатинской области и более западные Иркутской губернии, в которых вплоть до самого конца 90-х годов не производился отвод земель под переселение.

В приведённые выше данные по Томской губернии не были включены таковые касательно Алтайского округа, потому что в нём в 1895 году отвод земель под переселение был произведен по распоряжению Кабинета Е. И. В. За более

* В число свободных душевых долей засчитаны за ходоками семей, ещё не прибывших на участки.

же ранний период времени, именно за 30-летие — 1865–1895 гг. — со времени издания правил, разрешавших подворение крестьян на кабинетских землях, было образовано всего 228 (в том числе с 1884–1895 гг. 140) участков общей площадью до 1750000 десятин удобной и неудобной земли.

Что касается до действительного истощения запасов свободных земель, которым могли бы быть утилизированы в целях колонизации, то это явление наблюдается в настоящее время в сравнительно немногих местностях, именно: в трёх округах Тобольской губернии (Изуторовском, Курганском и Ишимском; в первых двух уже со времени начала 90-х годов), в одном округе Томской губернии (Марийском) и в двух округах Енисейской губернии (Минусинском и Ачинском). Ничтожные излишки земли против требуемой в отдельных местностях нормы, имеющиеся в некоторых из этих округов, признаются необходимыми на случай окончательного поземельного устройства местного сельского населения (на старожилов, так и новосёлов).

К 1 января 1906 года была реформирована местная организация заведования переселенческим делом, причём изыскание и отвод земель для переселения, находившиеся до сих пор в ведении Д-та госуд. земельных имуществ, тоже перешли в ведение Переселенческого управления. Первым делом этого обновлённого учреждения было упрощение выдачи ходатайских свидетельств в целях предоставления всякому желающему крестьянину возможности подыскать себе подходящий земельный участок. Для облегчения этого же послужил целый ряд мер, одна из которых состояла в опубликовании во всеобщее сведение не только общего количества переселенческого фонда в каждой местности, но подробного географического, топографического и естественноисторического описания участков и отдельных душевых долей.

Благодаря этим мерам число переселенцев взросло в 1906 году до 220000 д., а число холоков — до 77 тысяч, причём эти цифры последними было зачислено к 1 января 1907 года 98,4 тысячи долей, приблизительно на 32000 семей будущих переселенцев. Так как это количество превысило число вновь заготовленных участков, запас свободных для заселения участков сократился, несмотря на более усиленную работу землеотводных партий, состав которых был уве-

личен по сравнению с предшествующими годами. Весь переселенческий фонд состоял к 1 января 1907 года из 153000 долей, числившихся свободными, и более чем из 140000 долей, зачисленных ходоками, но пока еще не заселенных.

Ввиду постоянного возрастания переселенческого движения были приняты новые меры для обеспечения будущих переселенцев землями: смета на переселенческую кампанию 1907 года была исчислена в 11 млн. рублей и землеотводные работы ускорены, между прочим, путем привлечения к этим работам частей состава межевых партий, работающих в четырех губерниях Сибири над земельным устройством старожилов. Эта задача была значительно облегчена путем передачи в распоряжение Переселенческого управления обширной площади богатых земель Кабинета Е. И. В. в Томском и Барнаульском округах. Так как отвод этих земель под переселение не представлял серьезных затруднений, то уже в первой половине 1907 года было нарезано в данном районе 28000 долей, тогчас же занятых переселенцами. Но вие четырех губерний Сибири отвод участков для колонизации встретил большие затруднения. Одним из таких серьезных затруднений в степных областях явился все еще не окончательно решенный вопрос о количестве земель, необходимых для обеспечения киргизов, как оставшихся кочевниками, так и начавших переходы к оседлости. Благодаря работам особой экспедиции, исследований площадь в 168 млн. десятин, сподобные илизки в четырех степных областях могут быть исчислены в 21 млн. десятин, но из осторожности из этого количества пока изъято для целей колонизации менее $\frac{1}{4}$ части, или около 4 млн. десятин, причем и это возбудило усиленные протесты со стороны киргизского населения.

Другой район заселение которого в особенности жалтельно, именно Дальний Восток, представляет другого рода затруднение для отвода земель под переселение. Весь запас земли, из которого возможен отвод переселенческих участков без значительных затрат на мелиорацию и проведение новых путей, в настоящее время уже истощен, а из наиболее подходящих для этой цели запасных земель Уссурийского казачьего войска в 9 млн. десятин местной администрации было признано возможным изъять на все невойсковые надобности всего $\frac{1}{2}$ млн. десятин, несмотря на то, что

общее число уссурийских казаков не превышает 9000 душ мужского пола.

В результате всех работ, предпринятых Переселенческим управлением для увеличения переселенческого фонда земель, в 1907 году было заготовлено 290 тысяч душевых долей, почти на $\frac{1}{3}$, более предполагавшего по смете количества (200000) и в три раза более против заготовки минувшего года (97000), в свою очередь, далеко превысившей производительность межевых работ в предыдущие годы. В истекшем году были мобилизованы и предоставлены для переселения часть запасных переселенческих участков и казенных земель в четырёх губерниях и в двух областях Дальнего Востока.

Но несмотря на все усилия Переселенческого управления идти в заготовке земель для переселенцев одинаковым шагом с развитием переселенческого движения, это в 1907 году оказалось недостижимым. Уже в мае отчётного года число ходоков, направившихся в Сибирь, достигло 115 тысяч, что свидетельствовало о желании выселиться за Урал свыше 300000 душ. Для удовлетворения их земель потребовалось бы не менее 900000 душевых долей общей площадью в 30 млн. десятин — количество, которое не только не имелось в наличии, но которое в 10 раз превышало то, что землеотводные партии могли нарезать в течение одного года, а между тем переселенческое движение и посыпка ходоков, конечно, не остановились бы в мае. Это отсутствие достаточного количества заготовленных земель, грозившее разорением будущих переселенцев, и вынудило главноуправляющего землеустройством и земледелием на основании предоставленного ему законом права временно прекратить выдачу ходаческих свидетельств и вообще приостановить переселенческое движение в Сибирь.

10. *Причины переселения**. Не подлежит сомнению, что главной причиной, побуждающей крестьян покидать в последние десятилетия родину и стремиться на новые места, за Урал, является малоземелье. Правда, переселенческое движение заставило в последнее время не только малоземельные губернии, в

* Подробнее — см. «Переселение в Сибирь», откуда заимствована эта глава.

которых на двор приходилось в 1905 году от 5 до 8 дес., но распространялось и на те из них, где надельной земли на двор приходилось 9—10 и более десятин⁴, т.е. где крестьяне в своей массе были в общем хорошо обеспечены землёй. Это противоречие, однако, лишь кажущееся. В разных местностях при неодинаковой густоте населения и при различной степени его культурного развития существуют разные системы земледелия, находящиеся в значительной степени в зависимости от богатства жителей земель. Из этого следует, что одно и то же количество земли на двор, обеспечивающее крестьянскую семью в одном Месте, например, в западном крае, где развита плодоносная система, может оказаться недостаточным для других местностей, например, расположенных на севере и по восточной окраине Европейской России, где ещё господствует трехпольная и переложная системы земледелия. И вот в местностях, где преобладают подобные неусовершенствованные формы земледелия, через известное время вследствие усиленного роста населения наступает момент, когда земельная надличность перестает быть достаточной для удовлетворения даже продолжительных нужд населения. Сельское население старается путём новых расчисток и распашек увеличить площадь пахотных земель, но, как правило, рост посевной площади увеличивается медленнее, чем рост населения, так что расширением распашек лишь отсрочивается наступление кризиса. Борьба за обладание землей начинает обостряться, и в результате происходящего соперничества одна часть населения обогащается землёй за счёт другой части, которая принуждена бывать или взяться за промысловые зарядки, или выселиться в другие места. И действительно, в большинстве из губерний, принимавших в настоящее время наибольшее участие в переселенческом движении в течение последних десятилетий, наблюдался сильный прирост населения, необыкновенное оживление его промысловой деятельности и расширение площади посевов (за 19 лет — 1881—1899 гг. — в южных степных губерниях на 30—62%, в западных — на 16—37%, в восточных — на 12—20% и в юго-западных — на 7—18%).

Земельный кризис, как всякие кризисы пошибе, продолжается лишь определённое время, необходимое для того, что-

* В Витебской губ. — 11,5 дес.; Таврической — 14,7 дес.; Пермской — 15,8 дес.; Вятской — 16,0 дес. и Самарской — 19,8 дес. (Статист. землемерия. 1905. С. 179).

бы население имело возможность приспособиться к новым условиям. Крестьяне по необходимости начинают переходить к более высоким формам земледельческой культуры — к трёхполью с навозным удобрением и к многогодольной плодопеременной системе, и к посеву кормовых трав, при каковых условиях имеющееся на лицо количество земли оказывается уже достаточным для обеспечения средней крестьянской семьи. К тому же, развивающиеся промыслы и фабречная промышленность отграждают немало рабочих рук от земли. Голод на землю в подобных районах постепенно ослабевает, в вместе с этим уменьшается и число лиц, населяющихся из этих местностей. Этую стадию мы, между прочим, наблюдаем теперь в средних и северных чернозёмных губерниях, где кризис вследствие недостатка земли появился раньше, чем в других местах, уже потому, что степной характер местности давно позволял крестьянству обратить в пашню все то количество пашней земли, которым оно только могло располагать без ущерба для скотоводства. Действительно, сравнивая изменение в размерах посевной площади за период 1881—1899 гг., мы видим, что в большей части губерний рассматриваемого района (в 7 из 10) она не только не возросла, но даже слегка уменьшилась, что наряду с сильным ростом населения этих губерний и ускорило наступление кризиса. В настоящее время с переходом большей части населения к более совершенным формам полеводства потребность в земле в массе стала постепенно ослабевать, что имело последствием и ослабление переселенческого движения: как было показано выше, выселение из северных и средних чернозёмных губерний, поставлявших ещё недавно главную массу переселенцев, в настоящее время значительно ослаблено, и земельный кризис перешёл в другие части Европейской России: в юго-западный район, в южные степные губернии, в белорусский район и в меньшей степени в другие местности.

Что главным стимулом к выселению служит именно недостаток в земле, подтверждается данными сравнительной обеспеченности землей населяющихся крестьян и остающихся на своих местах. Статистические данные показывают, что во всех губерниях (кроме Могилёвской) наделённость переселенцев оказывается меньшею против средней для всего населения этих губерний, причем в итоге за 50

губерний Европейской России наделённость переселенцев составляла всего 57,7% при колебаниях в отдельных случаях от 25 до 75%. При этом следует заметить, что наименьшая наделённость в среднем по губерниям наблюдается у переселенцев из многоземельных южных, юго-восточных и восточных губерний (25,0 до 57,2%) и наибольшая — у выходцев из малоземельных губерний: юго-западных, западных, северо- и среднечернолёбных (от 50 до 100%).

И по относительному богатству землём отдельных групп сельского населения наблюдается та же разница между многоzemельными и малоземельными губерниями, именно: в южных степных губерниях процент безземельных среди переселенцев составляет 311—550%, по отношению к среднему по губерниям, то есть в 3—5 раз превышает число безземельных среди наличного населения губерний, причём наряду с этим переселенческие семьи с наделом, равным среднему по губернии или превышающим его, весьма малочислены у выходцев из рассматриваемых районов. Они составляют не более 13,7 до 20,1% всего числа переселенцев. В губерниях, где население менее обеспечено землём, эти отношения совершенно иные. Приведённые данные объясняют непонятное на первый взгляд явление, почему в переселенческом движении такую выдающуюся роль играют именно многоzemельные губернии.

И в других отношениях выселявшаяся часть крестьян невыгодно отличается от остающихся на местах. Таким образом, в итоге по 50 губерниям обеспеченность рогатым скотом переселенцев составляет всего 47,8% средней обеспеченности у наличного населения при колебаниях от 29,4% (Бессарабская губ.) до 78,6% (Могилёвская). Этих данных достаточно, чтобы вывести то заключение, что малоземелье и связанная с ним мала обеспеченность их в живом инвентаре и вообще в средствах и является кардинальной причиной настоящего переселенческого движения. Все же остальные причины, главным образом экономического характера, как, например, неурожай, имеют второстепенное и временное значение: их влияние сказвывается главным образом в усилении неблагоприятных последствий малоземелья. Особенно заметно было влияние неурожая на переселение в самом начале 90-х годов истекшего столетия, когда вследствие неурожая в большей части Европейской России в течение двух лет крауду (1891 и

1892 г.) число выселявшихся в Сибирь сразу почти удвоилось; в 1889 г. их число не превышало 37700 д., в 1890 — 47400 д., а в 1891 и 1892 гг. уже составляло 82100 и 84200 д.

Если недороды в районах выселения способствуют усилению переселенческого движения, то, наоборот, неурожай в местностях заселяемых имеет обратные последствия, именно ослабляет его. Таким образом, неурожай, посетивший в 1900 и 1901 гг. большую часть Сибири и степные области, более чем вдвое понизил число выселяющихся: со 152000 и 160000 д. в 1899—1900 гг. до 69000 и 64500 д. в следующие за ними 1901 и 1902 гг.

К этой статье прилагаются четыре инкогнитные таблицы, касающиеся переселенческого движения в Сибирь:

1. Число переселенцев об. п., прошедших в Сибирь (через Челябинск) за 12 лет (1896—1907 гг.), погодно, с распределением их по месту выхода^{*}.

2. Число крестьян, водворившихся в отдельных губерниях и областях Сибири за период времени 1893—1906 гг., в тысячах душ м. п., погодно^{**}.

3. Число переселенцев об. п., прошедших в Сибирь (через Челябинск) за 12 лет (1896—1907 гг.) с разрешением правительства и без онного, погодно.

Число ходоков, направившихся в Сибирь (через Челябинск) за указанное 12-летие с разрешения и без онного, погодно^{***}.

Число крестьян, прошедших в Сибирь (через Челябинск) на заработки за 9 лет — 1899—1907 гг., погодно^{****}.

4. Расходы на переселенческое дело за период времени 1893—1906 гг. ^{****}.

* Данные заимствованы из рукописной таблицы Главного переселенческого управления.

** Средним числом одна семья переселенцев состоит из 6 душ, в т. ч. из 3 д. м. п., так что для перевода указанных в таблице цифр в числа переселенцев общего пола следует помножить их на 2.

*** См. примеч. к этой таблице.

**** Замыкавшиеся из печатных и рукописных таблиц Переселенческого управления.

Краткий очерк колонизации Сибири

№	Население/Город	1888 г. 1897 г. 1898 г. 1899 г. 1901 г. 1902 г. 1903 г. 1904 г. 1905 г. 1906 г. 1907 г.										Всего
		(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	
1	Архангельск	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33
2	Астраханская	106	16	26	32	40	42	45	47	49	51	259
3	Барнаул	576	106	156	174	183	195	207	214	221	228	1018
4	Бийск	559	798	936	1015	1083	1205	1263	1303	1345	1387	5957
5	Биробиджан	6542	5460	7552	7451	7465	6754	13434	1222	1319	7228	36236
6	Благовещенск	27	4	42	25	18	14	12	12	12	12	8456
7	Борисоглебск	128	244	241	174	1217	922	175	368	312	715	1587
8	Бусиновск	425	649	992	1434	1900	1958	1683	79	446	545	8644
9	Бердянск	7540	3031	7043	10919	8124	2124	2893	3705	1251	1281	19159
10	Бийск	552	588	3705	2445	2025	2983	3435	423	1610	171	2887
11	Биробиджан	1954	246	211	567	549	519	513	513	513	513	28244
12	Бийский район	1872	2600	153	2275	1555	2275	6936	3235	2275	2275	6672
13	Бийск, городской	361	139	139	139	139	139	139	139	139	139	1970
14	Бийские	889	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	5656
15	Бийский	889	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	1023	5656
16	Бийск	165	140	140	140	140	140	140	140	140	140	703
17	Бийская	86	41	219	172	261	175	175	175	175	175	1223
18	Бийский	86	41	219	172	261	175	175	175	175	175	1223
19	Бийский	321	713	186	186	119	119	119	119	119	119	6550
20	Бийск	15368	38162	9104	13817	16129	20410	21242	1602	354	452	81921
21	Бийский	985	2463	701	1553	975	1447	1447	1447	1447	1447	1793
22	Бийский	985	2463	701	1553	975	1447	1447	1447	1447	1447	1793
23	Бийский	1276	2622	5813	24886	5110	25255	34862	3896	1160	1160	49751
24	Бийский	4	3	27	32	17	17	17	17	17	17	111
25	Бийский	336	67	454	474	285	208	101	101	101	101	3680

I. ОЧИСЛО ЧИСЛА ПЕРЕСЕВШИХ ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРСКОГО НЕДВИЖИМЫМ ПОСЕЛКАМ В 1885-1907 ГГ.
СРАВНЕНИЕ С ЧИСЛОМ ПОСЕЛКАМ В 1885-1907 ГГ.

242 С. К. Патканов. Очерк колонизации Сибири

№	Название губерний	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Всего
53	Келеская	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
54	Полицанская	2	-	11	17	16	6	1	-	-	-	6	-	58
55	Любинская	11	19	-	237	78	77	14	23	468	1781	922	679	4301
56	Петровская	-	68	6	2	15	13	-	-	-	5	17	6	130
57	Плещеев	19	19	10	14	6	-	-	-	-	-	11	-	78
58	Радомская	3	8	-	17	12	7	11	-	-	-	-	-	70
59	Суалкская	-	-	5	-	5	7	-	6	6	-	-	86	93
60	Седлецкая	5	9	24	56	92	72	-	77	5	16	43	139	540
61	Северная	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	21
62	Дагестанская обл.	-	-	-	-	-	6	5	-	-	-	1	-	11
63	Елисаветпольская губ.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	38	117	196
64	Карсская обл.	-	-	-	-	-	-	-	-	42	27	5	202	367
65	Кубанская обл.	173	33	133	156	265	1·9	71	167	57	31	312	503	2040
66	Кутаисская губ.	4	-	2	5	14	5	4	-	6	-	7	4	50
67	Ставропольская	161	74	214	130	264	58	101	383	121	210	446	619	2856
68	Терская обл.	-	-	5	22	21	18	101	95	18	-	14	46	337
69	Тифлисская губ.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
70	Черниговская	22	85	-	-	-	-	1	-	-	-	5	13	133
71	Губ. Азиатск. России	-	-	16	4	4	17	17	55	24	8	80	247	490
72	Июст	24	-	6	35	115	3	4	11	65	-	135	8	306
73	Без обозначения	1922	-	4788	-	-	14	6	-	1	-	-	-	6730
	Всего:	178897	85405	149011	15187	162829	88764	80839	84558	30704	29126	125800	415287	1560905

*И. ЧИСЛО ВОДВОРИВШИХСЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ГУБЕРНИЯХ И ОБЛАСТЯХ СИБИРИ ПЕРЕСЕЛЕНИЕМ
ЗА ПЕРИОД 1893–1907 гг. (в тысячах д. м. н.)¹*

Области и губернии	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Итого за 15 лет
1. Тобольская губ.	0,13	0,13	1,03	18,60	6,30	6,47	5,69	4,05	1,97	1,32	2,02	0,25	0,25	6,72	15,75	79,46
2. Томская губ.	1,35	1,35	14,63	33,40	1,03	26,32	43,15	25,47	9,23	5,07	11,14	1,73	1,65	14,62	86,95	201,48
3. Читинская губ. и Амурский округ	1,20	1,20	2,09	16,22	7,23	26,54	24,95	20,05	2,38	2,08	4,02	1,42	1,54	7,42	55,10	197,59
3. Баренцбургская губ.	0,68	0,68	3,18	9,05	3,16	7,36	9,32	10,31	0,31	6,33	7,67	0,36	0,39	3,64	20,03	89,62
4. Амурская обл.	1,29	1,13	10,17	20,72	5,54	9,28	2,03	7,08	2,17	3,68	2,74	0,00	0,07	26,60	27,21	126,49
5. Иркутская губ.	—	—	—	—	0,02	0,02	0,02	0,02	—	—	0,03	0,06	0,07	4,49	11,70	36,11
6. Нижегородская	—	—	—	—	0,17	0,28	1,48	1,70	1,16	1,44	3,28	0,00	0,06	4,14	4,49	17,70
7. Гродненская обл.	1,43	1,17	1,20	1,16	1,31	2,10	0,28	0,38	6,71	3,51	1,26	—	—	3,12	32,91	117,55
8. Амурская обл.	0,90	0,15	0,74	0,20	0,56	1,77	0,28	5,15	1,06	3,24	1,44	—	—	1,42	7,28	23,19
9. Семипалатинская обл.	—	0,09	0,67	1,13	—	0,41	1,71	0,06	0,17	0,19	0,15	0,17	0,15	1,38	5,74	10,65
Итого:	5,13	4,68	40,32	86,05	27,97	67,19	77,02	84,66	29,94	27,94	34,00	12,12	12,29	64,35	119,0	754,66

¹ По сведениям Главного переселенческого управления. Данные по Тюменской обл. за 1893–1897 гг., по Амурской обл. за 1893–1901 гг., и по Семипалатинской за 1893–1902 гг. заимствованы из издания Переселенческого упр. вып. XVIII: «Переселение в Сибирь» — различие между данными VIIa и Vb таблицы. По Приморской обл. данные касательно скользкого передвижения заимствованы за 1893–1897 гг. из вышеуказанных изданий. Данные же касательно подъёмов в различные кораблях путём взяты за 1893–1901 гг. из «Колонизации Сибири» под. комит. Сиб. в. д. в 1900 г., стр. 321, в из цитированных ими дальневосточными губерниями данных за иммиграцию, ввиду чего за эти годы сведения о числе колонистов, в областях переселения в японии.

III. ОБЩЕЕ ЧИСЛО НАПРАВЛЕННЫХ В СИБИРЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛЯБИНСК ПЕРЕСЕЛЕНИЦЕВ И ХОДОКОВ (С РАЗРЕШЕНИЯ И БЕЗ ОНОГО) ЗА 12-ЛЕТИЕ 1896-1907 гг., ПО ГОДУ;
ЧИСЛО ОТПРАВЛЕННЫХ В СИБИРЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛЯБИНСК НА ЗАРАБОТКИ КРЕСТЬЯН ЗА 9 ЛЕТ 1899-1907 гг., ПО ГОДУ

	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Итого
1. Пришло в Сибирь переселенцев через Челябинск (друз обеих полов)													
1) с разрешения	107994	43588	98144	99976	122390	61387	56483	57979	2415	617	59618	332268	1042859
2) без разрешения	76703	21917	50667	51611	40438	25377	24356	26577	29269	26509	66182	83019	518048
Всего:	178667	65405	149011	151887	162625	86764	80839	84556	30704	29126	125800	415287	1560905
2. Пришло в Сибирь ходоков через Челябинск (друз обеих полов)													
1) с разрешения	817	11855	33063	26017	36389	14819	17820	21441	557	27	66561	141574	370950
2) без разрешения	11063	4317	21780	10855	10318	9710	6852	5341	3870	3005	5771	3666	98778
Всего:	11910	16172	54843	36872	46717	24529	24772	26782	4527	3032	72332	145240	487728
3. Кроме того, прошло в Сибирь на заработки (друз обеих полов)													
Не зарегистрировались	30103	9718	8963	6194	3498	1236	904	2662	780				64068
Всего прошло в Сибирь переселенцев, ходоков и крестьян на заработки (друз обеих полов)	190667	81577	203854	218862	219264	120256	111805	114826	36487	33062	200794	561307	2092701

IV. РАСХОДЫ НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО ЗА 1893-1906 ГГ.

IV. РАСХОДЫ НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО ЗА 1893-1906 гг

ПРЕДМЕТЫ НАЗНАЧЕНИЯ	РАЗМЕРЫ РАСХОДОВ В РУБЛЯХ			
	с 1893 по 1897 гг.	с 1898 по 1904 гг.	в 1905 г.	в 1906 г.
Е. Расходы на усиление фонда имени Императора Александра II, привлечение в Сибирь переселенцев из Европейской России и на содержание благотворительных учреждений	-	300000	300000	-
III. Ведомство Министерства земледелия и государственных имуществ	-	-	8107107	829670
Ж. Расходы по обустройству переселенческих и западных участков	-	-	2224572	1067200
3.Производство гидротехнических работ на местах подсечания и Тюз. и т.д.	-	-	10341678	608890
Всего израсходовано на передвижение и устройство переселенцев	-	-	31068706	1434500
			2641679	5678584

Примечание. Со времени 1906 года все расходы по переселенческому делу производятся Переселенческим управлением.

**Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском
и Тюменском, в Курганском,
Тюменском и Сургутском округах**

(в двух первых — д. чл. Пятаковым,
в трёх последних — чл. сотр. Зобиным)
и приведённых в алфавитный порядок
студ. И. Спб. унiv. Николаевым

Абагыт — просохнуть. П.

Абыйзить — громко плакать. З.

Абюк — края (келес, залып, отверстия у птиц). З. Абюк — тет-слово (из арабск. хафы) значит учёный, образованый (объектов, про духовных лиц). П.

Ал — место мучения грешников, в алтаре горят огнь и киши сажи. П.

Азым — рол ёлткого армака. П.

Аки — отец. З. (с ногу́йского аки — старший брат отца). П.

Антика — барык. П.

Античка — Античка — добрые духи, посланные от Бога. В одном отрывке из духовного стиха о них говорится:

*Лепели, лепели
Два отца с себес,
Буды, буды
Робо сонега.*

«Что т. с., наши рабы
Долго спиш не пробудишися,
Долго спиш не пробудишися,

Господу Богу не помниши». З.

Анам — вестник (сквозь проникнувши в остекло. анка — мать). П.

Аршинный чай (то же, что полевой) — лабазник, таволга — здравница. Чай, в составе которого употребляются наиболее безнадыни вместо чая. Название «аршинный» — насмешка на то, что этот чай не покупается ни фурами. П.

Ахинек — вранье, вздорный разговор. З.

Бабашка — см. наливбок. П.

Бабка — сускон хлеба (Тюменск.).

Бабки запук — см. запук. З.

Батумник — растение листик розмарин; служит для скруивания листьев при ловле зебре. З.

Базарная пудовка — казённый четырехугольник (Тобольск). П.

Башинник — громко плакать, см.

абынит. З.

Баить — говорить. П.

Балагын — в хорошую погоду обыкновенно в степи звенят ба-ла-ги. Для уединения башни необходим колышевой полог, который натягивается на шести невысоких колышках, образуя закрытое со всех сторон помещение для двух или трёх человеческих колышей. З.

Бало — сиряя, вокруг которой загибаются полосы. З. П.

Балыны — пушистые почки на вереске. П. З.

Балык (м. Банк) — судно сберегательного товарищества (Банк под Там. окр.). П.

Баний — в народной памяти сохранилось чуток того, что баня служила для очищения от болезней нечистого духа. З.

Барани — барон. З.

Барышна — барышня. З.

Баскы — хороший. З.

Баскы — красный, изукрашенный. П.

Батать — пугать рыбу батухой. П.

- Батауах — см. рожевка. Батауах снаряд называется, потому что часто его ловят рыбью, путая последнюю при помощи «батаух» или «фатух», своего рода полого деревянного стаканчика на палке, которым удаляют из воды. П. Батик — пластика с углочением на одном конце. **3**
- Бать — лодка, род корыта. **3**.
- Бать — грубо обделанный плоскодонный член из толстой сосны. **П.**
- Башшылк — рыбак, руководящий ходом охоты. **П.**
- Бединиться — хвастаться на свою бедность. **3.**
- Безмен — мера веса в 2 $\frac{1}{2}$. **Ф., напр., масла (Том. окр.). П.**
- Без покупы — см. покупы. **3.**
- Бекет — зимой по торговому тракту из Тюмени в Ирбит устраивались почечные караулы; караваны состояли из конных и пеших нусообразных извозчиков. Такие сторожевые пункты назывались бекетами (*пикет*). **3.**
- Бекешки плосковая или склонная — праздничная верхняя одежда мужчин. **3.**
- Белая рыба — речная, сибиряк рыболов, *бело, ёри и т.д.*) и привычка окрасить красной (*остёр, стерней*), волнившейся в крупных реках. **П.**
- Белик — светлая почва. Этим именем крестьяне именуют всякую светлую землю: глину, суглинок и песчаную. **П.**
- Белковать — бить белко. **П.**
- Белодунка — икорка с белой грушевидной самой лещицей лисий мех. **П.**
- Белотальник — порода ивы. **П.**
- Белотурка — порода пшеницы (*Том. окр.*). **П.**
- Бельник — берёза. **П.**
- Бельник — см. метлика (*Тоб. окр.*). **П.**
- Белик — белый заяц. **П.**
- Береговой — рыбак, который охраняет невода на берегу. На 2—3 невода полагается один береговой. **П.**
- Берекчи — беречь (*ср. пекунь*). **П.**
- Берекчи — беречь, когда человек наберёт себе в руки, *напр., беречь дрова и т.д.* **3.**
- Бесперечь — беспрестанно. **3.**
- Бисиевые чулки — чулки (*а чулки носят лица женщини*), связанные из лынняных белелых ниток. **3.**
- Биси — общее обозначение той части наистной силы, которая имеет назначение вводить человека в туман. **3.**
- Бить — приготовлять постное масло. **3.**
- Благословить — завещать, пожертвовать, *напр., он благословил (завещал) ему свою землю» (Том. окр.).* **П.**
- Бор — берег. **3.**
- Борзак — лог, буерак — лог. **3.**
- Божница — деревянная полочка для икон в переднем углу. **3.**
- Большыр — бугор, возвышенность, кудриги. **П.**
- Борноволок — мышник лет 7—11. Слово происходит от головы борона; при первых работах дети вынуждены были бывать борноволоками, облизанность которых состоит в том, что они едят верхом на первой из запряжённых в бороны лошадей. **3.**
- Борноволо. **П.** см. борноволок. Боры — спаски на верхней части ябеки. **3.**
- Борзыка — ягода боярышника. **П.**
- Бреден, бредничек — небольшая чистая невод. **П.**
- Бродники — будничная мужская обувь. **3.** Бродники состоят из «низков», сделанных из обработанной и вычерченной яловкой кожи, и голенищ из некрашеной конской. **П.**

Брякотня — стук, *напр.*, от топота лошадей. *П.*
 Бракунец — бубенчик. *П.*
 Букарша — какое-то пугало, обиженное, злобное чудище. *П.*
 Бусырь — в выражении: «он с бусырь» — сердитый (*в Сургуте*). *З.*
 Бус — мучная пыль, получающаяся на мельнице, отсыпаемая забусты. *З.*
 Быкать — *быть, быть, авось;* «авось» не употребляется. *З.*
 Быто — буто (*см. олнако*). *П.*
 Бык — вол. *П.*

В

Вальбашно — *ам. сух. место, выжатине лошадью*. *З.*
 Ванзя — простотина. *З.*
 Варено — похлебка, уха, суп. *П.*
 Варени — творог, простокаша и вареное молоко. *З.*
 Вар — остинское кушанье из рыбных консервов. *П.*
 Варнак — каторжный, беглый, склонный. *П.*
 Вара пива — количество пива, в котором его варят; так, *напр.*, небольшая вара — корич. 5—6, большая вара — корич. 10—14. *З.*
 Варага — вязаная рукавица. *З.*
 Ватлат — *праздно болтать языком*. *З.*
 Варутордь — в другой раз. *З.*
 Вежливка — титул, прозвище, приставка в спальнях — для учителя вежливости и учтивости, хранитель установленных исконно белковых свадебных обычаяй, порядков и образцов. Другое имя вежливка — еражной, т.е. ведающей с нечистой силой. *З.*
 Век-не-в-доме — говори про не-доладливость свою или чужую. *З.*
 Венить — веняться — капризно плакать. *З.*

Верёноч — боров. *П.*
 Верстено — см. снаряды.
 Вертель — продольная грифика, возымающаяся над сосудами *важа*. *П.*
 Веревочка — волнистые ямочки передают своих седоков своим знакомым, которым передают их таким же образом дальше, это называется «веревочкой».
 Верхолазы, или козелки — южные рукачицы (*см. исполхи*). *П.*
 Весенний песок — рабочеполое место, на котором промышляют ископаемое в мае и июня. *П.*
 Весна по фунтам, т.е. продавалась по фунтам. *З.*
 Весло — весло коромое (см. гребля). *П.*

Веснина — овечья шерсть, получаемая в мае. *З.*
 Ветленный человек — живой и разговорчивый, приветливый, санитар. *П.*
 Ветленность — общий термин трёх качеств: приветливость, общительность и разговорчивость. *З.*
 Ветраная болезнь — сибирская язва, которую приписывают *П.*
 Вечий — старый, слабый; легкая пашня — пашня истощенная, премущественно дальневосточная, которая никогда не удобряется; вообще пашня, которая не может дать после залежки более одного и много луха урожаев. *П.*

Вешница — оборотень, имеющий своим натячением насилиственю и прежде временно извлекать плод из беременных женщин и из зеленых домашних животных. *Существо злов.* *З.*
 Вилок — *кулан капусты* (*ам. к. вилки*). *З.*
 Винный туз — никовский туз. *З.*
 Вирить — асирить. *З.*

- Висди** — везди. З.
- Витинки нет** — выражение, характеризующее недостаток сена и соломы. З.
- Вици, или ляпны** — четыре небольших деревца, связанные попарно вершинками и перевязанные через верх стола, чтобы придать ему прочность. (Тоб. окр.) П.
- Вклюпаться** — обознаться, не узнатъ. З.
- Вклюпаться — вторгнуться** (напр., «они вклюпались в чужую землю»). П.; не узнатъ человека. З.
- Водопойник** — сочный (про трапу). П.
- Возник** — ограда, которая приходится на место, занимаемое водой и часто сносится течением. (Тоб. окр.) П.
- Водиной** — си лесной.
- Воетузенью** — плач, заливаясь всхлипами, всхлипывая. З.
- Волотник** — экзальтэр хлебного растения; потому после полночь неурожая говорят: «ничего нет, ни единой волотник; волотка — такая отца соломки». З.
- Волка** — одъя. З.
- Воробей** — с крачи. З.
- Воробьи** — си снариами.
- Воротник** — сторож на почтовой дороге. З.
- Воротицам играть** — двое из играющих, ставши на некотором расстоянии друг от друга и поднявши вверх обе руки, дергают одна за другую, воротицами, и эти воротица пробегают одна за другой пары; каждая пара становится так же, образуя новые ворота, и т. д. З.
- Ворюх** — кучу зерен. З.
- Восидеть вместо господа.** З.
- Восток, ветер** — северо-восточный ветер. П.
- Вострохвостка** — порода линик уток. П.
- Восьмерики** — лежащие кучи по 8 снопика. З.
- Вотчина** — 1) земля, которой владеет сельская община или частное лицо, независимо от того, собственники ли она или казенна; 2) настоящее значение этого слова — земля частновладельческая, присуленная и владеемая крестьянами или другими лицами на правах собственности. П.
- Вотчинник** — 1) владелец вотчины; 2) дух — покровитель местности, понятие по всему светскому, успокоенное от остатков, как и пророки, воротицу духу (см. наст. Тоб. окр.) П.
- Втул** — закрышка, которой защищается отверстие наружного конуса морды, открываемое для вытряхивания рыбы. З.
- Вульль** — в аккурат. З.
- Выбирать** — выволить узоры (брючные скатерти). В песне поется:
- Ух вы доры, мои доры,
Честны мои приданы.
Я год вас, дары, пряла,
Не дей «выбираю».
- Выбор** — си нормы. П.
- Выкручивать** — пытать на насилиственными мерами заставлять платить подать. П.
- Вымочка** — низкое место на пашне, где весной долго застаивается вода, от которой вымокают, и не сортится, посенноезерно. П.
- Выпадает** — выражение «из велика не выпадет», т. е. лучше сшить и неудобно, и некрасиво, лишь бы не узко, «не в обтяжку». З.
- Выпаханка** — выпахавшаяся пашня. П.
- Выплавать песок** — рыбаки на 2 лодках садут по данному месту реки и волокут по дну канат.

который задевает за «карчи», или «задымы»; последние потом вытаскивают при помощи ворота. П.

Выпраж — время, в которое может выпасть лягушка в соке без корыtkи, а также первые дни выпраж, т.е. на запражку. З.

Выплеть — спрятать (напр., «в ветер местами кошенина выплевает»). П.

Вадильник — длинные жердь или хворостины, при помощи которых гончий пёс может обогнать «перекин» (рыбака-старика). П.

Вязник — порода ивы.

Г

Гах — зредное животное, птица; напр., «гах под ширинку поел» значит, что птицы (ронхи) поели все кедровые орехи. П.

Гюзда — малая стерлядь, около ½ ари, дл. П.

Гибый — погибельный, бедный (имеется в виду место самое гибкое). П.

Гильтык корову — доить. З.

Глэзъ, глэзка — гололепина (*Сурдум*). З.

Глубник — северо-западный венец.

Грудзат — ворковать, не спать («ворбит о ребёнке»); разговаривать — говорится про ребёнка, начинавшего провозлать признаки ссыльности. З.

Гужко — душно (*при ворзде*). П.

Гуттура — голосовая щель, горло (*ханга гуттэгэ стоит*). П.

Глушить — оглушить ёх ушами по тоиному прозрачному лицу — способ лова рыбы. П.

Глянуться — нравиться (напр., «она эта девка глянулась»). П.

Гурс — то же, что гурина, но в более общем смысле. Но на-

звание прилагается к звериным и насекомым: комар, блоха, клоп,

таракан; к птицам — ронжа, сойка, истребляющим кедровые орехи, к животным — мышь, волк. II.

Гнусий — вредное животное: мыши, крыса, волк. II.

Гольль — порода водяной птицы. П.

Гогона — неприличная песенная прибауха. З.

Гойть — улучшать, ухаживать, холить, делает годинам, напр., «хобйт гойть», значит уদобрять, улучшать почву, «хобит гойтить» — выжигать, лен гоить —

вымачивать из лугу, л.е. стирать; холить, напр., «у них бора го- сенные», т.е. они заботятся о своих борах, не дают их завалывать хвостами и выжигают ворчечи. П. Делаете лишие, го- ить человека — ухаживать за ним (в физическом смысле). З.

Голбей — так называется иногда подполье. З.

Господин-заноч — характеристика заложника, распутного говоры (Цападе) жителей слободы Устьянинской в Тюм. окр. З.

Голубая лисица — черно-бурая. П.

Гон, перезд — часть полосы (или тропы), по которой проезжают скоты; один гон не покоряется ей (*Кунгурская, Бромниковская, и Уватская вол.* Тюм. окр.). П.

Гонить — гнать, напр., «гонить (наездить) гоница — отбывать волости, волость — сельскую под- водную поминность». П.

Гора — нагорный берег крупной реки (Оби, Иртыш). П.

Горбатая — эпитет смерти. З.

Горбунец (или мамка) — водяной таракан (*однодробине Гам- тар*). П.

Горбуша — хоса на короткой пальке, бывшая прежде во всеобщем употреблении в Тобольском ок-

- руге и теперь ущелевшая по Конде и в других глухих углах его; вытеснена ёё литовка, которая ничем не отличается от обыкновенной косы. П.
- Горчакова — *Ailanthus glandulosa* — дерево, распространённое в влажных местах (Тоб. окр.). П.
- Горская трава — см. шишабарник. П.
- Гоубец — досчатый ящик, прикрывающий вход в подвалы. З.
- Грабьба — реч. «несло боякою». П.
- Грефат — цепь. З.
- Грек — скот (см. грешит). П.
- Грешик — человек в своей жизни ежедневно и ежеминутно творит грехи. За праведную жизнь грехи искушаются. За каждую убитую змею сбывают сорок грехов. З.
- Грешить — спорить, тягаться (о тяжущемся словом): «они грешат между собой промеж них виноваты». П.
- Гриб — имея это приближимо к известной растительной особи — опенку и всех на него похожих; другие наши грибы этим именем не называют. З.
- Гриб — птица, живущая деревня Чеменовою, на берегу реки Туры. З.
- Грилка — полка, излуща от печи х стены. З.
- Грудайка — любовница. З.
- Грудайка — не работающий (конь). П.
- Гулящий — свободолюбивый, не занятый делом, праздношатающийся. «Гулящий конь» — лошадь, которая в ланное время не приводится в конюшни для сна ни едиником молозом для этого. «Гулящая девка» — девушка, ведущая лёгкий образ жизни. П.
- Гунти — плакать. З.
- Гүн — сплошная масса из оливкового масла с каплюзами. Он состоит из малицы и имеет
- мех спаружки. (с остицкого; сев. нар. кус.) П.
- Д**
- Дармовать — охотиться на лося и оленя по насту или с лошки, прикрытой ивыми ветвями. П.
- Дармованчик — лицо, охотящееся за лося и сленя по насту или с лошки. П.
- Даха — шуба из оленевых шкур, обмыкнутые из двух слоёв их, причём верхняя обвязана мехом наружу, нижняя — вовнутрь. Даха в старину распространено в городах былое времени с приставками именами, — купчими, чиновниками, стоящими до 200 рублей. П.
- Даслам — старобрдлем. З.
- Даслам дод — прислойкой. З.
- Дворник — содержит постыдно то двора, двора для ямников. П.
- Дворничать — содержать постыдный двор. П.
- Девёшка — девочка, девушка. П.
- Декель — толокно с кислым молоком; слят, прихлебывая жидким молоком. См. кислое молоко. З.
- Дечукан — обнаруживается приставка нечистой силы. З.
- Дел — меря земли в 800 саж. (20х40 саж.), которая применяется в Юрьевской вол. Тоб. окр. Как правило, дел равен двум квадратам, один из которых дел меньше и равен 200—400 кв. саж. (10—20х20 саж.). П.
- Делёжка — отдельный участок пашни каждой категории, которая подразделена на лузу. П.
- Дел — 1) меря сетей, имеющих ширину 1 сажень лиши 2—3 дели образуют «столб» (Тюм. окр.); 2) часть сети, приходящая

ися на долю каждого пайщика в синевом небоде; 3) участок земли, приходящийся на душу или на группу лиц. **П.**

Долина — участок земли, кото-

рый делится по душам в отличие от распашек, которые по

большей части принадлежат ли

чам, поднявшим новь. **П.**

Делника, землянка — то же. **П.**

Деревенская кухня — еда, де-

бятая при помощи трапезог

о друга двух деревенек. Этот

огонь поддерживает летом охол-

ол деревень, так как, по мне-

нию крестьян (и многих ино-

родов Сибири), он помогает от

поджога скота, курицы. **П.**

Дергата — сорная трава (*Echinopsretitus lappa*) (*Лакм*, *окр.*), см. лепуха. **П.**

Десяток — часть сотни или сель-

ского общества (см. сотня). **П.**

Дешёвка — маньчжурская

лишько, широко и очень «живо-

во», широко даёжко». **П.**; див-

на — достаточно много. **З.**

Дивоваться — удивляться. **П.**

Дигнититься — ломаться, шалить. **З.**

Диккая пощадина* — денежный

штраф. **З.**

Дойти, уйти — поспеть — *надр.*,

«хлеб не дошёл в этом году». **П.**

Докуль — до каких пор. **П.**

Долгое — «ничто место, где мо-

жогут хлеб (из тут). **П.**

Домовище — гроб. **З.**

Дорогая трава — сассапарель,

употребляется при лечении си-

лифисе. **П.**

Досельный — древний. **З.**

Достичь — добывать, достичь

или сущест., значит добыто,

форма достичь не употребляет-

ся. **З.**

Дребезги — мелкие осколки (*раз-*

бито в мелкие дребезги). **З.**

* Важно знать, личный ли или общий иный, со всей деревни взыскиваемый штраф. Память о дикой вире.

Луб — новая кора (употребля-
ется как фальшивое вещества при
обработке кожи). **П.**; засушенная

кора, собранная с кустарников

и деревьев. **З.**

Лубрава — бересклет, осиновая или

сменевая роща, но с преобла-

данием лиственных пород. **П.**

Луброва — отдалённый покос. **З.**

Дух (*замор*, *затор*) — особен-

ное состояние воды в крупных

реках, озерах и водохранилищах.

Он является магниторадиацией,

несимметричной и даёт осадок. Вода

эта вредна для питья, также и

рыба её не выносит, а собира-

ются около ключей, где вода

чистая, ключевая. **П.**

Луда — лесистая высокого роста

лесопачка. **З.**

Дымокур — дымокур устраивает-
ся для получения дыма, кото-
рый отгоняет комаров. Зажига-
ют дымокур, чтобы отогнать комаров
или змей или ядов. **З.**

Дырявая команда — насмешчи-
тельное прозвище баб, пренуши-
тельно толпы рабочих жен-
щин. **П.**

■

Егорьев день — 23 апреля. **П.**

Елань — который хорошо есть,
«хорошо, про елань, которую скот
охотно ест. **П.**

Ежалий — про лошадь, на ко-
торой ездят, выезжавшая в про-

тивоположность к молодым ко-
ним. **П.**

Енисейский брат, дядя, брат
отца. **З.** (с южного сибирского
 наречия — яи Южного — яя —
 тоже). **П.**

Елань — чистое место в лесу,

порошее травой. **П.**

Еремей — день пр. Иеремия, 1
мая. **П.**

Ереститься — ругаться, злиться. З.
Ерстин — высший сорт шерсти
(от первых стрижек молодых
овец). З.*

Ека — хвощ (*Equisetum vulg.*),
растущий между пропастями в виде
сборной травы на пашнях Тюм.
окр. П.

Ж
Жабка — приспособление, сле-
янное из дерева в отверстии
верхнего якоря. З.
Жаба — ящерица, сорная
трава (Тюм. окр.). П.
Жал — 1) снаряд из мелких дре-
весных стволов, которых в не-
скольких местах соединяются
между собой мочалом. Среди
жала вода не проходит, поэтому
местах оставляют места для ус-
тановления морды. Жал обык-
новенно помещают в какой-
либо пропаст. З. 2) Жал озна-
чает то же, что и жайнин. 1. П.

Жалина — 1) деревянные лучинки
или палочки, связанные мочалой.
Жалины, или, вернее, сле-
янанные из них «бочки», упот-
ребляются, чтобы во время лова
рыбы переграживать реки и
истоки из озер, причем их ся-
мько втыкают в берега. В этом
случае они состоят из многих
сосисковых зуин от 1 саж. до 4
саж. длины; 2) тоинки и длинные
жерди в 2 саж., которыми в
Ленниковской волости (Тоб.
окр.) делают земли. П.

Жало — 1) склад для про-
такивания сердечник в кали-
новых наложках при пригото-
влении цевок. З.
Женские — женский пол. П.

Жеребынка — распределение
лащин и лутов по лушам, по же-
ребым. П.

* У словенцев *ягло*, *ягела* — ягнёночек. У сербов — *яренчина* — 1) мясо, 2)
шерсть козы, яре, рета — козочки или козиник.

Жерлица — большая удочка. З. П.
Жерлицы смотреть — ходить вы-
матывать бабочку и наживлять
крючки. З.

Жицци — ключ со свежей водой,
у которого в зимнее время

скапливается рыба во время «за-
города» крупных рек. П.

Живот — промысел для рыб из
реки, озера и из горбуньев,
которых бросают в прорубь. П.

Жить — находиться, пребывать,
напр., «от пазыма картофель не
сладкий живёт»; «здесь вода
долго живёт». П.

Жорба, жорба — уха, наavar (с
томарик). П.

Жужга — насекомое, жук. П.

З

Заберега — незамёрзшие места по
берегам рек в начале зимы. П.

Забедно ему, т.е. он завинтил и

заподожил. З.

Заболотными татарами называют
татар, живущих на пророговых
и болотистых берегах в Тобол-
ском округе таковы татары Чебури-
гинского сельского общес-
тва Городовой волости (пре-
жде Караайская вол.) и тата-
ры большей части Эсказбин-
ской волости, главн. обр. её се-
верной части (ауэрские мато-
ры). П.

Забор — наружная стена гоуб-
ца. З.

Заборетой молодец — («лесне»)
рекрут. З.

Заборье — за водью называется
прибрежная часть реки, заключ-
ённая в изгибах берега и ли-
шившаяся течения. З.

Заволия — большой амбар без су-
секов, предназначенный для
хранения экипажей, сбруи и
проч. З. П.

- Заволока — при лечении сибирской язвы через определённые промежутки времени 2–3 заволоки, которые связывают в узел. Ранку смачивают лёгтем, супсью мой или квасцами. Каждый день 1–2 раза теребят мочалу или волосы. Через некоторое время зашемянная часть кожи отмирает и отпадает. Это лечение называется «заборанием» («волоком») (П.).
- Заворы (им. сущ.) — в некоторых огородах ворот не делают, а вместо них кладут жерди так, что их легко разобрать и проехат в огород. Это место и называется «заторами». З.
- Завинуть — насаживать (про топько что вслачанную пашню) (Тоб. окр.). П.
- Загнета — куна углей в печке, углубление в печке. З.
- Загён — часть поля между двумя бордюрами бороздами. З. Не большой подножный участок земли приблизительно в 75–125 кв. саж. (5x15,25 саж.). Это не вполне определённая мера применяется для определения приблизительных размеров площадок, засеянных льном, коноплёй и т. д.
- Затор — см. замор, дух. П.
- Загородье — место для скота; в других местах называется пригон. З.
- Задворье — пристранливаемое сзади дома, закрытое со всех сторон домами, то есть обычно кено летом держит птицу. З.
- Задева — см. склон саг. П.
- Замка — довольно большое пространство удобной для пашни и сенокоса земли, находящееся в одном месте и принадлежащее одному лицу, которое среди своих владений часто устраивает дом и другие необходимые в хозяйственном быту пристройки. З.
- Задор — дубрава, горосная западная дикая ель, берёза, покрытая лиственным лесом. П.
- Закорыши — древесный червь, личинка майского жука, употребляется как наживка для удочек. П.
- Закраина — кайма льва по берегам рек во время их замерзания. П.
- Закутягеты — занюзеветь. В пословице: «Не сонхет, не мокнет, не куртевет» (людо живёт). З.
- Залавок — продолговатый ящик, устраиваемый вдоль стены окна для хранения посуды. З.
- Залихтелось — так говорят о лошади, когда она под тяжестью воза вспотеет и устанет до того, что еда передвигает ноги. З.
- Залог — поле, добывшее землевладельцу право на него.
- Залечить — обвязать кору (про пашню). Хорошо размельчённая земля после сильного дождя и следующей затем засухи «зудит», или образует твёрдую кору. П.
- Замор — (от глагола замирять) — явление, характерное для бирских рек в зимнее время. Местные жители полагают, что вода в это время «замирает», или «горит», отсюда название этого явления («замор», «загор») (см. лук.). П.
- Зандратиться — сидеть, копт, «вы не зандратесь и курите!» П.
- Запад — западный ветер, запад. П.
- Запас — запасом называется хвойный лес, находящийся около Усть-Ичи и ограниченный со всех сторон пророской. З.
- Заплот — забор из бревен, положенных горизонтально одно на другое, которым обносится дом

- с принадлежащими ему пристройками. З.
- Запой — фартух. З.
- Запретчи — запречь (ср. легчи). П.
- Запрос, или калым — выкуп за невесту. З.
- Запуки — бабы запуки — пранье, вздор. З.
- Зарина — изогнутое от гравия зернко, зарнко — может быть название лиса в басне Крылова «Лисица и зимород». Она обсыпалась на спелые плоды винограда. З.
- Зарод — продолговатый стог. П.
- Зароды, или омметы строятся из кирпичей. З.
- Зашиваться — затянутся (про одежду). П.
- Застить, застовать — заграждать свет. З.
- Застольные песни — свадебные песни. З.
- Затопля — время, пока топится печь. З.
- Затор — густое-прегустое тесто, полученное из солоду, ржаной муки, кололиной волы посредством размешивания веслом — всё это для пива. З.
- Затрутурнило — засосало (в лицо). З.
- Затулы или проулки — соединительные пути между улицами. З.
- Заутры (уш) — бывают в деревянных кадочках. Этим словом обозначаются места соприкосновения кадочки с дном. З.
- Затыльник — затылок. З.
- Занимать — начинять. З.
- Заничерькеть — захудеть. З.
- Зеरъ, чёрный зеरъ — медведь. П.
- Зарассяй — заракствуй. З.
- Земля на пашне — поле, находящееся от свободы на расстоянии 10—15 верст. З.
- Зимнаина кереть, получаемая в декабре. З.
- Зимусь — зимою, прошлю зиму. П.
- Злыт — злыт. З.
- Злык — хитрый, пронизливый. З.
- Злыку не дает — беспоконт. З.
- Зовутся между собою, т.е. приглашают взаимно друг друга на свадьбы и просватая невест. З.
- Зыбка — люлька. П.
- Зыбуи — трясина. П.
- Зындигать — сильно колотить. З.
- Зеблий гол — гол с сильными и поздними морозами, с поздними или ранними заморозками. П.

И

- Иверень — маленький осколок. З.
- Игольщик — см. полотеник. П.
- Избушка — избушка. З.
- Избушка — предназначена для защиты от непогоды и в большинстве случаев не имеет окон. Перевозная избушка — избушка для перевозчика при перевозке через реку. З. Пащенные избушки — (от пашенного) рыболовных избушек — лёгкие постройки на берегу рек и озёр, где производится временный лов рыбы. П.
- Изграби — низкий сорт кудели, составленный из клочков, от долговременной и полной трепали. З.
- Изграби — выйти хорошим; «сапоги изграби» — значит оказались прочными. З.
- Изграэить — изувечить, сильно ударить. З.
- Изгроочить — слазить, см. урочливый. П.; взглянуть недобрый взглядом и отпустить добро. З.
- Из-капыл-ып — нечистый дух. З. (Вероятно, из калмыцкого или осетийского). П.
- Иордан, или выбор — болтуя прорубь, через которую по

окончании неволы в зимнее время вытаскивают невод. П. Исполки — шерстяные рукавицы, которые надеваются под кожаные верхники. П.

Исполик — кожаный. П.

Истопае — энтиз Христы. З

Истопае — количество звон, достаточное для того, чтобы исполнить печку один раз. З.

К

Кабыты — значение этого слова можно понять только из разговора, напр., «дэла, я поханькала, а он кабыты и лал». З.

Када — мера сыпучих тел, равняется четырём пудовкам или полметре. З. П.

Кайдын — часть сеней или горнила, отдельная дощечка стеною. З.

Казы, казы, казонки — междометия, посредством которых манят гусей. З.

Калачик — прядки или орехи, которые делают сама ребята измоки около церковной ограды, чтобы они не поклонялись горону. З.

Калашника — железный котёл для варки кашанок и грязного беля, употребляемый главным образом останками. П.

Калашник — пустейши. (с татарского — калашник). П.

Камелек — род женской прически. З.

Кан — шир. З. (с татарского право или при посредстве вогульского или останкого кан, хон, кан) П.

Кан — рубаха — самка глухари, тетерев. П.

Капустник — огород для капусты и картофеля. П.

Караван — толпы рабочих, идущих на рабочепромышленные пески и обратно. П.

Карузлом играть — игра вроде «гори, горй ясно». З.

Картовки — карточки. З.

Карча, или задева — см. сад. П.

Карш — небольшая стерлядь (с остатками, ипр.: картыш; по-татарски карин) — четверть ярдов. П.

Кашалиха — камера при волостном правлении, куда сажают провинившихся крестьян. П.

Катааны — валенки. П.

Кайткий — удобный для езды, напр., «какая дорога». П.

Кана-шаруха — кашаны, приготовляемые следующим образом: яичную муку заваривают кипятком, получившее густое тесто кладут на сковородку, в середине кашан делают углубление для масла и, разогревши в печи, в таком виде подают на стол, иногда заворачивая с молоком. З.

Каюк — большая крытая лодка (вер., тюркское слово). Это слово пользуется огромным распространением и известно в Нижней Стране под именем гренландских эскимосов: каюк, у испанцев — саице, у французов — сайде, у турок — каих, каюк, у останков — каки. Русские, вероятно, заимствовали это слово из тюркского.

Кашепитин — пирожница, которой завязывают скрепку кашиной, после чего зимой ставят её (квекиню) на печь, а летом на лавку. З.

Кашинить — вводить в слезы. З.

Кевул — большая деревянная ложка. П.

Кедра — лодка из кедра. П.

Кержак — собственно старобрюя, в переносном значении — нечистоплотный человек. З.

Кибас — груз для невода, обыкновенно состоящий из жёлтой глины, помешанной иногда в мешочки из бересты. П.

Кибасы — просушенные куски

- тавина в форме сплющенного шара с отверстиями посередине. З.
- Кий** — особый снаряд, которым глашат рыбу. З.
- Кижимора** — бранное слово, иные не обозначающее никакого определённого понятия. З.
- Кинен** — азак, который благовония свою волоцебородым кориценицам затрудняет первую вспашку землины (жожная часть *Тоб. окр.*). П.
- Кислок** молоко — творог с пропасткашней. З.
- Киследъ** — залог, поднятый в прошлом году и годами для погасить долг. З.
- Кисы** — сапожки из оленей шкуры, мехом наружу. П.
- Китки, кайтчи** — венцы из ивовых или берёзовых прутьев. Китки, завитые на живые деревья, служат, между прочими, как венцы между покосами двух смежных владельцев (*Тоб. окр.*). П.
- Кладбищишо** — кладбище. Слово «погость» вовсе не употребляется. З.
- Кладиню** — складывание хлеба в гумнице и соломы. З.
- Клыть** — кисть.
- Ключевая рыбъ** — рыба, которую в зимнее время добывают сколько ключей (см. лух). П.
- Кобынка** — вредное насекомое, вероятно, из рода кузинчиков. П.
- Кобэдания, коведания** — недавно. П.
- Коза** — снаряд из листового железа, на котором во время «лучения» рыбы разводят костёр. Коза прикрепляется к носу лодки. П.
- Ковадни** — когда-то, недавно. З.
- Кохъ** — ласкательное (для детей) название яичка; хрестовая мать (*Сурум*). З.
- Колы** — когда. П.
- Колесника** — местная соха (см. сабин). П.
- Колода** — совокупность окладных сборов (*подушные оброчные подати, частная волостная повинность и сбор на межеведение земель*), платимых крестьянами. Кода — колода земель, то есть, как известно, платят они волостные, мысские, или сельские, и другие. В Тобольской губернии размер «колоды» колеблется, смотря по местности, между 4½/ и 5 рублями с душек в год (*Тоб. окр.*). П.
- Колодай** — гроб, который выкопали в голом брезне; в колодах хоронили в прежнее время. З.
- Колода** — снаряд, на котором гнут полозья. З.
- Колодец** — узеление в центре с котлованом смыту. П.
- Колок** — редкая виноградная гроздь и около которой расположены пашни и луга (*Тоб. окр.*). П.
- Колоколы** — «с колоколами прошаться» — ходить на колокольни в субботу Христовой недели. З.
- Колодники** — горизонтальные жерди, на которых в оинах и ригах сидят хлеб (*Тоб. окр.*). П.
- Колоткая дорога** — колотыши дорога. П.
- Колотом добывать орех** — добывать инжирку ударами бревен по кустам. П.
- Колечный** — призатягательное от колок, напр., «колечный пояс». П.
- Комарник** — начало лета, когда комары появляются в больших количествах и загоняют оленей в леса. П.
- Колен** — нижняя часть деревесного ствола. З. П.
- Коноплевый лес** — просушенный, засоревший лес. Если по одному

- кошачьи бревна удирить, то на другом берегу слышан звук, похожий на звук колокола, в переносном значении — хитрый человек. З.
- Кондовый лес — В густом насаждении и на более или менее песчаной почве сосна даёт мелкую кору. Красивая и смолистная древесина, которая составляет ценный строевой, так называемый кондовый лес. Лес противоположных качеств называется чепчиковым или мендовским (*Тоб. окр.*). П.
- Конек-горбунок, или старничик (*Arctocephalus campestris*) (*Тоб. окр.*). П.
- Конопле — конопля. З.
- Кончанские — живущие на разных концах свободы. З.
- Конь — лошадь, в сибирском и Тобольском обиходе слово «лошадь» употребляется сравнительно реже.
- Копать лес — выкалывать высокие деревья на месте, предназначенном под пашню. Это имеет место в первом или даже во втором году, когда стволы мелких деревьев. П.
- Коптия — кура сена в 5—7 пудов, на севере Тобольской губернии применяется как мера луга: на душу отводят участочки, с которых можно снять определенное количество коптий. Ручная коптия в Тобольской Сибири равна 3—4 пуда; женская, когда уборкой занимается женщины, — 3—3 $\frac{1}{2}$, пуда. П.
- Копоть — стоять конина. З.
- Копоть — пыль (также мелкий снег), который садится на сущего по пыльной (снежной) дороге. П.
- Кореновая снасть — тетивы больших наводов, к которым прикрепляют мережу. П.
- Кортом — аренда. П.
- Коронная плата — арендная плата. П.
- Коршун тришиной — говорят, иронизируя человека, оного в лохмотья. З.
- Косинка — головной убор старух. З.
- Косичка — висок. З.
- Космычом ходить, *т.е.* ходить, не подвязываясь платком. З.
- Костики — ненужные части, отлетающие под маклюкой от лыжи, который уж «услыхит». Ещё большие выделяются костики, когда лыжи трещут. З.
- Косычком подвязать платок — подвязывать платок, выставивши сзади над затылком угол платка сверх узла. З.
- Котей — рыболовный снаряд из снопки из штор (лучин), связанных нитками. Котей состоит из трех блоков, кождая в 120—140 лининов. П.
- Конин — сердцевинки капусты. З.
- Кошели навешены — болезнь, при которой болят верхняя часть спины и крылья — «как дает волчий ветер, ни покоротиться». З.
- Кошка — повилика (*растение*) (*Тоб. окр.*) П.
- Коштовары — пользоваться. П.
- Кошунец — прозвище жителей Тюменской губернии, дано им потому, что они «насторожены обществом жить». З.
- Красик — красноватая глина, служащая подложкой почти повсеместно в Тобольской губернии, называется она также «материнская земля» (*Барыкин*). П.
- Красна — см. старцы.
- Краснотальник — города ивы. П.
- Красотка — род сыр自救ки (*зриб*) (*Тоб. окр.*) П.
- Кралыник — инструмент, состоящий из 9—12 резцов, вставленных в ручку. Употребляется для

- расщепления луба из тонкие ленточки при выделке решёт (Тоб. окр.). П.
- Кремлевая — сосна, выросшая на опушке леса на склоне места, именуемого старым городом. Круг — сеть, твердую плотную дреесину, из которой делают разные вещи, требующие особой твёрдости. Такое дерево называется «кремлевым». П.
- Кремь — см. кремлевая сосна. П.
- Крепка — акт спасения и пользование ими (один из видов). П.
- Крестовая лиисца — лиза, имеющая темный хребет и красные бока. По качеству меха стоит между чёрно-буровой и сиводушковой. П.
- Крестова — Рогозница ветвиста — притягивается от водяники. П.
- Крестянская десятина — мера земли в 2700 кв. саж., реже в 3200 кв. саж. или 2500 кв. саж., в отличие от казённой в 2400 кв. саж. П.
- Крестянская сажень — ручная сажень в противоположность печатной. Крестянская сажень бывает двух родов: 1) она равняется расстоянию между концами двух горизонтально лягущих ног; 2) расстояние от передней поверхности ступени до конца пальцев пятнистой вверх руки. П.
- Кричать на всю ёсину — кричать всеми громко. З.
- Крот — мышь, крыса, пеструшка. П.
- Круглая десятина — мера длины в 2500 кв. саж., оба измерения которой равны 50 саж. Она встречается в немногих селениях Тобольского округа. П.
- Крушина — порода деревьев. З.
- Крэлло — плавник невода, не имеющий мотыги. Н.
- Крыльца — полотки рук. З.
- Крыши — примыкающие к зап-
- лоту крытые верхи, под которые складываются дрова, становятся складками и проч. З.
- Крюк — большой рыболовный крючок.
- Крючок — сеть для ловли щуки, нельмы — ловить крючками. П.
- Крючки, или тычки — ловушка для рыб, состоящая из крючков, прикреплённых к палке с сучками (Тоб. окр.). П.
- Ксыры кса-ксм — междометия, посредством которых гонят кошку. З.
- Кузов — корзина из берёсты. П.
- Кукопыца — сочная трава (*Silene inflata*) (Тоб. окр.). П.
- Кукорки — корточки. З.
- Куль — местное кущанье из ягод и трав, имеющее черемухи и боярышники. П.
- Кулемы — см. спопы (Тоб. окр.). Круглые кулёмы устраивают на медведя. П.
- Куйин — Во время спасы большие несессеры, сделанные из берёзы из берегов, на лугу обрастают остроконечные заливы. Эти-то временные заливы и называются куйигами. П.
- Куль — чёрт. З. (С остинского и аудымского куль — то же). П.
- Куликник — котярник. З.
- Курган — кромор. З.
- Курница — снаряж. вкладываемая в переднюю часть бала для загибания головы полоза. З.
- Курник — большой пирог, начинённый морковью, местное кущанье из сушки грибов, изменённых и смешанных пополам с драной мелкой крушой. З.
- Курья — речной залив. П.
- Куть — часть избы, находящаяся за дверью (сама цепь). З.
- Куты, куту, куту, ку-у-ть, кутины, кутины! — междометия, посредством которых маният кур. З.

Кэшха — птица, питавшаяся плодами хвойных деревьев, сойка (?). П.
Ки, ки — междометие, посредством которого тонят овцы. З.

П

Лабазник — растение из семейства розоцветных с белыми двинистыми цветами, цветы, листья и стебель которых сушат, запекают, как вин. З.; сушат и превращают в хлеб. Овсянка азиатской наз. П.
Лава — столбик с колышеобразной вязкой, на которой покоятся жерни, где складывают суслоны хлеба. Выемки на лавах вырезают хлеб от мышей (*Totem okr.* П.).
Ладонь — ток. З.
Лайда — небольшое продолговатое озеро в окрестностях Тобольска. П.
Лакула — калючка с глухой краинкой и с носиком (*Totem okr.* П.).
Ламца — репа, броква. З.
Ланичин — крясъя телеги. П.
Лашка — собака, которая есть кошачий туши; под этим именем существует в понятиях жителей татарин. З.
Левитъ — брат киево, напр., «мог ружьё левитъ». П.
Легчи — лечи. П.
Лепук — бересклет. П.
Лубка, или берига — сорное растение (*Echinocystis lobata*) с цепкими семенами, пристающими к одежду. П.
Лесайн — кусок дерева, бревно, дранка, из которой делают котла. П.
Лесной и водной — злые нечистые духи, называющиеся так по месту своего обитания. З.
Лесной промысел — добывка пушного зверя и птицы, промысловая охота. П.

Лесовик — см. лешак. П.
Летние юрты — юрты, в которых инородцы живут летнее время. П.

Лихоманка — путь по берегу реки, пока она не стала широким путем обыкновенно идти по замёрзшей поверхности реки) П.

Лепнина — шерсть, получаемая в августе. З.

Летьось — лето. П.

Летопись — на котором растёт конопля. З.; узкая полоска пашни, затон. П.

Лешак, лесовик — лещий. П.

Литовка — коса (обыкновенная). См. горбуша. З.; литовка с горбушей, земляничко-яблочко-оружия для косыба овса. З.

Лико — говорит вместо «тошнит».

Лихоманка — лихорадка. З.

Лобры — небольшой осётр в 4—5 вершинах длины. П.

Лобынь — две большие доски, соединенные под углом около 60° и прикрепленные около матти в верхней трети. З.

Лог — низменное место между двумя грядками. П.

Лодарь — лентяй, шалопай. З.

Лодий, ломайс — в прошлом году.

Ломайс — прошлого года. З.

Лоншак — головая лошадь. П.

Лоншина — то же. П.

Лопатъ-веника — земледельческий снаряд для вспашки зерна. З.

Лопать — обыкновенная будничная одежда. З.

Лопотина — определённая одежда. З.

Лопотъ — одежда. З. П.

Лопош — одежда. З.

Лопушки — водяные растения с широкими плавающими листьями (*Nuphar luteum*, *Nymphaea alba*) (*Totem okr.* П.).

Лубок — лыко с одной липки. П.

Луг. Обыкновенно сенокосные

уогля называются покёсами. Название же луг представляет скорее собственное имя тех по-косов, которые весной заливаются водой. З.

Лутошки — срубленные стволы дров. З.

Лаша — лимнинное влажное место среди леса, свободное от деревьев. П.; лыща — лужа. З.

Лынина — то же П.

Лыжница — след лыж по снегу. П.

Ляга — продолговатое сырое место между кустов. На котором растет граб. З.

Ляга — луг. П.

Лямка — пальчика с ремешком, при помощи которой ташат невод. П.

Ляпуны — см. вицы. П.

M

Мали, мали — междометия, по-средством которых манят глятят. З.

Малица — нижняя одежда самцов, также остатков у русских на Севере из оленого меха; она обивается мехом внутри (см. гусь). П.

Малосток — крестьянин или инородец, не попавший в ре-вийскую сказку 1858 г., хотя ему было и 30 лет. П.

Малослый — см. рослый. П.

Мамык — горубец (*по-тат.* — комык). П.

Мани — младший брат. З. (С ос-тацк: съе. нар.: монье; арт. н.: манык тоже). П.

Манило — плотный забор из жердочек, связанных в виде шторы, который ставится косо в реке и ведёт к отверстию фи-тия, когда чир другой ловуш-ки. П.

Мартышка — чайка. П.

Марыны корень — корень мест-

ной Раевши: применяется в Тобольском округе как лекарственное средство. П.

Мась, мась, ма-а-сы! Масинка, масинка — междометия, по-средством которых манят свечи. З.

Матера, или материк — болотный лес вади от холина, тайга. З.

Материх — наиболее возышенные части местности, напр., весь правый нагорный берег Иртыша, куда никогда не заходит вода и где порода состоит из красной глины, а не из известняковых пластов, как в низменности. П.

Матерый — крупный, большой, здоровенный (*про животных*). П.

Матица — см. мотня. П.

Матка — поплавочный ящик на ви-дите зембей. З. Кисти, которые относятся ко времени и Алексея Михайловича, и Петра Алексеевича, имеют вид длинных и узких свёрток, письменные вязь и скреплённых наскрёбок печатью. Большая часть татарских овец имелог такими кистями или чешью кончи с них. Называются они также крепами. П.

Матия — длинный, суживающийся к концу мешок из мережки, который устраивается в конце пещеры (см. пещера). З.

Маук — деревья или кусты с западинами на них венчиками, служащие вехами между покосами двух владельцев. П.

Мегден — елец, рыба, похожая на чебака, но имеющая более толстую спину. Слово происходит от татарского мэгден. П.

Медвежье дерево — полевая спаржа. Отвар этого растения употребляется в Тюменском округе при лечении тряси и бо-

лезней мочеполовых органов, они считаются мочетонным средством. **Печенье** — Межёйинное время — жаркое время в ирене. З.
Мелыши (?) — двухголовой лось. П.
Мендач, мендакий или мендакий лес — северный лес с преобладающим древесным, представляющим хущий строительный материал, чечевидным. Мендакий сосна пронизрастает на более южной почве и более свободно, часто среди лиственного или смешанного леса, на горах и в долинах. По обеим своим виду отличается от кондоловой, имеет более низкую и крупную крону (*Том. окр.*). П.
Менять баш на баш — менять без приличия. З.
Мера — каль, мера зерна в 4 четверти. П.
Мергис — (удалой) стрелок, охотник (с татарского мерган). П.
Мерёжа — полотно, из которого делается невод. З. П.
Мерная рыба — рыба, имеющая определённое для каждого вида членение тела от глаза до конца хвоста. П.
Метё — знак, веха. П.
Метище, или став. При начале лова на юровых имах Иртыша в местах, где имеются последние, делясь на отруби, или же, делясь на отруби, на реке. Длина отруба не превышает полуторынки, а ширина — 22 сажениам, т.е. длине самолова и mestu для прорубей. П.
Метлника — сорное растение, лекарственная рюбка (Магнолия сибирская). П.
Метлик — бабочка. П.
Метличек (иумыш) — то же. П.
Мётрый потреб, или ледник (ледника) — погреб для складывания трупов. З.

Молосный день — скоромный день. З.
Молотило — цепь для молотьбы хлеба. П.
Молочник — козлобородник, сорная трава (*Tragopogon majus*). П.
Морговать — брезговать. З.
Мориль — инструмент для ловли рыб, состоящий из соединения двух конусообразных плетёных из тальника. З.
Морда — то же. П.
Морковь — морковь.
Меркотно — неприятно, противно, тошно. П.
Мерлок — облако, облака морочного — облачно, пасмурно. З.
Меронино — облачно, пасмурно. П.
Морская рыба — рыба, проводящая часть жизни в реках и часть в море (*стерль, осетр, нельма, якуш и др.*). П.
Мотыль — си. метяя. П.
Мотыль — неопределённое число пасм. З.
Муксун — *Salmo Muksun* (с осетинского — муксан) — рыба из семейства лососевых, живет в Охотском и Иртышах. П.
Муксунов стреларь — наименование выражение имеющее: «ловить рыбу в низовом крае», говорится про крестьян более южных областей Тобольского округа, которые отправляются неволовить на них. П.
Мүлек (умечмы) — мелкая рыба, идущая на приманку при ловле крючками. П.
Муль — то же. П.
Мумынъ — безумный старик есть может, си. мумилт. З.
Мурак — трава, преимущественно мелкая. П.
Мягкая земля — долго паханная в противоположность распашке. П.

Мягкие — обед, завтрак и ужин и хлеб, который пастух получает от владельцев пасомого скота по известному числу дней за каждого скотину, причем 2—3 овцы считаются как одна голова крупного скота (*Тюм. окр.*). П.

Н

Набой — перебой, напр., в Тюм. окр. луга иногда делятся набоем, т.е. каждым из участков озимых полей или конюшнями называлось принять его на наибольшее число душ. *Напр.*, если на какой-нибудь участок пожертвовали 5 крестьян и 6 крестьян, то предпочтение оказывается последней группе. П. Надеждовать — обутесь, оденется З. Нажин — количество спонов, которое можно нажать с определенной мере земли. П. Накидка — навоз. П. Накинуть — употребить. П. Накица — это, оставляемое в ржаной каше из предыдущей стряпни. З. Накладушка — любовница (*Деминск. и Ленинскож. вол. Тоб. окр.*). П. Наколка — праздничный головной убор молодых замужних женщин. Накомарник. Чтобы отградить от укусов насекомых плечи, шею и от части лица днем во время работы, женщины накидали себе на голову специальный им накомарник. З. Наледь — вода, выпущенная из-под льда под влиянием напора снега. Потом она застывает в корку, опять под влиянием снега оседает, покрывается водой и т.д. При этом лодки часто пропадают через перекинутую кору до находившейся винти. П. Намазушки — морды, внутри

которых намазывается приманка. З.

Намётка — рыболовный снаряд в виде большого сачка на шестах.

Напирей — булава З.

Наплобок — деревянные поплавки, которые прикрепляют к ней волу. З.

Напрокудить — накуролесить; напрокудить — опротивить. З.

Нарт — лёгкий кожаный, в кожаные прорези для соболя или олена, шлем для татарской промышленности. П.

Наручье — не в долг, на наличные деньги. З.

Наряд — лучшая праздничная одежда. З.

Наслоник — маскированный; см. шиншик. З.

Насердаке, «по насёрдке» — по злобе. З.

Наст (*тв. под. настом*), или ча-рым (*им. под. чарымом*) — ледяная кора, которой ночью покрывает растяжиной лёд. З.

Наст — ледяная кора, которая после оттепелей покрывает снег. По насту легко ходить на лыжах. П.

Настоять — действовать, начинать дело, на известный лад. Так, на крестинах непременно принадлежностью является каша: когда её ставят на стол, повиновальная башка разносит её. Эта особенность башки выразилась в забористом выражении на этот случай выражением: «Время настовать, кащупа хлебать, башушка, вино подавать». З.

Насторожить — наставить лук или другую ловушку. П.

Натацаться — натолкнуться, слушать. П.

Натолди — спешанко. З.

Нетренивать — весело и скоро напевать. З.

Наголливать — немного знать, слегка понимать. З.
Натурышиться — принять наименованный вид, взерошиться. З.

Нажарло — силой, насильствен-
но. З.

На нейш» — на почту. З.

Нийчинич — род бои из беличи-
х хвостов, называемых по оси
на широком. Этот предмет одежды
применяется в Демьянковской
и В.-Демьянской волости (Тоб. окр.)

и служит для защиты горожан от змеев. З.

Небо — твердый каменный свод

над нашими головами. На него

обитают Бог и угодники. Небо
иногда открывается или развер-
зается на одно мгновение, и в

это мгновение люди видят
красноватый свет. З.

Неводник — большая ложка. З. II.
Неводница, «абойница» — боль-
шая ложка. Употребляется при
народной. Г.

Недоладом — кувыроком, навы-
ворот. З.

Недомерок — рыба, не имеющая
противоположников, чтобы
быть «мертвой». II.

Недосен — исполнен обесмене-
ние полей вследствие недостат-
ка семян. II.

Недозок, подзак — неболь-
шой ъбъ. II.

Некош — плохой. З.

Нельма — Salmo Neimaa — рыба
из породы лососевых, живёт в

Оби и Иртыше. II.

Неплюй — головой олень. II.

Нето-нето говорят, когда хотят
вызвать медлительность. З.

Несурай, искрохордный ток —
см. урожай. II.

Низ — нижняя часть Оби, Север.

II.

Носары — провинциальные жители де-
ревни Носково; провинциальное
дано за большие носы. З.

Носский — про одежду, которая
долго не изнашивается. З. П.

Нох, нох, но-о-х! — местоимения,
использованием которых меняют со-
беседа. З.

Нурало — длинный шест, при-
меняемый при зимней неводь-
бе (Тюм. окр.) П.

Нурить — протягивать во время
неводьбы зимой нурки из ог-
нища в тину. П.

Наша — тина, топкое место на
дороге около самой воды или на
дне. З. Взгляд на, места подле
крупных рек, покрытые вязким
илом (с *татарск.* *ныштэ*). П.

О

Обговаривать — отывать
подвалную гонку за пользова-
ние землей. II.

Обенчик — юго-восточный ветер.
З.

Обечча — деревянный ободок
сига. П.

Обзариться — позариться. З.

Облизящий хлеб — рёпа и горох,
которые сильно страдают от

небесных (Тюм. окр.) П.

Обиручка — обернуть — обеими ру-
ками. З.

Обиности — воровать, напр., «нас-

обиести» («оборовали»). (Тюм.
окр.). II.

Обицкий — опасный. З.

Обицкий туланчик — татар-
ские переселенцы из Казани и
др. мест Восточной России об-
разуют в Тобольском округе

особую волость борчовых чу-
вашников. Название это про-

изводило от того, что эти гатары
прежде питались борчевыми ялами,

или чурвак (Тоб. окр.) II.

Обскакывать — скакывать. П.

Обшики — крестьяне, отличаю-

- шися свою и нерасположением
к паше и откладыванием любовью к отложенному промыслу.
Таковы, напр., жители деревни Некорошковой. З.
- Обшишка — замка, принадлежащего помещику. З.
- Объезжалось — освободиться от сна. З.
- Обычаться — освободиться от сна. З.
- Офортистся — привратится в состоянью макоши. «Сладят ваши макоши и говорят биски: «Ну, дескоту в макоши». Они подлезли. Который мухой овернется, который как, и залезли. З.
- Оини — 1) супыльня для хлеба, в которой роль играет мука; в последние же дни — приправа, в разной саже в один входит около 200 снопов ярового и 180—190 снопов озимого хлеба, при оинорванной оине — 150 снопов. Оини называется также оином, а потому большую бременность даение с плоской или двухскатной крышей из теса или жердей, крытых соломой или дерном; 2) мера зернового хранения в снопах. Оин оногоного — 150—200 снопов ярового и 200 до 300 снопов. П.
- Огоревать — с трудом привессти какую-нибудь вещь. Напр., некто долго собирался купить новую рубку, но все не было денег, на конец он её покупает и может сказать: «огоревал в конто вско». З.
- Огород — изгородь вокруг пригорода или посокотни. П.
- Огрыда — часть отгороженного огорода, выделенная для отдельных никонок пристройками. З.
- Ограмония — гармоника. З.
- Огуречная полка — болезнь на огурцах. З.
- Однако — кажется (напр., «однако у него есть корова»). П.
- Оландерева — членок. П.
- Онорялка — сушильня (овеня рыва), в которой хлеб сажают в один ряд (Тоб. окр.). П.
- Ожимок — затвердевшая конопляная мука в форме чайного кирпича, оставшаяся после вымешивания конопляного масла в масляном стакне. З.
- Озийный — громоздкий, непоместительный. З.
- Оклематься — взыдоровать, с равняться. З.
- Окодить — очистить (напр., «у вас окодили наше зерно», что и означает наше зерно отмыться, что не чувствую). И.
- Омальте — смитко лепёжное сено или же сено же сильное или поганое. Ч.
- Они — старшая сестра. З (Солник: сее кпр.: они — старшая сестра, тётка со стороны отца). П.
- Оноголь — колза-то, недавно. З.
- Ономиясь, с комицца — конца-то.
- Опаль — см. водяники. П.
- Опинуться — на минуту остановиться. З.
- Опиться — то же. З.
- Орать — сильно кричать, ещё не требуяться в смысле — кричать поле склон и лицом. З.
- Орад — так в Тобольском округе называют самоделов и отчаявшихся особо виновных в зверских преступлениях. П.
- Орайка — лучший сорт «пресной» шерсти (Тоб. окр.). П.
- Осламчить глаза, т.е. широко их открыть, ничего не видя и не понимая. З.
- Ослабление влаги внутренностей животного (склона), именно: легкие, сердце, печень. П.
- Осбие-осбие — выражение, характеризующее самостоятельную жизнь; тих только что женящийся сын уходит осбие-осбие, оставляя своих родителей со

- своим младшим, часто еще несовершеннолетним братом. 3. Осиновка — осиновый членок. П. Основа — пружка, натянутая на края. 3.
- Осот, осоты — сложноцветное сорное растение (*Cirsium heterophyllum*). В Европе под этим именем подразумевают различные виды *Cirsium heterophyllum*. П. Оспинник, оспенинка — опостынивательница. П. Остожье — загородь, в которую складываются хлеб и сено;ывают хлебное остохье и сennину остожь. В хлебных остохьях помещаются яйца, а в сennинных — зароды. 3.
- Острорёв — клочок или mestечко сушки среди болота. П.
- Островья — попарно вбитые в землю деревянные столбы для горизонтальных жернов, между которыми стоят помещают снопы сиропов сеня для сушек. Снопы обращены друг к другу колосками и имеют посередине прорезь, в которую может проникнуть ветер (*жим-окро*). П.
- Остятика — остичка. П.
- Остиника верста — мера длины, которая применима к Демянику; она равна приближительно 5—6 верстам. (*Также мера в 5 в. встречается и у сырова*). П.
- Осымин — $\frac{1}{4}$ части сороковой десятини (в 3200 кв. саж.), или 400 кв. саж.
- Озёра — озёра называемые молодая зелёная травка, выраставшая на лугу вторично после уборки сена. 3.
- Оглония плюскотинка — выготы, находящиеся в коротком и узком пятнистом пасынке (*700 вёр.*). П.
- Откатывать горюх — очищать горюх в сите, залеживая аурой горюх в верхней части и скатывая горюх в нижнюю часть сите. 3.
- Отнога — узкий залив, узкая полоса земли в лугу. 3.
- Оттенить пасущимися зёрна — вновь перетолочь и пропечь их. 3.
- Отхожая или отсыжая пашня — пашня, лежащая далеко от деревни, куда надо ехать или ехали. (*Городок*). П.
- Отхостью, хвост — когда веют лопотой на ветру, самое адренальное зерно падает ближе всего (это — голова), более лёгкое падает дальше. Самое лёгкое падает дальше, чем самое головное. Это — хвост, или холость. П.
- Охичаться — убираться в доме. 3.
- Охрета — грязный, нечистоплотный. 3.
- Очен (мн. число очены) — нетрадиционные басмы, который кладут на кол при воссасывании для лоямий забив. 3.
- Очесливый — вежливый, знающий и исполняющий правила хорошего обхождения с людьми. 3.
- Ошварашиться — внезапно остановиться, покатиться. П.
- Ошоркать — смести, смахнуть, вытереть. (*напр., «ощоркать стол, пом»*). П.
-
- Падун — белого. П.
- Пай — доля. П.
- Пай — пойдём. 3.
- Пайло — государство между братьями в степи. 3.
- Пакля — уничтожительное название руки. 3.
- Пакости — портить, приносить вред. П.
- Пакостник — тот, кто портит, вредит. Так, между прочим, называется в Тюменской окресте ракообразное гамптианус *pulex*, иначе

- горбунец, которому притискивают портму рыболовных сетей. П.
Пал — то же, что палы. П.
Палец — спина колеса (об. во мн. числе). П.
Палы — лесной пожар. З.
Парёнки — расщепленные или размытые края. З.
Письмо — 10 чицменок. З.
Писть — см. словицы П.
Пауты, паут — овод, муха, моска. П.
Пачесин — клочки кудели, отделяющиеся от чешуи на четверть, висящий сорт пашени. З.
Пауль — ногулуское селение (с ногулуского: пауль). П.
Пашеневые избушки — постройки из дамбы пашни, куда крестьяне переселяются во время паводка. Пашеневые избушки в Бородинском (Лым. окр.), где почти вся пашня дамьяна, эти избушки группируются в целые деревни с хорошими домами. Отдельными из них превратились с течением времени в поганые деревни, в которых живут Хоромыши, ки и 16 дворов (Лым. окр.). П.
Пашня — отдалённое поле на расстоянии 10—15 верст. З.
Пахоми припадает — про ветер, который дует отдельными порывами, не доходя до пахоми.
Пакшиша — пакшша, во время топки, испечённый хлеб. З.
Пекчи — печь. Вообще все главы с окончанием на чи получают взамен этого последнего гич-чи, наар., пекчи, берекчи, леччи, д. а. в Тобольской Чименской синагоге. Пакшиша. П.
Пелиться, палинть — шалить. З.
Пеля — шапки, говорится про ребёнка с оттенком добродушной ласки. З.
Первый спень — первый крепкий сон. З.
Переко — существительное от слова «переводить», напр., «се-ять на такой пашне — чистой перевод семян». П.
Переводить — бесполезно тратить. П.
Перевес — вертикально прикреплённая сеть для ловли уток и гусей. З.
Пересине — паук. З.
Перездин — см. гон. П.
Перекатывать тесто — см. творить кашинко.
Перемено — каждое из полей трехпольной (или четырёхпольной) системы земель, обработанных рыболовом снарядом, состоящим из шнура с прикреплёнными к нему крючками. П.
Перёсторона — количество чицменя, помешающегося в ступе. З.
Переходница — корова, долго не дающая приплода. Таких коров убивают на мясо (Лым. окр.). П.
Пермйника — усовершенствованная схва с широким треугольным лемехом с горбиком по середине и с двумя колесами. Ориг. требуемый из племени. П.
Песёк — ровное низменное место по берегам крупных рек, которое в ионе и иколе выступает из воды. На этих песках производят невозможный промысел в бояхах с водой. Грунтовых песков по Иргизу очень исключительно илистые. П.
Пестеряк — больной короб из хвороста для уля вместимостью в $\frac{1}{4}$ куб. саж (Лым. окр.) П.
Петя — волосянная петля, которая крепится к лодке леской. Устанавливается на тропинках, реже на лежащих деревьях. П.
Пехль — земледельческое орудие, употребляемое на гумне для того, чтобы собирать выпольченное зерно в ворох (см. ворх). З.
Печатная сажень — сажень, име-

кишай ровно три аршина в про-
тическуюность к изящной ру-
чной крестьянской. З. П.
Печёнка — испеченный бруска
з.

Пимы — валенки. П.
Пинять — толкать ногой, качать

люжку ногой при помощи ве-
ревки. П.

Пистолет — молоток мягкий хвощ,
который скотину едят лошади.

Растёт по берегам рек. П.

Пихтар — пихтовая роща. П.

Пичуга — насекомое типа гусе-

нины. З.

Плавать — грести на лодке од-

ними руками. П.

Пластаться за посем — пресле-
доввать его по насту (выражение,

показывающее на огромное фи-

зическое напряжение, которое

требует эта хата). З.

Пласти — замерзший сверху слой
надежды, который врываются и
глыбами вывозится зимой в

поле. З.

Плаха — толстая и широкая дос-
ка. П.

Плёнка — небольшая толстая

доска, которая настораживает-

ся для огороженного участка.

Племница — см. пленница. П.

Пленка, или племница — лопнувшая

в виде петель на уток. П.

Пленка — продажная мера лукови-

ни в 100 штук. П.

Плесо — видимое пространство

реки, моря, озера и т. п., которые

заполняют от корней её

далеешнее течение. Плесо слу-
жит как бы мерой длины в Тоб-

больском окружу. Напр., если едут

рекой и не знают числа верст,

которое осталось проходить, неред-

ко спрашивают, что это за пле-

да, плеся и т. п. П. бес-

лесный и отлогий берег реки, на

котором происходит наводнение. З.

Плин — деревянный соловец. П.

Побратень, или кислая шерсть —

Очерк колонизации Сибири

очиные шерсти, стравленные со
шкурой слишком продолжитель-
ной мечкой из з каве при об-
работке овины. Самый плохой
сорт шерсти. П.

Повети — см. повитки (Тоб. опр.).

П. Поветра — эпидемия. З.

Поветрия — повертия. З.

Повитки понятки про сено, ско-
женные конинами на налесе, го-

ворят, что оно сложено «на по-

витках повиток» (Том. окр.). П.

Погалиться — поневзяться. З.

Погалишки — если у чужака отре-
зать нижнюю часть (струну), то
они говорят, что это будет то
себя погалишки. Их делают из

холста и носят (жеманятся) на

голених только летом для защи-
ты от комаров. З.

Пончуда — непер, имеется туто, что-

бы сказать: «какой сегодня ве-

тер дует?» и т. п.; «какая се-

годня погода?» З.

Погодье — погода; чегодь —

ненастная погода. З.

Подбигать — подсохнуть. П.

Подвал — как под носом избы ус-
траняется подполье, так под по-
льем тоже есть подвал, в ко-
тором всегда делают двери. З.

Подволка — бесплатная гоньба

(напр., «подводу везёшь, аль

поверти?» т.е. «весьши ли

кого-нибудь из лиц, или платят

протин» (Исправник, свя-

щие, 1774). П.

Подволочные лыжи — лыжи, под-

битые олененым мечом с лапок.

Эти лыжи не делают шума при

ходьбе и не скользят, но портят

с наст, см. скользять. П.

Подживитник — тесьма, нопр.,

такая, какую употребляют для

прикрепления сетки сinta к обу-
ви. П.

Подружки — подруги невесты,

помогающие ей в приготовле-

ниях к свадьбе. З.

- Порядок** — деревянный садок для рыбьи. П. подъезжай — лес, см. чертить. П. подсынье — помещение под полом сеней (от слова «сини» имеется сени). З. Подсеки — ловушка для добычи лоси, оленя и других крупных животных, сделанная из большом луке, настороженным в проходах особой отравы. П. Подтальца — берег реки, поросший тальником, который можно обратить в покос. П. Погодой — горизонтал, прикрытый землей, которую при лове уток падает вертикальная сеть передела. П. Подшиба — выражение «низовские подшибы» — ироническое прозвище жителей Липинской волости, в которой, по легенде Туры, на том основании, что они слугами произносят мягко (не щы), как говорят в Усть-Нибе и имеют слабость браниться, словами «Чтоб тебе подшибы, подшиби здак». З. Поза — положение, в котором положить. Выражения эти означают последние минуты человеческого существования. З. Подылок — небольшая язь. П. Подырок — вторая шерсть с молодых овец. П. Поза — сундук, распластанная щука без головы. П. (Вер. с ост. их.: паджа). Покаль или поколь, или покулы — пока. З. Покастить — красть, наносить вред. Если кошка в домашней обстановке покастится, то про неё говорят: «кошка покастит». Если летом по огородам обнаружится воровство — пропадут овощи, то говорят: «садят ничего нельзя — покастят». Если появилось на полях вредное насекомое, то говорят: «хлеб покастит», т.е. вредит хлебу. З. Покормынок — прытёмы. З. Покормышка — прытёная дочь. З. Покорыствовать — почувствовать корысть и воспользоваться чужим добром. З. Без покупки — не покупая, крестик, который живут без покупки, т.е. круглый год на своем хлебе. З. Полевой чай — см. аршинный чай. П. Половинник — плохой сорт дёгтя с присущими ему недостатками. Половина — человек, участковый в приспиртии из половины прибыли (см. 2. третин). П. Пойд — пойдом называется весенняя полая вода, заливавшая прибрежную часть местности. Все времена разлив прибрежная вода, и поэтому местности имеют название пойд. З. Полотенищик, или голозыник — рыбак, который чинить неводы. П. Полуник — южный ветер. П. Полянин — нечистый дух, обитающий в городе; поздницией путают ребят, чтобы они не таскали овощей. З. Полянщник — северо-восточный ветер. П. Полянка — пустыня, имеющая 1 л. 20 фун. выместимостью (в южной части Тобольского округа). П. Полушалками — подвязывать плютак, т.е. подвязать узел плютака под подбородком. З. Польник — немытёршина (над). Польнитель — полений. П. Полянка — немытская густая травка; полянка вырастает на дворах, на посмотне. Полянкой также называется сборище праздничное, происходящее на посмотне, — на полянку со-

бираться — т.е. на праздничное собрание. З.

Помощь — имеющее существительное от глагола помочь. В языку говорят: «помки нет». З.

Помока, или помха — ржа, болезнь хлеба (напр., «у нас иные хлеб пострадал от помоки»). П. Помоки — хлебные порчи, вызываемые посредством никса, что делают обыкновенно лишь старики и старухи. З.

Понки — сети для ловли гусей, которые применяются из Сибири в Европу и Америку. П.

Понимать — толтъ, занимать (напр., «вода нас уже второй год понимает»). П.

Пора — определённое время. В первом значении — Тогда (ср.). Порно — смычный. З.

Поройб — смычный. З.

Поройб лось — трёхголовый. И.

Порос — бык накаленный. П.

Поскаленок — беседа. Когда человек уйдёт из дома без дела, только с целью посидеть и поговорить, тогда про него говорят: «отправился в поскаленок», потому что эти слова выражают некоторое осуждение. З.

Посконы — те стебли конопли, на которых находятся серёжки с цветочной пылью. Посконы руют раны конопли. З.

Поскотин — пагон, место, где ласётся скот. П.

Поскотина — место для выгона скота (с весны и до уборки хлеба). З. П.; поскотина всегда лишена высокой травы, почему это слово употребляется в ино-

сказательном смысле: чисто, как на поскотине. З.

Пострадка — пострадавшая — женщина, изнанта из страд, т.е. на время сенокоса и жатвы (В пострадки идут преимущественно женщины). З.

Пострадка — наивная работница, которая не умеет работать. Пострадка — лодка. П.

Посудина — лодка. П.

Потона — наволочение; если прорвется пластина и вода залейт помещение берега, говорят о потоне (Тюмень). П.

Потёмные гости — которых следили честь, которые почтены. З.

Пошения — берёзовые санки, обделанные вожжами. П.

Позадина — флаг. З.

Позади — должно быть. П.

Править топором — придавать такой вид вещи, в котором она может ити на поделку. З.

Пресная щерсть — очевидно, щерсть, пресаженная. Она ценится гораздо дороже (4 руб.—7 руб. за 1 л.), чем кисая (1 руб. 50 коп.—1 руб. 70 коп.), полученная продолжительной мочкой овец и кисью. З.

Прялка-рот — плавники (кровь копы); похлебка, мелкая рыба и т.д. П.

Пригом — навес, который занимает одну или две стороны садового двора и состоит из жердей, крытых соломой или сеном. П.

Пригомы — скотный двор в задней части ограды. З.

Приклад — разные предметы (штаны, ложки, вилки), которые мешают дровам. П.

Прикуска — пироты, опалы, рыба и т.п. яства, которые позавариваются к чаю. П.

Примесной — понятие, обозначаемое этим словом, может быть выражено не точно сло-

- вом «прелестный». Собственно прелестный происходит от слова прыльшать, т.е. притягивать к себе лаской, любовью. В песне поётся: «Раз прелесной был товарищ С одной ложки чай пил».
- Пристать — устать, *напр.*, «я пристал». П.
- Пристанок — место, куда вставают погони для просушки. З.
- Притягивать — вытаскивать нечто. П.
- Притягивать кашину — см. творить кашину.
- Приют — место, где призывают, т.е. где вытаскивают невод из воды. П.
- Пробегать — просохнуть; см. забывать. П.
- Правополик (*от глагола правополичьи*) — в значении ямщик. З.
- Праводничать — править людей. П. З.
- Правороты — достать, выпросить. З.
- Проголосные песни, т.е. поющие прогожки. З.
- Прогонка — первый шир у самолова (10-20 саж.), и пробные широки; 2) лове лиши, необходимых для ловли при помощи самолова (*напр.*, на прогон добыли по 20 пуш.). 3) плата поверхная (*мк. число*); 4) земельная плата, взимаемая с каждого тобольского охотника за занятие охотой самоловом. Так как длина последнего 20 саж., то прогон земли равен 20x20 саж.= 400 кв. саж., 2 прогона — 800 кв. саж. и т.д. Т.к. самоловы не платят Тобольского охрока не платят, потому что там пашни имеют вид клочков среди болот). П.
- Продать, запролатать — отдать в аренду на несколько лет. *напр.*, татары проладили своим соседям речку за 100 рублей на 6 лет. П.
- Прокурат — насмешник, забавник. З.
- На прок — на будущий год. З.
- Промежковеные — время между пасхой и Ильинским, именами. З.
- Промолоты — имена, *напр.*, молоко промозгло. З.
- Промысл — рыбный промысел и добыча лунного зверя. П.
- Промышленник — лицо, занятое рыболовством или добывшей лунного зверя и птицы, как профессия. П.
- Прорва — протока, которая пересекает лугу; см. протока. П.
- Прорубщик, прорубчик — человек на обязанности которого лежит вырывать проруби, чтобы проруби для людей и живота не покрывались льдом. Прорубщик называется целым семением. П.
- Простень — веретено с нарядными нитками.
- Против — параллельные рукава больших рек и речек, впадающие обеими концами в большую реку. П.
- Протоника — иголка без ушей. З.
- Протоник — прелестная приговор — «ты виноват, приди, пять дён — простонек». З.
- Присло — колено ограды, состоящее из нескольких горизонтальных жердей, прикреплённых к колыям, в不可缺少енном в земле. П.
- Простак — пташка, птичка. П.
- Пузовка — петардик (*мера сыпучих теп.*). П.
- Пульник — тетерев, тетерка. П.
- Пульничек (*имениш*) — то же. П.
- Пурп — снежная метель. П.
- Пурп — селение в Тюменской губернии, расположённое место на реке. *напр.*, говорят: «мне пришлось ночевать на пустоплесе», т.е. приключившись и ночевать где-нибудь у берега вне селения. П.
- Путник — ряд петель, поставленных в лесу для ловли зайца. З.

Путный — короткий, удобный, гладкий (ор, лесок, путь, ручеёк). П. Пучени — дуб (засушенная кора) сбрызгивается особым образом и связывается в пучени; на вол идет около сотни пучени. З.

Пущено мечтать — поганое, чужкое место. «Поместь в пущено-замке» — больную страну. З.

Пыхжан — рыбка из породы лососевых (*Coregonus rossicus*) живёт в Оби (с остижем, сев. нар.: письмы). П.

Пыльцы, (пимы) — ваденые сапоги. З.

Пыта — задняя часть невода. З.

Пыта — см. уховой конец. П.

Пятнистенная изба — изба в две комнатки, разделённые бревенчатой перегородкой. П.

Пятнистый — метлы, домашний скот последствия надрезов на ушах. З.; также рыбу перед пощемением её в общий садок. У

рыб при этом отрезают кончики хвостов; одни хозяева при этом пятнистую рыбку подают варёной другой. П.

Птичий — особый знак, которым отмечают куши срубленных краежей, принадлежащих тому или другому дворовому хозяйству. К. и на краю кромки делают зарубки, а на крае кромки разрез коры. З.; знак, которым пятниают скот и рыбу. П.

Птицовый конец — см. птица. П.

Птичоник — см. уховой конец. П.

Птичоник — то лицо из числа охотников, которое следует за лосем по лесам, «не отставая во время скоты». П.

Птицок — лыко от 5 линок, связанные в пучок. П.

Р

Ратоза — неожичивый, сварливый человек. З.

Радуга — концами пьёт воду из

рек и озёр и поднимает её на небо для дождя. Плавать при появившейся радуге считается опасным: утянет на небо. З.

Разытить — разделить (говорится про пашни и луга, которые делятся по душам). П.

Разгулуваться — стать повеселее посыпь сна или какого-нибудь горя. З.

Разгульеваться — то же, что обмычиваться. З.

Ракитник — порода ивы. П.

Распакляка — ивны, поднятая целиком или новы, см. мягкая земля. П.

Расплокляка — раскладка податей (*Тюм. окр.*)

Рассорка — скора. З.

Растопка — деревянный ящик или просто доска с землёй, на которой совершают пробу исходства семян (*Тоб. окр.*). П.

Раструстить — разбросать по мелким частям, напр., «раструшить навоз по пашне». П.

Раструбка — существительное от глагольного ствола. П.

Резиги — е стоят — т.е. ко выживают. З.

Решет — звать (напр., рени его). П.

Режека — рыболовный снаряд, состоящий из двух сетей, на концах одна частая и 1 и 2 (в лоси. сл. обе наркисы) режек (*Тюм. окр.*). П.

Режь — решак сеть, мерека. П.

Резачка — болезнь, при которой многострадальный приводит с болезнью из жилов почки. З.

Резун — тонкий лед, плакающий осенью по поверхности рек. П.

Репочки — клочок земли, напр., чернозём встречается репочками (пальчиками) среди сплошных склонов (*Тюм. окр.*). П.

Решетка — мелкая решетка овощей в 50—60 растений (*Тоб. окр.*). П.

Ржа — см. помоха. П.

Рига — сушиния, схожая с ови-

- ном, но с печью вместо ямы (*Там. окр.*). **П.**
Риковать — судачить, спорить. **П.**
Ринка — речка. **З.**
Робить — работать. **П.**
Рогалиока — местная соха довольно примитивного устройства. **П.**
Рогалиока — соха. **З.**
Ронжа — курица (*птица*). **П.**
Рослый (нерослый) — который ходит (не ходит). (*Прил.*) Перед посевом крестьяне сажают «растильницу» (100 зерен) и по проценту исхлестки определяют какими-то его «рослостью». **П.**
Росташь — см. распашка **П.**
Росничать — см. же. **П.**
Роза — ивняк, заросль в северной части Тобольского округа, куда поздней осенью и ранней весной при отсутствии готового сена пускают скот. **П.**
Русак — серый заяц.
Русанка — краинской мешочек из толстого и прочного холста. **З.**
Ручник — полотенце. **П.**
Рушак — режут на куски хлеб. **З.**
Рыбалка — рыболовное место. **П.**
Рюшки-рюшки — межкометия, повторением которых мнят по-росс. **П.**
Рыбих — рыбачих. **П.**
Рибуха — тетерка, самка глухаря, см. капалуха. **П.**
На другой раз испахать поле — вторично его пахать. **З.**
Рым — мокое болото. **П.**
Рымник — небольшая корявая сосна, растущая на болоте. **П.**
- С**
- Сабин** — местная соха с более широким лемехом, чем ургалихи хин (иногда с 2), и с 2 колесами (*Там. окр.*). **П.**
Сал — садок, в который сажают пойманную рыбу. Он состоит из небольшого озера, все выходы
- которого заперты. Здесь держат рыбу до осенних заморозов, когда её вынуживают и везут на продажу. Если несколько артелей вместе обладают салом, то, сажая одно и то же количество нереста, лепят, т. е. один арендатор отрезывает кончики хвоста у одной рыбной породы, другая — у другой и т. д. Чтобы сал был годен для поиска и нето рыбы, его промывают и очищают от рыбного племы, которого раб не ведет. Это называется «выплывать сал». То же выражение («выплаивать») употребляется и когда горожане обочинке пасут скот перед домом. См. задеки. **П.**
Салон — отороп — близкий отороп. **П.**
Салот — вместилище для мелкой рыбы, сделанное из деревянных дранок или из хворостинок. **П.**
Саженок 1) мера длины равная квадратному корню из квадратного (крестильного) трёх аршинам; 2) квадратная мера для определения площадей. В Богдановской волости (*Там. окр.*) под этим словом подразумевается мера земли, или, точнее, земельного участка (аршина) равновеликимено 30 саж., а другое — 1 саж., напр., в д. Антипином крестьяне сообщали, что у них 152 сажени на душу. Это значит, что у них 152·30 саж., или 4560 саж. на душу. **П.**
Саны — сети или мерки из которых делают невода, сети, фитили и другиеловушки (*происходит от остзинского слова «сүль-саны»*). **П.**
Сансы — сансы на утк. **П.**
Самоды — самоды. **П.**
Самосака — волка, которую крестьяне и остатки гонят сами при помощи котлов и ружейных стволов (ам. трубок). **П.**
Сарга, сарка — тонкий гибкий прут. **П.**

Сборня — изба, где происходят сельские скады; она нанимается на общественный счёт (*Том. окр.*).
Сведение — метрическая справка о рождении и крещении. З. Сведениники — «Чтобы вы скорости, как сведенники въ язы, възьмут замужъ, приходитъ въ домъ нового мужа детя отъ первого брака, у мужа тоже детя отъ первого брака — эти сведеннико братя и сестры и зовутся сведенниками.

Сверток — маленькая дорожка, на которой сидятъ (сидорчаком).
Синъ — породы диких уток. З.
Синстун — кукиш. З.
Синяз — синь. П.
Слизнichtь — безобразно подсмеваться над кем-нибудь. З.
Старкнуть — крикнуть, позвать. П.
Старуха — старуха. З.
Седядник — жеребёнок, имеющий меньшие гоы. П.
Седу — сяду. В песне поётся: «Я с досадой седу рядом, Не мешаю никому.

Сейгос — ныне. П.
Сенник — медная монета в две копейки. З.

Сеногорий — частый, мелкий и продолжительный дождик, о котором говорят «ам. «идет», «бусит», т.е. падает так же, как падает бус («мучная пыль) на мелкую муку». П.

Сера (фремезия) — капельки смолы, которые выпадают на хвойных деревьях. Серу хуют в Сибири, как каш и закис (смолу санда рако) в Закавказье.

Сермяга — будничная верхняя

одежда: летом сверх рубахи, а зимою сверх куртки.

Сертиха (Lycosoidium cypriensis-folium) — употребляется местными жителями, главным обра-

зом краска. П.
Снвер — северный ветер. П.
Сиводушка — лисица с красноватой грудью. П.
Сидеть в невестах — быть невестой (собств. со дня просвата на день свадьбы). З.
Синап — синап на берегу, состоящая из жареных с прикрепленными к ней петлями. П.
Сильнина — сильница, т.е. хозяйственная вещь для сения мук. З.

Сима — нитка, составляющая принадлежность при весьма многих ловушках на р., кривле, черепце, загороженном луге и т.д. П.

Симка (умены) — сима. П.
Синявка — род сыроежки (эрнб) (*Том. окр.*). П.

Скатъ — четыре ноги мысной туши. П.

Славинчики — полёвчики. З.
С克莱н — состригать. З.

Сланно — полны, с краями наравне. З.

Сколотка — болезнь, при которой сильный запор; один из видов горчиц. З.

Соловьевка — подхрастье незаметно, капр., промышленник скрываются созното; на половищах лыжах, значит охотник незаметно подкрадывается к лоску на лыжах, подбитым мечом. П.

Сорка — иметь недостаток чего либо, напр., про болотного говорят: здоровым складет. З.

Смычиганье — скрежет. З.

Слаутный — знаменитый. З.

Слевать пиво — в последний раз сливать пиво в корзаги через решето. З.

Сорка — костюстое, но длинное бревно. З.

Слечь — бревно. П.

Сливать опару — цедить сквозь решето. З.

Слободука фамилья вела — *т.е.* заходила в волость чинно на-
стопко, насколько могла, на-
учиться этому в свободе. З.

Словника — особого рода заговор, произносимый при рыбной ловле или при постановке петли для ловли зайцев. Примеч. словники: «Ставлю я ловушку постнице, чтобы она не съела серебра, на красном звере, как красно сопне имеет, не так белы, серы... Звери или не воротися оной тропой, одним следом ко мне, к рабу, к Ивану, как в лесные сердца не видно, так и меня этой членник не видел». З.

Слоник — кукла для ловли зайцев. Состоит из двух заборников, которые ставят на тропу. Войдя в промежуток между заборниками, заяц заедает на-
сторожку, что вызывает паде-
ние прикреплённого сверху брилана, который его и давит. П.

Снега — мокрый снег, снег с дохём. П.

Слящица — украв. З.

Смотреть невесту — ходить смотреть на невесту, хотя бы она давно-давно была знакома, и попутно углядаться примирами и прочими, когда жених приводит невесту. З.

Смущный — изобилий дождём, водой, напр.: «смущный год» — год с обильными дождями. П.

Снаряды — при помощи которых лен производится в нюки и колбасы, копчёности, бе-
резетко, моторизо, воробы, тю-
рик, самосёлы скользко, крас-
на или красна. З.

Сноп — 1) пук зернового хлеба; 2) конец чистоты из четы-
рех горстей; 2) мера пашни в северной части Тобольского ок-
руга. напр., говорят: «у нас зем-
ли на 300 снопов». П.

Собачки — сорное растение

(Ишара чай). с цветами семена-
ми приставками, с ож. П.

Соболица — добывать соболя. П.

Согра — лесное место заали от хилья, усеянное кочкиами; в со-
гре ничего не родится полезно-
го для крестьян, а если и рас-
тут ягоды за берёзовый лес, то
всползаются ими трудно.

Согра неровная да и топкая. З.

Соты болото, кочковатое бо-
лото. П.

Соковое — камбий сосен и бе-
рёз, который весной употребляется в пищу крестьянами и татарами (*последнее едят его со сметаной*) в виде лакомства.

Согласие — согласие слов древесины, склонять при этом проволокой (соска), или ножом (*берёза*) (Тюм. окр.).

Соковой слой луба — внутренний красноватый слой.

Солуй — целуй. З.

Солухи — рабахи, при-
нужденные отбывать свою оче-
редь по неволею ночью. П.

Сообщать — соединять, напр.,

«об брата сообщили свои по-
лосы (пации)» (Тоб. окр.). П.

Сопка — бугор, воззвщенность,

курган. П.

Сорняк (сор) — низмен-
ные места, заливаемые весной
водой, а летом покрытые травой.
Также озёра с плоскими берега-
ми, уровень которых находится
в зависимости от количества вы-
падающих осадков. Иногда,
если берега не поддаются обрабо-
тке просто вместо «сора». Об-
ширные заряды в низменных тече-
ниях больших рек, отчасти высы-
хающие летом, также именуют-
ся этим именем. Хотя, по всему
вероятно, слово «сор» заимство-
вано из осязного языка, но рус-
ское слово содержит более древ-
него осязного форму. Действи-
тельно, наименование осязного вы-

ражение для этого понятия есть тор, причём так как в южном наречии *m* (а) в начале (и конце) слов во многих случаях проходит по звуку *t* и *d*. Форма этого слова должна быть, быть сор. Аналогично этому из русского «русь» в иртышском наречии форма: руть, руш. Пороковая лесстинка — местная мифическая лесстинка (40 шаг. х 80 саж.). Встречается в некоторых селениях Абалацкой и Бронниковской волостей Тоб. окр. П.

Соровой — сорняк, огурец. П.

Со-стани — со сна. З.

Сотни — близкайшее подразделение волости, встречающееся, однако, нечасто; сотня или сельское общество делится на делянки, которые в свою очередь делятся на единичные участки сколько-нибудь деревень. П.

Сохатый — лось. П.

Сочило — инструмент для санирования коры, приготавляемый из кости.

Сочин — отсыхивать; напр., сочинять лоси — отсыхивать раненого лося по кровянистому следу, оставленному им на снегу; сочинять лошадь отсыхать в сене, напр., если понесена, которая зимой часто сбываются с пути, говорят: «она плохо сочиняет дорогу». П.

Сорога — рыбка из породы плотвы и имеющая крупную чешую и красноватые глаза. Живет на реках. П.

Сорога — филогер. З.

Солитично — удобно, сподручно, практично.

Соруд — сорудно — слить всё сусло обратно в чан. З.

Справить коноплю — собрать деньги для уплаты окладных сборов. П.

Справиться — соскочить с лука (напр., про стрелу). П.

Спуск — снаряда для витья верёвок. П.

Став — см. метище. П.

Стам или стайки — хлева в пригородах. П.

Стами или стек (стмы, стайка) — хлева для коров. З.

Стамник — пристройка около входа в поселение; лоска около печи в избе. Это упоминается в притче: «Старика стамика, Донимает у стамика, Наказывает старика, На пожар не спасши». З.

Станица — станица ямщиков, расположенная между двумя станицами по трассе. П.

Вода станет в трубу — когда разлив кончится и начинается ловля рыбы узочками. З.

Старая река — стар., старая Обь, Иртыш и т. д. Так называется Единственное русло реки переходит в одну из её проток, то прежнее главное русло её начинает постепенно съезжаться и заплывать. В этой станице вода становится трубой старой («противоположностью молодой реки»). При дальнейшем изменении старой реки получается.

Старина — имеющая вид полуизвестного дерева с изогнутым, обрашенным вправо стволом. П.

Старичник, старички — чернобыльник (*Alnus campestris*), сорняк трава. П.

По стакам — *m*, как средства передвижения. З.

Стая, стайка — бравежный хлева для рогатого скота и овец. П.

Стекл (мс. стёклка) — клочки павших между болотами, лесами и т. д. (Тоб. окр.).

Стеколь — деревня, лесистая и прочная изгородь, охраняющая пашню от потерь со стороны скота. Неплотная изгородь называется боровой и лутовой, потому что служит оплотом для

- менее ценных угодий: боров и лутов. **П.**
- Стень** — ширина невода. **П.**
- Стрек** — белый журавль. **П.**
- Стриж** — птица, название каланчи в помы родителей: его устраивалась стрины (от кистины — крестмы), на которых присутствуют кумы и родственники. **З.**
- Стог** — метр сена в Тобольске; окр. производительно в 20 копеек (квота, говорит: «у нас по-кося стогов на 20»). **П.**
- Стобль** — кусок сети, равный 2—3 делам (см. дель). **П.**
- Стола** — комора из хлеба в одну спальню и кухню комашу; в две столы — изба из двух комнат, разделенных сенами. **П.**
- Сторожев** — коротеный кусочек черемухи с зарубкой на кончике. **П.**
- Сторожик** — чуткий, осторожный (напр., про животных, не подпускающих охотника на близкое расстояние). **П.**
- Стрежевый невод** — больший невод в 200 и более саж. длины, которым ловят стреки. **П.**
- Стрек** — самое глубокое место реки, фарватер. **П.**
- Стрелка** — 1) «коромысло» — стрекоза; 2) — проплавная мель на реке. **П.**
- Стриж** — рубинок. **З.**
- Струхек** — лёгкая лодочка однодеревка. **З.**
- Стряпка** — кухарка, козырка, занимавшаяся страпей. **П.**
- Стряпка** — кухня. **З.**
- Стук** — звук, сибиряк, когда-то конь может наизнанку изогнуть ноги и иногда пропадает. **П.**
- Суд страшной будет в Иерусалиме, пур (центр) земли, туда сбираются все народы земные, как живущие, так и давно умершие. «На страшном суде Баткино Истоки Христос велит закрыть
- всех грешников дерном, чтобы не слышно ни голосу, ни зубного скричения». **З.**
- Сумерничать** — забираться на дерево, а в попутку — засидеться. **З.**
- Сусекак** — своего рода домовень, обитающий в подполье, представляющий в виде старика, добр или зол, смотря по обстоятельствам; имеет особенное приспособление к лопашам. **З.**
- Сусеки** — закрома для зерна в симбарах. **З.**
- Суслон** — куча из снопов хлеба. **П.**
- Суслоны бывают в 5, 10, 12 и т.д. снопов. Последний состоит из 12 снопов, покрытых колосьями вина и наветхими листьями, обращенным кольцем вверх. Последние два строят таким образом: 7 и 9 снопов ставят колом вниз и кроют тремя лежащими на них колоссами конику (Тюм. окр.).
- Суслоны** — 3 ржаных снопа вверх колоссами, покрытые четырьмя снопами в виде бумаги на сахарной головке. **З.**
- Сутулство** — длинное и толстое сутулство. **З.**
- Сухарица**, или **сухарник** — кора тополя. **З.**
- Сухой**, или **суховой пай** — доля в добычах рыбы, которая попавшаяся лицом к лицу — иногда уступала квоту, за первую квоту невода или ловки известному лицу, не принимавшему участия в неводье. **П.**
- Сызмазить** — нарушить условия игры, скбать «хлызденник, ведомый квоту, — и т.д. — разчит такого человека». **З.**
- Сырец** — запой или Нова, поднятая в данный год и не гоняная еще до посева хлеба (см. кис-лед). **П.**
- Сырок** (*Salmovnba*) (с ослице: «сырок») — небольшая рыба из породы лососевых, живущая в

Иртыш. Оби и некоторых озерах Тобольск окр. П.
Сыромолотый — если молотят хлеб, не сущенный в ряках или овинах, то такой хлеб называется сыромулотовым. П.

Т

Таялет — туалет (зеркало). З.
Тал — ива древесная и кустарник. П.
Таловый куст — кустарник ива. П.
Талый — неизмермый (напр., снег пад на талую землю). З.
Тальник — то же, что тал. П.
Тальничече — итальянская гармонь. З.
Тамара — спрэза с наболезнином из кости или дерева для добывания белки (по-осташки — тамара). Это слово, кажется, употребляется в Архангельской губернии и имеет значение «издевательство, то и сечи, отведенное время» (Тоб., окр.). П.
Тасыма — тесёмка; в песне поётся: «Милой мой, милой Подносяська тасымой». З.
Та'чун — та'чуну, не хчу да и вам не сочту. З.
Творило — занятия. З.
Творить квашину — это выражение обозначает процесс приготовления ржаного хлеба, заключается он в следующем: днём к накаве, накануне стряпни, утром поднимают немного холодной воды, вечером же, подлив ещё воды и, прибавив раки, варят её в кастюле с квашинником. Вторая часть процесса приготовления ржаного хлеба называется «притиривать квашину», т.е. прибавлять к тесту, приготовленному в предшествующий день, некоторого количества муки настолько, чтобы

тесто можно было класть из квашин лопаткой. Перекатывать тесто — выкладывать полнявшееся тесто в «сыновницу», где оно раскатывается, после чего выкладывается на сковороду, и из него делают корнику. З.

Тюкот — ожимки, размоченные в воде, процеживаются сквозь сито и полученная жидкость кипятят. При кипячении на поверхности жидкости появляются твердые частицы, которые, будучи собраны и соединены с луком, получают имя тюкора. З.
Теки — лядя, брат матери. П. (с остицк.: чир нар, тыка — мы брат матери по отношению к ей). З.
Телятина — небольшая часть посコтины, отведённая для телят. П.

Теруд — междометие, последствием которого является зеванье. З.
Тиркин — приступ болезни. З.
Ткаль — ткач, прошленная ткаль говорит: «Лепная весна — баба смыслна красна, междуничкам набелкам утка гиёздинко силая малыя душечки сказа, приничточка травой уросла». З.
Товар — пущиной зверь, «ходить за товаром», зверовать. П.
Тожко — тогда. З.
Ток — тесто, укапанное или упакованное тесто, на кеши варят и молотят хлеб (см. долопы). П.
Токши — горловый лосось. П.
Толмить — повторять несколько раз для лучшего усвоения. З.
Толстая крупа — растворённые ячменные зёрна, зёрна ячменя (см. отталкивание). З.

Толстая крупа — крупа в виде цепких ячменных зёрен, пыщёных оболочки (Том. окр.). П.

Тором — Бог. З.; (с остицк.: Турам, Турум, или фюзльского: Торым). П.

- Торшиться — ворить. **З.**
 Тотчано — слово, без наобиности вставляемое некоторыми лицами в речь. **Н.**
 Тирс — тирс, прессыма — междометие, последствием которого звон лодады.
 Тирул, тирок — тирок Тируконка, тирукомка — междометие, последствием которого манят коров. **З.**
 Третник — треть крестьянской десницы в 9700 кг, также в 990 кг. **З.** Тиричница и Тобольском округах это слово применяется для всякой плошши земли, главным образом для пашни (дамнен и бишней, родниковой и неудобримой). Два третника равняются 1800 кв. саж. **П.**
 Третник — человек, участвующий в каком-либо деле из третьей части дачных прибылей, полученных земелью «короли», често сдается из половины или трети прибыли, причем рыболовы называются в этом случае «полтинниками» и «третниками» (*тоз. окр.*). **П.**
 Трепинка — сельские поля, разводящиеся ^{1/2}, дасытины и плужные всегда около селения. Эти поля всегда бывают удобренены навозом и потому дают хороший урожай.
 Трудящая — небольшая самодескаш шапочка с длинными висящими наушниками. Она делается из меха нелосей или годовых северных оленей и состоит из подкладки из гуси. Всегда носится сажаю в болотном углублении на севере Сибири, начиная с северной части Тобольского округа. Носят их как инородцы, так и русские. **П.**
 Троегранка, или горчалка — *Ailanthus glandulosa* (растение). **П.**
 Тропа — заячья дорожка. **З.**
- Тропы — тропинка, которую проходят животные (лисицы, зайцы) и птицы (злухари, меттерево). **П.**
 Тропник — ловушка на зайцев, гибкая составная часть которой изогнута в середине. Ставится на заячии тропы. **П.**
 Трубица — средняя трубчатая часть колеса. **Н.**
 Трунда, трундра — торфяное болото; торф, хисый перегной. **П.**
 Тулька — бураки. **З.**
 Тук идет — в пользу. **З.**
 Тун — татарский полуушбок из козьего мозга. **П.**
 Турица — крупная порода личик. **П.**
 Туча — происхождение тучи приписывается Ильме-прокору. При каждом ударе тремя приятно пекрестишься и сказать: «Сват, свят, свят Илья, Господи, тику!». Павловичи говорят, что по временам из тучи на землю падают каменные стрельы, которые расщепляют деревья. Такое действие стрела обясняется пресечением для деревьев корней от неё притяжки за различные предметы, напр., если стрела расшибла дерево, это значит, что дерево притягивается за это дерево. **З.**
 Тузы — небольшая, довольно широкая палка из дерева или бересты с краинкой, слабженной ручкой. **П.**
 Тюто — нету (*ложегра с детьми*). **З.**

▼

- Убрэль — глибочки рыжий снег, в который ложишь постоянно прованиваешь и по которому, вследствие этого, трудно скать. **П.**
 Убродный — проходящий через глубокий снег (лут). **П.**
 Увалжать — нравиться, любить,

- напр.** «Я не уважаю белый хлеб». **П.**
- Уайл** — невысокая, но значительной длины возышенность с постепенным склоном. **З.**
- Удар «с носка» — боковой частью ступни по ногам; «с пяткой» — по щиколотке. **П.**
- Украдывается за пятку противника; «с кроху» — нога захвачивается с внутренней стороны ноги противника; «с холки» — стараться подвернуть свою спину под живот противника и перебросить его через себя. **З.**
- Уральские кашель**. **З.**
- Ути** — постельный кирп., японск. хлеб не утёя — в прошлом году хлеб не поспел. **П.**
- Ужложий, шия приватительное** — это слово означает понятие, противоположное «оздоровлению», перв. тру. соч. — «заболеть»; кроме того, ужложий занимает много места: изобирот, дробь — предмет ужложий при укладывании занимает место меньшее, чем то же количество по весу. **напр., пер. З.**
- Усогон** — кирп. **П.**
- Укусник** — сосуд для укуса, застраивающийся от средины вверх и вниз с носком в верхней боковой части, вместимостью около ½ ведра. **З.**
- Уложить лен — коня страны его отбрасывают в хрупких. **З.**
- Уюминн** — корова. **З.**
- Узлынн** — племянница. **З.**
- Умаление** — недостаток (**напр.**, «земли у нас в умалении»). **П.**
- Умольёт — количество зерна, падающее с известного количества хлеба в снопах. **П.**
- Уючанн** — давящий хороший умолот. **П.**
- Уисти круг — ощеркать полную победу в борьбе на гордость себе и своей деревни. **З.**
- Уапалок** — падэж. **П.**
- Углестоять** — затерять, засунуть куды-нибудь. **З.**
- Упоромить** — защитить или затерять что-нибудь. **З.**
- Урак** — сущеная на огне плотва (на Конце). **П.**
- Урман** — обширное сплошное лесное пространство. Маньчжурские леса, покрытые издаванными качествами, носят то же название. Таковы почти все леса Тобольского округа. **П.**
- Урманний промысел** — добыча пущиного зверя и птицы. **П.**
- Урманчик** — охотник на пущиного зверя и пущиного зверушек, промысленник. **П.**
- Урожай** — это слово применяется в Западной Сибири не только для обозначения большого изобилия в данном году хлеба и плодов, но также рыбьи, птицы и разного живого. **П.**
- Урожаин** — сибирьский урожай. **П.**
- Урок** — действие худого глаза, дурного на желания и т. д. **гетатира. П.**
- Уроки** — болезнь, происходящая от близких, если кто недаром выкладывает им в кровь или хватается скажет, хватит несбуманно — и болезнь тут. Уроки — слишком распространённая болезнь, и чуть ли не при всех болезнях начальствуют долгом лечить от уроков. От уроков испытывают болезнь «с утолением» и поят водой. **З.**
- Уросты** — капризничать. **З.**
- Урочинный** — кого можно легко слазить (**напр.**, если выращивают молодых соболей, то не показывают их посторонним, иначе, по мнению местных жителей, они легко могут погибнуть). **П.**
- Услон** — стена, напр., про урман, который образует стену, приблизительно параллельную Иртышу. Про лоя, изящного ядолъ

- такой стены (а не потолка), говорит, что он наёт усююм. П. Усыть — засоинть отрысы. З. Усь-усь-усь — междометие, посредством которого гонят свиней. З.
- Уток — часть пижи, оставшаяся на тарниках. Т.
- Утёлка — запояляемый (напр., утоплое место). П.
- Ухайзакать — убить. З.
- Уховкой (ушибом) конец — часть невода, которая во время его загивания наиболее далеко отходит в реку. «Уховкой» конец, или же, если лежит на берегу несколько выше притона, где удиривается на месте пытования при помощи кола, вонзённого в землю. П.
- Ушкáн — звук. П.
- Ф**
- Фарт — счастие, судьба, удача. П.
- Фарт — удача, фартовые леушки — ловки и удивливые. З; слова эти, вероятно, занесены из Сибирь ссыльными. П.
- Фартий — имелся в виду. П.
- Фартовый — злаковый. З.
- Фитиль — спираль из мережки для рыбной ловли, состоящий из одного наружного конуса и нескольких внутренних; устанавливается на реке около берега открытой концом на встречу течению. З.
- Фунтопка — коноплиные нитки, из которых делается мережа невода. П.
- Фурить — с сердцем бросать. З.
- Фуст — бант. З.
- Фустан — бантник. З.
- Х**
- Хабарда — буйный человек. З. (Из татарского, собств. перс. сл.: хебэрмар — берегись). П.
- Хайлэ — глотка. «Чё ты отворял хайлэ-то?» — говорят хрипну. З.
- Халовать — жаловать людям на бедность, нездоровье и т.д. Напр., женщина, нуждающаяся в мухе, ходила и рассказывала о своей нужде сослужу, даже при этом не смеялась. Сослужи мухи. Тогда женщина, которой удача может сказать: «Девя я лоханькая, а он каш (в-у) быть и дар». Или заболел человек, давно жаловавшийся на недорожье, про него говорят: «Ну да все-таки я ханькая, не погадаин» (не погадаю). З.
- Харматъя — поменять браньми словами. З.
- Хвост — см. охвостье. П.
- Хилья — слабый, истощённый, непр., хилья пани («Там. окр.»)
- Хильяна панина. П.
- Хлеб — все пекарни, приготовляемые исключительно из муки, а также и пекарни, приготовляемые из муки и овощей, как-то: ржаной хлеб, ячневый хлеб, пшеничный хлеб, дречиний хлеб, пшеничная Квашня, шанты, морковные, картофельные, тыквенные, сырные, крупяные пироги с ландой, капустой и т.д. З.
- Хлыст — нежный, чувствительный (напр., хлыст, мороту). П.
- Хлопатъ — лягть. З.
- Хлопуша — лгун, лжец. З.
- Ховинт — подувает ветер. З.
- Не ховинт — не дунёт (ветер). З.
- Холстениники — купцы, которые набирают холсты. З.
- Хорбак — хорбак — порча от злого человека: сильная боль желудка. З.
- Хрушкой — крутный, большой. П.
- Храслины — нетолстые стволы берёзы без коры длиной около 2 сажен. З.
- Худая болезнь — сифилис. П.

Ч

Царство небесное — загробная вечная жизнь, которой удостаиваются, т. е. те, которые во время земной жизни были усердны к Нескотворению храма Божьего, читали или слушали слово Божие, смирились с жизнью, т. е. были отца, матери, стариков и страж. Помимо праведной жизни, наставления небесного удостаивается тот, кто в то время, «как открывается небо», успевает сказать: «Помяни мя, Господи, ко Царю небесному!». З.

Час — общее название, причем большинство бросает то в жар, то в огонь. З.

Чело — передняя часть печи. З. Цельник — нерасплаханная часть поги, *шпар*, мстами узкие по-лоски на которых оставляют меж-ду плинами для пропуска воздуха, чтобы они служили мягкой. П. Чигирка — самодельная папироска из простого табака и газетной или другой бумаги. П. Чоловки получить — поцелуй получить. З.

Ч

Чиз — кисть на берёзе, из которой привязывают трут; остаки и самоделки пиют его отвар в виде лекарства.

Чипыжин — мелкий березник. П. Чарки — простые сапоги, преимущественно женские. П.

Частушка — небольшая частный песня. П.

Чебак — плотва. П.

Чебачинка — небольшая частый неводок, которым добывают мелкую рыбу. П.

Чебаторь — сапожник. З.

Чекмейн — мужской сержант. З.

Чембара — широкие верхние штаны из грубого холста, которые носят рыбопромышленни-

ки во время ловы и в которых опускают кончики верхней одежды для предохранения её с водой. П.

Чешка — раскачиваться (по-лошински). З.

Черь — личинка, дождево черь, П.

Чердах — рыболовный спарад Г.

Чередить — обрабатывать пашни

Черкэн — посудка для белого

составляющая из истороженного

луга и стрелы. П.

Черкес — под этим именем в З

падной Сибири подразумеваю

(ссыльных) кавказских горцы

(инородцы, лезги и т. д.) и ос

тих. П.

Черкёй, или обутки — женская обувь в бунях. З.

Чернять — породы ликих уток.

Четырнадцатки — лежащие

кучи по 14 сплюсов. З.

Чех-чеч-чех — междометие, по

并不意味шее манил сви

ней. З.

Чижы — саложки из оленевых

шкуры, мозгом внутри; носят

под кисами. П.

Чинны отводить — последние сла

дебные угощения между роди

тельными и родичами в браке с

посвящениями. З.

Чир — лёгкий тональный наст. П.

Чирок — небольшая порода ли

хих уток. П.

Чисменка — три перевязанные

нитки на снаряд мотовилки. З

Чурч — саложки. П.

Чурд — сорт вина, камни,

татар и других интересов, та

же иногда в рыболовных избуш

ках русских. Делаются из ив

вых прутьев или досок, нам

занных толстым слоем глины (

татарского или осетинского, ир

куль). П.

Чург — один из холм сред

известности, заливаемой водой

- в Тобольском округе. (Объяснение его произношения см. «Мат. для изуч. языка» быта крестьян и инор. Зэр. Сиб.» Т. Х. С. [16]. Это слово заместительно, *вероятно*, с *остылкого*, *чтоб* [нар.] тоится.
- Чул.** — прежнее наименование чул., т. е. кисти, рогти и вогтулы; иногда этим именем называют и иныхших некрещенных инонодцев Крайнего Севера. **П.**
- Чул.** — сорная трава вообис. **П.**
- Чулак.** — короткое брезно, деревняка. **П.**
- Чуруй.** — небольшая щука в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ ари, да (с *топарского*: чуртай, чуруй). Большая рыба этой породы называется щукой. **П.**
- Чурчук.** — материнка наряжаться. **З.**
- Чуха.** — синина. **П.**
- Чухка.** — то же. **П.**
- Чунчик.** — распластанный и высушенный изъязв — остилкою куванье (вероятно, с *остылкого* тяня). **П.**
- Ш**
- Шабур.** — архыз из шубурины, а, может быть, из одной шерстяной и другой лыиной нитки. **П.**
- Шайт.** — тлеТЬ (*нар.*, *угол* шайт). **П.**
- Шалаш.** — наес на столбах, защищенный от идущего сверху дождя. **З.**
- Шапка.** — загнутая вместо коротника верхняя часть сермяги. **З.**
- Шань-мань.** — еле-еле. **З.**
- Шануть.** — сильно толкнуть. **З.**
- Шаныга.** — пирог с капустой. **П.**
- Шандебаш.** — багаж, вещи путеш. **П.**
- Шара га.** — говорят про человека, который не сидит на месте, а бездельно топчется на ногах. **З.**
- Шарыньтысь.** — двигаться, шевелиться ощупью, напр., про человека, ищущего ночью (*в лес* тёбикой) по комнате, или про зверя, пробирающегося медленно по лесу. **П.**
- Шаркуней.** — то же, что бубенчик. **П.**
- Шахматы.** — колыя, на которых размешиваются немы для просьбки. **З.**
- Шашка.** — голевинка — любовница. **З.**
- Шасть.** — таеть, говорится об углак. **З.**
- Шайдык.** — свадьба. «Туринша шайдык» — яроническая клиника жителей Туринской долости; их там прозвали устыничане, подметивши в говоре их стремление пронести звук *ш* вместе с *и* в словах в течение ведения из свадьбы. **З.**
- Шелому.** — употребляется в пословице «на десятом шелому», когда хотят выразить отдаленность. **З.**
- Шенгельек.** — юго-западный ветер. **П.**
- Шенериться.** — топорщиться, ломаться. **З.**
- Шерб.** — см. форб.
- Шешек.** — самое посещение для курицы под запялком. **З.**
- Шибко.** — очень (шибко далек). **П. (см. дивно).** **З.**
- Шилакум.** — это слово употребляется народа для обозначения свободного народного сана, но что такое «шилакум», какие его права и обязанности, — в точности неизвестно. Время его существования приурочивается к роже-дественским (святым) праздникам, к которым он относится; в них он служит страшницем для ленивой практи. «Шилакум ушит кудельку перед святыми непропущенными», — говорят в народе, а в святочные ночи говорят: «Теперь шилакумы бегают — страшно ходить». Не знаю, х чему

собственно относится это последнее значение к невидимым ли нечистой силе или же к тем «нарядникам» (маскированным), которые одеваются шиниликунами и бегают по домам в сопровождении похоронных процессий народников. Шиниликун называются также наряженками, которые одеваются в белое (покойницкую одежду), на голову надевают остроконечный берестяной колпак, в рот вставляют редкие зубы лошади, на нос — серебристый и белой глины. Такой нарядник-шиниликун действительно может служить путеводителем, в особенности для малолеток. З.

Шиньнат — ширял. З.

Шиньнан — ширял. П.

Ширкать — производить особый шум; ширкакт, когда тянут с шумом горячий чай. З.

Ширкотия — звук, получающийся при точении косы на сено-кошке. В

Шить кисты — местный обычай, по которому девица в знак любви или дружбы шьёт и дарит своему предмету кисту, т.е. колешёк под табак или деньги. В
Членное поэтическое:
«Девушка фаталисты,
Сердится катомре,
Сердится катомре,
Шить кисты учатся». З.

Шицабриник, или горякая трава, растение из сложноцветных, применяемое в народной медицине сибирской язывы (тоб. опр.). П.

Шлах — след от саней по снегу. П.

Шмур — дождевой червяк. П.

Шорба — уха, навар с (матерск. собств. пер.: шорба); см. хорба. П.*

Шорбак — см. онкоркать. П.

Шыны — нечесаная и склоненная голова. «Хоть бы причесал шыны-от». З.

* Болг. и сербск. чорба (из тур.). Ред.

Шубечный язык — так характеризуют говоры того лица, которое принадлежит вам, вм. «шуба», говорит «скуба» и пр. З.

Шуга — ледяные иглы, поднимающиеся осенью с дна рек. Могут быть, плавающий лёд по поверхности рек (ори абей). П.

Шумника — осоки с широкими листьями. П.

Шурул — вин. Слово встречается и в эзиринском, и в остяцком языках, куда передано из русского языка в виде «шуруп». П.

Шунун, или тальма, представляется из себя верхнюю женскую одежду, род кофточки. З.

Шнагаты (ед. шагмы), жаберные (?) крышки. З.

И

Шелето-й — красный, шегольский. П.

Шелеченный — изукрашенный узорами. П.

Шето посадить — вид порни от враждебного человека, при котором он сидит на коляте в заднем проходе. З.

Шокур — рыба из породы лосо-севых, живёт в Оби. П.

Э

Эрик — небольшой ручей, преимущественно владеющий обими концами в большую крупную реку (в Тобольском округе около города Тобольска). П.

Ю

Юзаться — волиться на одном месте. З.

Юрить — ловить рыбу на крючок. П.

Юровая ама, или просто юровая — углубление во дне Иртыша и

верхней Оби, где зимой укладываются на зимовку стерлядь и осетр. Весной, когда касы и молодняк причем сам промысел называется: поднять корюкову. Дучиав по Иртышу корюка находится в растопине около 50 верст к северу от Тобольска во владении крестьян Н. Филиатовой и сына ее Степана Филиатова. Касы и молодняк из этих мест вывозят. Третьям соподчиненным является казна, которой принадлежит тоже часть левого берега Иртыша. Юрлупу яму поднимают в ноябре или декабря, причем ради этого из реки сюда сплавляется 2000 человек из разных мест. Лов продолжается около трёх дней, и за это время на всём протяжении корюковой (Якорю) добывается от 2 до 5 тысяч пудов стерлядь и отчасти осетра. Цена и тоннаж ямы в 1888 г. была сколько в рубль пуд. П.

Выражения (П.)

1. «Чтоб те погнал!» или «Питай те в глаза тे», — чтобы тебя сибирская ява поразила (брани).
2. «На лешак!», «На якорь» — восклицание в знак удивления или одобрения.
3. «От пяты до пяты» — от начала до конца.
4. «Ни колыта» — типичное выражение, которое применяют, чтобы показать, что отлучка или бирюса и яхта не весь скот, так что не осталось. Не осталось целой скотины, а и коней.
5. «Эзин тейб!» — чтобы тебя поразила сибирская ява.
6. «Сила не берёт» — нет силы, у меня нет силы.
7. «Якорь тебе взмыл», «Якорь тебя!» — (см. № 2.)

Я
Яга — шуба из козьих шкур мехом наружу. П.
Яиниться — гордиться, хвастаться. З.

Яитавы смова — лучший сорт смено антарного цвета. П.
Яр — наторный берег. Яр мочить или «яр ломать» — кругой берег валился, подымаемый рекой. П.

Ярица — яровая рожь. П.
Ярка — мячик; лукка (жмока) при помощи которого это слово употребляется в Усть-Индийской слободе. З.

Яровой — прилагательное от слова «яр» (см. яр). П.

Ярутка (Thlaspi arvense) — сорное растение. П.

Ярунинк — шаныга продолгованной формы. З.

Комментарии

О происхождении слова «Сибирь»

Статья опубликована в «Сибирском сборнике», вышедшем в качестве приложения к газете «Восточное обозрение». 1891. Кн. 2. С. 127–136.

Печатается по вышеуказанному изданию. Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орфографии к сегодняшней норме, а также в скосках С.К. Патканова унифицированы названия изданий, на которые он ссылается.

¹ Флоринский В.М. – археолог, основатель археологического музея при Томском университете, один из пионеров научного изучения древностей Западной Сибири. В 1880–1890-е годы собирал и публиковал материалы по археологии Томского Приобья. Наиболее известная работа – «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни».

² Попов А.А. – польский и русский путешественник, учёный, член Императорского Русского географического общества. В 60–90-х годах XIX века исследовал различные районы Центральной Азии. В результате экспедиций им были собраны и классифицированы опубликованы богатые материалы по географии, природе, истории, археологии и этнографии. В 1895 году в «Живописной России» была помещена его работа «Занесение и колонизация Сибири».

³ Радлов В.В. (1837–1918 гг.) – академик, русский учёный-энциклопедист, историк, археолог, этнограф, лингвист. Основатель отечественной тюркологии. Изучал древние и современные традиции, культуру и языки народов Западной Сибири. Использовал Арабские письмена для записи языков некоторых этнических тюркских и самодийских народов. Одним из первых применил комплексный подход в исторической науке. Его основные труды – «Древние аборигены Сибири», «Ara Siberien» и «Опыт словеса русских народов» до сих пор представляют огромную научную ценность.

⁴ В различных фонетических вариантах термина «сибирь» (собар, сымыр, сымыр, савым, сеным, сипир) известен не только как

этноним, он зафиксирован в западносибирской топонимии (городки Тапар-юш, Шапер-юш, пос. Таборы, Сурицкие юрты, река Супра, ороним Сопр-эк-ур, гидроним Сопр-эк-юль), антропонимы (согдийские грунты обских угров Цаберрем и Сопар-махум, саскские грунты Сабарев, Себуров, Савир, Шабуров, Шаберов и т.д.), в именах духов-покровителей (Сопта обия, Соптар-олы, Шапмир аллы).

Существуют различные варианты этимологии данного термина. Согласно одной из версий, этноним «савыры» (сипти) возник в среде врангольчых сакских племен, обитавших в Средней Азии с шестого века до н.э. Саки называли своих северных соседей «асабары», что означало «всадники», «несмысли конямы». Племя савыров (угров-савыров) сбытли в западносибирской лесостепи в рамках железном веке и постоянно общались с сакскими племенами. В письменных источниках угры-савыры упоминаются в составе племен гуннского союза. Ряд этнографов и лингвистов считают, что хунно-булгарское племя угров (утров, угров) было тюркоязычным, а название одного из подразделений этого племени «сартурмы» (желтые или белые угры) было дано им на основе привлекших мастеров-сартурдов. Известны в ходе языческих меметических контактов последних с хуннским племенением.

Известный археолог и этнограф В.Н. Чернецов считал, что степные предки обских угров продвинулись в западносибирскую тайгу в первые века нашей эры под именем угров-савыров, будучи вытеснены воинственными гуннами. Другая часть угров-савыров, покинув длительное время по западносибирским и европейским степям вместе с гуннами, в конце концов осели на берегах Дуная и создали свое государство. Отдельные группы древних миддлар вошли в состав предков современных башкир, чuvашей и булгар (казанские татар).

Наконец, некоторые учёные связывают происхождение топонима «Соболево» с кельтским словом «сплэр, сплер, (головное болото)», имеющим краевообразочное происхождение: в таджикском языке слово «сплэр, сплер» означает «болото, топь», с шугнинского языка «сафар» переодевается как «болото», «топь», «измененное место», «болотистый луг». Эта версия согласуется с данными из обско-угорской этнографии: несколько территориально-генеалогических групп ханты и манси в качестве предка, духа-покровителя почтят типичную обитательницу болот — лягушку. Так, одна из групп сосьвинских манси Нарас-махум («Болотный народ») считает своей прародительницей Нарас-тай («Ведущую болотную женщину»), выступающую в виде лягушки. Одна из именостей верховьев обских угров Калтас — лягушка, а само имя беглики также связано с болотом: в Сибири известен географи-

ческий термин «калтус», означающий «травяное болото», са-модийское «кальч» переходит как «кошковатое место», а хан-тыйское «кал» – как «болото, покрытое мхом и травой». И, наконец, ханты называют лагушку «сопр».

Вопрос о том, что первично, топоним «Сибирь» или этоним «си-бирь», до сих пор считается открытым. Кстати, известный топо-нимист Э.М. Мурзаев ошибочно приписывает С.К. Патканову точку зрения о первичности топонима (Мурзаев Э.М. // Словарь народных названий географии. М., 1984. С. 628).

¹ Араб в переводе с хантайского называет «Несенный народ».

² т.е. древние люди, о которых поется в песнях.

⁴ В хантайских преданиях татары называются «каташи-их» («на-род катель»). Этот этоним произошел от названия монголо-язычного племени киданей, обитавших в IV веке в Восточной Монголии. Их близайшими родственниками были племена татар и монголов. В VI – начале VIII вв. киданы входили в состав I и II Тюркских хангантов, а в VIII–IX вв. были покорены уйгурами. В конце IX века начались усиление киданей, покорившие все мелкие кочевые монголовязычные племена. Наи-большего могущества киданская государственность достигла в сере-дине X века, когда киданы завоевали 16 северных областей Китая, создав империю «Дайлян». После разгрома им-перии в 1125 году пруссерские племена киданей вошли в состав чжурченского государства Цзинь, а другая часть (нэро-ка-дани, или кара-кидан) ушла в Среднюю Азию, где они посте-пенно были откоречены и вошли в состав тюркских племен. Этот этоним сохранился как название некоторых групп в со-ставе ряда тюркских народов, в том числе и сибирских татар, что отражено в названиях: Китай урумы («Улица китайев») в Верхне-Ингалиских юртах, деревни Кетнугуль (Нижнеганди-ский район), Кетангуй (Ишимский район), Кетай (Бикулов-ский район) и др. От этого же этонима происходит и русское название Китая. К этическим китайцам прииртышские ката-ны не имеют никакого отношения.

⁵ Рождество Христово.

Тип остицкого богатыря по остицким былинам и героическим сказаниям

Была опубликована в издании отделения этнографии Императорского Русского географического общества, в жур-нале «Живая старина» (1891. Вып. III. С. 85–116; Вып. IV. С. 67–108.), под названием «Стародавняя жизнь остиков и их богатыри по былинам и сказаниям». В этом же году в

Санкт-Петербург вышел отдельный оттиск этой статьи, но под другим именем: «Тип останцкого богатыря по останкам былинам и героическим сказаниям» (Спб., 1891. 76 с.). На титульном листе отдельного оттиска есть эпиграф:

•While kings, in dusty darkness hid,
•Haw left a nameless pyramid,
•Thy heroes, though the general doom,
•Hath swept the column from their tomb,
•A mightier monument command
•The mountains of their native land!

•The Giaour• L. Byr.

В этом же году эта работа удостоена Малой золотой медали по отделению этнографии Императорского Русского географического общества.

Статья воспроизведется по публикации в «Русской старине», однако название ее взято из отдельного оттиска. Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орографии с сотовидной нормой, а также в списках С.К. Пяткова унифицированы названия изданий, на которые он ссылается.

В отдельных случаях исправлены орографические ошибки, допущенные в прижизненном издании. Некоторые различия в написании, встречающиеся у автора, сохранены. Например, *Каралослава уфал-евы* и *Кары послат-урдат-ози*; *Эндерская пропока* и *Ендерская пропока* и т.д. На самих листах, такие различия високолько не умаляют достоинства произведения.

* А.М. Кастрен – известный финский ученый, в 1843–1845 годах осуществлявший экспедицию в Нижнее Приобье, где ему удалось собрать богатые материалы по языку, этнографии и фольклору ханты. Ранняя смерть не позволила ему завершить начатые работы. Большая часть собранных им материалов осталась неопубликованной. На русском языке фольклорные тексты, записанные Кастреном, не издавались. В 1860 г. в России вышла его работа «Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири» (Магазин землеведения и путешествий. Спб. 1860. Т. 6. Ч. 2).

² Бенгерский ученый А. Рогуз в 1843–1844 гг. собирая фольклорный материал у нижневодских ханты и некоторых групп манси. К сожалению, он не успел обработать и опубликовать

собранные тексты. Мансиjsкие тексты были частично расшифрованы, опубликованы с переводом на венгерский язык и сложены комментариями в 1892–1921 гг. другим венгерским ученым Б. Кальманом. На русский язык упомянутые работы не переведены.

¹⁸ Финский ученый-лингвист А. Алквиست во время экспедиций 1858, 1877 и 1889 гг. в Западную Сибирь изучал хантыйский и мансиjsкий языки и собирая образцы их фольклора. Эти материалы, слабоизученные переводом на немецкий язык, вышли в 1880 и 1894 годах. В 1883 году выпала книга на немецком языке его книги «Саги и мифы хантов и мансиjs». На русском языке обобщенное (в переводе Н. Лукиной) лишило две записанные Алквиством сказания билингв (Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1995).

¹⁹ Я. Папай – венгерский ученый, направленный в 1898–1899 гг. Венгерской Академии наук в экспедицию к северным хантам. Занимаясь расшифровкой текстов, записанных А. Регулы, собирая новые фольклорные материалы. Труды Папая, включая расшифрованные тексты А. Регулы, были опубликованы посмертно на хантыйском, венгерском и немецком языках, начиная с 1905 по 1972 г. На русском языке (в переводе Н. Лукиной) опубликованы два мифа и предание, записанные Папая (см. «Мифы, предания, сказки хантов и манси»).

²⁰ Б. Мункач – венгерский лингвист, предпринявший в 1888–1889 гг. по заданию Академии наук путешествие в таежном Зауралье, где он изучал мансиjsкий язык и собирая фольклор. Собранные им тексты, переведенные на венгерский язык, и комментарии были изданы в семи томах в 1892–1963 гг. На русский язык переведено венгерским этнографом Е. Шмидт мифологическое сказание о возникновении Земли (см. «Мифы, предания, сказки хантов и манси»).

²¹ Острик (санжи), асторда (манси) и малымыр (венгры) в языковом отношении представляют угорскую группу, относящуюся к финно-угорской ветви т.н. уральской языковой семьи. Самодийская ветвь отделялась от уральской семьи языков в конце V – начале IV тыс. до н.э. Финно-угорская ветвь разделилась на финно-пермскую и угорскую в начале II тыс. до н.э. В настоящее время в хантыйском языке выделено 16 диалектов, объединенных в северную, южную и восточную группы. У манси четыре группы диалектов: северная, южная, западная и восточная. Часть диалектов практически исчезла. В антропологическом отвлечении ханты и манси являются наиболее типичными представителями уральского типа, характеризующегося своеобразным сочетанием моноглобидных и европеоидных черт.

²² До начала XVIII века смятская и церковная власти России довольно терпимо относились к языческой вере обских угров.

Деятельность церкви, по существу, ограничивалась стенами русских городов и острогов. Встречное движение к православию (по видимому, из политических соображений) предпринято было впервые в 1552 году в Костроме, а в 1564 году в Коломенском кремле. В 90-х годах XVI века пропагандисты разной брати покойного колского князя Алеша, нареченный Георгием (Юрием), затесли ополовинную княгиню, нареченную Анастасией. Нескore новую веру принадли князья Итичей, его жена Анна Пуртесова, троицы их сыновей и брат Анны — Степан Пуртесов. В эти же годы в Коломенском городе были построены Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви. В 1564 году в Коломенском городке возник Коломенский монастырь, названный в честь покровленной в Коломенской церкви Богоматери, да и она пропагандисты последовательно начали пропаганда языческие образы и празднества. Противники князя Дмитрия Алешева доносили на меликодрных новокрещенов, что те «...живут... в православной вере не крепко, к проклятым шайтанам молчу прилагают...из пиндаль в церквях по крестам стреляют. Обвиняли князя еще и в том, что он подарил шаману для привнесения в жертву векую «женинку».

Тогда же, вскоре после отставки вятского князя, в 1707—1717 годах, собранными миссионерами под руководством митрополита Филобоя Лепцинского (с 1709 г. он принял схиму под именем Федора), сопровождалось разорением языческих святынь, сожжением идолов, награждением новообразованных христиан им временных льгот в выплате ясака. Петр Великий высоком одни миссионерскую деятельность Филобоя даже вручил ему за заслуги особую грамоту. Однажды же митрополит Филобой, вспоминая о пропаганде языческой культуры в летописи Д. Н. Татищева, оправдывая результаты миссионерской кампании несколько иначе: «Митрополит Филобей Лепцинский не более сделал, как их перекупил, да белые рубашки одел, и оное крещение попытал».

Языческие религиозно-мифологические возретия ханты и манси оказались очень стойкими и дожили до наших дней, несмотря на гонения со стороны церковных и государственных властей, а также на то, что в советское время в Дальнем Востоке XX века они относились к святому Николаю Угоднику со своим звероловом божеством Нуры-Торумом, а Богородице с образом богини-жизнеподательницы и прародительницы Калтад. Случалось, что ханты и манси пытались приносить кровные жертвы в церквях, а в православные праздники обязательные посещали языческие сибирские места, где совершала жертвоприношение.

¹⁹ Мухомор — единственный вид грибов, употребляемый обскими угреми. Он обладает сильным галлюцинационным воз-

действием. Чтобы достичь необходимого эстетического состояния, обско-угорские шаманы жуют предварительно размоченный порошок из сущихых мухоморов, запивая его водой. Согласно гипотезе американского ученого Р. Г. Уссона, мухоморы и мухоморные грибы были известны народам арийского борта в горы. Известно, что обороноспособные азиатские мухоморы «ланы», или «ланги», состоят из кельтским «бангх» и авестийским «бэнг», означающими мухомор или белезну. Испия сому, ведийские боги и жрецы достигали особого состояния, давшего вдохновение, просветление, открывавшего необычайный прилив сил, необходимый для воссевания гигиев и совершения невозможных чудес и подвигов. Предки угров, проживавшие в лесостепной и степной зонах Евразии, имели тесные контакты в бронзовом веке с индоиранскими племенами – создателями идейной религиозно-мифологической системы и в рядах жрецов – нес с ираноязычными племенами «Авесты».

Трудно сказать, кто у кого занимался традицию использования гриба-галацционогена и его название. В настоящее время ученыe зафиксировали немало лексических и культурных заимствований индоиранского и иранского происхождения у обских угров. Вопрос о наличии угорских заимствований в культуре индоевропейцев и кранцев не получил должного развития, но нельзя исключать и такое воздействие.

¹⁶ В «Кремле Сибирской татары назывались Исер, роже – Каиниль, эти же земли присоединили к себе Тайбубров бек Мухаммад (Махмуд), обладавший под своей властью татарские улусы в нижнем Тоболе и по Среднему Иртышу.

Латик в летописях упоминается единственный раз – в описании событий 1484–1485 гг., связанных с подписанием мирного соглашения в Усть-Вымском городке – резиденции первомого владыки, епископа Филосфа, между остяцкими и югуральскими князьями с одной стороны, вымыскими князьями и Московским Великим князем – с другой. Для заключения мира прибыли «...по опасу князь вогулетин Юриан, а с ним честь его Калба да Лебаутинский князь Ильятик, угорский князь Пытей – бывший князь ягудин Морин».

Обратите на себя внимание этикета воинских деталей: в Чечено-Ингушских и Бычегодско-Вымских летописях имя Латик отсутствует, зато упоминаются некие Лаб и Чагиль. Исследователи отмечают, что последнее имя совзвучно названию старого остаточного поселения Цигнаглы (Цигнагальные юрты), расположившегося в нижних Иртышах. Недалеко от Цигнаглов, на Иртыше, согласно письменным источникам, в XVI–XIX вв. находилось поселение Лебаут (Лебаудинские юрты). Местными ханты сообщали в XVIII

важе Г.Ф. Мишлеру, что другое название Лебягута – Назым. Тот самый Назым, который брали штурмом Ермаковы казаки во время своего ясачного похода на Обь. Таким образом, оба названия (Леб и Чангиз) получают вполне определенную географическую привязку – визовые Истмы. Правда, следует отметить, что из летописных сообщений неясно, что это: названия городков, княжеств или имена князей. Возможно, и то, и другое, так как в конце XVI века в Назымском городке жил князь Лебягут. Вторая часть его имени означает «мыс» (*аватъ, *вугутъ). Первая часть нам уже знакома: Леб, либ, лии, он же – Лятик (правильное звучание имени, видимо, Лятика, неизвестно, но вряд ли оно было идентичным).

Дополнительные аргументы в этой версии находим в тех же летописных сведениях о заключении мирного договора 1485 года: китогские и ходские князья гарантировали сохранение моря «за все за своих людей, что под ними есть. А за Либь миры не имали ток для, что не под ними». Кроме того, эти князья договорились между собой о том, что если «пойдет Либ Обдора воевати, и кодичем вест держати обдордам». Речь идет о княжестве Обдорском, расположавшемся в устье Оби, и Кодского княжестве, территории которого простиралась по берегам Оби, чуть выше устья Иртыша, в районе слияния Оби с Малую и Большую Обь. Очевидно, что подобие Либа, а также член дочтич Обдоры, надо было проходить по Оби мимо Колских городков. Следовательно, владения Либы (Лятика) располагались южнее Кодского княжества, на Иртыше.

По всей вероятности, Лятик был правителем Тывацкого княжества, расположившегося в Нижнем Примурье. Княжеская резиденция находилась в легендарном городе Тынтар-вост. Отсюда и эпитет «сибирский» (тывацкий): тыва-спир-сибир-сибир. То, что это княжество было давним врагом обдорцев, подтверждается германским сказанием о походе тывацких богатырей в византийскую Обь, где находилась крепость князя-богатыря Нантуши.

¹⁷ Первое упоминание о народе котра принадлежит перу готского историка Иордана, жившего в шестом веке. Он писал о том, что славянские племена торговали с котром (не указывая определено место обитания этого народа). В девятом веке древнерусский летописец перечислял народы, платившие дань Киевской Руси, в числе прочих назвав и югру, обитавшую рядом с народом печора. В 1096 году летописец Нестор записал рассказ новгородца Георгия Рогонича, который четырьмя годами ранее «... послал отрок свой в Печору, люди же суть дики, дающие Иоганну, и пришедши отроку... к ним и оттуду иде в Югру. Югра же люди есть языки плем и седать с самодуем на полуночных странах...».

Это летописное известие трактуется историками неоднозначно. Суть разногласий заключается в определении места обитания югры: Северное Приуралье или Северное Зауралье. Ясно, что югра обитала восточные племена, так как новгородцы двигались с запада на восток, а югра указана после печенегов. Район обитания югры, по всей видимости, находился в бассейне одновременно с озером Балхаш на северных склонах Уральских гор, недалеко от истоков сибирской реки Северной Соссы. Именно здесь и проходил один из наиболее удобных «чрезмеренных» путей в Нижнее Приобье. Споры среди историков о первоначальном районе обитания летописной югры не утихают и по сей день.

Русские летописные известия о народе югры и стране Югра связаны с описаниями походов военных ратей для покорения югорцев и взятия их дани. Сначала это были поэгороцкие, затем устюжские («Великий Устюг»), а с XV века — московские отряды. До конца XVI века было совершено не менее двенадцати таких походов. Зависимость югры и других обско-угорских племен от Новгорода и Москвы была номинальной, ограничиваясь, как правило, единовременным сбором дани.

При этом надо санкционировать и то, что Югра, находившаяся в Нижнем Приобье, содержалась в описании города новгородского отряда во главе с воеводами Александром Абакумовичем и Степаном Лизой в 1364 году: «Тое зимы с Югры поэгороцны приехаша... воеванье по Оби реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша...». Как видно, под Юграй в данном случае понималась весьма обширная и нечетко обозначенная территория.

В середине пятнадцатого столетия, кроме Югры, русские летописцы упоминают Коду (Кодское княжество), Обдор (Обдорское княжество) и пельмских князей (Пельмское княжество). Их расположение довольно четко обозначено в русских письменных источниках семнадцатого века, в первую очередь, в ценнейшем географическом списании — «Книге Большому Чертежу». Эти княжества описывались с трех сторон бассейна левого притока Обы — Северной Соссы, где и находилась территория Югры.

Следует особо отметить, что летописцы, различая названия княжеств обских угров (Обдора, Коды, Югра и Пельмы), иногда называли югорскими обдорскими и кодскими князьями, а также всю территорию Нижнего Приобья. В официальных документах такая путаница была недопустима, поэтому к титулу Великого князя Московского после походов 1483 и 1499 годов было добавлено «князь Югорский, Кондинский (Кодский) и Обдорский».

В шестнадцатом веке название Югра в русских летописях и официальных документах уже не употреблялось, а обско-угорские княжества, как правило, именовались по рекам, на которых они располагались: Ляпинское (бывшая Игорская земля), Казымское, Демьянское, Пельмское, Кондинское. В семнадцатом веке, с ликвидацией княжеств, территории, заселенные остатками (ханчы) и ногулами (манси), назывались уже Сибирью.¹²

¹² Здесь, скорее, допущена неточность. Сургут был основан в 1584 году. Кроме того, Пельм находился в «останчай земле», а на территории бывшего Пельмского княжества, заселенного ногулами. В 1895 году на территории Обского княжества был поставлен Обдорский остров.

¹³ Остров расположжен недалеко от устья реки Куноват, получившей название от остатков города Куи-авыт-юни («Город на вьющемся холме»), входившего в конюнгострадицкого века в состав Ляпинского княжества. В XV–XVII вв., вероятно, северная граница остатков земель не была устойчивой, но остатки жили вблизи реки Оби. Несколько позже Кондинское княжество находилось в устье Оби. Несколько же в основном кончина в тундре или оседали в глубинных районах привобережья Оби.

¹⁴ В якутской мифологии «эйл» якшы слово «эйл», сопричастное «осенения», что согласуется с олицетворением богини в виде огня, поэтому тавтологии здесь нет.

¹⁵ Здесь имеется в виду бытинг про «Подобного болотной моршинке сильного богатыря». Предположение Пятакова о том, что были на созданные южными остатками, жившими в черноземных степях Печоры, и что под этим имеются в виду южные остатки княжества. Население южных и восточных земель не было устойчивой, но остатки жили вблизи реки Оби. Несколько позже Кондинское княжество разделилось еще в бронзовом веке (II тыс. до н. э.). Племена саргатской археологической культуры, являвшиеся лесостепными уграми, вели полукочевой образ жизни. Лопши составляли около половины домашних стад саргатцев. Саргатские воины были всадниками. Наследники саргатских племен — население потиевской и усть-ишимской археологических культур — продолжали их ковенодческие и военные традиции. В более северных таежных областях лопши были известны, начиная с раннего железного века (I тыс. н. э.), — середина I тыс. н. э.) и используются, главным образом, как жертвенное животное. Прислужники, скот, свидетельствуют о наличии конных охотников, на что указывают данные хантыйского и мансийского фольклора и письменные источники.

¹⁶ Культ всадника-богатыря и богатырский эпос начали складываться у южных предков обских угров в раннем железном веке. Об этом свидетельствуют, в частности, гравированные изображения всадников на бронзовых блятах из так называемого

Истинного клада, найденного в низовых Вагая, левого притока Иртыша.

²² Хантыское название «ынът» (ават, аут) означает «высокий мыс» и является дражим заимствованием из языка иранских племен, южных соседей саргатцев (лесостепных турков). В иранских языках «ынат» (авал, ават) значит «город, селение; первоначальное значение — «обводненный», «водное место». Обычно употребляется в качестве второго слова (форманта) в сложных географических названиях: на кот. — Аихабад, Джелалабад, и др., в Обском Севере — Кушеват, Кевват, Кудоват и т.д.

Полные названия поселений звучали так: Куневат или «(Городок на высоком мысу)», Кушеват-юп («Городок на песчаном высоком мысу»), Кевват-юш («Городок за каменистым высоким мысом»).

Такие поселения нелегко сопоставлять с «княжествами». Они вместе с окрестными промысловыми угодьями составляли так называемую общину-ирт, население которой объединяли хозяйствственные и родственные отношения. «Городки на высоких местах» могли быть княжескими резиденциями, столицами князьства, избираемых целяй или поселений за достаточно обширной территории.

²³ Абрамов Н.А. — известный сибирский учёный, краевед, член труда, посвященные истории, географии, археологии и этнографии Тобольского края до сих пор представляют большую научную ценность (подробнее об Н.А. Абрамове — в статьях, написанных его современниками Ф. Петуховым (литературный псевдоним А.И. Сулоцкого) и Е.Л. Кузнецовым (См.: Абрамов Н.А. Город Тюмень. Тюмень: ГИФТИзполиздат, 1998). Сведения об интересах Абрамова к Тюменской Сибири и её историческим городам, собирались лично Абрамовым во время его поездок по Тобольской губернии и содержатся в его трудах: Описание Березовского края // Записки РГО. Спб., 1857. Кн. XII; Курганы и городаща в уездах Тюменском, Ялуторовском и Курганском// Тобольские губернские ведомости. 1857. №4.

²⁴ В настоящее время на территории, некогда заселенной предками современных ханты и манси (Нижнее и Среднее Приобье, Нижнее Прииртышье и Притоболье, восточные склоны Урала) известны десятки поселений, ныне заброшенных и облюбованных археологами. В результате выяснилось, что городища появились в начале I тысячелетия до н.э., а прекратили существование в XVI—XVII веках. Большинство из них датируются ранним железным веком — ранним средневековьем. Наряду с многослойными городищами, функционировавшими длительное время, известно большое количество кратковременных городищ.

Число городиц, которое можно соотнести с эпохой тюрко-киргизских княжеских утюров, не превышает цифру, приводимую Патмановым. Как правило, в названиях поздних городиц присутствуют топоформанты «баш», «аши», «чи», «жар», «кор», которые означают «город», «городок», «укрепленное поселение»; в переводе соответствственно с хантайского, манси-кеского и дрениекоми языков. Городища с остатками монгольских оборонительных сооружений, отличающиеся значительной, по местным меркам, площадью, встречаются как на юге, так и на севере Сибири.

«Чувашский городок» — это название средневекового городища на территории современного Тобольска (правый берег Иртыша). Рядом с мысом состоялось историческое сражение дружины Ермака с войском Кучума. Городище известно со второй половины семнадцатого века. По материалам его раскопок выделена почтчевская археологическая культура (VI—IX вв.), население которой расселялось в Нижнем и Среднем Прииртышье, занимаясь охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием.

Название «Чувашский городок» (Почтчевий) к чувашскому языку не имеет. Но мнение В.Н. Черепова, что произошло от хантайского «пэнь-юк», («олений городок»), что косвенно указывает на этническую принадлежность почтчевского населения. Считается, что почтчевская культура сложилась на основе слияния лесостепного угурского и лесного самодийского населения.

¹¹ В названии городка Навк-хүн-хүс не вызывает трудности перевод первого предлога, следующего за первым элементом, — хантайским словом «хүн» — «истинный», «город». Означающее слово «хүн» неясно. Известный лингвист А.К. Матвеев считает, что оно могло попасть к хантайцам из манси-кеского языка, где «хүн» — слуга, и употреблялось первыми в собственных именах. Если это предположение верно, то топоним можно перевести как «Городок листьевидного слуги (мужчины?)». По мнению Н.К. Фроловой, в хантайской топонимии слова «хүн» (хүн?) употреблялись в значении «песок». Кушеват — «Песчаный мыс». В таком случае Навк-хүн-хүс можно перевести как «Городок песчаного мыса» (песчаного хуза).

Предполагаю, что все же выпадает первый вариант перевода, так как в этом случае имя бывшего Кровного боярти — старого Навк-хүнца звучит вполне естественно для средневековой обско-угорской антропонимии: «Листьевидный слуга (муж, мужчина)». В фольклоре ханты и манси часто встречаются имена «растительного» происхождения: «Серебряная смородина — Золотая смородина», «Подобный основному листу верхний муж», «Маленькая женщина Брусличный глаз» и т.п. Наконец, в архичных слюжетах встречаются мейнкы (мифические гиганты-

кие богатыри), вытесненные верховным божеством из лиственницы, то есть тоже «лиственничные богатыри». Местонахождение бывшего городка Нанк-куш-ваш можно определить с помощью топонимических данных. Из текста видно, что он находился на Оби ниже места впадения в нее реки Куповат. На этом участке Оби известны два поселения, в названиях которых есть слово «нанк» (лиственница): городище Нанки-ваш, расположенного на ачу в устье реки Питляр и бывшее хантыйское поселение Нанк-Юх-Пугол, находившееся на острове Нанги в устье Оби. В бывшем говорится, что Тяньперским богатырям надо было пересечь сор (пойменный залив, сезонное озеро) Кровавого богатыря, «...столъ широкий... что его глаз не охватывает, как будто там небо и вода пришли в соприкосновение». В устье реки Питляр есть большое соровое озеро, но оно, конечно, уступает разлившейся пойме в устье Оби, которая может достигать ширин в несколько десятков километров. Поэтому питлярский вариант, при всей его привлекательности, выглядит менее предпочтительным. Загадка эта может быть окончательно разрешена только после археологических исследований древних городков в устье Оби и на Питлярском сору.

¹⁷ Описание было детально описано путем изображения богатырей по Оби, Иртышу и Конде в городках Нуры-поселат-аш, а также то, что упоминаемые в бывшем топонимы почти без изменений дошли до нашего времени, все это позволило екатеринбургским археологам разыскать легендарный Эмдер. В 1994 году они начали раскопки на его месте, на городище Ендырское I. Городище расположено на высокой двадцатиметровой террасе берега р. Ендыры, левого притока Оби. Хорошо сохранились остатки крепостных стен, двора и проходной башни. Основной период существования крепости принадлежал XI–XVI векам. При раскопках было найдено много разнообразных железных наконечников стрел, в том числе так называемые «бронебойные», звенья кольчуг, остатки деревянной мостовой. В целом, археологические материалы не только подтвердили летописные описания образа жизни эмдерских богатырей, но и существенно дополнили их.

Это открытие доказывает несомненную ценность и историчность героических сказаний ханты, записанных С.К. Паткановым.

¹⁸ Правильное написание «Турбийская».

¹⁹ М.Ф. Косарев, известный археолог-сибиревед, считает, что прозрачность тела богатырей города Харда (Картамож), непрозрачность богатыря Евра и высокомерность первых свидетельствуют о существовании в обско-угорском средневековье своеобразной иерархии князей. По его мнению, некоторые из князей считались более высокородными, так как вели свое проис-

хождение от элиты саргатских племен раннего железного века. Это наблюдение согласуется с точкой зрения о двухкомпонентности обско-угорского общества: угры-савмы и их таежные соседи; в ХХ веке — брачные группы Пор и Мось. В фольклоре обских угров Мось и Пор всегда соперничают, причем характеристики Пор и Мось неоднократно меняли свою окраску. Пор со временем тяжелым мирал, ее же предок-предрочитель — медведь. Мось — потомки богатырей, спущенных с неба, их священный предок, дух-покровитель — гусь. Возможно, в быльне отразилось как раз существовавшее когда-то в древности детение ханты и манси на две группы различного этнического происхождения.

²⁸ **Мальца** — глухая длинная одежда мехом изнутри, как правило — с капюшоном. **Гусь** — мужская верхняя глухая одежда из меха с капюшоном, одевался через голову. **Парх** — расшитая мехом одежда.

²⁹ Григорий Иванович — смоленский мавзолейский подъезжий, земляк и соратник крестителя остатков и ютулов Философ Лещинского. Принимал активнейшее участие в миссионерских экспедициях на Обь и ее притоки, в одной из которых погиб в стычке с язычниками. За большие заслуги в распространении православной веры среди остатков и ютулов был награжден походной грамотой от Петра Первого. В 1715 году написал «Краткое описание о народе остяцком» — первый серьезный этнографический труд по обским уграм, основанный на личных наблюдениях.

³⁰ Имеющиеся на сегодня археологические материалы по вооружению средневекового населения западносибирской тайги свидетельствуют о том, что к концу XVII веку мечи (оружие с обойдоострым клинком) практически были вытеснены новыми видами клинового оружия — однолезвийными (саблями и палашами). Единственный экземпляр меча двенадцатого века, найденный на р. Омь, сделан древнерусским мастером. Возможно, причина появления термина «меч» — искаженный перевод, так как название «мэр» переводится Патаковым и как «сабля», и как «палиха» (сабля). Ханты конца девятнадцатого века имели весьма смутное представление о мечах, в то время как сабли и палаша их германских предков были обязательным атрибутом скитания.

В середине двенадцатого века арабский путешественник ал-Гарти писал, что восточные купцы привозили в Волжскую Булгарию, торговавшую с северными народами, в том числе и с ютой, не мечи. Возможно, и в этом случае речь шла о саблях или палашах. Кроме того, на всех известных гравированных или литьих изображениях таежных воинов предков ханты и манси встречаются только сабли. В предше-

ствовавшую эпоху (раний железный век, до середины первого тысячелетия н.э.) воины изображались с коротким мечом или кинжалом.

Нельзя исключить, что германский атлас ханты включает разновременные наследства. В этом случае такие оружия, как меч, встречающиеся в текстах, записанных Паткановым, могут свидетельствовать о более древнем времени складывания богатырских сказаний, а именно — о раннем железном веке, когда в западносибирской тайге появились укрепленные поселения. Именно к этой эпохе относятся первые изображения воинов, находки шлемов, коротких мечей, боевых железных и бронзовыми наконечников стрел, панцирных kostяных пластин. ²⁰ Уральские археологи С.Ф. Кокшаров и А.Г. Эмко, авторы раскопок легендарного Эмдера, вполне резонно предполагают, что под «кольчугой с сотней торчащих рожков» имеется в виду панцирь с kostяными пластинами.

²¹ При раскопках археологических памятников эпохи средневековья, связанных с пребыванием ханты и манси, выяснилось, что они использовали вексоболи, то есть обсидиановые дубильи так называемой болотной руды (гематит), на которых изготавливали спилы горных желез. Кусочки ладоли различными приемами ковки, променяли засеки, кузнецкие сплавы и изготавливали самые различные виды изделий: ножи, наконечники стрел и копий, топоры и т.д. Причины исчезновения древневосточнойской черной металлургии и кузнечного дела — не «уход в Китай», кузнецов, а вытеснение местных изделий привозными (из Руси), более качественными. В шестнадцатом и семнадцатом веках на Оби и Иртыше разразилась настоящая «пушная лихорадка», основным занятием потомков богатырей и кузнецов стала добывка ценных мехов.

²² Найракта — одно из имен наиболее почитаемого (правда с богиней-матерью Калтап) божества обских угров. Седьмой и наиболее могущественный сын верховного божества Нуми-Торума, божественного борца, называемый за порядок в мире, изображался в виде зодиака. Его другие имена: Мир-ханты-ху, Тун-пок, Орт-яки (у ханты), Мир-сусе-хум, Сорни-торум, Экве-сырпп (у манси).

²³ Упоминание в баллах глиняной (керамической) посуды косвенно подтверждает их датировку: керамика в течение четырнадцатого века была вытеснена более долговечными бронзовыми и железными привозными котлами, следовательно, в баллах описаны события и образ жизни предков-богатырей, живших не позднее этого времени.

²⁴ В Сибирских летописях имеются сведения лишь о том, что казаки привезли из иртышского похода «знатное число хлебных и рыбных запасов». Достоверные данные о наличии земле-

дели у ханты в указанное время отсутствуют. Кроме того, из этнографии обских угров известно, что они никогда не заставляли больших припасов пиди на зиму, а брали у природы столько, сколько им нужно было на ближайшее обозримое будущее. Поэтому в девятнадцатом веке в «бездобные» годы они голодали. В связи с этим сведения летописей о добыче Ермаковыми казаками больших припасов, тем более хлебных, видимо, недостоверны.

Речь идет о своеобразных таежных «счетах». Этнографы зафиксировали у ханты и манси использование специального посоха или палочки, на которых зарубками отмечались песни и пальчики, используемые в традиционном медвежьем празднике. Однако, таким способом подсчета уходит корнями в глубочную древность.

⁵² Русским словом «черт» С. К. Патканов передает хантыйское понятие «злы́е духи», «духи подземного мира». Внешний облик их не имеет ничего общего с русским чертом: ни рогов, ни хвоста. Но походу двуликости этих духов следует упомянуть о точке зрения этнографа А. В. Голениева, согласно которой «злое божество», «двойственная Тары» Патканова — образ двуликого и двойственного по отношению к человеку древнеугорского божества, в котором слиты существуют противоположные понятия: «огонь», «вода»; «вера», «небо», «мир» — «ин», «подземный мир», «хвост». Вероятно, двуликое божине (они же «бои Нижнего мира» — Кин и ик) пресущества и ее воинства — духам Нижнего мира.

⁵³ Мифический образ подземного гигантского чудовища, покрытого шерстью и обладающего огромными рогами, распространен у многих народов Евразии. Ханты называют его «мыжкор» (земляной бык), «ымкар», «вес», манси — «виткац» (подземное чудовище), «махэр». По их представлениям, находящиеся в обрывах рек бивни мамонта — это рога мыжкора (иртышские ханты звали его «вес»). Одна из разновидностей мифического чудовища — «ир», живет в воде. Мужчины достигают высоты четырех метров и более, а женщины — пятиметровые мамонты. В мире или в небесах парализуются старые люди — ведьмы, у которых вырастает огромные рога (бивни мамонта), появляется рыбий хвост. Салымские ханты старую, перосшую шерсть рогатую шукку-мамонта называли «весом».

⁵⁴ «Калевала» — собрание языческих карело-финских мифов о сотворении мира, строении Вселенной и эпических сюжетов о подвигах богатыря-великана Калевы, обработанное в стихотворной форме финским поэтом и фольклористом Э. Лайвротом в 1835 году. К этому времени многие мифические представления языческого прошлого были основательно забыты: финны и карелы приняли христианство в двенадцатом веке. Содерж-

жание этнических сказаний было модернировано Лейпротом, да и сами тексты, собранные им, отражали более поздние времена, иной социальный и бытовой уклад финского и карельского народов.

⁴¹ По мнению этнографов, более точно отражает представления ханты и мансий термин «живицкая сила», а не «душа». У женщин — четыре такие силы, у мужчин — пять. Сохранились архангельские поверья о том, что один из душ человека обитает в голове или волосах. Отсюда — обычай снимать сказали, чтобы противник окончательно умер и не смог возродиться.

⁴² Гондатти Н.Л. — государственный деятель, действительный статский советник, бывший губернатор Тобольской губернии (с 1806 по 1809 годы). Издался историей и мемуарами Сибири. В 1888 г. в Москве опубликован его труд «Следы изыскания в интересах северо-западной Сибири», где имеются очень ценные материалы об культуре ханты и манси, собранные лично Н.Л. Гондатти.

⁴³ Здесь — яланая ошибка, так как р. Тан (Большой Тан) впадает в Конду с севера. Ее верховья почти смыкаются с истоком р. Ендыры, на которой располагалась Эмдерский городок. Самодеды (предки современных неенцев) могли попасть на Тан по одному из левых притоков Оби.

Река Тавда протекает в 180–200 км к югу от Конды. В XV–XVI вв. на Тавде жили туруты (манси). Археологические материалы свидетельствуют о том, что в средневековые в бассейне Тавды проживали племена родственного нижнеобскому и южноискульскому пасленению, то есть обско-уты.

⁴⁴ Многолетний опыт строительства крепости явно преувеличен. Такое количество бойцов не могло вместиться в горожке. Кроме того, по данным начала семнадцатого века на Иргите и Конде проживало около 250 взрослых мужчин, плативших ясак в государственному казну.

⁴⁵ Финнер И.Э. — российский историк девятнадцатого века, известный своей «Сибирской историей с самого открытия завоевания сей земли российским оружием», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1774 г. В целом труд носит компилятивный характер: автор многое заимствовал из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера.

Сказания о поездках остающих князей к русским царям

Работа опубликована в «Живой старине» (1897. Вып. III–IV. С. 351–356.)

⁴¹ Лугуб — донежский князь, женящий з конца шестнадцатого века. Его земли в Донбассе известны, исключая бессарабский Ставрополь Сосаны (в том числе и реку Лепин, селения — Сытые), берег Оби в районе р. Куюзот. В 1586 году Лугуб признал власть московского государя, обзаведясь «платить ясак «но семь сороков среброй лутчах» в год. В 1593 г. во владениях Лугуба был поставлен русский город Береслав.

⁴² Игнеш — сын Алача (Алачев), наследовавший Коджское княжество — самое крупное территориальное разногосударственное образование обских ханов. Правил в конце шестнадцатого века, умер в 1603 г. Игнеш со своим войском активно помогал Русскому государству освободить Землю от татар. Вместе с первым князем Тимуром принял участие в походах на саборские в Колывань Орды (остатков княжества Средней Оби), участвовал в строительстве Береслава и Судугуя. В 1594 году за особые заслуги царь Федор Иоаннович пожаловал Игнешу Кирпучинской (ныне Березовка) и Колпуковской (ныне Нурлат) земельности и передал ему в possessionение владение пермскую земость Лендеры р. Вымы. В 1602 году Игнеш ездил в Москву, где принял приветствие.

⁴³ Курманов Тайшев — кондинский князь, правивший в конце XVI — начале XVII вв. В 1600 году «был человеком царю Борису Федоровичу из кондина, а в то время хотелъ идти въ Москву, и въ Москву и въ Кондинскую землю Курмановка и ушелъ въ полы мицкество кондинце, въ томъ числе и семью самого князя Бориса Федоровича повелелъ, чтобы «гнезды бы Князь Игнечевы ложи въ большую Конду не ходили, и Богулич не били, и жон и детей и ласей не имали, и наисластия имъ иже каторго нечинили».

⁴⁴ Атей — кондинский князь, взятый в плен коджским князем Игнешем в 1594 году. Вместе с ним были пленены его сын Альтика, Игнешем (в царской грамоте — «Коскесма») и дочь, которая досталась Игнешу (Григорию Федоровичу). Атей с женой и сыном были отправлены в Москву.

⁴⁵ Обдорский князь Иван Тайшев — кондинский князь, который правил в конце восемнадцатого века. Его дед Тайшев при Петре I был крещен под именем Алексея. Отец Ивана — Матвея — исходилствовал у Екатерины II и был изгнан из страны и приезжал в Москву в 1766 году как депутат в конгресс об Уложении.

⁴⁶ Накриев — княжеский городок на р. Конде. Находился на месте современного села Кондиского.

По Демьянске (Бытовой и экономический очерк)

Работа опубликована в Записках Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (Омск, 1894. Кн. XVI. Вып. II-III. С. 1-64.).

Перед первой главой помещены слова от автора: «Большая часть местностей Тобольского округа весьма мало знакомы читающей публике за отсутствием соответствующих статей в литературе. Настоящий небольшой очерк имеет

целью пополнить этот пробел по отношению к местности, лежащей по р. Демьянке*. В списке указано: «[†] Демьянка падает в Иртыш с правой стороны».

Статья воспроизведена по публикации в «Русской старине». Все склонения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орфографии с сегодняшней норме.

В отдельных случаях исправлены орфографические ошибки, допущенные в прижизненном издании. При различиях в написании географических названий предпочтение отдавалось тому, которое чаще встречалось. Примеры различного написания в прижизненном издании: *черемкаевская ютчина* и *черемковеские юрты*, *лумкоевые остинки* и *лымкоевые юрты*, *патирские* и *птырыские юрты* и т.д.

На С. 161 оставлена фактическая ошибка: «...лицо, зал, как земля, поссорившись в залом виде с *невесткой*, хозяйкой дома...» — теша не может иметь невестку.

О рассказах г-жи Симоновой из быта vogulov,
остиков и самоедов
(Критическая заметка)

Рецензия опубликована в периодическом издании географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — журнале «Землеведение» (1897. Вып. III—IV. С. 144—150), издававшемся в Москве. Публикация подписана С. П.—въ. М. Азаровский считает, что псевдоним принадлежит С.К. Патканову (см.: М. Азаровский. Сибирь в художественной литературе. Периодические издания Европейской России: 1891—1917. Иркутск, 1927. С. 44). Годом ранее в этом же журнале С. Патканов опубликовал путевые заметки по Америке: «Погибшим и руинам Южной Америки».

После заглавия в рецензии указаны издания, на которые откликнулся автор: «Л. Симонова: 1) «Ланча, очерки из быта vogulичей», 3 изд., 1895 г.; 2) «Эзас, очерки из быта остиков», 3 изд., 1895 г.; 3) «Ильдина, очерки из быта самоедов», 1886».

Статья воспроизведена по публикации в журнале «Землеведение».

**Краткий очерк
колонизации Сибири**

Опубликовано в «Ежегоднике России: 1907 г.» — издании Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (Спб., 1908. С. XXII—LXIX.).

⁴⁴ По неизвестной причине в статье отсутствует пункт 7.

**Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском и Тюменском,
в Курганском, Тюменском
и Сургутском округах
(в двух первых — д. чл. Паткановым,
в трёх последних —
чл. сотр. Зобинным)
и приведённых в алфавитный порядок**
студ. И. Спб. унив. Николаевым

Работа была опубликована в журнале «Живая старина» в 1899 г. (Вып. IV. С. 487—518). Представленный в «Списке» лексикон русского населения Западной Сибири и Южного Зауралья содержит большое количество заимствований из хантыйского, мансийского и татарского языков. Имеет историческую ценность, так как многие слова, записанные Паткановым и его коллегой Зобинным, сегодня вышли из обихода.

Статья воспроизведена по публикации в «Русской старине». Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат авторам. При подготовке статьи к печати слова расположены М. А. Кремлевой в порядке, соответствующем современному алфавиту.

Зебин Филипп Кузьмич, цивилизованный акционерного управления, член ИРГО с 1890 г. Жил в Томской губернии. Семья погибла в Канско-Барнаульской Улусской серебряниной медали в 1891 г. за работу «Изображения и замечания о народном быте Томской губернии». Автор работ «Из года в год: Описание круговорота общественной жизни в селе Усть-Нижнечинское» (1881), «Описание местности между Иртышом и Тоболом» (1885 г., «Иртыш в свободе Усть-Нижнечинской Тюменского уезда» (1886), «Усть-Нижнечинская слобода Тюменского уезда» (1898). Назавидные статьи были опубликованы в «Живой старине».

С. Пархимович

Серафиму Кероповичу Патканову не повезло. Он не попал в один энциклопедический справочник¹. И составитель этого тома, и автор комментариев к нему пока так и не знают, существует ли кем-то написанная после смерти С.К. Патканова биография покойного. Поэтому и выход двухтомника начат с книги «Очерк колонизации Сибири». Есть крохотная надежда, что за месяц-два, которые пройдут в работе над первым томом, будут уточнены еще некоторые детали жизни этнографа и статистика, может, удастся обнаружить фотоснимок, на котором запечатлен Серафим Керопович.

В том вполне практически все обнаруженные при составлении тома статьи, опубликованные в русской периодике при жизни автора. Те, которые остались за переплетом, не затрагивают пересечение двух тем: Сибирь и Тобольскую губернию.

Конечно, сегодня любой специалист по этнографии скажет, что самая значительная работа С.К. Патканова — «Тип остицкого богатыря» по остицким былинам и героническим сказаниям². И все-таки издатель, несмотря на жесткое сопротивление со стороны автора комментариев, решил дать тому другое имя.

Колонизация Сибири во времена С.К. Патканова — это освоение территории, происходящее в рамках государственной программы и существующего закона. Еще в середине прошлого века при Министерстве государственных имуществ была создана комиссия по составлению проекта устройства сибирских государственных крестьян и инородцев. Но работа этой комиссии не приносил реальных результатов из-за отсутствия точных сведений «о крестьянском землепользовании, хозяйстве и вообще условиях экономического быта крестьян и инородцев»³. С.К. Патканов в 1886 г. в числе других

¹ Мандрика Ю.Л. С.К. Патканов. Остицкая молитва//Лукич. 1998. №3. С. 3-15.

² Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне

чиновников был командирован в Тобольскую губернию. За два с небольшим года пребывания в Сибири Серафим Керопович сделал достаточно много. Им написаны четыре тома «Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири» из вышедших по материалам той командировки двадцати двух.

В рамках этого освоения — колонизации — параллельно с решением государственного задания он занялся изучением жизни и быта иртышских остяков. «Г. Патканов представляет для наших путешественников на востоке поучительный пример по методу исследования и по приемам», — он показал, как следует приниматься за дело, чтобы работать производительно в области этнографии народов Азии. С таким направлением исследователи очень редки; немногочисленны потому и сочинения вроде того, что дано г. Паткановым¹.

Восхищение Н. Веселовского понятно. Но то, сколько сделано за столь короткий срок, вызывает иногда и удивление. Усиливает его тот факт, что ни до С. Патканова, ни после никому из русских исследователей не удавалось даже набрести на аналогичный фольклорный материал. И решенно может встать вопрос, который иногда мучает составители этого сборника: какая доля в записанном от остяков, а какая — от этнографа? .

Автор комментариев к настоящему тому всегда смеялся над такой постановкой вопроса: «Если Патканов даже и выдумал это, то все равно близины и сказания, подготовленные им к печати, гениальны».

Порешим на этом...

Ю.Мандрика

¹ Министерства землемерия и государственных имуществ) в картовании Императора Александра III (1881—1894 гг.). Спб., 1901. С. 279—280.

² Веселовский Н.И. О труде С.К. Патканова //Отчет Императорского Русского географического общества за 1891 г. Спб., 1892. С. 26.

**Главнейшие труды
С.К. Патканова**

1. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири//Издание Министерства гос. имущества. Тюменский округ (5 волостей). Вып. I. 1888.
- Тобольский округ. Вып. XI, XII и XX. 1891—1893.
2. Волостные и селенские места. Вып. 10: Томская губ. 1893//Изд. Центр. стат. комит.
3. Découlement des données sur la nationalité et classification des peuples de l'empire russe d'après leur langue//Изд. Центр. стат. комитета для VII сессии Междунар. статист. института. 1899.
4. По гипнекам и рунам Юкатана: путевые пейзажи//Землеведение. 1896. Т. III. Вып. 1—4; Наблюдатель. 1895. VI. С. 98—130; Север. 1895. №№ 6—12.
5. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк//Зап. Зап.-Сибир. отд. ИРГО. Кн. XVI. Вып. II—III.
6. Тип остяцкого богатыря по остицким былинам и герояческим сказаниям. Озд. оттиск. 1891. Жизнь старина. 1891. III—IV.
7. «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volksposse»//Изд. Имп. Русск. Акад. наук.
8. Ethnographisch-Statistische Uebersicht. 1897.
- II. T. Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen mit einer phototypischen Tafel, einer Tafel in Farbedruck u. einer Karte. 1900.
8. Ueber das Volk der Sabiren//Revue Orientale. Budapest. 1900. I. 4.
9. Irtysch-Ostjakisch-Ungarisch-Deutsches Wörterverzeichniß//Nyelvtudományi közlemények. XXX kot. 4 fuz. 1900. XXXI kot. 4 fuz. 1901; Irtysi-ostjak szójegezék//Ugor Füzetek. 14 szám. 1902.
10. Aperçu statistique et ethnographique de la province de l'Amour//Изд. Центр. стат. комит. для VIII сессии Междунар. статист. института. 1901.
11. Главнейшие данные по статистике населения крайнего востока Сибири — Приморская и Амурская области и о. Сахалин//Временник Центр. стат. комит. 1903. № 52.
12. Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples paléasmatiques de la Sibérie//Изд. Центр. стат. комит. для IX сессии Междунар. статист. института. 1903.
13. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири

ри. Т. I. Вып. 1—2. Т. II (с 3 племенными картами). 1906 // Зап. ИРГО по отл. этногр. Т. XXXI. Ч. 1—2.

14. «Vernach einer Geographie u. Statistik der Tungusenstamme Siberiens//Revue Orientale. IV—VI Jahrg. 1903—1905; в виде отдельного издания в Public. du Com. Hongr. de l'Assoc. Intern. pour l'explor. de l'Asie Centr. et de l'Extr. Orient.» 1) — Сокращенное издание труда под № 13.

15. «Laut- u. Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekte» (auf Grund der Sammlungen u. grammatischen Aufzeichnungen von S. Patinov bearbeitet von D. R. Fuchs) // Revue Orientale. 1906. VII. 1—3; 1907. X. 3; 1910. XI. 3; в виде отдельной публикации, 1911.

16. Племена, состав населения Российской империи // Свод по民族ным результатам разработки данных первой переписи населения 1897 г. /Изд. Центр. стат. комит. Т. I. 1906. 1—39.

17. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды иностранных: Поселенные и новообразованные таблицы и выводы из них. — Результат специальной разработки автором поданного материала переписи 1897 г. — Печатается в «Зап. ИРГО по отл. стат.» Т. XI.

18. Влияние сибирского движения наемных рабочих в другие районы за пределами 1897—1907 гг. // Ежегодник России 1909 //Изд. Центр. стат. комит.

19. Краткий очерк колонизации Сибири // Ежегодник России. 1907.

20. Лекции по отечествоведению: Сибирь и Средняя Азия. 1905—1906 // Технограф. изд. Центр. стат. комит.

21. О притце иностранных наемников Сибири** // Ежегодник России. 1908. — Краткое издание настоящего труда. — То же по предварительным данным под заглавием: Ueber d. Zunahme d. Einwanderung Sibiriens//Revue Orientale. 1908. 54—94.

22. Эмиграция из России в Соед. Штаты С. Америки за десятилетие 1900—1908 гг. // Ежегодник России. 1910. — Печатается в «**».

23. Проект составления племенной карты России // Журнал статистики. 1915. С. 217—244. — Отделенный оттиск: Сиб., 1916.

24. Список народностей Сибири. Петроград, 1923.

* Работа вышла в 3-х томах (Соб. 1912).

** Отделенный изданием вышел в 1911 г.

*** Пункты 22 и 23 изданы в виде отдельных, поистребленных к печати самим автором. — Планы С.К. О притце иностранных наемников Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Соб. 1911. С. 209—210.

Оглавление

О происхождении слова «Сибирь»	7
Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям	
Глава I. Остяцкая эпическая поэзия	22
Глава II. Княжества и их центры—городки	37
Глава III. Внешний вид и образ жизни прежних остяков	50
Глава IV. Простой вид и образ жизни прежних остиаков (Предложение)	61
Глава V. Князь — воином солдате	68
Глава VI. Простые люди и рабы	79
Глава VII. Положение женщин	82
Глава VIII. Способы ведения войны	96
Глава IX. Заключение	108
Сказания о поездках остяцких князей к русским царям	
По Демьянике (Бытовой и экономический очерк)	123
Глава I	124
Глава II	128
Глава III	145
Глава IV	153
Глава V	159
Глава VI	169
Глава VII	174
О рассказах г-жи Симоновой из быта ногулов, остяков и самодлов (Критическая заметка)	
Краткий очерк колонизации Сибири	185

Оглавление	317
Список тобольских слов и выражений,	
записанных в Тобольском и Тюменском,	
в Курганском, Тюменском и Сургутском округах	
(в двух первых — д. чл. Паткановым,	
в трёх последних — чл. сотр. Зобниным)	
и приведённых в алфавитный порядок стих.	
И. Слб. унин. Николаевым	249
А	250
Б	250
В	252
Г	254
Д	255
Е	256
Ж	257
З	257
И	259
К	260
Л	264
М	265
Н	267
О	268
П	270
Р	276
С	277
Т	282
У	283
Ф	285
Х	285
Ц	286
Ч	286
Ш	287
Щ	288
Э	288
Ю	288
Я	289
Комментарии	291
Главнейшие труды С.К. Патканова	314

ПАТКАНОВ Серафим Кернович

Сочинения в двух томах

Т.2: Очерк колонизации Сибири

Под ред. С.Г. Пархимовича

Составитель Ю.Л. Мандрика

Художник А. Кутлерин

Корректор М. Кремлева

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Сдано в набор 15.05.98 г.

Подписано в печать 29.09.98 г.

Формат 70x100/16. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Бумага картографическая.

Уч.-изд. л. 25,8. Усл.печ. л. 26,0.

Тираж 500 экз. Зак. № 348.

**Предприниматель Мандрика Ю.Л.
Лицензия ЛР № 055584 от 23.04.98 г.**

**Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 25-12-84.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФТЧУПП «Уральской рабочей»,
620219, г. Екатеринбург, ул. Тутырева, 13.**